

МИНОБРНАУКИ РОССИИ

**Известия
Юго-Западного
государственного
университета
Серия: Экономика. Социология. Менеджмент
Научный журнал**

Том 11 № 4 / 2021

**Proceedings
of the Southwest
State University
Series: Economics, Sociology and Management
Scientific Journal**

Vol. 11 № 4 / 2021

**Известия Юго-Западного
государственного университета.
Серия: Экономика. Социология. Менеджмент**

**(Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta.
Seriya: Ekonomika. Sociologiya. Menedzhment)**

Научный рецензируемый журнал

Основан в 2011 г.

Цель издания – публичное представление научной общественности научных результатов фундаментальных, прикладных, проблемно-ориентированных научных исследований в таких отраслях, как экономические, философские и социологические науки.

Основными разделами журнала являются:

- тренды мировой и национальной экономики;
- модернизация и инновационно-технологическое развитие экономики;
- управление в социально-экономических системах;
- экономическая политика и механизмы ее реализации;
- государство и бизнес на пути цифровой трансформации;
- актуальные проблемы развития региональных социально-экономических систем;
- экономика и организация деятельности предприятий, отраслей, комплексов;
- приоритеты развития маркетинговой и логистической деятельности;
- социально-экономическое прогнозирование и моделирование;
- институциональные факторы развития экономических систем;
- проблемы и перспективы развития финансового сектора;
- трудовые ресурсы и образование;
- социально-экономические проблемы современного общества;
- философские исследования природы, общества, человека;
- научные исследования молодых ученых.

В журнале публикуются оригинальные работы (ранее не опубликованные), в том числе обзорные статьи, рецензии и обсуждения, соответствующие тематике издания.

Целевая аудитория: научные работники, профессорско-преподавательский состав образовательных учреждений, экспертное сообщество, молодые ученые, аспиранты, заинтересованные представители общественности, бизнеса и органов власти.

Журнал придерживается политики открытого доступа. Полнотекстовые версии статей доступны на сайте журнала, научной электронной библиотеки eLIBRARY.RU. Журнал индексируется в международной базе данных Ulrichsweb (Ulrich's Periodicals Directory).

Журнал включен в перечень ведущих научных журналов и изданий ВАК Минобрнауки России, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора наук, кандидата наук по следующим научным специальностям:

Экономические науки: 08.00.01; 08.00.05; 08.00.10; 08.00.13, 08.00.14.

Философские науки: 09.00.03; 09.00.08; 09.00.11, 09.00.13.

Социологические науки: 22.00.03; 22.00.04; 22.00.06, 22.00.08.

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР:

Емельянов Сергей Геннадьевич, д-р техн. наук, профессор, лауреат премии Правительства РФ в области науки и техники, ректор, Юго-Западный государственный университет (Курск, Россия)

ЗАМЕСТИТЕЛЬ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА:

Бессонова Елена Анатольевна, д-р экон. наук, профессор, Юго-Западный государственный университет (Курск, Россия)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Абрамов Александр Петрович, д-р социол. наук, доцент, Юго-Западный государственный университет (Курск, Россия)

Асеева Ирина Александровна, д-р филос. наук, профессор, Юго-Западный государственный университет (Курск, Россия)

Банк Сергей Валерьевич, д-р экон. наук, профессор, МИРЭА - Российский технологический университет (Москва, Россия)

Буданов Владимир Григорьевич, д-р филос. наук, доцент, Институт философии РАН (Москва, Россия)

Герасимова Ирина Алексеевна, д-р филос. наук, профессор, Институт философии РАН (Москва, Россия)

Гребенщикова Елена Георгиевна, д-р филос. наук, Институт научной информации по общественным наукам РАН (Москва, Россия)

Зотов Виталий Владимирович, д-р социол. наук, профессор, Московский физико-технический институт (национально-исследовательский университет) (Москва, Россия)

Киселев Сергей Викторович, д-р экон. наук, профессор, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова (Москва, Россия)

Кулагина Наталья Александровна, д-р экон. наук, профессор, Брянский государственный инженерно-технологический университет (Брянск, Россия)

Минакова Ирина Вячеславна, д-р экон. наук, профессор, Юго-Западный государственный университет (Курск, Россия)

Налетова Ирина Владимировна, д-р филос. наук, профессор, Тамбовский государственный университет имени Г. Р. Державина (Тамбов, Россия)

Нямдорж Даваахуу, канд. экон. наук, Улан-Баторский филиал Российского экономического университета им. Г. В. Плеханова (Улан-Батор, Монгольская Народная Республика)

Подгорный Борис Борисович, д-р социол. наук, доцент, Юго-Западный государственный университет (Курск, Россия)

Полянин Андрей Витальевич, д-р экон. наук, профессор, Среднерусский институт управления (Орел, Россия)

Преображенский Борис Георгиевич, д-р экон. наук, профессор, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Воронеж, Россия)

Рисин Игорь Ефимович, д-р экон. наук, профессор, Воронежский государственный университет (Воронеж, Россия)

Родионов Дмитрий Григорьевич, д-р экон. наук, профессор, Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого (Санкт-Петербург, Россия)

Сухарев Олег Сергеевич, д-р экон. наук, профессор, Институт экономики РАН (Москва, Россия)

Ткачева Татьяна Юрьевна, д-р экон. наук, доцент, Юго-Западный государственный университет (Курск, Россия)

Яновская Ольга Алексеевна, д-р экон. наук, профессор, советник НААР (Республика Казахстан)

Учредитель и издатель:

ФГБОУ ВО «Юго-Западный государственный университет»

Адрес учредителя, издателя и редакции

305040, г. Курск, ул. 50 лет Октября, 94

Телефон: (4712) 22-25-26,

Факс: (4712) 50-48-00.

E-mail: rio_kursk@mail.ru

Наименование органа, зарегистрировавшего издание:

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (ПИ №ФС77-44617 от 15.04.2011).

ISSN 2223-1552 (Print)

Сайт журнала: <https://swsu.ru/izvestiya/serieconom/>

Типография:

Полиграфический центр
Юго-Западного государственного
университета, 305040, г. Курск,
ул. 50 лет Октября, 94

Подписка и распространение:

журнал распространяется
по подписке.

Подписной индекс журнала 44284
в объединенном каталоге
«Пресса России».

Периодичность: один раз в два месяца

Свободная цена.

Оригинал-макет подготовлен А. Е. Серебряковой

Подписано в печать 31.08.2021. Формат 60x84/8.

Дата выхода в свет 07.09.2021.

Бумага офсетная. Усл.печ.л. 34,2.

Тираж 1000 экз. Заказ 43.

16+

© Юго-Западный государственный университет, 2021

Материалы журнала доступны
под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License

Proceedings of the Southwest State University Series: economics, Sociology and Management

Peer-reviewed scientific journal

Published since 2011

The purpose of the publication is to publicly present to the scientific community the scientific results of fundamental, applied, problem-oriented scientific research in industries such as economic, philosophical and sociological sciences.

The main sections of the journal are:

- trends of the world and national economy;
- modernisation and innovative technological development of economy;
- management in socio-economic systems;
- economic policy and mechanisms of its realization;
- the government and business on the path of the digital transformation;
- actual problems of regional socio-economic systems development;
- economics and organization of enterprises, industries, complexes;
- development priorities of marketing and logistics activities;
- socio-economic forecasting and modelling;
- institutional factors of economic systems development;
- problems and prospects of the financial sector development;
- human resources and education;
- socio-economic problems of modern society;
- philosophical study of nature, society and human;
- scientific researches of young scientists.

The journal publishes original works (previously unpublished), including review articles, reviews, and discussions relevant to the subject of the publication.

Target audience: scientists, faculty of educational institutions, expert community, young scientists, graduate students, interested representatives of the public, business and government.

The magazine adheres to an open access policy. Full-text versions of articles are available on the website of the journal, the scientific electronic library eLIBRARY.RU. The journal is indexed in the international database Ulrichsweb (Ulrich's Periodicals Directory).

The journal is included in the list of leading scientific journals and publications of the Higher Attestation Commission of the Russian Ministry of Education and Science, in which the main scientific results of dissertations for the degree of Doctor of Science, Candidate of Science (Ph.D) in the following scientific specialties should be published:

Economic sciences: 08.00.01; 08.00.05; 08.00.10; 08.00.13, 08.00.14.

Philosophical sciences: 09.00.03; 09.00.08; 09.00.11, 09.00.13.

Sociological sciences: 22.00.03; 22.00.04; 22.00.06, 22.00.08.

EDITOR-IN-CHIEF

Sergey G. Yemelyanov, Doctor of Engineering Sciences, Professor, a Holder of the Russian Government Prize in the Field of Science and Engineering, Rector of the Southwest State University (Russia, Kursk)

DEPUTY EDITOR

Bessonova Elena Anatolyevna, Doctor of Economic Sciences, Professor, Southwest State University (Kursk, Russia)

EDITORIAL BOARD

Aleksandr P. Abramov, Doctor of Sociology, Associate Professor, Southwest State University (Kursk, Russia)

Irina A. Aseyeva, Doctor of Philosophy, Professor, Southwest State University (Kursk, Russia)

Sergey V. Bank, Doctor of Economics, Professor, MIREA-Russian Technological University (Moscow, Russia)

Vladimir G. Budanov, Doctor of Philosophy, Associate Professor, Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia)

Irina A. Gerasimova, Doctor of Philosophy, Professor, Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia)

Elena G. Grebenshchikova, Doctor of Philosophy, Institute of Scientific Information for Social Sciences, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia)

Sergey V. Kiselev, Doctor of Economics, Professor, Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russia)

Natalia A. Kulagina, Doctor of Economics, Professor, Bryansk State University of Engineering and Technology (Bryansk, Russia)

Irina V. Minakova, Doctor of Economics, Professor, Southwest State University (Kursk, Russia)

Naletova Irina Vladimirovna, Doctor of Philosophy, Professor, Derzhavin Tambov State University (Tambov, Russia)

Nyamdorzh Davaahuu, Candidate of Economic Sciences, Ulan Bator branch of Plekhanov Russian University of Economics (Ulan Bator, Mongolian People's Republic)

Boris B. Podgorny, Doctor of Sociology, Associate Professor, Southwest State University (Kursk, Russia)

Andrei V. Polyanin, Doctor of Economics, Professor, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Orel, Russia)

Boris G. Preobrazhensky, Doctor of Economics, Professor, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Voronezh, Russia)

Igor E. Risin, Doctor of Economics, Professor, Voronezh State University (Voronezh, Russia)

Dmitry G. Rodionov, Doctor of Economics, Professor, Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University (St. Petersburg, Russia)

Oleg S. Sukharev, Doctor of Economics, Professor, Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia)

Tatyana Yu. Tkacheva, Doctor of Economics, Associate Professor, Southwest State University (Kursk, Russia)

Vitalij V. Zotov, Doctor of Sociology, Professor, Moscow Institute of Physics and Technology (National Research University) (Moscow, Russia)

Olga A. Yanovskaya, Doctor of Economics, Professor, adviser to the NAAR (Republic of Kazakhstan)

Founder and Publisher :
"Southwest State University"

**Official address of the Founder, Publisher
and Editoriat Office:**

305040, Russia, Kursk, ul. 50 Let Oktyabrya, 94

Phone: (+74712) 22-25-26,

Fax: (+74712) 50-48-00.

E-mail: rio_kursk@mail.ru

The Journal is officially registered by:

The Federal Supervising Authority in the Field
of Communication, Information Technology and Mass media
(PI №FS77-44617 of 15.04.2011).

ISSN 2223-1552 (Print)

Web-site: <https://swsu.ru/izvestiya/serieconom/>

Printing office:

Printing Center

of the Southwest State University,
305040, Russia, Kursk,
ul. 50 Let Oktyabrya, 94

Subscription and distribution:

the journal is distributed by subscription.
Subscription index 44284 in the General
Catalogue "Pressa Rossii"

Frequency: once in two months

Free-of-control price.

Original lay-out design: A. E. Serebryakova

Sent to the printer 31.08.2021. Format 60x84/8.

Release date 07.09.2021.

Offset paper. Printer's sheets: 34,2.

Circulation 1000 copies. Order 43.

16+

© Southwest State University, 2021

Publications are available in accordance with
the Creative Commons Attribution 4.0 License

СОДЕРЖАНИЕ

ТРЕНДЫ МИРОВОЙ И НАЦИОНАЛЬНОЙ ЭКОНОМИКИ	10
Сопоставительный анализ миграции и отраслевой концентрации рабочей силы в странах региона Центрально-Восточной Европы и Китае	10
<i>Пшеничникова С. Н.</i>	
Макроэкономические показатели развития стран АСЕАН на современном этапе	23
<i>Кузьмина В. М., Головин А. А.</i>	
Экономическое развитие стран Африки в условиях пандемии коронавируса	35
<i>Юмаев Е. А.</i>	
МОДЕРНИЗАЦИЯ И ИННОВАЦИОННО-ТЕХНОЛОГИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ ЭКОНОМИКИ	49
Источники финансирования и функции элементов системы организации научно-технологического развития	49
<i>Краснянская О. В.</i>	
Взаимодействие университетских инжиниринговых исследовательских центров США с высокотехнологичными компаниями	63
<i>Минат В. Н.</i>	
УПРАВЛЕНИЕ В СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ СИСТЕМАХ	76
Управление конкурентоспособностью гостиничного предприятия в условиях трансформационного и пандемического кризисов	76
<i>Череповская Н. А., Якушова Е. С.</i>	
Политико-экономические и социально-философские аспекты трансграничной коммуникации в евразийском пространстве	92
<i>Трусова Н. С., Волосюк Т. П., Емельянов А. С., Азжеурова К. Е.</i>	
АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ РЕГИОНАЛЬНЫХ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ СИСТЕМ	104
Трансформация регионального инвестиционного механизма в системе обеспечения экономической безопасности	104
<i>Старовойт Р. В., Емельянов С. Г., Афанасьева Л. В.</i>	
Трансформация регионов в цифровом экономическом пространстве	114
<i>Положенцева Ю. С., Вискрибенцева Т. Н., Клевцова М. Г.</i>	
ЭКОНОМИКА И ОРГАНИЗАЦИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПРЕДПРИЯТИЙ, ОТРАСЛЕЙ, КОМПЛЕКСОВ	126
Зарубежные практики социального предпринимательства и перспективы их применения в Российской Федерации	126
<i>Малахова О. В., Радостева Я. Н.</i>	
Оценка производственно-экономического потенциала в стратегическом управлении устойчивым развитием промышленного предприятия	139
<i>Беляева Т. А., Дорохова Т. Р., Козьева И. А.</i>	
Методика прогнозирования банкротства предприятий в условиях поствирусного тренда трансформации экономики	151
<i>Шашло Н. В., Кузубов А. А.</i>	
ПРИОРИТЕТЫ РАЗВИТИЯ МАРКЕТИНГОВОЙ И ЛОГИСТИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ	166
Особенности формирования цифровых и нецифровых маркетинговых стратегий при управлении организацией в условиях глобализации	166
<i>Киреева М. С., Клевцова М. Г., Чулакова А. Л.</i>	

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ ФАКТОРЫ РАЗВИТИЯ ЭКОНОМИЧЕСКИХ СИСТЕМ	181
Разработка подхода к ужесточению материальной ответственности за размещение отходов на стихийных несанкционированных свалках с учетом социально-экономических аспектов	181
<i>Кирильчук И. О., Рыкунова В. Л.</i>	
ТРУДОВЫЕ РЕСУРСЫ И ОБРАЗОВАНИЕ	193
Кадры как показатель инновационного развития регионов России.....	193
<i>Коптева Ж. Ю., Томакова И. А., Пияльцев А. И.</i>	
СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВА.....	204
Феномен советского патриотизма в культурном пространстве современной России	204
<i>Абрамов А. П., Чуйков О. Е.</i>	
Социальные габитусы населения Курской области: структура и региональные особенности	215
<i>Подгорный Б. Б.</i>	
ФИЛОСОФСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ПРИРОДЫ, ОБЩЕСТВА, ЧЕЛОВЕКА	226
Философская экспертиза экологических и антропологических рисков трансформации социотехнической среды (по материалам экспертных опросов).....	226
<i>Белкина В. А.</i>	
Женский образ в иудейской и христианской традициях: сравнительный анализ	239
<i>Гончарова Е. Н.</i>	
НАУЧНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ МОЛОДЫХ УЧЕНЫХ	245
Драйверы информационного взаимодействия организаций в условиях цифровой экономики.....	245
<i>Золотухина Ю. В.</i>	
Воздействие экономики совместного потребления на бизнес-модели компаний.....	253
<i>Гостилович А. О., Иванов К. А.</i>	
Эволюция интеллектуального капитала под влиянием цифровизации	272
<i>Злобина О. В.</i>	
Современный подход в цифровизации процессов управления государственной и муниципальной собственностью	284
<i>Рожков Е. В.</i>	
К сведению авторов	294

CONTENT

TRENDS OF THE WORLD AND NATIONAL ECONOMY.....	10
Comparative Analysis of Migration and the Industry Concentration of the Labor Force in Central and Eastern Europe Countries and China	10
<i>Svetlana N. Pshenichnikova</i>	
Macroeconomic Indicators of the Development of ASEAN Countries at the Present Stage	23
<i>Violetta M. Kuzmina, Alexey A. Golovin</i>	
Economic Development of African Countries in the Context of the Coronavirus Pandemic	35
<i>Egor A. Yumaev</i>	
MODERNISATION AND INNOVATIVE TECHNOLOGICAL DEVELOPMENT OF ECONOMY	49
Sources of Financing and Functions of Elements of the System of Organization of Scientific and Technological Development	49
<i>Olga V. Krasnyanskaya</i>	
Interaction of US University Engineering Research Centers with High-Tech Companies.....	63
<i>Valery N. Minat</i>	
MANAGEMENT IN SOCIO-ECONOMIC SYSTEMS	76
Managing the Competitiveness of a Hotel Enterprise in the Conditions of Transformational and Pandemic Crises.....	76
<i>Natalya A. Cherepovskaya, Elena S. Yakushova</i>	
Political-Economic and Socio-Philosophical Aspects of Cross-Border Communication in the Eurasian Space.....	92
<i>Natalya S. Trusova, Andrei S. Emelianov, Timur P. Volosyuk, Ksenia E. Azjeurova</i>	
ACTUAL PROBLEMS OF REGIONAL SOCIO- ECONOMIC SYSTEMS DEVELOPMENT	104
Transformation of the Regional Investment Mechanism in the System of Ensuring Economic Security.....	104
<i>Roman V. Starovoit, Sergey G. Yemelyanov, Lubov V. Afanasyeva</i>	
Transformation of Regions in the Digital Economic Space	115
<i>Yulia S. Polozhentseva, Tatyana N. Vyskribentseva, Maria G. Klevtsova</i>	
ECONOMICS AND ORGANIZATION OF ENTERPRISES, INDUSTRIES, COMPLEXES	126
International Practices of Social Entrepreneurship and Prospects of Their Application in the Russian Federation.....	127
<i>Oksana V. Malahova, Yana N. Radosteva</i>	
Assessment of Industrial and Economic Potential in the Strategic Management of Sustainable Development of an Industrial Enterprise	140
<i>Tatyana A. Belyaeva, Tatyana R. Dorokhova, Irina A. Kozieva</i>	
Methodology for Predicting Bankruptcy of Enterprises in the Context of the Post-Viral Trend of Economic Transformation.....	152
<i>Nina V. Shashlo, Alexey A. Kuzubov</i>	
DEVELOPMENT PRIORITIES OF MARKETING AND LOGISTICS ACTIVITIES.....	166
Features of Digital and Non-Digital Marketing Strategies when Managing an Organization in a Globalized Environment	167
<i>Maria S. Kireeva, Maria G. Klevtsova, Alexandra L. Chulakova</i>	
INSTITUTIONAL FACTORS OF ECONOMIC SYSTEMS DEVELOPMENT	181
Development and Analysis of Tax Security Indicators Based on Indicators of Assessment of the Quality of Tax Administration	182
<i>Iraida O. Kirilchuk, Valentina L. Rykunova</i>	
HUMAN RESOURCES AND EDUCATION.....	193
Staff as an Indicator of Innovative Development of Regions of Russia.....	194
<i>Zhanna Yu. Kopteva, Irina A. Tomakova, Alexander I. Piyaltsev</i>	

SOCIO-ECONOMIC PROBLEMS OF MODERN SOCIETY	204
The Phenomenon of Soviet Patriotism in the Cultural Space of Modern Russia	205
<i>Alexander P. Abramov, Oleg E. Chuikov</i>	
Social Habitus of the Kursk Region Population: Structure and Regional Features	216
<i>Boris B. Podgorny</i>	
PHILOSOPHICAL STUDY OF NATURE, SOCIETY AND HUMAN	226
Philosophical Examination of Environmental and Anthropological Risks of Transformation of the Socio-Technical Environment (Based on the Materials of Expert Surveys).....	227
<i>Victoria A. Belkina</i>	
The Female Image in Jewish and Christian Traditions: A Comparative Analysis	240
<i>Elena N. Goncharova</i>	
SCIENTIFIC RESEARCHES OF YOUNG SCIENTISTS.....	245
Drivers of Information Interaction of Organizations in the Digital Economy.....	246
<i>Yulia V. Zolotukhina</i>	
The Impact of the Sharing Economy on Companies' Business Models.....	254
<i>Aleksandr O. Gostilovich, Konstantin A. Ivanov</i>	
Evolution of Intellectual Capital with Digitization	273
<i>Olga V. Zlobina</i>	
Modern Approach to Digitalization of State and Municipal Property Management Processes.....	285
<i>Evgeniy V. Rozhkov</i>	
Information for Authors	294

Оригинальная статья / Original article

УДК 336.1

Сопоставительный анализ миграции и отраслевой концентрации рабочей силы в странах региона Центрально-Восточной Европы и Китае

С. Н. Пшеничникова¹ ✉

¹ Санкт-Петербургский государственный экономический университет
ул. Садовая 21, г. Санкт-Петербург 191023, Российская Федерация

✉ e-mail: sveta_nikolaevna@list.ru

Резюме

Актуальность. В статье рассматриваются теоретические аспекты обоснования и практический анализ значимых фаз воспроизводства рабочей силы. Основное внимание уделено характеристикам фазы производительного потребления рабочей силы. Проведен компаративный анализ предложенных характеристик, в частности миграции и отраслевой концентрации рабочей силы. Анализируются страны региона Центрально-Восточной Европы в сравнении с экономикой Китая.

Цель исследования заключается в использовании теоретического и статистического инструментария для анализа стран региона Центрально-Восточной Европы и Китая на основе ключевых составляющих воспроизводственных характеристик рабочей силы.

Задачи исследования заключаются в рассмотрении возможности использования структурно-системного метода для комплексного анализа количественных и качественных характеристик рабочей силы как основного фактора производства и главного структурного элемента национальной экономики, а также использования полученных результатов для оценки уровня развития и потенциала рабочей силы в целях достижения устойчивого экономического роста.

Методология. Написание статьи сопровождалось использованием широкого арсенала методов исследования: системного, структурного, воспроизводственного, компаративного методов, анализ статистической информации, синтеза, табличный, метод экспертной оценки и т.д.

Результаты. Предложен авторский подход к трактовке рабочей силы не только как фактора производства, но и как структурного элемента национальной экономики. Исследование характеристик рабочей силы проводится по широкому кругу параметров. В рамках данной статьи проведен анализ фазы потребления рабочей силы. Этот аспект рассмотрен на примере компаративного анализа характеристик рабочей силы в странах Центрально-Восточной Европы и Китае на базе теоретического обоснования и анализа статистических данных.

Выводы. В настоящее время, ввиду отсутствия четкого инструментария оценки и влияния уровня развития рабочей силы на основе комплексного взаимодействия всех фаз воспроизводства рабочей силы на структуру экономики, материалы исследования позволяют проводить анализ факторов, которые необходимо учитывать при разработке стратегий и направлений государственной политики занятости.

Ключевые слова: рабочая сила; фазы воспроизводства; занятость; миграция; отраслевая концентрация рабочей силы; производительность труда; уровень оплаты труда.

Конфликт интересов: В представленной публикации отсутствует заимствованный материал без ссылок на автора и (или) источник заимствования, нет результатов научных работ, выполненных автором публикации лично и (или) в соавторстве, без соответствующих ссылок. Автор декларирует отсутствие конфликта интересов, связанных с публикацией данной статьи.

© Пшеничникова С. Н., 2021

Для цитирования: Пшеничникова С. Н. Сопоставительный анализ миграции и отраслевой концентрации рабочей силы в странах региона Центрально-Восточной Европы и Китае // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. 2021. Т. 11, № 4. С. 10–22.

Поступила в редакцию 15.06.2021

Принята к публикации 26.07.2021

Опубликована 31.08.2021

Comparative Analysis of Migration and the Industry Concentration of the Labor Force in Central and Eastern Europe Countries and China

Svetlana N. Pshenichnikova¹ ✉

¹ St. Petersburg State University of Economics
21 Sadovaya str., Saint Petersburg 191023, Russian Federation

✉ e-mail: sveta_nikolaevna@list.ru

Abstract

Relevance. The article deals with the theoretical aspects of the justification and practical analysis of significant phases of labor force reproduction. The main attention is paid to the characteristics phases of productive labor consumption. A comparative analysis of the proposed characteristics is carried out, in particular migration and industrial concentration of the labor force. The countries of the Central and Eastern Europe region are analyzed in comparison with the Chinese economy.

The purpose it consists in the use of theoretical and statistical tools for the analysis of the countries of the Central and Eastern Europe region and China based on key components of the reproductive characteristics of the labor force.

Objectives the research consists in considering the possibility of using structural-system method for complex analysis quantitative and qualitative characteristics of the labor force the main factor of production and the main structural element of the national economy, as well as using the results obtained for evaluation level of development and the potential of the workforce to achieve in order to achieve sustainable economic growth.

Methodology. The article was accompanied by the use of a wide range of research methods: system, structural, reproductive, and comparative methods, analysis of statistical information, synthesis tabular, expert evaluation method, etc.

Results. The author's approach to the interpretation of the labor force not only as a factor of production, but also as a structural element of the national economy. The study of the characteristics of the labor force is carried out on a wide range of parameters. Within the framework of this article, the analysis of the phase of labor consumption is carried out. This aspect is considered on the example of comparative analysis labor force characteristics in Central and Eastern Europe and China based on the theoretical justification and analysis of statistical data.

Conclusions. Currently, due to the lack of clear tools for assessing the impact of the level development of the labor force based on the complex interaction of all phases labor force on the structure of the economy, the research materials allow us to conduct an factors, to consider analysis which should be taken into account when developing strategies and directions state employment policy.

Keywords: labor force; reproduction phases; employment; migration; industry concentration of the labor force; labor productivity; level of remuneration.

Conflict of interest: In the presented publication there is no borrowed material without references to the author and (or) source of borrowing, there are no results of scientific works performed by the author of the publication, personally and (or) in co-authorship, without relevant links. The author declares no conflict of interest related to the publication of this article.

For citation: Pshenichnikova S. N. Comparative Analysis of Migration and the Industry Concentration of the Labor Force in Central and Eastern Europe Countries and China. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Ekonomika. Sotsiologiya. Menedzhment* = *Proceedings of the Southwest State University. Series: Economics, Sociology and Management*. 2021; 11(4): 10–22. (In Russ.)

Received 15.06.2021

Accepted 26.07.2021

Published 31.08.2021

Введение

Проблематика исследования сущности рабочей силы в достижении устойчивого экономического роста и роста уровня конкурентоспособности национальной экономики все больше привлекает внимание как ученых, так и практиков. Категориями экономической науки в данном контексте являются множество определяющих терминов: рабочая сила, экономически активное население, структурные типы рабочей силы, базовая и пионерная рабочая сила, а также категории, выявляющие вклад рабочей силы в национальный продукт, такие как капиталовооруженность труда, производительность труда, инвестиции на одного занятого, отраслевая структура рабочей силы и многие другие.

Существуют следующие типы классификации экономических структур, имеющих большое научное и практическое значение. Впервые французский экономист Ф. Кенэ осуществил классификацию общественного продукта по натуральному и стоимостному составу. В дальнейшем К. Маркс провел исследование воспроизводственной структуры экономики, представив совокупный общественный продукт двумя видами: средствами производства и предметами потребления. В первой половине XX в. А. Фишер и К. Кларк использовали трехсекторную классификацию структуры экономики: 1) первичный сектор включал отрасли добывающей промышленности, сельского, лесного хозяйства; 2) вторичный сектор объединял отрасли обрабатывающей промышленности; 3) третичный сектор включал сферу услуг. Американский экономист Ф. Махлуп выделял две структуры: экономику неопределенности и экономику информации [1, с. 10].

Теорию многоуровневой экономики предложил российский академик Ю. В. Яременко, определив структуру экономики как совокупность структурных элементов, а именно целостных в ка-

чественном отношении уровней [2, с. 13]. Классификацию структуры экономики по выполняемым функциям провел А. И. Попов, выделив такие типы структур, как производственно-технологическую, организационно-управленческую и социальную структуру [3]. А. А. Лапинский анализировал такую характеристику эволюции экономических систем, как нелинейность и цикличность её развития [4]. Двухсекторную структуру экономики, состоящую из базового и пионерного секторов, предложил Д. Ю. Миропольский [5].

Полагаем, что рабочую силу целесообразно представлять элементом структуры экономики, оказывающей непосредственное, а также в совокупности с инвестициями влияние на формирование, закрепление или изменение, стратегические направления развития разных типов экономических систем и эффективность их функционирования.

Возникновение в эпоху разделения труда специализации и концентрации производства привели к появлению работников двух типов: базовых и пионерных. Структурные трансформации экономики связаны с изменением пропорций в экономике, в частности между базовым и пионерным секторами экономики, которые обуславливаются воспроизводством базовых и пионерных работников. Следовательно, воспроизводство выделенных типов рабочей силы является одним из главных условий и факторов структурных трансформаций.

Рабочая сила может трактоваться не только как важный фактор производства, но и как элемент структуры экономики. Логика рассуждений такова. Структура экономической системы может быть представлена двумя секторами, а именно традиционным и инновационным. Для традиционного сектора, производящего базовые блага, необходимые для жизнедеятельности человека, требуются соответствующие факторы производства, в том числе базовая рабочая сила. Иннова-

ционный сектор производит новые товары и услуги, используя пионерную рабочую силу. Пионерная рабочая сила обладает более качественными характеристиками по сравнению с базовой рабочей силой, к которым можно отнести уровень образования, способность к созданию и освоению инноваций, высокий уровень квалификации [6; 7; 8].

Ученые изучают основные структурные элементы и трансформации экономических систем различного рода, раскрывают особенности их хозяйственного механизма и функционирования, осуществляют поиск способов взаимодействия всех структурных элементов, а также выявляют пути и направления достижения динамического макроэкономического равновесия, осуществляя поиск источников инновационного развития [10; 11].

Материалы и методы

При подготовке данной статьи были использованы статистические данные и аналитические отчеты международных организаций [12–17], информация с официальных сайтов в сети Internet, что позволило провести компаративный анализ современных тенденций по выявлению влияния рабочей силы на основные макроэкономические параметры функционирования национальных экономик.

Современный арсенал методов экономической науки позволил сделать вывод о том, что наиболее предпочтительным в данном случае является метод структурно-системного анализа, позволяющего выявить вклад рабочей силы в виде отдельно взятых характеристик на возможности воспроизводства в системе пионерной рабочей силы, необходимой для функционирования пионерного сектора, обеспечивающего системе инновационность развития.

Также к анализу был подключен воспроизводственный подход, позволяющий исследовать во взаимосвязи все фазы воспроизводства рабочей силы. Од-

новременно с этим каждая фаза анализировалась по целому набору соответствующих характеристик, что отражено в предыдущих публикациях, применялся диалектический и комплексный подход к исследованию хозяйственных систем и т. д.

Методологической основой исследования выступили концепции видных отечественных и зарубежных ученых относительно трактовки экономической системы, её типов, структуры, а также исследований экономистами рабочей силы и её значимости, как для формирования структуры экономики, так и для эффективности функционирования экономики.

Результаты и их обсуждение

В целом рабочая сила проходит фазы своего воспроизводства по стандартной схеме: производство, распределение, обмен, потребление. Каждая фаза может характеризоваться определенными параметрами. К характеристикам фазы производства можно отнести состояние демографии, половозрастной состав населения, уровень образования. Потребление рабочей силы можно проследить по таким характеристикам, как занятость по сферам деятельности, мобильность, вывоз человеческого капитала, пространственная и отраслевая концентрация рабочей силы, производительность труда, уровень оплаты труда. В данной статье проследим динамику двух основных характеристик из предложенного набора по потреблению рабочей силы в таких странах, как Польша, Румыния, Словакия, Словения, Чехия, Болгария, Венгрия, Китай.

Рассмотрим первый фактор, а именно распределение занятого населения по сферам деятельности. Рассмотрим эластичность занятости в сельском хозяйстве, промышленности и сфере услуг по отношению к экономическому росту в Польше, Румынии, Словакии, Словении, Чехии, Болгарии, Венгрии, Китае, рассчитанной на основании данных статистики. Отрицательная средняя эластич-

ность занятости для сельскохозяйственного сектора во всех рассматриваемых странах отражает следующую зависимость: в период, когда добавленная стои-

мость для данного сектора экономики увеличивалась, общее число занятых в сельском хозяйстве сокращалось (табл. 1).

Таблица 1. Эластичность занятости по отношению к экономическому росту в странах региона ЦВЕ и Китае за период 1990–2018 гг., %

Страна	Эластичность занятости по отношению к экономическому росту			
	в целом	сельское хозяйство	промышленность	сфера услуг
Болгария	61,52	-31,9	-4,99	51,0
Венгрия	127,65	-81,5	-36,05	50,9
Польша	11,31	-12,3	-24,73	4,0
Румыния	37,22	-36,0	-81,97	26,7
Словакия	8,30	-13,4	-35,09	20,7
Словения	72,74	-22,6	-85,71	68,3
Чехия	22,65	-6,8	-61,46	82,9
Китай	9,02	-15,9	-56,56	93,2

Примечание. Рассчитано автором по данным [11].

В целом в национальном хозяйстве наибольшая взаимосвязь между занятостью и объемом производства наблюдалась в Венгрии, наименьшая – в Словакии. Следует отметить, что коэффициент эластичности во всех странах имеет положительные значения, что указывает на прямую зависимость динамики объемов производства от численности занятых в выделенных отраслях национального хозяйства. В сельском хозяйстве и промышленности во всех странах отрицательная эластичность, что свидетельствует о разнонаправленной динамике анализируемых показателей, т. е. результат слабо зависит от численности занятых в данных отраслях. Объяснить это можно тем, что в большинстве стран региона Центрально-Восточной Европы (далее – ЦВЕ) достигнут приемлемый уровень производительности труда, обусловленный в том числе и достаточно качественными характеристиками совокупной рабочей силы.

Происходит это в силу следующих причин: результат достигается за счет ранее произведенной рабочей силы, которая дает положительную динамику производства и производительности труда; в

результате появления безработицы в экономиках указанных стран занятые дорожат своими рабочими местами; объем применяемого капитала и высокий уровень технологического прогресса.

Промышленный сектор в странах ЦВЕ также прошел через период увеличения добавленной стоимости, который сопровождался общим сокращением рабочих мест. Эта тенденция, вероятнее всего, отражает процесс реструктуризации таких секторов, как автомобильная промышленность, электроника и информационные технологии, которые являются высокотехнологичными и требуют высококвалифицированных работников.

Однако начиная с 2005 г. и в последующие годы в регионе ЦВЕ, и особенно в Польше, наблюдался дефицит квалифицированной рабочей силы, что свидетельствовало о несоответствии предложения и спроса на рабочую силу и служило ограничением для увеличения занятости. В Китае наблюдается обратная тенденция. Из-за избытка рабочей силы существует недостаток рабочих мест, т. е. предложение рабочей силы превышает спрос на нее.

В сфере услуг во всех исследуемых странах отмечена положительная эла-

стичность, что указывает на достаточно сильную зависимость динамики предоставления услуг от численности занятых, особенно большая зависимость наблюдается в Китае (93,2%) и Чехии (82,9%). К 2019 г. во всех рассматриваемых странах произошло сокращение доли сельского хозяйства в 2-3 раза. Доля сферы промышленного производства на протяжении всего анализируемого периода была особенно высока в таких странах, как

Румыния, Словакия и Чехия. Доля сферы услуг в структуре ВВП во всех рассматриваемых странах имеет устойчивую тенденцию к росту. Так, в 2018 г. по сравнению с 1990 г. в Болгарии произошло увеличение удельного веса этой сферы в 2,1 раз, в Румынии и Словакии – в 2 раза, в Венгрии и Китае – в 1,5 раза. В Словении доля сферы услуг в ВВП увеличилась в 1,3 раза, в Чехии – в 1,1 раза (табл. 2).

Таблица 2. Отраслевая структура ВВП в странах ЦВЕ и Китае за период 1990–2018 гг., % от ВВП, всего 100% [11]

Отрасль	Болгария	Венгрия	Китай	Польша	Румыния	Словакия	Словения	Чехия
1990 г.								
Сельское хоз-во	17	15	27	8	24	7	6	7
Промышленность	49	39	41	50	50	59	42	40
Услуги	33	46	32	42	26	34	52	53
1995 г.								
Сельское хоз-во	15	8	20	8	21	6	4	4
Промышленность	49	39	41	50	50	59	42	40
Услуги	36	53	39	42	29	35	54	56
2000 г.								
Сельское хоз-во	13	6	15	5	12	4	3	4
Промышленность	26	32	46	32	33	36	36	38
Услуги	61	62	39	63	55	60	61	58
2005 г.								
Сельское хоз-во	8	4	12	5	10	4	3	3
Промышленность	29	30	47	31	36	36	34	38
Услуги	63	66	41	64	54	60	63	59
2010 г.								
Сельское хоз-во	5	4	10	4	6	4	2	2
Промышленность	29	31	47	32	42	35	31	35
Услуги	66	65	43	64	52	61	67	63
2018 г.								
Сельское хоз-во	5,0	4,0	10	3,0	5,0	4,0	2,0	3,0
Промышленность	27,2	29,2	41	33,6	42,2	28,8	28,1	36,3
Услуги	67,8	66,8	49	63,4	52,8	67,2	69,9	60,7

Анализируя данные по объёму ВВП и экономическому росту за 2020 г. в странах региона ЦВЕ, можно отметить четыре страны-лидера из группы исследуемых стран: Польша (509,9 млрд долл.), Румыния (249 млрд долл.), Чехия (206 млрд долл., при этом падение ВВП в

2020 г. составило 5,6%), Венгрия (150 млрд долл.). Важно отметить успехи Румынии, ранее страна не входила в тройку лидирующих стран по объёму национального производства [12].

Одним из лидеров мировой экономики по ВВП остаётся Китай со значением

14,7 трлн долл. в 2019 г. Прирост ВВП страны за 2020 г., несмотря на пандемию, составил 2,3% годовых, приближаясь к 15,4 трлн долл. Таким образом, Китай продемонстрировал беспрецедентный рост экономики в сложных социально-экономических условиях, что в целом благоприятно отразилось на восстановлении мировой экономики. Важно отметить, что экономический рост в стране сопровождался ростом занятости, в городах и поселках городского типа было создано 11 860 тыс. новых рабочих мест [13]. Отмена запрета на рождение третьего ребенка приведет в недалеком будущем как к увеличению численности населения, так и к росту занятости и, соответственно, к долгосрочному экономическому росту.

Инвестиции в высокотехнологичные отрасли и другие социальные сферы Китая увеличились более чем на 10% по сравнению с показателями предыдущего года, что однозначно отразится на росте объемов капитала, капиталовооруженности и производительности труда.

Таким образом, проводя последовательную экономическую политику, Китай закладывает фундамент для будущего экономического роста, прежде всего расширяя такую группу параметров, как факторы предложения, к которым относятся факторы производства [14].

Анализируя данные таблицы 3, можно сделать ряд выводов. В сельском хозяйстве происходит сокращение занятости во всех рассматриваемых странах.

Таблица 3. Распределение численности занятых в экономике по отраслям в странах региона ЦВЕ и Китае за период 1990–2019 гг., % [11]

Год	Болгария	Венгрия	Китай	Польша	Румыния	Словакия	Словения	Чехия
Сельское хозяйство, охота и рыболовство								
1990	19	18	60	25	29	н.д.	н.д.	н.д.
1995	24	8	52	23	40	9	10	7
2000	13	7	50	19	43	7	10	5
2005	8,9	5,0	44,8	17,4	32,1	4,7	8,8	4,0
2010	6,8	4,5	36,7	12,8	30,1	3,2	8,8	3,1
2019	6,0	4,0	34,0	16,0	29,0	3,0	8,0	3,0
Промышленность								
1990	44	37	21	37	44	н.д.	н.д.	н.д.
1995	34	33	23	32	31	39	43	42
2000	33	34	23	31	26	37	37	40
2005	34	32	24	29	30	39	37	40
2010	33	31	29	30	29	37	33	38
2019	31	7	28	26	28	36	31	37
Сфера услуг								
1990	37	45	19	36	27	н.д.	н.д.	н.д.
1995	43	59	25	45	29	52	46	52
2000	54	60	28	50	31	56	52	55
2005	57	63	31	53	38	57	53	57
2010	60	88	35	57	41	60	58	59
2019	63	89	38	58	43	61	61	60

Занятость в промышленности ежегодно в рассматриваемых странах либо остается неизменной, либо сокращается,

но темпы снижения заметно ниже по сравнению с сельским хозяйством. Заметное сокращение занятой рабочей силы

в промышленности к 2020 г. наблюдалось в Венгрии, Болгарии, Румынии и Словении. В Китае наблюдается обратная тенденция, а именно по сравнению с 1990 г. наблюдается увеличение численности занятых в промышленности в 1,5 раза. Доля занятых в сфере услуг ежегодно растет. Наибольшая величина занятых в сфере услуг на конец рассматриваемого периода наблюдается в Венгрии и достигает 89%. В Китае в начале 1990-х гг. наибольшее число занятых приходилось на сельское хозяйство, однако в целом отмечается тенденция сокращения занятых в 1,8 раз. Однако по сравнению с другими странами доля занятых в сфере сельского хозяйства в Китае еще очень велика. В Китае в 2020 г. в промышленности было занято 27,2%, в сельском хозяйстве – 39,6%, в сфере услуг – 33,2% [15]. Такая структура занятости отличает экономику страны от имеющих большой удельный вес занятых в сфере услуг стран ЦВЕ.

Китай занимает первое место по численности занятых в экономике, при этом в этой стране наблюдается ежегодное увеличение занятости. В 2019 г. численность занятых в экономике составила 797,6 млн чел., для сравнения в 1990 г. она составила 633,2 млн чел.

Вслед за Китаем по численности занятых следует Польша и Румыния, однако в этих странах не наблюдается такой устойчивой тенденции к росту, как в Китае. В Румынии в 2019 г. по сравнению с 1990 г. наметилось снижение занятости на 1,005 млн чел.

Наименьшее число занятых в экономике среди рассматриваемых стран наблюдается в Словении. В период 1990–2000 гг. в этой стране наблюдалось сокращение занятых, но после 2001 г. наблюдается положительная динамика, [11].

Значение чистой миграции в Китае отрицательно, в этой стране эмиграция превышает иммиграцию. По данным на 2015 г. общая численность мигрантов в

Китайской Народной Республике составила 974,6 тыс. чел., что соответствует 0,071% от населения.

Особо большой демографической проблемы в Китае нет, ведь в этой стране наибольший темп прироста населения в мире. Наибольшая величина темпа прироста населения наблюдалась в 1990 г. и составила 1,5%. В период 1990–2019 гг. наблюдается тенденция ежегодного снижения значения этого показателя: в 2019 г. темп прироста населения в Китае составил 0,59% и среднестатистическая семья стала составлять 2,62 чел. [15]

В Болгарии на протяжении всего рассматриваемого периода наблюдается довольно неблагоприятная демографическая ситуация, поскольку помимо отрицательного темпа роста населения имеет место отрицательное сальдо миграций. Это означает, что население страны ежегодно вымирает и при этом происходит отток граждан за пределы государства, усугубляя тем самым демографическую проблему. Наибольшая величина чистой миграции наблюдалась в 1990 г. и составила –1,8%, в последующие годы отмечается тенденция уменьшения этого показателя и в 2019 г. она составила –0,86%.

В Венгрии на протяжении всего рассматриваемого периода наблюдается положительное значение чистой миграции. Это означает, что в этой стране иммиграция превышает эмиграцию. Темпы роста населения в период 1990–2019 гг. отрицательны. Наименьшая величина этого показателя наблюдалась в 1990 г. (–1%). При отрицательном темпе роста населения положительное сальдо миграции способствует увеличению численности населения страны.

Самый большой прирост чистого показателя миграции и темпов прироста населения показывают США, активно привлекающие рабочую силу из других стран, особенно высококвалифицированную.

На протяжении всего рассматриваемого периода в Польше наблюдалась отрицательная чистая миграция. Особенно

негативная демографическая ситуация наблюдалась в 2008, 2009, 2010, 2014 гг., когда помимо отрицательного темпа роста населения наблюдалось отрицательное сальдо миграций. Самое низкое значение чистой миграции наблюдалось в 1995 г. (–1,21%), с 1996 г. значение чистой миграции в Польше в среднем находилось на одном уровне.

Темпы прироста населения в Польше были высокими в 1990-х гг., но после 2002 г. значения показателя снизились. В 2006 г. началось сокращение темпов прироста населения, в целом темп прироста населения за исследуемый период суммарно равен нулю.

В Румынии в период 1990–2019 гг. складывалась довольно непростая демографическая ситуация, как и в Болгарии, поскольку за весь рассматриваемый период наблюдались отрицательные значения и чистой миграции, и темпов прироста населения. Исключение составляет лишь 1990 г., в котором величина темпов прироста населения составила +0,2%. Наименьшая величина чистой миграции наблюдалась также в 1990 г. (–3,55%). После 1990 г. заметна тенденция сокращения отрицательной чистой миграции. В 2019 г. этот показатель составил –0,24%.

В 1990-х гг. в Словакии наблюдалось отрицательное значение чистой миграции, однако ситуация улучшилась после 2000 г. В целом в Словакии в период 2000–2019 гг. наблюдается положительная демографическая ситуация, поскольку значения чистой миграции и темпов прироста населения положительны. Правда наблюдается некоторая тенденция к сокращению этих показателей. Наибольшая величина чистой миграции была зафиксирована в 2000–2003 гг. (0,53%), наибольший прирост населения наблюдался в 1990, 2011, 2002 гг. (0,4%).

В Словении довольно высокие положительные значения чистой миграции. Наибольшая величина этого показателя наблюдалась в 2003 г. (+2,34%). В целом

можно сделать вывод, что население страны растет преимущественно за счет высоких показателей миграции и низких показателей эмиграции.

Чехия на протяжении всего периода остается довольно привлекательной страной для миграции. Значения чистой миграции положительны на протяжении всего периода, а это означает, что иммиграция превышает эмиграцию. Население Чехии растет именно за счет мигрантов, поскольку темпы прироста населения довольно низкие, а в период 1990–1995 гг. и 2008–2018 гг. даже отрицательные. Наибольшая величина чистой миграции была зафиксирована в 2014 г. и составила 2,15%. Для сравнения: в 1990 г. этот показатель был равен +0,57%.

Самая большая величина показателя чистой миграции среди рассматриваемых стран региона ЦВЕ и Китая наблюдается в Венгрии, положительное значение свидетельствует о том, что в стране в 2010 г. иммиграция превысила эмиграцию. В Чехии, Словении и Словакии еще наблюдается положительная тенденция, но в остальных странах, включая Китай, значение уже отрицательно, т. е. эмиграция превышает иммиграцию. При отрицательном темпе роста населения положительное сальдо миграции способствует увеличению численности населения страны. Такая ситуация наблюдается в Чехии, Словении, Венгрии. Самое неблагоприятное положение в тех странах, в которых помимо отрицательного темпа роста населения отрицательное сальдо миграций. Это означает, что население страны ежегодно уменьшается и при этом происходит отток граждан за пределы государства, усугубляя тем самым итак непростую демографическую ситуацию. Такое положение наблюдается в Румынии, Болгарии и Польше.

Проанализировав мобильность населения Китая и стран региона ЦВЕ, можно сделать следующие выводы:

– значения чистой миграции высоки и положительны в период 1990–2018 гг. в

таких странах, как Венгрия, Словакия, Словения, Чехия. Наибольшая величина этого показателя за весь рассматриваемый период была зафиксирована в Словении в 2003 г. Она составила +2,34%. В таких странах, как Румыния, Польша, Болгария и Китай, значение чистой миграции отрицательно в течение всего рассматриваемого периода. При этом в Польше и Китае довольно большие темпы прироста населения. В таких странах, как Румыния и Болгария, при отрицательном темпе роста населения наблюдается отрицательное сальдо миграций. Это означает, что население страны ежегодно вымирает и при этом происходит отток граждан за пределы государства, усугубляя тем самым сложную демографическую ситуацию;

– для эмигрантов из стран региона ЦВЕ основным центром притяжения является Германия, она принимает 36,2%

всех мигрантов, приходящихся на ЕС, далее следует Франция – 18,7% и Великобритания – 11,35%;

– в 2018 г. самая большая величина показателя чистой миграции среди рассматриваемых стран наблюдается в Чехии (2,15%); положительная величина этого показателя также наблюдается в Словении, Словакии, Венгрии; в таких странах, как Китай, Болгария, Польша, Румыния, значение показателя чистой миграции отрицательно.

Итак, проведенный анализ фазы потребления рабочей силы, зависящей от вышеобозначенных характеристик, позволил сделать следующие обобщающие выводы: положительная или отрицательная динамика конкретной характеристики отражена в итоговой таблице по исследуемым странам региона ЦВЕ и Китая за период 1990–2019 гг. (табл. 4).

Таблица 4. Динамика характеристик факторов, влияющих на обмен, распределение и потребление рабочей силы в странах региона ЦВЕ и Китае за период 1990–2019 гг.

Характеристики рабочей силы	Занятость	Мобильность	Вывоз человеческого капитала	Концентрация рабочей силы	Производительность труда	Уровень оплаты труда
Болгария	+	-	-	-	-	-
Китай	+	+	+	+	-	-
Венгрия	+	+	+	+	-	+
Польша	+	+	+	-	+	+
Румыния	+	-	-	-	-	-
Словакия	-	+	-	-	+	+
Словения	-	+	-	-	+	+
Чехия	+	+	+	+	+	+

Примечание. Обозначения: + положительная характеристика параметра, – отрицательная характеристика параметра.

Итак, в фазе производительного использования рабочей силы самая благоприятная ситуация наблюдается в Китае, Венгрии, Чехии и Польше. Из лидирующих стран по производству рабочей силы из списка благополучных стран выбыли Словения и Словакия. Однако нельзя не отметить высокий производственно-

инновационный потенциал Словении и, как следствие, ежегодный рост производительности труда в этой стране. Полагая, что высокий уровень производительности труда, обусловленный эффективным функционированием базового сектора, способствует существованию определенного соотношения секторов в струк-

туре национальной экономики, а именно маленький по масштабам и объемам пионерный и большой базовый сектор.

Такая структурная пропорция соответствует рыночному варианту экономической системы. В ситуации не очень высоких темпов прироста производительности труда соотношение между секторами будет иным. Тогда возможно существование потенциально большого пионерного сектора и относительно маленького по масштабам и объемам базового сектора, что будет вызывать необходимость планового регулирования национального хозяйства.

Выводы

Полагаем, что, резюмируя вышесказанное, можно утверждать следующее. Перешедший из планового способа хозяйствования достаточно объемный и масштабный пионерный сектор в странах региона ЦВЕ может эффективно функционировать определенный временной промежуток при ранее достигнутом соотношении секторов. Очевидно, что в последующий временной промежуток, при условии обеспечения высокого уровня национальной безопасности, в том числе и в сфере промышленной политики, исследуемым странам региона ЦВЕ

потребуется государственное регулирование данного процесса. Целью государственного вмешательства должно быть обеспечение приоритетного финансирования пионерного сектора по созданию и реализации собственных инновационных продуктов. Таким образом, по нашему мнению, в Венгрии, Чехии, Польше есть реально существующие возможности для эффективного воспроизводства пионерной рабочей силы, на этой основе возможно сохранение и расширение пионерного сектора, а следовательно, поддержание конкурентоспособности этих национальных экономик в мировом масштабе.

Однако все это потребует активного госрегулирования и планового вмешательства в экономическую деятельность хозяйствующих субъектов.

Относительно Китая важно отметить, что в стране уже достигнут рекордный по мировым масштабам уровень ВВП, темпам прироста ВВП, затратам на науку, образование и инновации. Таким образом, государственное регулирование экономики посредством реализации планов, в которых заложены не только долгосрочные макроэкономические параметры, но и обозначены источники ресурсного обеспечения, доказало свою эффективность и в XXI веке.

Список литературы

1. Machlup F. The economics of Information and Human Capital. Princeton University Press, 1984. 313 p.
2. Яременко Ю. В. Теория и методология исследования многоуровневой экономики: избр. тр. М.: Наука, 2000. 400 с.
3. Попов А. И. Хозяйственная система России: Теория становления. Институциональное устройство. Экономическая безопасность. СПб.: Изд-во СПбГУЭФ, 2004. 324 с.
4. Лапинскас А. А., Хайкин М. М. Ценностные ориентиры евразийской экономической интеграции и управленческие риски // Проблемы современной экономики. 2019. Т. 1, № 3. С. 34–38.
5. Основы теоретической экономики / под ред. Д. Ю. Миропольского. СПб.: Изд-во СПбГУЭФ, 2008. 496 с.
6. Плотников В. А., Вертакова Ю. В. Цифровизация и трансформация хозяйственной системы // Социально-экономическое развитие в эпоху глобальных перемен: монография. Тверь: Твер. гос. ун-т, 2020. С. 197–217.
7. Пшеничникова С. Н. Структура экономической системы: роль рабочей силы: монография. СПб.: КультИнформПресс, 2017. 469 с.

8. Пшеничникова С. Н. Количественные и качественные характеристики рабочей силы в России и странах Азии // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. 2020. Т. 10, № 1. С. 10–29.
9. Вертакова Ю. В., Плотников В. А. Трудовые ресурсы и стимулирование экономического роста в России // Экономика и управление. 2019. № 9 (167). С. 5–12.
10. Леонтьев Е. Д., Кржжановская О. А., Ларина О. Г. Социально-экономические риски цифровой трансформации сферы труда // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. 2020. Т. 10, № 6. С. 140–151.
11. Положенцева Ю. С., Клевцова М. Г., Вертакова Ю. В. Макроэкономические условия формирования инновационной среды региона // Управленческое консультирование. 2014. № 10 (70). С. 60–67.
12. Вызовы и перспективы евразийской интеграции: Доклад Института развития интеграционных процессов ВАВТ и Института исследований и экспертизы ВЭБ.РФ. 2020. Декабрь. URL: https://vavt-irip.ru/upload/iblock/a7e/Doklad-Vyzovy-i-perspektivy-Evrazii_skoj_-integratsii.pdf (дата обращения: 14.05.2021).
13. Всемирный банк. URL: <http://data.worldbank.org/indicator/NV.SRV.TETC.ZS> (дата обращения: 14.05.2021).
14. Economicdata. URL: https://www.economicdata.ru/economics.php?menu=macroeconomics&data_type=economics&data_ticker=IndustryGDP (дата обращения: 14.05.2021).
15. ВВП стран мира – 2020. ВВП на душу населения. URL: <http://global-finances.ru/vvp-stran-mira-2020/> (дата обращения: 14.05.2021).
16. Рост ВВП Китая превзошел все ожидания. URL: <https://rg.ru/2021/01/20/rost-vvp-kitaia-prevzoshel-vse-ozhidaniia.html> (дата обращения: 14.05.2021).
17. Рынок Китая: вопросы доступа / [Алиев Т. М. и др.]. М.: ITI, 2017. 168 с.

References

1. Machlup F. The economics of Information and Human Capital. Princeton University Press, 1984. 313 p.
2. Yaremenko Yu. V. Teoriya i metodologiya issledovaniya mnogourovnevoi ekonomiki [Theory and methodology of multilevel economy research]. Moscow, Nauka Publ., 2000. 400 p.
3. Popov A. I. Khozyaistvennaya sistema Rossii: Teoriya stanovleniya. Institutsional'noe ustroystvo. Ekonomicheskaya bezopasnost' [Economic system of Russia: The theory of becoming. Institutional structure. Economic security]. St. Petersburg, SPbGUEF Publ., 2004. 324 p.
4. Lapinskas A. A., Khaykin M. M. Tsennostnye orientiry evraziiskoi ekonomicheskoi integratsii i upravlencheskie riski [Value orientations of the Eurasian economic integration and management risks]. *Problemy sovremennoi ekonomiki = Problems of the modern economy*, 2019, vol. 1, no. 3, pp. 34–38.
5. Osnovy teoreticheskoi ekonomiki [Fundamentals of theoretical economics]; ed. by D. Yu. Miropolsky. St. Petersburg, SPbGUEF Publ., 2008. 496 p.
6. Plotnikov V. A., Vertakova Yu. V. Tsifrovizatsiya i transformatsiya khozyaistvennoi sistemy [Digitalization and transformation of the economic system]. *Sotsial'no-ekonomicheskoe razvitie v epokhu global'nykh peremen* [Socio-economic development in the era of global changes]. Tver, Tver St. Univ. Publ., 2020, pp. 197–217.
7. Pshenichnikova S. N. Struktura ekonomicheskoi sistemy: rol' rabochei sily [Structure of the economic system: the role of the workforce]. St. Petersburg, Kultiinformpress Publ., 2017. 469 p.
8. Pshenichnikova S. N. Kolichestvennye i kachestvennye kharakteristiki rabochei sily v Rossii i stranakh Azii [Quantitative and qualitative characteristics of the labor force in Russia and the countries of Asia]. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Ekonomika. Sotsiologiya. Menedzhment = Proceedings of the Southwest State University. Series: Economics, Sociology and Management*, 2020, vol. 10, no. 1, pp. 10–29.

9. Vertakova Yu. V., Plotnikov V. A. Trudovye resursy i stimulirovanie ekonomicheskogo rosta v Rossii [Labor resources and stimulating economic growth in Russia]. *Ekonomika i upravlenie = Economics and Management*, 2019, no. 9 (167), pp. 5–12.
10. Leontiev E. D., Kryzhanovskaya O. A., Larina O. G. Sotsial'no-ekonomicheskie riski tsifrovoy transformatsii sfery truda [Socio-economic risks of digital transformation of the world of work]. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Ekonomika. Sotsiologiya. Menedzhment = Proceedings of the Southwest State University. Series: Economics, Sociology and Management*, 2020, vol. 10, no. 6, pp. 140–151.
11. Polozhentseva Yu. S., Klevtsova M. G., Vertakova Yu. V. Makroekonomicheskie usloviya formirovaniya innovatsionnoi sredy regiona [Macroeconomic conditions for the formation of an innovative environment in the region]. *Upravlencheskoe konsul'tirovanie = Management consulting*, 2014, no. 10 (70), pp. 60–67.
12. Vyzovy i perspektivy evraziiskoi integratsii: Doklad Instituta razvitiya integratsionnykh protsessov VAVT i Instituta issledovaniy i ekspertizy VEB.RF [Challenges and prospects of Eurasian integration. Report of the Institute for the Development of Integration Processes of the VAVT and the Institute for Research and Expertise of VEB. RF]. 2020, December. Available at: https://vavt-irip.ru/upload/iblock/a7e/Doklad-Vyzovy-i-perspektivy-Evrazii_skoj_-integratsii.pdf. (accessed 14.05.2021)
13. World Bank. Available at: <http://data.worldbank.org/indicator/NV.SRV.TETC.ZS>. (accessed 14.05.2021)
14. Economicdata. Available at: https://www.economicdata.ru/economics.php?menu=macroeconomics&data_type=economics&data_ticker=IndustryGDP. (accessed 14.05.2021)
15. VVP stran mira – 2020. VVP na dushu naseleniya [World GDP-2020. GDP per capita]. Available at: <http://global-finances.ru/vvp-stran-mira-2020/>. (accessed 14.05.2021)
16. Rost VVP Kitaya prevzoshel vse ozhidaniya [China's GDP growth surpassed all expectations]. Available at: <https://rg.ru/2021/01/20/rost-vvp-kitaia-prevzoshel-vse-ozhidaniia.html> (accessed 14.05.2021)
17. China Market: Access issues / [Aliev T. M. et al.]. Moscow, ITI Publ., 2017. 168 p.

Информация об авторе / Information about the Author

Пшеничникова Светлана Николаевна, доктор экономических наук, доцент кафедры «Общая экономическая теория и история экономической мысли», Санкт-Петербургский экономический университет, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация, e-mail: sveta_nikolaevna@list.ru

Svetlana N. Pshenichnikova, Doctor of Economic Sciences, Associate Professor of the Department of General Economic Theory and the History of Economic Thought, St. Petersburg State University of Economics, Saint Petersburg, Russian Federation, e-mail: sveta_nikolaevna@list.ru

УДК 339

Макроэкономические показатели развития стран АСЕАН на современном этапе

В. М. Кузьмина¹ ✉, А. А. Головин¹

¹ Юго-Западный государственный университет
ул. 50 лет Октября 94, г. Курск 305040, Российская Федерация

✉ e-mail: kuzmina-violetta@yandex.ru

Резюме

Актуальность. В современной системе международных экономических отношений Ассоциация государств Юго-Восточной Азии является глобальным экономическим партнером, поскольку ее роль в обеспечении мира и стабильности в данном регионе, а также за его пределами продолжает неуклонно расти.

Цель – исследовать макроэкономические показатели развития стран АСЕАН на современном этапе международных отношений.

Задачи: показать динамику макроэкономических показателей стран-членов АСЕАН; раскрыть направления и формы углубления интеграционного сотрудничества АСЕАН с ООН, ЭКЛАК и ЭСКАТО; охарактеризовать причины повышенного интереса западных держав к сотрудничеству со странами Юго-Восточной Азии.

Методология. Использование метода стратегического анализа в совокупности с методами теоретического и статистического анализа данных секретариата АСЕАН, ООН, ЭСКАТО и ЭКЛАК позволили объективно оценить динамику макроэкономического развития стран Юго-Восточной Азии и спрогнозировать тенденции их дальнейших перспектив в рамках блока АСЕАН-10.

Результаты. Страны интеграционного объединения АСЕАН сегодня являются акторами крупнейших интеграционных группировок на территории Азиатско-Тихоокеанского региона. Ведущие государства – члены АСЕАН одновременно являются двигателями интеграционных тенденций на пространстве Юго-Восточной Азии, наиболее перспективным из которых по своим макроэкономическим показателям является АСЕАН-10, что является притягательным для мировых держав в лице США и Китая.

Выводы. Страны АСЕАН активно развивают новый для этого региона формат диалоговых экономических партнёрств, что впоследствии становится основой для дальнейшего стратегического торгового-экономического сотрудничества, актуального в современных условиях.

Ключевые слова: Юго-Восточная Азия; экономические отношения; интеграционные группировки; макроэкономическое развитие.

Конфликт интересов: В представленной публикации отсутствует заимствованный материал без ссылок на автора и (или) источник заимствования, нет результатов научных работ, выполненных авторами публикации лично и (или) в соавторстве, без соответствующих ссылок. Авторы декларируют отсутствие конфликта интересов, связанных с публикацией данной статьи.

Для цитирования: Кузьмина В. М., Головин А. А. Макроэкономические показатели развития стран АСЕАН на современном этапе // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. 2021. Т. 11, № 4. С. 23–34.

Поступила в редакцию 18.06.2021

Принята к публикации 22.07.2021

Опубликована 31.08.2021

© Кузьмина В. М., Головин А. А., 2021

Macroeconomic Indicators of the Development of ASEAN Countries at the Present Stage

Violetta M. Kuzmina¹ ✉, Alexey A. Golovin¹

¹ Southwest State University
50 Let Oktyabrya str. 94, Kursk 305040, Russian Federation

✉ e-mail: kuzmina-violetta@yandex.ru

Abstract

Relevance. In the modern system of international economic relations, the Association of Southeast Asian Nations (ASEAN) is a global economic partner, since its role in ensuring peace and stability in this region, as well as beyond, continues to grow steadily.

The purpose is to study the macroeconomic indicators of the development of ASEAN countries at the present stage of international relations.

Objectives: to show the dynamics of the macroeconomic indicators of the ASEAN member countries; to reveal the directions and forms of deepening the integration cooperation of ASEAN with the UN, ECLAC and ESCAP; to characterize the reasons for the increased interest of the Western powers in cooperation with the countries of Southeast Asia.

Methodology. The use of the method of strategic analysis in conjunction with the methods of theoretical and statistical analysis of the data of the secretariat of ASEAN, UN, ESCAP and ECLAC made it possible to objectively assess the dynamics of macroeconomic development of the countries of Southeast Asia and predict trends in their future prospects within the ASEAN-10 block.

Results. The countries of the ASEAN integration association today are the actors of the largest integration groups in the Asia-Pacific region. The leading ASEAN member states are at the same time the engines of integration trends in Southeast Asia, the most promising of which in terms of its macroeconomic indicators is ASEAN-10, which is attractive for world powers such as the United States and China.

Conclusions. The ASEAN countries are actively developing a new format of dialogue economic partnerships for this region, which subsequently becomes the basis for further strategic trade and economic cooperation, relevant in modern conditions.

Keywords: Southeast Asia; economic relations; integration groupings; macroeconomic development.

Conflict of interest: In the presented publication there is no borrowed material without references to the author and (or) source of borrowing, there are no results of scientific works performed by the authors of the publication, personally and (or) in co-authorship, without relevant links. The authors declare no conflict of interest related to the publication of this article.

For citation: Kuzmina V. M., Golovin A. A. Macroeconomic Indicators of the Development of ASEAN Countries at the Present Stage. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Ekonomika. Sotsiologiya. Menedzhment* = *Proceedings of the Southwest State University. Series: Economics, Sociology and Management*. 2021; 11(4): 23–34. (In Russ.)

Received 18.06.2021

Accepted 22.07.2021

Published 31.08.2021

Введение

Трансформация современной экономической и политической системы в направлении многополярности способствовало углублению экономической интеграции некоторых стран Юго-Восточной Азии. Экономическая интеграция, в свою очередь, повлияла на такие значимые показатели развития государств, как изменение динамики экономического развития в сторону роста, углубление торговой взаимозависимости стран;

определенная либерализация таможенных тарифов, рост стимулирования экспорта благодаря открытию зоны преференциальной торговли, основанной на импортозамещении и реализации протекционистских направлений политики правительств); экономическое и политическое стимулирование интеграционных перспектив взаимоотношений стран ЮВА на примере создания зон экономического роста. Все это обеспечило рост макроэкономических показателей стран

АСЕАН и закономерный повышенный интерес мировых организаций и держав к этому региону.

Цель – исследовать макроэкономические показатели развития стран АСЕАН на современном этапе международных отношений.

Исследования зарубежных авторов проблем региона Юго-Восточной Азии можно охарактеризовать следующим образом: авторы стараются быть в тренде мирового экономического развития, поэтому тематика их публикаций напрямую связана с глобальными проблемами современности.

Сегодня исследовательский тренд – это изучение влияния потребления энергии в самых разных видах на торговлю, экономический рост, инвестиции и т.д. Mohammad Mafizur Rahman доказал с помощью метода регрессии, функции импульсного отклика и теста гетерогенной панели, что влияние потребления энергии, международной торговли, капитала и прямых иностранных инвестиций оказывается положительным и значительным для экономического роста стран АСЕАН [1]. Группа азиатских исследователей (Jie Zhang, Yaowen Chen, Jingjing Gao) также доказали, что Ассоциация государств Юго-Восточной Азии как двигатель мирового экономического развития сталкиваются с огромными проблемами, связанными с балансом между экономическим ростом и низкоуглеродным развитием [2]. Такие исследователи, как Muhammad Ali Nasir, Toan Luu Duc Huynh, Huong Thi Xuan Tram, доказали, что существует прямая взаимосвязь между инвестициями в страны Юго-Восточной Азии и загрязнением окружающей среды [3]. Используя метод экологической кривой Кузнеца (ЭКК), ими было доказано, что в странах АСЕАН-5 экономический рост, финансовое развитие и прямые иностранные инвестиции приводят к усилению деградации окружающей среды.

Применение гравитационной модели в экономических исследованиях также на

сегодня является трендом, поэтому для доказательства эффективности / неэффективности функционирования таких интеграционных объединений, как АСЕАН, АСЕАН-3 или АСЕАН-6, Ji WonLee и Jinhwan Oh использовали именно этот метод и пришли к выводу, что АСЕАН-6 является оптимальной группой, что противоречит преобладающему мнению о том, что АСЕАН-3 является наиболее важной кооперативной экономической конфигурацией [4].

Предыдущие исследования носили более классический характер: проводилось изучение синхронизации бизнес-циклов и взаимосвязи экономической политики стран Юго-Восточной Азии [5], торговли и экономических приоритетов в развитии стран в условиях региональной конкуренции [6].

Для стран Юго-Восточной Азии остро стоит вопрос о вмешательстве в их внешнеполитический и внешнеэкономический курс Китая, который рассматривает данный регион как сферу расширения своих торгово-экономических интересов. Именно данным аспектам и посвящены исследования I. Chen [7], J. Dobkowska [8], С. С. Kuik [9; 10].

Отечественные исследователи рассматривают во взаимосвязи внешнеполитический курс стран Юго-Восточной Азии и их макроэкономические показатели (Е. С. Мартынова [11], Н. П. Малетин [12], С. В. Михневич [13], Е. А. Канаев [14], К. А. Ефремова [15]). В этих исследованиях акцент сделан на интегративном характере объединений стран ЮВА, необходимых для экономического развития региона в целом.

Материалы и методы

Исходными материалами стали статистические данные по странам Юго-Восточной Азии, входящие в блок АСЕАН (The ASEAN Statistical Yearbook 2020), интегрированная база данных ASEANstats, база данных ASEAN

Secretariat, ASEAN в инфографике, мировые экономические рейтинговые отчеты.

Использовались стандартные методы вторичной обработки данных с последующим их аналитическим обоснованием. Метод сравнительного анализа применялся для сравнения экономикополитического развития стран Юго-Восточной Азии в разные периоды; метод системного анализа позволил исследовать взаимосвязь отдельных экономических показателей с общим уровнем макроэкономического развития в разные периоды.

Результаты и их обсуждение

Демографические показатели стран АСЕАН-10 зафиксировали данные в 630 млн чел., совокупный ВВП стран, входящих в интеграционное объединение, превышает 2,55 трлн долл. По данным аналитиков, к 2050 г. АСЕАН-10 может стать по своему уровню ВВП четвертой эконо-

микой мира, поскольку сейчас занимает седьмую позицию в мировом рейтинге интеграционных объединений. Стабильные темпы роста ВВП около 5% в год позволяют прогнозировать высокий экономический уровень развития стран, а 24% всего товарооборота связано с взаимной торговлей. Аналогичные показатели демонстрируют только ЕС и НАФТА.

Общий совокупный ВВП десяти государств-членов АСЕАН (AMS) был оценен в 3,2 трлн долл. США в 2019 г. Это пятая по величине экономика в мире после США (21,4 трлн долл. США), Китая (14,4 трлн долларов США), Японии (5,1 трлн долл. США) и Германии (3,9 трлн долл. США). В отличие от европейских стран и США, которые были самым серьезным образом затронуты мировыми экономическими кризисами 2008 г. и 2014 г., ВВП АСЕАН постоянно имел положительную динамику роста в период с 2000 по 2019 г. (рис. 1).

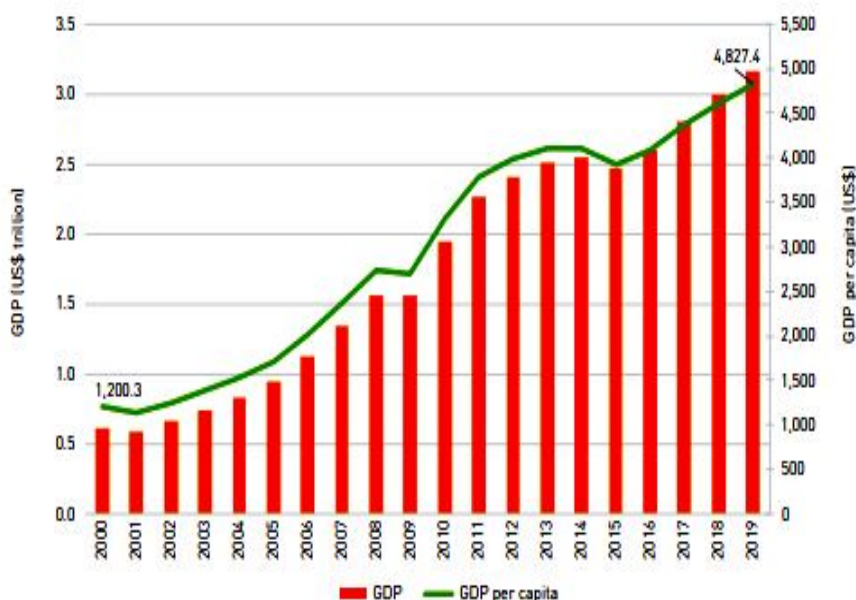

Рис. 1. ВВП АСЕАН (трлн долл. США) и ВВП на душу населения (долл. США), 2000-2019 гг. [16]

Общий ВВП региона в 2019 г. увеличился вдвое по сравнению с десятилетием назад (1,6 трлн долл. США в 2008 г.) и почти в пять раз больше, чем в 2000 г. (0,6 трлн долл. США). Для стран этого

региона в этих показателях нет ничего неожиданного, поскольку в 2000 г. ВВП на душу населения был 1200,3 долл. США, в 2010 г. — 3313,6 долл. США, а в 2019 г. уже составлял 4827,4 долл. США.

Доля АСЕАН в мировом номинальном ВВП выросла с 2,5% в 2008 г. (АСЕАН была двенадцатой по величине экономикой) до 3,7% в 2019 г. (пятая по величине). Поэтому сегодня партнерство на международной арене со странами АСЕАН является привлекательным для многих государств.

Торгово-экономическое направление сотрудничества между странами АСЕАН является важным стратегическим направлением для этого интеграционного объединения.

За 20 лет общий объем товарной торговли АСЕАН увеличился почти в 4 раза, достигнув в 2019 г. более 2,8 трлн долл. США (рис. 2).

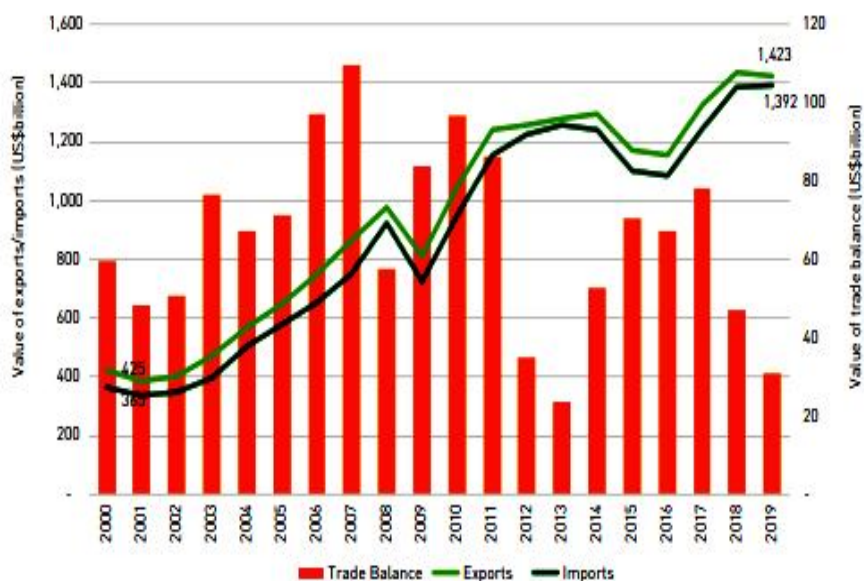

Рис. 2. Стоимость товарного экспорта и импорта и торговый баланс (млрд долл. США), всего по АСЕАН, 2000–2019 гг. [17]

Экспорт и импорт товаров стабильно росли до 2018 г., за исключением 2009 г. и 2015–2016 гг. Однако к концу 2019 г. рост товарной торговли зафиксировал небольшое снижение по аналогии с 2018 г. на – 0,3% за счет экспорта значения. Падение продолжалось до 1 полугодия 2020 г. Данные за первое полугодие 2020 г. показали, что общий объем торговли АСЕАН составил 1,2 трлн долл. США, а это, в свою очередь, на 12,4% меньше по сравнению с 2019 г. Большинство стран АСЕАН внесли свой вклад в это снижение. Пандемия Covid-19 и связанные с этим ограничения на передвижение существенно повлияли на цепочки торговли и поставок по всему миру, включая АСЕАН, в результате чего ослабление международной торговли. По

последним оценкам Всемирная торговая организация (ВТО) прогнозирует падение объема торговли на 9,2% к концу 2020 г.

На торговлю внутри АСЕАН постоянно приходится наибольшая доля. В 2019 г. на долю стран АСЕАН пришлось 22,5% от общего числа торговли товарами в регионе, при этом доля внутри АСЕАН составляет 23,4% и 21,5% от общего товарного экспорта и импорта АСЕАН. Однако доля внутри-АСЕАН в 2019 г. была ниже, чем в 2018 г. – 22,5% по сравнению с 23,0% годом ранее. Акции торговых партнеров АСЕАН также указали на небольшое снижение в 2019 г., если сравнивать с 2018 г., за исключением Китая (18,0% в 2019 г. с 17,1% в 2018 г.) и США (10,5% в 2019 г. с 9,3% в

2018 г.). Крупнейшие внешние рынки экспорта для АСЕАН в 2019 г. составили

Китай (14,2%), США (12,9%), ЕС-28 (10,8%) и Япония (7,7%) (рис. 4).

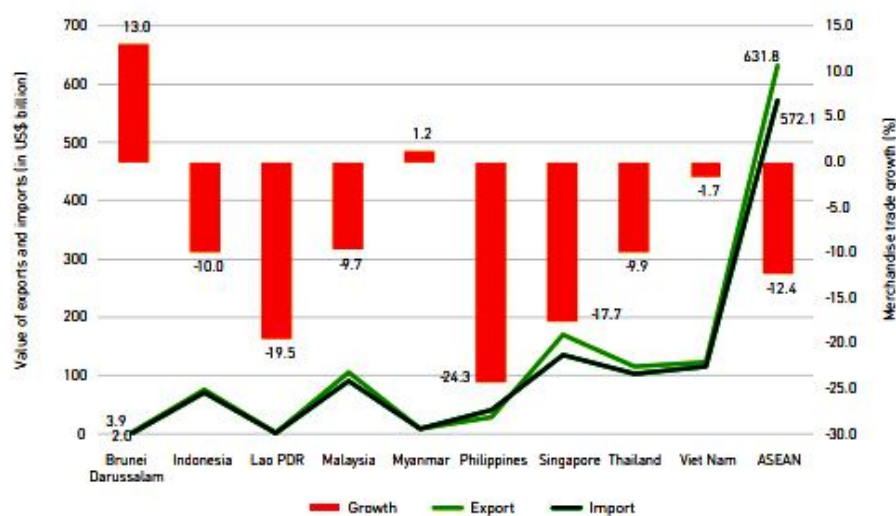

Рис. 3. Торговля товарами стран-членов АСЕАН, 1 семестр 2020 г. [18]

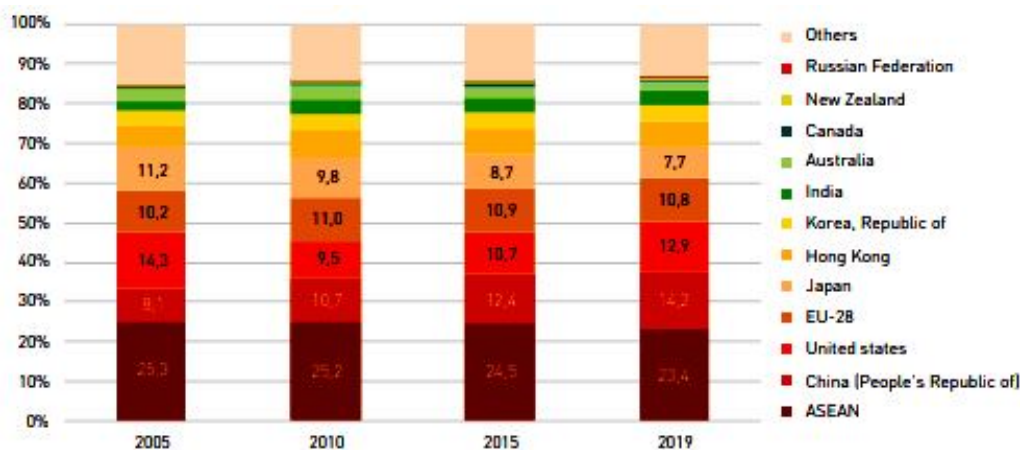

Рис. 4. Доли товарного экспорта (%) по торговым партнерам, 2005–2019 гг. [18]

Поскольку Китай является крупнейшей экономикой в регионе, то его показатели доли товарного импорта в 21,9% являются значимыми для стран Азии, поскольку за этой страной не может угнаться ни одно интеграционное объединение (для примера: доля импорта ЕС – 9,1%), ни одна ведущая держава (Япония – 8,3%, США – 8,0%) (рис. 5).

Что касается источника инвестиций, то в 2019 г. внутри региона было зарегистрировано на уровне 15,9% от общего притока прямых иностранных инвести-

ций в АСЕАН, или 22,4 млрд долл. США, что более чем вдвое превышает уровень 2000 г. (рис. 6).

Ведущие мировые державы осознают экономическую перспективность АСЕАН-10, поэтому никого не удивляет тот факт, что США являются крупнейшим инвестором притока прямых иностранных инвестиций (в 2019 г. доля США составила 15,2%). После США ЕС-28 показывает заинтересованность в инвестициях в данный регион (в 2019 г. доля ЕС составила 10,1%, а Японии – 12,7%).

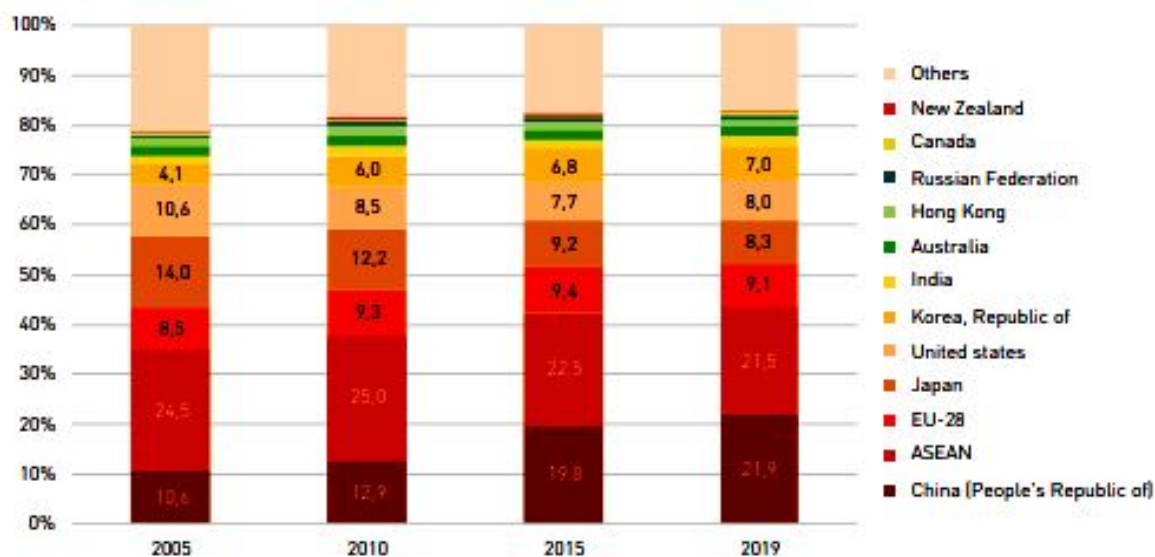

Рис. 5. Доли товарного импорта (%) по торговым партнерам, 2005–2019 гг. [18]

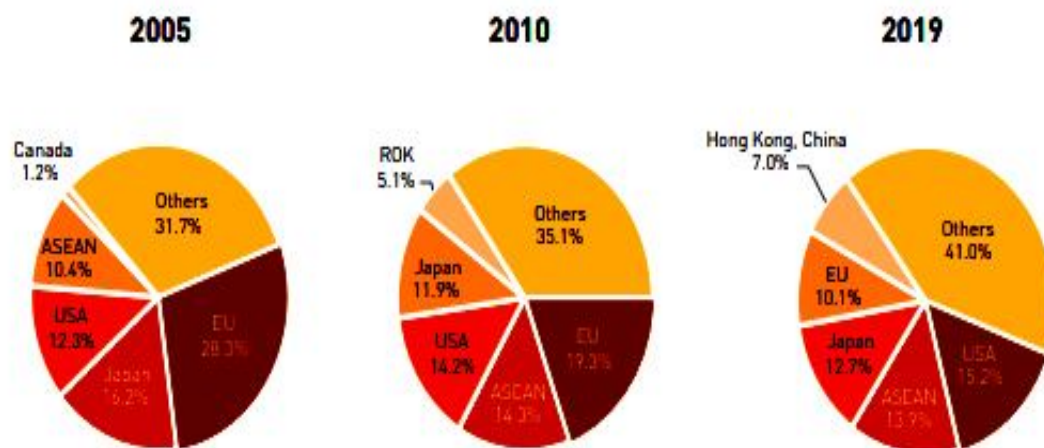

Рис. 6. Доли 5 крупнейших источников ПИИ в АСЕАН (%), 2005, 2010 и 2019 гг. [18]

На сегодняшний день исследователи L. Jones [19] и J. Ping [20] стали говорить об активном партнерстве АСЕАН и Организации Объединенных Наций, поскольку в ноябре 2011 г. была принята «Совместная декларация о всестороннем партнерстве между АСЕАН и ООН» и был утвержден начальный этап действий АСЕАН и ООН на 2016–2020 гг. В этом документе определены стратегические приоритеты, которые активно должны проводиться обеими сторонами и дан перечень мер, направленных для дальнейше-

го укрепления сотрудничества по экономическим, этнополитическим и культурным вопросам, а также вопросам безопасности государств Юго-Восточной Азии. Диалоговый формат встреч государств закреплён на самых разных уровнях: от регионального до международного [21].

1. Регулярный характер саммитов АСЕАН и ООН с 2000 г. позволяет говорить о том, что вопрос экономического сотрудничества постоянно находится на повестке дня Генеральной Ассамблеи ООН.

2. Не только экономическая дипломатия является значимым направлением сотрудничества АСЕАН и ООН, но и такие сферы, как поддержание мира, реализация практики превентивной дипломатии и совместная работа на международном уровне, предотвращение конфликтов в Юго-Восточной Азии.

Сегодня ООН приняла комплексные меры по согласованию всех компонентов своей работы на период до 2030 г., куда входит региональная «дорожная карта» для реализации основных положений Повестка дня в области устойчивого развития на период до 2030 г. в Азиатско-Тихоокеанском регионе, а также работа Экономической и социальной комиссии для Азии и Тихого океана (ЭСКАТО) позволяют реализовать возможности для реформирования торгово-экономических и таможенных отношений в целях поддержки странам региона. ЭСКАТО проводит значимую работу с региональными и субрегиональными партнерами, в том числе для заключения официальных соглашений о сотрудничестве [22].

В число этих партнеров входят АБР, АСЕАН, Ассоциация тихоокеанских университетов, Организация экономического сотрудничества, Евразийский банк развития, Евразийская экономическая комиссия, Расширенная Туманганская инициатива, Межправительственная организация по международным железнодорожным перевозкам, Исламский банк развития, организация «Мульти-ГНСС – Азия», секретариат Форума тихоокеанских островов, Организация сотрудничества железных дорог, Тихоокеанское сообщество, СААРК и Шанхайская организация сотрудничества.

Наглядным подтверждением этих усилий являются следующие шаги:

а) создание Центра АСЕАН по исследованиям и диалогу в области устойчивого развития;

б) создание группы АСЕАН по ресурсам в рамках совместной инициативы Complementarities between the ASEAN

Community Vision 2025 and the United Nations 2030 Agenda for Sustainable Development: A Framework for Action («Взаимодополняемость Концепции развития сообщества Ассоциации государств Юго-Восточной Азии на период до 2025 года и Повестки дня Организации Объединенных Наций в области устойчивого развития на период до 2030 года: рамочная программа действий»);

в) разработка «дорожной карты» как части этой рамочной программы.

Эти инициативы были утверждены главами государств и правительств на тридцать четвертом саммите АСЕАН в июне 2019 г. в их Программном заявлении о партнерстве в целях обеспечения устойчивости и в заявлении Председателя десятого саммита АСЕАН – Организация Объединенных Наций в ноябре 2019 г. Практика реализации Совместной декларации о всестороннем партнерстве между АСЕАН и ООН на 2016–2020 гг. закономерно привела к расширению партнерства по всем направлениям: при этом показатель осуществления по всем трем компонентам составляет 93%. ЭСКАТО продолжает возглавлять процесс разработки второго Плана действий (на 2021–2025 гг.), который был принят на одиннадцатом саммите АСЕАН – Организация Объединенных Наций во Вьетнаме в ноябре 2020 г. (рис. 7).

Также ЭСКАТО уделяет большое внимание межрегиональному сотрудничеству. Во взаимодействии с ЭКЛАК она возглавила процесс реализации межрегионального проекта по сокращению неравенства в странах – членах Форума по вопросам сотрудничества между странами Восточной Азии, выступая за разработку новаторской политики, которая позволит обеспечить соблюдение принципа «никто не будет забыт». В рамках этого проекта ЭСКАТО разработала онлайн-платформу (www.social-protection-toolbox.org/inequality) для представления различных показателей неравенства в интерактив-

ной, наглядной и познавательной форме. Платформа предназначена для ди-

рективных органов, а также для широкой общественности.

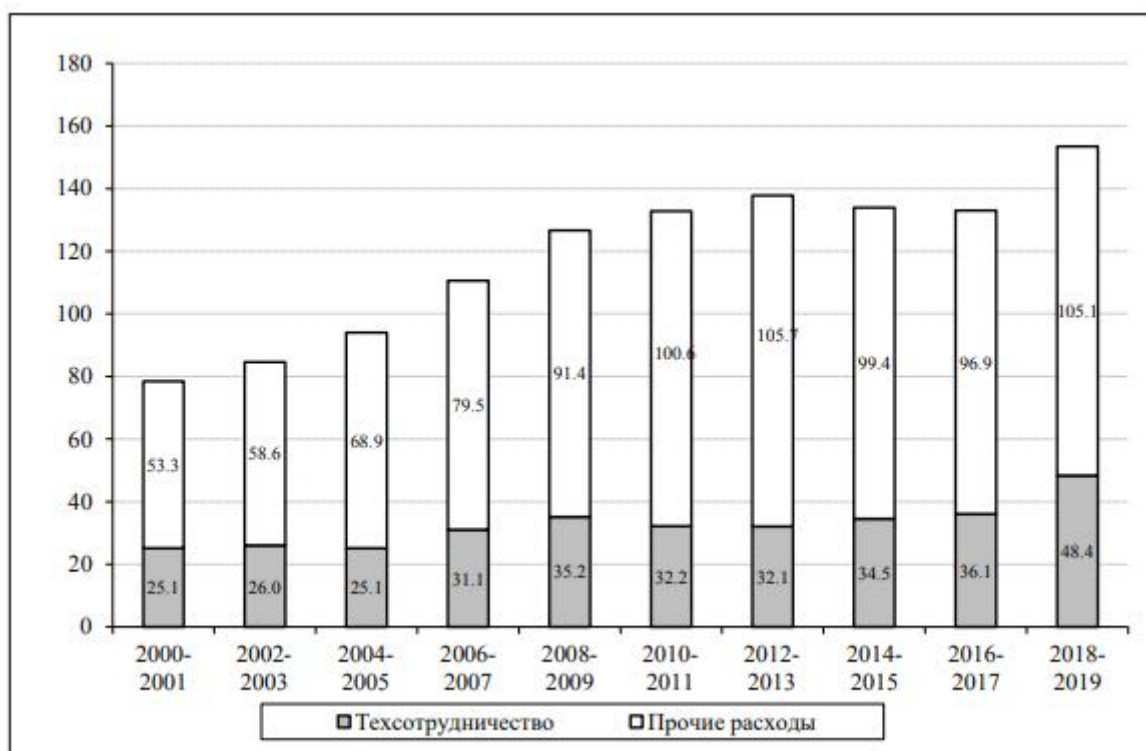

Рис. 7. Динамика расходов ЭСКАТО, 2000–2019 гг. (млн долл. США) [22]

Выводы

Положительная динамика развития макроэкономических показателей стран АСЕАН-10 позволяет привлечь в регион инвестиции таких крупных игроков, как США и Китай. Но интересы этих держав, помимо вливаний в экономику стран ЮВА прямых инвестиций, на самом деле разнятся. Акватория Южно-Китайского моря всегда была приоритетом во внешнеполитических устремлениях КНР, но одновременно США хотят контролировать Малаккский пролив, поскольку он служит для транзита нефти из Персидского залива. Поэтому интересы США и КНР сталкиваются не только во вложении средств в экономику стран ЮВА, но и в обеспечении своих стратегических приоритетов в данном регионе.

Сложности возникают у стран АСЕАН-10, которые вынуждены либо встать на свой собственный путь разви-

тия («Путь АСЕАН»), не считаясь с мнениями ведущих игроков в данном субрегионе, либо использовать американо-китайские разногласия в собственных интересах. Это можно заметить на примере их поведения в период торговых американо-китайских войн: АСЕАН отлично реализовали свой экспортно-импортный потенциал по таким группам товаров, как оборудование, механические устройства и электрические машины.

Но это не значит, что США и КНР сдали свои экономические позиции в регионе ЮВА. Прирост экспортных поставок из АСЕАН в Китай и США по итогам 2019 г. составил 27 и 30 млрд долл. соответственно.

Страны АСЕАН для себя решили, что им необходимо активизировать торгово-экономическое сотрудничество с другими странами, поскольку нет смысла отказываться от нарастающего взаимного интереса стран Европы и Ближнего

Востока к ЮВА, поэтому в 2015 г. заключили соглашение с Норвегией, позже со Швейцарией и Германией (в 2016 г.), с Турцией (в 2017 г.), а с Чили с 2019 г. имеются тесные партнерские отношения.

В целом страны АСЕАН сегодня успешно пользуются не только своим ресурсным потенциалом, но и экономическими возможностями региона для дальнейшего расширения сотрудничества со всеми государствами, проявляющими интерес к ЮВА.

Список литературы

1. Mohammad M. R. The dynamic nexus of energy consumption, international trade and economic growth in BRICS and ASEAN countries: A panel causality test // *Energy*. 2021. Vol. 229. <https://doi.org/10.1016/j.energy.2021.120679>.
2. Jie Zhang, Yaowen Chen, Jingjing Gao. Decomposition and decoupling analysis of carbon dioxide emissions from economic growth in the context of China and the ASEAN countries // *Science of The Total Environment*. 2020. Vol. 714. <https://doi.org/10.1016/j.scitotenv.2020.136649>.
3. Muhammad Ali Nasir, Toan Luu Duc Huynh, Huong Thi Xuan Tram. Role of financial development, economic growth & foreign direct investment in driving climate change: A case of emerging ASEAN // *Journal of Environmental Management*. 2019. Vol. 242. P. 131–141. <https://doi.org/10.1016/j.jenvman.2019.03.112>.
4. Ji WonLee Jinhwan Oh ASEAN or plus alpha? The effectiveness of regional economic cooperation // *Asia Pacific Management Review*. 2020. Vol. 25, is. 1. P. 48–53. <https://doi.org/10.1016/j.apmr.2019.07.001>.
5. Yuthana Sethapramote. Synchronization of business cycles and economic policy linkages in ASEAN // *Journal of Asian Economics*. 2015. Vol. 39. P. 126–136. <https://doi.org/10.1016/j.asieco.2015.06.003>.
6. Yoshifumi Fukunaga. ASEAN regional cooperation on competition policy // *Journal of Asian Economics*. 2014. Vol. 35. P. 77–91. <https://doi.org/10.1016/j.asieco.2014.09.005>.
7. Chen I. A harmonized Southeast Asia? Explanatory typologies of ASEAN countries' strategies to the rise of China // *The Pacific Review*. 2013. Vol. 26, No. 3. P. 265–288.
8. Dobkowska J. Hedging China? The Meaning of the ASEAN Member States' Interests in Forging Policies Towards China // *Contemporary Asian Studies Series*. 2014. P. 237–254.
9. Kuik C. C. The essence of hedging: Malaysia and Singapore's response to a rising China // *Contemporary Southeast Asia: A Journal of International and Strategic Affairs*. 2008. Vol. 30, No. 2. P. 159–185.
10. Kuik C. C. Smaller states' alignment choices: a comparative study of Malaysia and Singapore's hedging behavior in the face of a rising China. Johns Hopkins University, 2010. 391 p.
11. Мартынова, Е. С. Интеграционные процессы в Азиатско-Тихоокеанском регионе: новые контуры восточноазиатского регионализма // *Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика*. 2012. Т. 7, № 4. С. 254–270.
12. Малетин Н. П. АСЕАН: три десятилетия внешней политики. М.: МГИМО Унив., 2007. 310 с.
13. Михневич С. В. Конкуренция и сотрудничество в Азиатско-Тихоокеанском регионе // *Вестник международных организаций*. 2016. № 1. С. 92–125.
14. Канаев Е. А. Пятидесятилетний юбилей АСЕАН: «истории успеха» и их ресурсы. М.: ИМЭМО РАН. 2017. 39 с.
15. Ефремова К. А. Государства Юго-Восточной Азии в поисках региональной идентичности // *Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития*. 2018. № 4. С. 39–53.
16. ВВП на душу населения стран мира 2019 по годам. URL: infotables.ru/statistika/43-ekonomicheskaya-statistika-stran-mira/425-vvp-na-dushu-naseleniya-stran-mira-tablitsa (дата обращения: 10.06.2021).
17. Association of Southeast Asian Nations // *The ASEAN Secretariat*. Jakarta, 2020. 82 p. URL: <https://www.aseanstats.org> (дата обращения: 17.06.2021).

18. ASEAN Key Figures 2020 // The ASEAN Secretariat. Jakarta, 2020. 80 p.
19. Jones L. ASEAN's unchanged melody? The theory and practice of 'non-interference' in Southeast Asia // *The Pacific Review*. 2010. Vol. 23, No. 4. P. 479–502.
20. Ping J. H. *Middle Power Statecraft: Indonesia, Malaysia and the Asia-Pacific*. Routledge, 2017. 282 p.
21. Ba A. (Re)Negotiating East and Southeast Asia: region, regionalism, and the association of Southeast Asian Nations. Stanford, CA: Stanford University Press, 2009.
22. Экономическая и социальная комиссии для Азии и Тихого океана ЭСКАТО. URL: <https://www.un.org/ru/ecosoc/escap/> (дата обращения: 11.05.2021).

References

1. Mohammad M. R. The dynamic nexus of energy consumption, international trade and economic growth in BRICS and ASEAN countries: A panel causality test. *Energy*, 2021, vol. 229. <https://doi.org/10.1016/j.energy.2021.120679>.
2. Jie Zhang, Yaowen Chen, Jingjing Gao. Decomposition and decoupling analysis of carbon dioxide emissions from economic growth in the context of China and the ASEAN countries. *Science of The Total Environment*, 2020, vol. 714. <https://doi.org/10.1016/j.scitotenv.2020.136649>.
3. Muhammad Ali Nasir, Toan Luu Duc Huynh, Huong Thi Xuan Tram. Role of financial development, economic growth & foreign direct investment in driving climate change: A case of emerging ASEAN. *Journal of Environmental Management*, 2019, vol. 242, pp. 131–141. <https://doi.org/10.1016/j.jenvman.2019.03.112>.
4. Ji Won Lee, Jinhwan Oh. ASEAN or plus alpha? The effectiveness of regional economic cooperation. *Asia Pacific Management Review*, 2020, vol. 25, is. 1, pp. 48–53. <https://doi.org/10.1016/j.apmr.2019.07.001>.
5. Yuthana Sethapramote. Synchronization of business cycles and economic policy linkages in ASEAN. *Journal of Asian Economics*, 2015, vol. 39, pp. 126–136. <https://doi.org/10.1016/j.asieco.2015.06.003>.
6. Yoshifumi Fukunaga. ASEAN regional cooperation on competition policy. *Journal of Asian Economics*, 2014, vol. 35, pp. 77–91. <https://doi.org/10.1016/j.asieco.2014.09.005>.
7. Chen I. A harmonized Southeast Asia? Explanatory typologies of ASEAN countries' strategies to the rise of China. *The Pacific Review*, 2013, vol. 26, no. 3, pp. 265–288.
8. Dobkowska J. Hedging China? The Meaning of the ASEAN Member States' Interests in Forging Policies Towards China. *Contemporary Asian Studies Series*, 2014, pp. 237–254.
9. Kuik C. C. The essence of hedging: Malaysia and Singapore's response to a rising China. *Contemporary Southeast Asia: A Journal of International and Strategic Affairs*, 2008, vol. 30, no. 2, pp. 159–185.
10. Kuik C. C. Smaller states' alignment choices: a comparative study of Malaysia and Singapore's hedging behavior in the face of a rising China. Johns Hopkins University, 2010. 391 p.
11. Martynova, E. S. Integratsionnye protsessy v Aziatsko-Tikhookeanskom regione: novye kontury vostochnoaziatskogo regionalizma [Integration processes in the Asia-Pacific region: new contours of East Asian regionalism]. *Vestnik mezhdunarodnykh organizatsii: obrazovanie, nauka, novaya ekonomika = Bulletin of international organizations: education, science, new economy*, 2012, vol. 7, no. 4, pp. 254–270.
12. Maletin N. P. ASEAN: tri desyatiletia vneshnei politiki [ASEAN: Three Decades of Foreign Policy]. Moscow, MGIMO Univ. Publ., 2007. 310 p.
13. Mikhnevich S. V. Konkurentsia i sotrudnichestvo v Aziatsko-Tikhookeanskom regione [Competition and cooperation in the Asia-Pacific region]. *Vestnik mezhdunarodnykh organizatsii = Bulletin of international organizations*, 2016, no. 1, pp. 92–125.
14. Kanaev E. A. Pyatidesyatiletii yubilei ASEAN: "istorii uspekha" i ikh resursy [ASEAN 50th Anniversary: Success Stories and Resources]. Moscow, IMEMO RAN Publ., 2017. 39 p.

15. Efremova K. A. Gosudarstva Yugo-Vostochnoi Azii v poiskakh regional'noi identichnosti [The states of Southeast Asia in search of regional identity]. *Yugo-Vostochnaya Aziya: aktual'nye problemy razvitiya = Southeast Asia: topical development problems*, 2018, no. 4, pp. 39–53.
16. VVP na dushu naseleniya stran mira 2019 po godam [GDP per capita of the countries of the world 2019 by years]. Available at: infotables.ru/statistika/43-ekonomicheskaya-statistika-stran-mira/425-vvp-na-dushu-naseleniya-stran-mira-tablitsa (accessed 10.06.2021).
17. Association of Southeast Asian Nations. Jakarta, The ASEAN Secretariat, 2020. 82 p. Available at: <https://www.aseanstats.org> (accessed 17.06.2021).
18. ASEAN Key Figures 2020. Jakarta, The ASEAN Secretariat, 2020. 80 p.
19. Jones L. ASEAN's unchanged melody? The theory and practice of 'non-interference' in South-east Asia. *The Pacific Review*, 2010, vol. 23, no. 4, pp. 479–502.
20. Ping J. H. Middle Power Statecraft: Indonesia, Malaysia and the Asia-Pacific. Routledge, 2017. 282 p.
21. Ba A. (Re)Negotiating East and Southeast Asia: region, regionalism, and the association of Southeast Asian Nations. Stanford, CA, Stanford University Press, 2009.
22. ESCAP Economic and Social Commission for Asia and the Pacific. Available at: <https://www.un.org/ru/ecosoc/escap/> (accessed 05.11.2021).

Информация об авторах / Information about the Authors

Кузьмина Виолетта Михайловна, кандидат исторических наук, доцент кафедры международных отношений и государственного управления, Юго-Западный государственный университет, г. Курск, Российская Федерация, e-mail: kuzmina-violetta@yandex.ru, ORCID: 0000-0002-1867-7330

Violetta M. Kuzmina, Candidate of Historical Science, Associate Professor of the Department of International Relations and Public Administration, Southwest State University, Kursk, Russian Federation, e-mail: kuzmina-violetta@yandex.ru, ORCID: 0000-0002-1867-7330

Головин Алексей Анатольевич, доктор экономических наук, профессор кафедры международных отношений и государственного управления, Юго-Западный государственный университет, г. Курск, Российская Федерация, e-mail: dr.golovin2013@yandex.ru

Alexey A. Golovin, Doctor of Economic Sciences, Professor of the Department of International Relations and Public Administration, Southwest State University, Kursk, Russian Federation, e-mail: dr.golovin2013@yandex.ru

УДК [330.34+316.42](1-926):616-036.21:578.834.1

Экономическое развитие стран Африки в условиях пандемии коронавируса

Е. А. Юмаев¹ ✉

¹ Омский государственный технический университет,
пр. Мира 11, г. Омск 644050, Российская Федерация

✉ e-mail: egorumaev@rambler.ru

Резюме

Актуальность исследования определяется быстрым ростом интереса к странам Африки со стороны ключевых игроков мировой экономики, стремящихся расширить и укрепить свое присутствие на континенте.

Цель исследования состоит в выявлении особенностей экономического развития стран Африки в условиях пандемии коронавируса.

Задачи: выявление каналов воздействия пандемии коронавируса на экономическое развитие стран Африки; уточнение актуальной повестки экономического развития; исследование особенностей предоставления Африке экономической помощи ведущими мировыми финансовыми институтами; выявление ключевых экономических и социальных последствий для стран Африки в условиях пандемии коронавируса.

Методология представлена методами научного обобщения, сбора и обработки информации, анализа и синтеза.

Результаты. Влияние коронавируса на страны Африки накладывается на значительное количество существующих проблем: глобальное потепление, нехватка питьевой воды, отсутствие развитой диверсифицированной промышленности, саранча, низкий уровень жизни и образования и др. Накопленных финансовых резервов, которые могли бы смягчить экономический кризис, нет. Страны континента идут по пути увеличения уровня государственного долга, который ложится тяжелым бременем на национальные экономики.

Выводы. Страны Африки в условиях санитарно-экономического кризиса рискуют в короткий срок потерять те достижения, которые были сделаны за предшествующие пандемии 25 лет непрерывного экономического роста. Одни государства региона остро зависят от спроса на экспортируемые на мировой рынок природные ресурсы, для других угрозой представляет ослабление туристического потока из развитых стран. Зависимость Африки от международного капитала быстро возрастает, что позволяет кредиторам усиливать контроль над государствами региона. Пандемия коронавируса, как минимум, в среднесрочной перспективе приостановит интеграционные тенденции на африканском континенте.

Ключевые слова: Африка; пандемия; коронавирус; экономический кризис; внешнеторговые отношения; Международный валютный фонд; Всемирный банк; Франция.

Конфликт интересов: В представленной публикации отсутствует заимствованный материал без ссылок на автора и (или) источник заимствования, нет результатов научных работ, выполненных автором публикации лично и (или) в соавторстве, без соответствующих ссылок. Автор декларирует отсутствие конфликта интересов, связанных с публикацией данной статьи.

Для цитирования: Юмаев Е. А. Экономическое развитие стран Африки в условиях пандемии коронавируса // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. 2021. Т. 11, № 4. С. 35–48.

Поступила в редакцию 16.05.2021

Принята к публикации 02.07.2021

Опубликована 31.08.2021

© Юмаев Е. А., 2021

Economic Development of African Countries in the Context of the Coronavirus Pandemic

Egor A. Yumaev¹ ✉

¹ Omsk State Technical University
11 Mira str., Omsk 644050, Russian Federation

✉ e-mail: egorumaev@rambler.ru

Abstract

Relevance of the study is determined by the rapid growth of interest in African countries from key players in the world economy seeking to expand and strengthen their presence on the continent.

The purpose of the study is to identify the features of the economic development of African countries in the context of the coronavirus pandemic.

Objectives: identification of the channels of the impact of the coronavirus pandemic on the economic development of African countries; clarification of the current economic development agenda; study of the features of providing economic assistance to Africa by the world's leading financial institutions; identification of the key economic and social consequences for African countries in the context of the coronavirus pandemic.

The methodology is represented by the methods of scientific generalisation, information collection and processing, analysis and synthesis.

Results. The impact of the coronavirus on African countries is superimposed on a significant number of existing problems: global warming, lack of drinking water, lack of a developed diversified industry, locusts, low standards of living and education, etc. There are no accumulated financial reserves that could mitigate the effects of the economic crisis. The countries of the continent are on the path of increasing the level of public debt, which places a heavy burden on national economies.

Conclusions. African countries in the context of the sanitary and economic crisis risk losing in a short time the achievements that were made during the 25 years of continuous economic growth that preceded the pandemic. Some countries in the region are acutely dependent on the demand for resources exported to the world market, while others are threatened by the weakening of the tourist flow from developed countries. Africa's dependence on international capital is rapidly increasing, allowing lenders to increase their control over the region's States. The coronavirus pandemic will suspend integration trends on the African continent at least in the medium term.

Keywords: Africa; pandemic; coronavirus; economic crisis; foreign trade relations; International Monetary Fund; World Bank; France.

Conflict of interest: In the presented publication there is no borrowed material without references to the author and (or) source of borrowing, there are no results of scientific works performed by the author of the publication, personally and (or) in co-authorship, without relevant links. The author declares no conflict of interest related to the publication of this article.

For citation: Yumaev E. A. Economic Development of African Countries in the Context of the Coronavirus Pandemic. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Ekonomika. Sotsiologiya. Menedzhment* = *Proceedings of the Southwest State University. Series: Economics, Sociology and Management*. 2021; 11(4): 35–48. (In Russ.)

Received 16.05.2021

Accepted 02.07.2021

Published 31.08.2021

Введение

Беспрецедентные по масштабам угрозы, появившиеся в 2020 г. вследствие лавинообразного распространения на планете коронавируса COVID-19, потребовали повсеместной реализации системных мер государственной поддержки бизнеса и населения, мобилизации всех возможных внутренних и внешних финансовых источников [1]. Мировая эко-

номика после пандемии погрузится в рецессию, более сильную, чем за предыдущие десятилетия. Из-за повсеместного распространения COVID-19 бизнесмены и инвесторы пересматривают ранее намеченные планы, формируют стратегии посткризисного развития [2, с. 117].

Последствия пандемии в странах Африки носят не только финансово-экономический, но и гуманитарный характер. Еще до проникновения на конти-

нент COVID-19 начался отток прямых иностранных инвестиций и капитала, сократился экспорт сырьевых ресурсов и объем денежных переводов от трудовых мигрантов, работающих в развитых странах [3, с. 40]. Африка остро нуждается в современных компетенциях, которые необходимы для реализации «Повестки дня-2063» и «Повестки дня в области устойчивого развития на период до 2030 года» [4, с. 117].

Материалы и методы

Проведенное исследование базируется на методах научного обобщения, сбора и обработки информации, анализа и синтеза, контент-анализа информационных источников. Были использованы труды ученых Института Африки РАН, Института Европы РАН, Института мировой экономики и международных отношений им. Е. М. Примакова РАН, Астраханского государственного университета, Курского филиала Финансового университета при Правительстве РФ, Российского государственного университета нефти и газа им. И. М. Губкина, Санкт-Петербургского государственного экономического университета, Санкт-Петербургского политехнического университета Петра Великого.

Значительное внимание уделено новейшим зарубежным исследованиям по заявленной тематике ученых из Нильского университета Нигерии / Nile University of Nigeria (г. Абуджа, Нигерия), Докторского колледжа политических исследований / National Graduate Institute for Policy Studies (г. Токио, Япония), Университета Кейп-Коста / University of Cape Coast (г. Кейп-Кост, Гана), Университета Суррея / University of Surrey (г. Гилфорд, Великобритания), Гронингемского университета / University of Groningen (г. Гронингем, Нидерланды), Кентского университета / University of Kent (г. Кентербери, Великобритания), Хельсинкского университета / University of Helsinki (г. Хельсинки, Финляндия) и др.

Информационные материалы, размещенные на официальных сайтах Петербургского международного экономического форума; российского государственного информационного агентства ТАСС; деловых общенациональных газет «Ведомости» и «Коммерсантъ»; Всемирного банка / La Banque mondiale, panaфриканского еженедельного новостного журнала «Jeune Afrique»; Конференции ООН по торговле и развитию / United Nations conference on Trade and Development; французских общенациональных средств массовой информации «Le Monde», «Radio France internationale», «Le Point»; британской общенациональной общественной телерадиовещательной организации «BBC» позволили расширить представление об изучаемом явлении. Перевод всех франкоязычных и англоязычных источников выполнен лично автором.

Результаты и их обсуждение

Африка накануне мирового санитарно-экономического кризиса

По данным Международного валютного фонда, страны Африки в течение последних 25 лет растут быстрее остальных стран мира [5]. Дело и в «эффекте новичка» (на африканский континент приходится только 5% мирового ВВП), и в чрезвычайно низкой заработной плате. Уровень оплаты труда в зависимости от страны колеблется в основном в пределах от 23 до 100 долл. США в месяц. Средний экономический рост стран Африки много лет находился на уровне 5%, при этом континент по-прежнему далек от создания диверсифицированной экономики [6].

Усилия африканских стран по обеспечению высоких темпов экономического роста традиционно были направлены на повышение уровня образованности населения и развитие энергетики. В последние годы обозначился третий приоритет – цифровая трансформация экономики. Во всех крупных городах созданы техниче-

ские центры, отвечающие за цифровизацию. Однако развитие цифровых технологий неразрывно связано с повышением уровня цифровой грамотности населения. Как повышать цифровую грамотность, если, например, в Нигерии в разных регионах страны от 50 до 60% населения элементарно не умеет читать и писать?

Комиссар по вопросам инфраструктуры и энергетики Комиссии Африканского союза Аmani Абу-Зеид особенно важным считает феномен «живучести» африканской экономики. Прошедшие до пандемии 25 лет были отмечены чередой серьезных трудностей, конфликтов, сильное негативное влияние оказывает глобальное потепление [5] и другие факторы. Однако вопреки всему высокие темпы экономического роста стабильно сохранялись в «допандемийный» период [6].

Вместе с тем МВФ обеспокоен бременем государственного долга африканских стран. Еще до начала в 2020 г. мирового санитарно-экономического кризиса отмечалась негативная тенденция. В структуре задолженности появлялись более дорогие кредиты с короткими сроками [5; 7].

Согласно результатам научных исследований, опубликованным в 2021 г., пороговое значение уровня госдолга, после преодоления которого размер долга начинает оказывать крайне негативное влияние на экономическое развитие государства, составляет 51,65% от ВВП [8].

С 2008 по 2018 г. средний государственный долг стран Африки вырос с 38 до 56% ВВП [9]. К апрелю 2020 г. он составил уже 64% от ВВП. По итогам 2020 г. средний уровень долга африканских стран достиг 70% ВВП и продолжает расти в 2021 г. [10]

Каналы воздействия коронавируса на экономику стран Африки и первые «жертвы» кризиса

Президент французского аналитического центра «Cercle des économistes»

Жан-Эрве Лоренци / Jean-Hervé Lorenzi выделяет три основных канала воздействия пандемии коронавируса на экономическое развитие стран Африки [11]:

– собственно сам феномен санитарного кризиса, к которому континент не был готов противостоять во всеоружии, потому что не было самого «оружия»;

– природные ресурсы; в структуре экспорта африканских стран преобладает сырье, спрос на которое ввиду повсеместного замедления темпов развития снижается;

– чрезмерная долговая нагрузка, характерная для богатых стран, снизит объемы финансовой помощи и ухудшит условия ее предоставления для стран Африки.

Жан-Эрве Лоренци считает, что в пост-коронавирусном мире потребуется пересматривать правила глобализации, повышать автономность, отдавая приоритет именно местному производству для внутреннего потребления.

Жан-Поль Мвого / Jean-Paul Mvogo, опираясь на изучение влияния лихорадки Эбола на экономику, особенностей мирового экономического кризиса 2008–2009 гг., указывает на три волны, поражающие экономику [12].

«Жертвами» первой волны стали транспорт и туризм. Запас прочности африканских авиакомпаний до начала кризиса 2020 г. составлял не более двух месяцев. Необходимость государственной поддержки указанным сферам не вызывает сомнений. Транспорт и туризм вместе обеспечивают 8,5% совокупного ВВП всех стран континента и предоставляют рабочие места 6,7% от общего числа трудоустроенных граждан.

«Вторая волна» представила собой экономические потрясения, которые замедлили экономику Китая и зависящих от него стран, в совокупности являющихся главными торговыми партнерами Африки. Африканские страны-экспортеры нефти верстали свои бюджеты на 2020 г., ориентируясь на цену барреля нефти в

50–60 долл. США [13]. В первый месяц пандемии цены ушли ниже отметки в 30 долл. США; в конце апреля 2020 г. не достигали даже 20 [14]. К концу 2020 г. цены на нефть приблизились к прогнозным значениям, однако большую часть 2020 г. выручка от продажи нефти была ниже значений, исходя из которых верстались бюджеты.

«Третья волна» связана непосредственно с распространением COVID-19. В территориях, подверженных инфекции, прервалась экономическая активность [15], застыл товарооборот между городской и сельской местностью.

Наиболее вероятным для Африки видится такой сценарий: падение инвестиций, замедление рынка кредитования, рост размеров «безнадежной задолженности», разгон инфляции. В итоге правительствам останется наращивать государственный долг, доводя долговую нагрузку до неприемлемого уровня.

«Сырьевая кладовая» с неясными перспективами создания высокотехнологичных перерабатывающих производств в условиях санитарно-экономического кризиса

Промышленно-развитые страны в основном не заинтересованы в развитии на территории самой Африки производств с глубокой переработкой природных ресурсов. Прямые иностранные инвестиции не сделали африканские страны богатыми. Особенно остро чувствуют влияние мировых экономических кризисов нефтедобывающие государства континента [13].

В условиях нового экономического кризиса крупнейшая экономика Африки – Нигерия дорого платит за свою нефтяную зависимость. Первая за 25 лет рецессия неизбежна. В стране были приняты экстренные жесткие меры для недопущения распространения инфекции. Кроме борьбы с COVID-19, властям страны необходимо разобраться со вспышкой неизвестной смертельной болезни, не связанной с

коронавирусом, во втором по численности городе Кано. Уровень смертности резко возрос, подобное в последний раз наблюдалось 60 лет назад во время эпидемии холеры [16]. Для покрытия бюджетных дефицитов страна получила кредит от МВФ в 3,1 млрд долл. США (0,8% от уровня ВВП). Но этого недостаточно для финансового покрытия всех потребностей [17].

Туризм, хотя и развит в Африке несколько меньше, чем в других макрорегионах Земли, является важной отраслью экономики [18]. Его развитие представляет альтернативу экспорту не обработанных полезных ископаемых, впрочем не во всех странах туризм развит одинаково. В некоторых потеря туристов несет угрозы экономике не меньшие, чем снижение стоимости барреля нефти нефтедобывающим государствам [19]. В числе наиболее пострадавших Тунис, принявший в 2019 г. 9 млн туристов. Туристическая отрасль страны только-только начала восстанавливаться после кровавых терактов 2015 г. [20]

Поток денежных переводов от трудовых мигрантов в Мали обрушился. Страна находится в состоянии войны, и для многих граждан денежные переводы от работающих в богатых неафриканских странах родственников являются единственным источником существования. Многие мигранты в 2020 г. застряли во Франции и не могли выехать на родину. Другие, наоборот, не могли вернуться во Францию, чтобы работать. Население Мали остро зависит от денежных переводов от представителей диаспоры, разбросанной по 77 странам мира. В 2017 г. денежные переводы в страну составили 1 млрд долл. США и были эквивалентны 6,7% ВВП. Кроме того, в предыдущие годы Мали подверглось нашествию саранчи, что на фоне экономического кризиса может значительно усилить голод [21].

Крупнейший мировой производитель какао и орехов кешью Кот-д-Ивуар по причине закрытия мировых портов, от-

мены рейсов, разрыва технологических цепочек не может экспортировать два своих главных товара. В 2020 г. значительно сократилась загрузка главного торгового порта страны, порядка 3000 сотрудников были отправлены в неоплачиваемые отпуска. Однако несмотря на все трудности власти страны считают, что экономический рост по итогам года сократится в два раза (с 7,2% до 3,6%), будет положительным, что уже неплохо на фоне повсеместных прогнозов глубокой экономической рецессии. Из общего количества экспорта двух главных товаров менее 10% собранных орехов и 30% какао-бобов перерабатываются непосредственно в Кот-д'Ивуар [22].

Экономический кризис в Африке накладывается на сильную засуху, что существенно усугубляет ситуацию и может ускорить наступление экономического коллапса. Из наиболее вероятных мер социальной поддержки населению от местных правительств – отсрочка (но не отмена) уплаты налогов, компенсации потерявшим работу, приостановка выплат в социальные фонды, отсрочка платежей по кредитам на срок до нескольких месяцев и помощь с их оплатой [23].

Кто помогает Африке преодолевать мировой санитарно-экономический кризис

По оценкам главы МВФ К. Георгиевой / K. Georgieva, минимальная сумма для поддержки здравоохранения и покрытия финансовых потребностей континента составляет 114 млрд долл. США. В апреле 2020 г. МВФ заморозил долги беднейших стран. Нигерия выступила с инициативой о пересмотре ранее достигнутых договоренностей по задолженности для стран со средним уровнем развития, предлагая включить в утверждённый список государства, имеющие средний уровень экономического развития.

Перед лицом новой рецессии Парижским клубом было принято решение ввести мораторий на выплату долга бедней-

шими странами мира. 76 самых бедных государств планеты, 40 из которых находятся в Африке, должны были выплатить в 2020 г. 32 млрд долл. США. По достигнутой договорённости введен мораторий на выплату 20 млрд долл. США. Министры финансов африканских стран просили мораторий на 44 млрд долл. США (включающего горизонт выплат после 2020 г.), поэтому принятое решение оказалось не слишком близко их ожиданиям. Да и сам мораторий является полумерой. На выплату долга многие страны тратят финансов больше, чем выделяют национальным системам здравоохранения. Государственные финансы беднейших стран характеризуются чрезмерным уровнем кредитной нагрузки. Однако решение о полном списании долга требует согласия кредиторов, в числе которых как частные лица, так и государства [24].

Позиция официальных властей Франции состоит в полном списании долгов африканским странам перед угрозой последствий мирового санитарно-экономического кризиса. С ним солидарны МФВ и Всемирный банк, но нет полного единодушия среди сообщества кредиторов Африки. С другой стороны, структура долга африканских стран в последние годы изменилась. Они приобретали такие долги, которые трудно списать, например, еврооблигации [25]. Государства нарастили «частные долги», помощь с которыми лежит вне прямой компетенции стран ЕС, МВФ и Всемирного банка. К апрелю 2021 г. решений, принципиально меняющих подходы к реструктуризации долговой нагрузки стран Африки, так и не было принято.

В условиях начала пандемии для Африки мировым финансовым сообществом были предусмотрены следующие меры поддержки [24]:

– 100 млрд долл. США МВФ на поддержку экономики 189 стран-членов предусмотрел 1 трлн долл. США, из которых 100 млрд долл. США предназначены странам африканского континента.

В рамках расширенной кредитной линии / *La facilité de crédit élargie* беднейшие страны получили кредит под нулевую процентную ставку. Все остальные страны в рамках быстрого финансирования / *L'instrument de financement rapide* получили льготные кредиты;

– 14 млрд долл. США Всемирный банк в качестве приоритета поддержки африканской экономики выделил неформальный сектор, который обеспечивает работой и заработком значительное число африканцев;

– 14 млрд долл. США Европейский союз через Европейские фонды развития / *Les Fonds européens de développement* 90% от названной суммы запланировал к выделению странам Африки. Большая часть – 8 млрд долл. США – направлена на поддержку предприятий;

– 10 млрд долл. США Африканский банк развития / *La Banque africaine de développement* разработал самую амбициозную программу помощи из всех собственно африканских финансовых институтов. 1,4 млрд долл. США зарезервированы на прямую поддержку частного сектора. Остаток направлен на прямую помощь государствам и поддержку Африканского фонда развития / *Le Fond africain de développement*;

– 3 млрд долл. США Афрэксимбанк (Африканский экспортно-импортный банк) / *Afreximbank* подготовил собственный план поддержки экономики континента, который отвечает его основной миссии. Средства в первую очередь предоставлялись странам для финансирования международных торговых операций, по которым они взяли на себя обязательства.

Для сравнения: стоимость пакета мер, разработанного администрацией бывшего президента США Д. Трампа, направленного на преодоление последствий пандемии коронавируса (*Coronavirus Aid, Relief, and Economic Security Act, CARES Act*), составила 2,2 трлн долл. США [26, с. 6].

В период, предшествовавший пандемии коронавируса, Россия списала странам Африки задолженность в размере 20 млрд долл. США [27].

Предвосхищая череду дефолтов африканских стран, Международный валютный фонд и Всемирный банк договорились продлить мораторий на обслуживание долга беднейшими странами Африки. Первой страной, оказавшейся на грани разорения, является Замбия, с трудом обсуживающая долг в 12 млрд долл. США по причине снижения спроса на свой основной экспортный товар – медь.

В текущих условиях разбалансировки государственных финансов, непомерного разрастания долговой нагрузки, скачкообразного роста бедности, целого комплекса проблем с привлечением прямых иностранных инвестиций оторванными от реальности представляются рекомендации Всемирного банка для стран Африки [28]:

– уделение приоритетного внимания экономическим реформам и инвестициям;

– перераспределение имеющихся финансовых ресурсов в пользу современных секторов экономики;

– политика пространственной интеграции с целью поощрения создания рабочих мест с более высокой эффективностью.

Коронавирус в Африке: экономические и социальные последствия

Согласно оценкам Всемирного банка, несмотря на относительно благополучную, на фоне остального мира, санитарную картину экономические последствия для африканского континента будут весьма ощутимыми. Впервые за 25 лет в странах Африки к югу от Сахары / *L'Afrique subsaharienne* экономический рост сменится спадом. Порядка 40 млн человек окажутся в крайней нищете. Таким образом, пандемия перечеркнет усилия последних пяти лет, направленные на

последовательный рост благосостояния [28]. Показатели фондовых рынков 10 африканских стран к декабрю 2020 г. значительно снизились (от $-2,7\%$ до -20%). Только в трех странах из исследуемой японскими и африканскими учеными выборки падения котировок не произошло [29].

В октябре 2020 г. МВФ пересмотрел собственный прогноз по снижению темпов роста африканской экономики, сделанный в апреле этого же года [30]. Вместо предполагаемого снижения на $1,6\%$ падение достигнет 3% . Особенно сильные трудности в условиях санитарно-экономического кризиса испытывают страны, ориентированные на туризм (Маврикий, Сейшелы, Марокко, Тунис). В нефтедобывающих странах падение ВВП будет более глубоким, чем в среднем на континенте ($-4,1\%$) по причине снижения спроса на нефть на мировом рынке. Согласно прогнозам, экономический спад в этих странах продолжится и в 2021 г., но темпы падения замедлятся (-2%).

В 2019 г. страны Африки подписали соглашение, имеющее целью расширение торговых операций на континенте. В случае реализации намеченной программы будет создан единый общеафриканский рынок с более чем 1 млрд потребителей. В перспективе Африка может стать крупнейшей в мире зоной свободной торговли с общим ВВП в 3 трлн долл. США [31]. Пандемия приостановила реализацию этой амбициозной задачи. Согласно оценкам Африканского банка развития / *La Banque africaine de développement*, внутриафриканский экспорт составляет всего $16,6\%$ от общего экспорта. В условиях либерализации внутренней торговли можно ожидать роста производств, ориентированных на внутреннее потребление, и на рост прямых иностранных инвестиций для их запуска. Принципиальное согласие всех стран, входящих в Африканский таможенный союз / *l'Union douanière de l'Afrique*, не достигнуто: не-

которые государства боятся потерять доходы от пошлин на импорт; другие в первую очередь нацелены на защиту собственной экономики и рабочих мест.

Пандемия коронавируса стала серьезным испытанием на прочность даже для крупных интеграционных экономических объединений государств. Ю. В. Вертакова, В. Г. Зарецкая, В. А. Плотников, проанализировав конвергенцию (сходимость) показателей, характеризующих экономическое развитие стран Европейского союза, приходят к выводу, что с высокой степенью вероятности «безусловный мировой флагман экономической интеграции» в результате воздействия COVID-19 ожидает дезинтеграционный сценарий [32, с. 15]. Можно с уверенностью предположить, что интеграционный проект по созданию зоны свободной торговли на всем африканском континенте в условиях пандемии коронавируса будет отодвинут. По мере восстановления экономики интеграция вернется в повестку, однако скорее речь будет идти не о панафриканской зоне свободной торговли. Либерализация торгового режима на континенте будет происходить точечно, связывая в общий рынок ограниченное число стран. На первом этапе появится несколько автономных интеграционных объединений. Следующим этапом станет их не одновременное связывание друг с другом. Потребуется серьезные инвестиции на создание и модернизацию транспортной инфраструктуры. Очевидно, этот процесс будет длительным.

Особые опасения специалистов вызывает ситуация в двух крупнейших экономиках Африки. В ЮАР по итогам 2020 г. ожидается снижение ВВП на 8% , рост безработицы на 37% , эпидемиологическая ситуация именно в этой стране является наиболее тяжелой на континенте. В Нигерии, также являющейся «локомотивом» африканской экономики, ВВП сократится в 2020 г. на 4% , однако в 2021 г. возможен его рост на $1,7\%$. Не лучше ситуация и в нефтедобывающей Анголе

[33]. Лишь в четырех странах континента: Эфиопия, Танзания, Кот-д'Ивуар, Кения – нет экономического спада. Значительную долю в экономике африканских стран занимает теневой сектор, вследствие чего точно определить требуемые суммы и оказать адресную помощь очень сложно. В странах к югу от Сахары кустарная мелкомасштабная добыча полезных ископаемых, чрезвычайно трудоемкая, позволяет выживать населению сельских территорий [34]. В условиях коронавируса эти районы, характеризующиеся высоким уровнем ненаблюдаемой экономики, превратились в подлинные очаги социального бедствия. Помощь чаще носит неденежный характер: продукты питания, медикаменты, предметы первой необходимости [30].

Несмотря на финансовые трудности правительства многих африканских стран нарастили расходы на здравоохранение. В числе лидеров по увеличению медицинских расходов Буркина-Фасо, Гамбия, Центральноафриканская республика. Представители африканских стран отмечают необходимость нового «Плана Маршалла» для системы здравоохранения, на реализацию которого, по их оценкам, требуется 1 трлн долл. США [33]. Анализируя «уроки» пандемии, исследователи из африканских стран заявляют об острой необходимости подготовки нового поколения врачей и ученых, которые смогут эффективно работать в условиях текущего и будущих санитарных кризисов [35].

Выводы

1. В странах Африки воздействие на экономику пандемии коронавируса усугубляется наличием многих других трудностей, характерных либо для большинства, либо для ряда государств континента. Саранча, голод, глобальное потепление, острая нехватка питьевой воды, экономический крах являются для Африки проблемами более осязаемыми и угрожающими, чем коронавирус. Помимо

указанных общих для макрорегиона угроз, в отдельных странах есть свои особенности (т. е. трудности, требующие незамедлительного решения), по причине которых «коронавирус теряется в длинном перечне острых проблем».

2. Рецессия, обусловленная мировым санитарно-экономическим кризисом, стала причиной серьезных потрясений в экономике и социальной сфере. Накопленных золотовалютных ресурсов, которые могли бы помочь пережить трудный период, в Африке практически нет. Кризис в очередной раз обнажил недостатки модели развития, ориентированной на экспорт необработанных или малообработанных природных ресурсов, острую зависимость беднейших стран от денежных переводов соотечественников – трудовых мигрантов, работающих в богатых странах Европы. Экономические успехи последних 25 лет не привели к значительному росту благосостояния населения, накоплению финансовых резервов. Неблагоприятная структура внешней торговли, чрезмерно высокая зависимость от мировых финансовых фондов не позволяют странам Африки обеспечить экономическую независимость и повысить уровень жизни населения.

3. Зависимость стран Африки от международного капитала прогрессирует. Крупнейшие мировые фонды способны выделить на экономическую и социальную поддержку в десятки раз больше финансовых ресурсов, чем собственно африканские институты. В итоге это оборачивается усилением контроля, который устанавливают наиболее развитые страны Европы, Северной Америки и Азии над экономическими процессами на континенте.

4. Несмотря на продолжающиеся интеграционные процессы Африка остается территорией с низким уровнем связности: отсутствует привычное в остальных частях света железнодорожное сообщение между странами, границы выполняют свою «классическую» функцию, препятствуя перемещению людей и товаров.

Несмотря на создание panaфриканских организаций принятие совместных усилий для решения экономических проблем затруднено.

Список литературы

1. Вертакова Ю. В., Феоктистова Т. В. Реализация антикризисных мер для населения и бизнеса в условиях пандемии коронавируса COVID-19 // Экономика и управление. 2020. Т. 26, № 5 (175). С. 444–454.
2. Акмаева Р. И., Бабкин А. В., Епифанова Н. Ш. О стратегиях восстановления российских организаций после COVID-19 // Научно-технические ведомости Санкт-Петербургского государственного политехнического университета. Экономические науки. 2020. Т. 13, № 3. С. 115–128.
3. Биссон Л. С. Новая стратегия ЕС для Африки: в поисках подлинного партнерства // Современная Европа. 2020. № 3 (96). С. 39–50.
4. Волков С. Н. Новая эпоха в развитии российско-африканского сотрудничества // Мировая экономика и международные отношения. 2020. Т. 64, № 12. С. 113–122.
5. Faujas A. Kristalina Georgieva, directrice générale du FMI: "L'Afrique n'a besoin de copier personne" // Jeune Afrique. URL: <https://www.jeuneafrique.com/mag/869186/economie/kristalina-georgieva-directrice-generale-du-fmi-lafrique-na-besoin-de-copier-personne/> (дата обращения: 18.04.2021).
6. Россия-Африка // Петербургский международный экономический форум. URL: <https://forumspb.com/archive/2019/programme/68933/> (дата обращения: 18.04.2021).
7. Faujas A. Afrique subsaharienne: le FMI s'inquiète du poids de la dette publique sur le développement // Jeune Afrique. URL: <https://www.jeuneafrique.com/558155/economie/afrique-subsaharienne-le-fmi-sinquiete-du-poids-de-la-dette-publique-sur-le-developpement/> (дата обращения: 18.04.2021).
8. Public debt and economic growth in developing countries: Nonlinearity and threshold analysis / S. H. Law, Ch. H. Ng, A. M. Kutan, Z. K. Law // Economic Modelling. 2021. No 98. P. 26–40. <https://doi.org/10.1016/j.econmod.2021.02.004>.
9. Igwe K. Afrique, Monde: dette publique, un loup dans la bergerie! // Le Point. URL: https://www.lepoint.fr/afrique/afrique-monde-dette-publique-un-loup-dans-la-bergerie-18-07-2020-2384759_3826.php (дата обращения: 18.04.2021).
10. Smith P. IMF/Georgieva: After austerity, it's 'spend, spend, spend' at the Fund // The Africa report. URL: <https://www.theafricareport.com/78120/imf-georgieva-after-austerity-its-spend-spend-spend-at-the-fund/> (дата обращения: 25.04.2021).
11. Faujas A. Coronavirus: "Il faut revoir les règles de la mondialisation" // Jeune Afrique. URL: <https://www.jeuneafrique.com/mag/913946/economie/coronavirus-il-faut-revoir-les-regles-de-la-mondialisation/> (дата обращения: 18.04.2021).
12. Mvogo J.-P. Le coronavirus frappera les économies africaines par vagues // Jeune Afrique. URL: <https://www.jeuneafrique.com/916014/economie/tribune-le-coronavirus-frappera-les-economies-africaines-par-vagues/> (дата обращения: 18.04.2021).
13. Mbadi O. En Afrique centrale, les producteurs de pétrole voient la vie en noir // Jeune Afrique. URL: <https://www.jeuneafrique.com/mag/913955/economie/en-afrique-centrale-les-producteurs-de-petrole-voient-la-vie-en-noir/> (дата обращения: 18.04.2021).
14. Prix du baril – Le cours officiel du pétrole. URL: <https://prixdubaril.com/> (дата обращения: 18.04.2021).
15. Muller S. M. The dangers of performative scientism as the alternative to anti-scientific policy-making: A critical, preliminary assessment of South Africa's Covid-19 response and its consequences // World Development. 2021. No 140. <https://doi.org/10.1016/j.worlddev.2020.105290>.
16. Le mystère des morts en cascade à Kano au Nigeria // BBC. URL: <https://www.bbc.com/afrique/region-52473250> (дата обращения: 18.04.2021).

17. Tilouine J. Le Nigeria paie très cher son addiction au pétrole // Le Monde. URL: https://www.lemonde.fr/afrique/article/2020/05/01/le-nigeria-paie-tres-cher-son-addiction-au-petrole_6038391_3212.html (дата обращения: 18.04.2021).
18. Le développement économique en Afrique: Le tourisme au service d'une croissance transformatrice et inclusive // United Nations conference on Trade and Development. URL: https://unctad.org/meetings/fr/SessionalDocuments/tdb64d2_fr.pdf (дата обращения: 18.04.2021).
19. Dahmani F. En Tunisie, le redémarrage du tourisme mis à mal par le coronavirus // Jeune Afrique. URL: <https://www.jeuneafrique.com/mag/913961/economie/en-tunisie-le-redemarrage-du-tourisme-mis-a-mal-par-le-coronavirus/> (дата обращения: 18.04.2021).
20. Kessous M., Blaise L. En Tunisie, le secteur du tourisme se prépare à une énième saison manquée // Le Monde. URL: https://www.lemonde.fr/afrique/article/2020/04/29/en-tunisie-le-secteur-du-tourisme-se-prepare-a-une-enieme-saison-manquee_6038162_3212.html (дата обращения: 18.04.2021).
21. Maillard M. Au Mali, l'effondrement des transferts d'argent de la diaspora frappe durement les populations // Le Monde. URL: https://www.lemonde.fr/afrique/article/2020/04/30/au-mali-l-effondrement-des-transferts-d-argent-de-la-diaspora-fragilise-gravement-les-populations_6038309_3212.html (дата обращения: 18.04.2021).
22. Gourlay Y., Ciyow Y. En Côte d'Ivoire, le cacao et la noix de cajou restent à quai // Le Monde. URL: https://www.lemonde.fr/afrique/article/2020/04/28/en-cote-d-ivoire-le-cacao-et-la-noix-de-cajou-restent-a-quai_6038043_3212.html (дата обращения: 18.04.2021).
23. Berrada El M. Le cri d'alarme des entrepreneurs du Maroc face au coronavirus // Jeune Afrique. URL: <https://www.jeuneafrique.com/mag/913959/economie/le-cri-dalarme-des-entrepreneurs-du-maroc-face-au-coronavirus/> (дата обращения: 18.04.2021).
24. Rogez O. Dettes des pays africains: les grands créanciers tombent d'accord sur un moratoire // RFI. URL: <http://www.rfi.fr/fr/afrique/20200414-dettes-pays-africains-les-grands-cr%C3%A9anciers-tombent-daccord-moratoire> (дата обращения: 18.04.2021).
25. Rogez O. Coronavirus: Emmanuel Macron appelle à son tour à "annuler" les dettes des pays africains // RFI. URL: <http://www.rfi.fr/fr/afrique/20200413-coronavirus-emmanuel-macron-appelle-%C3%A0-annuler-massivement-la-dette-pays-africains> (дата обращения: 18.04.2021).
26. Дынкин А. А., Телегина Е. А. Шок пандемии и посткризисный мир // Мировая экономика и международные отношения. 2020. Т. 64, № 8. С. 5–16.
27. Подругина В. Запад опасается восстановления влияния России в Африке // Ведомости. 2019. 24 окт. URL: <https://www.vedomosti.ru/politics/articles/2019/10/24/814668-zapad-rossii-v-afrike> (дата обращения: 18.04.2021).
28. Rapport Africa's Pulse: bâtir de véritables politiques de relance économique post-COVID-19 en Afrique subsaharienne // La Banque mondiale. URL: <https://www.banquemondiale.org/fr/publication/africa-pulse> (дата обращения: 18.04.2021).
29. Takyi P. O., Bentum-Ennin I. The impact of COVID-19 on stock market performance in Africa: A Bayesian structural time series approach // Journal of Economics and Business. 2020. <https://doi.org/10.1016/j.jeconbus.2020.105968/>
30. Rantrua S. Covid-19: le FMI se penche sur l'Afrique // Le Point. URL: https://www.lepoint.fr/afrique/covid-19-le-fmi-se-penche-sur-l-afrique-02-11-2020-2399126_3826.php (дата обращения: 18.04.2021).
31. Russon M.-A. Covid-19: commerce intra-africain, priorités et pandémie // BBC News. Afrique. URL: <https://www.bbc.com/afrique/region-54894301> (дата обращения: 18.04.2021).
32. Вертакова Ю. В., Зарецкая В. Г., Плотников В. А. COVID-19 и европейская интеграция: станет ли пандемия коронавируса триггером распада Европейского Союза? // Управление устойчивым развитием. 2020. № 3 (28). С. 5–16.
33. Faujas A. Coronavirus: "Il faut mobiliser 1000 milliards de dollars pour les pays fragiles" // Jeune Afrique. URL: <https://www.jeuneafrique.com/1048541/economie/coronavirus-il-faut-mobiliser-1-000-milliards-de-dollars-pour-les-pays-fragiles/> (дата обращения: 18.04.2021).
34. Artisanal and small-scale mining, and COVID-19 in sub-Saharan Africa: A preliminary analysis / G. Hilson, S. Van Bockstael, T. Sauerwein, A. Hilson, J. McQuilken // World Development. 2021. No. 139. <https://doi.org/10.1016/j.worlddev.2020.105315>.

35. Oraebosi M. I., Chia T., Oyeniran O.I. Preparing the next generation of African Healthcare Workers and Scientists: Lessons from Corona Virus Pandemic // *Ethics, Medicine and Public Health*. 2020. No. 14. <https://doi.org/10.1016/j.jemep.2020.100535>.

References

1. Vertakova Yu. V., Feoktistova T. V. Realizatsiya antikrizisnykh mer dlya naseleniya i biznesa v usloviyakh pandemii koronavirusa COVID-19 [Implementation of anti-crisis measures for the population and business in the context of the COVID-19 pandemic]. *Ekonomika i upravlenie = Economics and Management*, 2020, is. 26, no. 5 (175), pp. 444–454.
2. Akmaeva R. I., Babkin A. V., Epifanova N. Sh. O strategiyakh vosstanovleniya rossiiskikh organizatsii posle COVID-19 [About the strategy for restoring russian organisations after COVID-19]. *Nauchno-tekhicheskie vedomosti Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo politekhnicheskogo universiteta. Ekonomicheskie nauki = St. Petersburg State Polytechnical University Journal. Economics*, 2020, vol. 13, no. 3, pp. 115–128.
3. Bisson L. S. Novaya strategiya ES dlya Afriki: v poiskakh podlinnogo partnerstva [The EU's new strategy for Africa: in search of a genuine partnership]. *Sovremennaya Evropa = Contemporary Europe*, 2020, no. 3 (96), pp. 39–50.
4. Volkov S. N. Novaya epokha v razvitii rossiisko-afrikanskogo sotrudnichestva [A new epoch in the development of russian-african cooperation]. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya = World Economy and International Relations*, 2020, vol. 64, no. 12, pp. 113–122.
5. Faujas A. Kristalina Georgieva, directrice générale du FMI: "L'Afrique n'a besoin de copier personne". Jeune Afrique. Available at: <https://www.jeuneafrique.com/mag/869186/economie/kristalina-georgieva-directrice-generale-du-fmi-lafrique-na-besoin-de-copier-personne/> (accessed 18.04.2021).
6. Rossiya-Afrika [Russia-Africa]. Peterburgskii mezhdunarodnyi ekonomicheskii forum [St. Petersburg International Economic Forum]. Available at: <https://forumspb.com/archive/2019/programme/68933/> (accessed 18.04.2021).
7. Faujas A. Afrique subsaharienne: le FMI s'inquiète du poids de la dette publique sur le développement. Jeune Afrique. Available at: <https://www.jeuneafrique.com/558155/economie/afrique-subsaharienne-le-fmi-sinquiete-du-poids-de-la-dette-publique-sur-le-developpement/> (accessed 18.04.2021).
8. Law S. H., Ng Ch. H., Kutan A. M., Law Z. K. Public debt and economic growth in developing countries: Nonlinearity and threshold analysis. *Economic Modelling*, 2021, vol. 98, pp. 26–40. <https://doi.org/10.1016/j.econmod.2021.02.004>.
9. Igue K. Afrique, Monde: dette publique, un loup dans la bergerie! Le Point. Available at: https://www.lepoint.fr/afrique/afrique-monde-dette-publique-un-loup-dans-la-bergerie-18-07-2020-2384759_3826.php (accessed 18.04.2021).
10. Smith P. IMF/Georgieva: After austerity, it's 'spend, spend, spend' at the Fund. The Africa report. Available at: <https://www.theafricareport.com/78120/imf-georgieva-after-austerity-its-spend-spend-spend-at-the-fund/> (accessed 25.04.2021).
11. Faujas A. Coronavirus: "Il faut revoir les règles de la mondialisation". Jeune Afrique. Available at: <https://www.jeuneafrique.com/mag/913946/economie/coronavirus-il-faut-revoir-les-regles-de-la-mondialisation/> (accessed 18.04.2021).
12. Mvogo J.-P. Le coronavirus frappera les économies africaines par vagues. Jeune Afrique. Available at: <https://www.jeuneafrique.com/916014/economie/tribune-le-coronavirus-frappera-les-economies-africaines-par-vagues/> (accessed 18.04.2021).
13. Mbadi O. En Afrique centrale, les producteurs de pétrole voient la vie en noir. Jeune Afrique. Available at: <https://www.jeuneafrique.com/mag/913955/economie/en-afrique-centrale-les-producteurs-de-petrole-voient-la-vie-en-noir/> (accessed 18.04.2021).
14. Prix du baril – Le cours officiel du pétrole. Available at: <https://prixdubaril.com/> (accessed 18.04.2021).

15. Muller S. M. The dangers of performative scientism as the alternative to anti-scientific policy-making: A critical, preliminary assessment of South Africa's Covid-19 response and its consequences. *World Development*, 2021, vol. 140. <https://doi.org/10.1016/j.worlddev.2020.105290>.
16. Le mystère des morts en cascade à Kano au Nigeria. BBC. Available at: <https://www.bbc.com/afrique/region-52473250> (accessed 18.04.2021).
17. Tilouine J. Le Nigeria paie très cher son addiction au pétrole. *Le Monde*. Available at: https://www.lemonde.fr/afrique/article/2020/05/01/le-nigeria-paie-tres-cher-son-addiction-au-petrole_6038391_3212.html (accessed 18.04.2021).
18. Le développement économique en Afrique: Le tourisme au service d'une croissance transformatrice et inclusive. United Nations conference on Trade and Development. Available at: https://unctad.org/meetings/fr/SessionalDocuments/tdb64d2_fr.pdf (accessed 18.04.2021).
19. Dahmani F. En Tunisie, le redémarrage du tourisme mis à mal par le coronavirus. *Jeune Afrique*. Available at: <https://www.jeuneafrique.com/mag/913961/economie/en-tunisie-le-redemarrage-du-tourisme-mis-a-mal-par-le-coronavirus/> (accessed 18.04.2021).
20. Kessous M., Blaise L. En Tunisie, le secteur du tourisme se prépare à une énième saison manquée. *Le Monde*. Available at: https://www.lemonde.fr/afrique/article/2020/04/29/en-tunisie-le-secteur-du-tourisme-se-prepare-a-une-enieme-saison-manquee_6038162_3212.html (accessed 18.04.2021).
21. Maillard M. Au Mali, l'effondrement des transferts d'argent de la diaspora frappe durement les populations. *Le Monde*. Available at: https://www.lemonde.fr/afrique/article/2020/04/30/au-mali-l-effondrement-des-transferts-d-argent-de-la-diaspora-fragilise-gravement-les-populations_6038309_3212.html (accessed 18.04.2021).
22. Gourlay Y., Ciyow Y. En Côte d'Ivoire, le cacao et la noix de cajou restent à quai. *Le Monde*. Available at: https://www.lemonde.fr/afrique/article/2020/04/28/en-cote-d-ivoire-le-cacao-et-la-noix-de-cajou-restent-a-quai_6038043_3212.html (accessed 18.04.2021).
23. Berrada El M. Le cri d'alarme des entrepreneurs du Maroc face au coronavirus. *Jeune Afrique*. Available at: <https://www.jeuneafrique.com/mag/913959/economie/le-cri-dalarme-des-entrepreneurs-du-maroc-face-au-coronavirus/> (accessed 18.04.2021).
24. Rogez O. Dettes des pays africains: les grands créanciers tombent d'accord sur un moratoire. RFI. Available at: <http://www.rfi.fr/fr/afrique/20200414-dettes-pays-africains-les-grands-cr%C3%A9anciers-tombent-d-accord-moratoire> (accessed 18.04.2021).
25. Rogez O. Coronavirus: Emmanuel Macron appelle à son tour à "annuler" les dettes des pays africains. RFI. Available at: <http://www.rfi.fr/fr/afrique/20200413-coronavirus-emmanuel-macron-appelle-%C3%A0-annuler-massivement-la-dette-pays-africains> (accessed 18.04.2021).
26. Dynkin A. A., Telegina E. A. Shok pandemii i postkrizisnyi mir [Pandemic shock and the world after crisis]. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya = World Economy and International Relations*, 2020, vol. 64, no. 8, pp. 5–16.
27. Podrugina V. Zapad opasaetsya vosstanovleniya vliyaniya Rossii v Afrike [The West fears the restoration of Russia's influence in Africa]. *Vedomosti = Vedomosti*, 2019. Oct. 24. Available at: <https://www.vedomosti.ru/politics/articles/2019/10/24/814668-zapad-rossii-v-afrike> (accessed 18.04.2021).
28. Rapport Africa's Pulse: bâtir de véritables politiques de relance économique post-COVID-19 en Afrique subsaharienne. La Banque mondiale. Available at: <https://www.banquemondiales.org/fr/publication/africa-pulse> (accessed 18.04.2021).
29. Takyi P. O., Bentum-Ennin I. The impact of COVID-19 on stock market performance in Africa: A Bayesian structural time series approach. *Journal of Economics and Business*, 2020, 8 December. <https://doi.org/10.1016/j.jeconbus.2020.105968>.
30. Rantrua S. Covid-19: le FMI se penche sur l'Afrique. *Le Point*. Available at: https://www.lepoint.fr/afrique/covid-19-le-fmi-se-penche-sur-l-afrique-02-11-2020-2399126_3826.php (accessed 18.04.2021).
31. Russon M.-A. Covid-19: commerce intra-africain, priorités et pandémie // BBC News. Afrique. Available at: <https://www.bbc.com/afrique/region-54894301> (accessed 18.04.2021).

32. Vertakova Yu. V., Zaretskaya V. G., Plotnikov V. A. COVID-19 i evropeiskaya integratsiya: stanet li pandemiya koronavirusa triggerom raspada Evropeiskogo Soyuza? [COVID-19 And European integration: will the coronavirus pandemic trigger the collapse of the European Union?]. *Upravlenie ustoychivym razvitiem = Sustainable Development Management*, 2020, no. 3 (28), pp. 5–16.

33. Faujas A. Coronavirus: "Il faut mobiliser 1000 milliards de dollars pour les pays fragiles". Jeune Afrique. Available at: <https://www.jeuneafrique.com/1048541/economie/coronavirus-il-faut-mobiliser-1-000-milliards-de-dollars-pour-les-pays-fragiles/> (accessed 18.04.2021).

34. Hilson G., Van Bockstael S., Sauerwein T., Hilson A., McQuilken J. Artisanal and small-scale mining, and COVID-19 in sub-Saharan Africa: A preliminary analysis. *World Development*, 2021, vol. 139. <https://doi.org/10.1016/j.worlddev.2020.105315>.

35. Oraebosi M. I., Chia T., Oyeniran O.I. Preparing the next generation of African Healthcare Workers and Scientists: Lessons from Corona Virus Pandemic. *Ethics, Medicine and Public Health*, 2020, vol. 14. <https://doi.org/10.1016/j.jemep.2020.100535>.

Информация об авторе / Information about the Author

Юмаев Егор Александрович, кандидат экономических наук, доцент кафедры «Государственное, муниципальное управление и таможенное дело», Омский государственный технический университет, г. Омск, Российская Федерация,
e-mail: egorumaev@rambler.ru,
ORCID: 0000-0001-8150-9244

Egor A. Yumaev, Candidate of Economic Sciences, Associate Professor of the State, Municipal Management and Customs Department, Omsk State Technical University, Omsk, Russian Federation,
e-mail: egorumaev@rambler.ru,
ORCID: 0000-0001-8150-9244

МОДЕРНИЗАЦИЯ И ИННОВАЦИОННО-ТЕХНОЛОГИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ ЭКОНОМИКИ

MODERNISATION AND INNOVATIVE TECHNOLOGICAL DEVELOPMENT OF ECONOMY

Оригинальная статья / Original article

УДК 338.24

Источники финансирования и функции элементов системы организации научно-технологического развития

О. В. Краснянская¹ ✉

¹ МИРЭА – Российский технологический университет
проспект Вернадского 78, г. Москва 119454, Российская Федерация

✉ e-mail: kep2006@mail.ru

Резюме

Актуальность. Длительный период инновационной стагнации отечественной промышленности заставляет задумываться о действенности того комплекса мер по организации, стимулированию и финансированию научно-технологического развития, который реализуется на протяжении периода реформ. Очевидно, нужен поиск новых подходов и решений в данной сфере, способных переломить ситуацию и вывести отечественную промышленность на уровень инновационно развитых стран.

Цель. В статье предпринята попытка обосновать и раскрыть содержание ряда ключевых решений по преобразованию действующей системы организации научно-технологического развития для повышения уровня инновационной активности в промышленности.

Задачи. В ходе исследования решались две взаимосвязанные задачи: определения источников финансирования подразделений заводской науки как ключевого звена формируемой новой системы организации научно-технологического развития и детализации модели спроса на инновации в промышленности.

Методы. В ходе исследования использованы методы бизнес-моделирования, статистического и сравнительного анализа, а также методы реформирования производственных систем, составляющие содержание современных концепций организации производства.

Результаты. Как показало исследование, организация встречного потока спроса на результаты исследований и разработок, формируемого на уровне подразделений заводской (корпоративной) науки, при наличии финансовой поддержки способна превратить инновационную деятельность в востребованный и выгодный процесс для участников создания и тиражирования новой техники, технологий, организационных и маркетинговых решений.

Вывод. Предложенный комплекс организационно-экономических технологий позволяет создать предпосылки для решения важной народно-хозяйственной проблемы повышения конкурентоспособности отечественной промышленности за счет роста инновационного уровня выпускаемой продукции.

Ключевые слова: промышленность; исследования; разработки; инновации; заводская наука; финансирование; стимулирование.

Конфликт интересов: В представленной публикации отсутствует заимствованный материал без ссылок на автора и (или) источник заимствования, нет результатов научных работ, выполненных автором публикации лично и (или) в соавторстве, без соответствующих ссылок. Автор декларирует отсутствие конфликта интересов, связанных с публикацией данной статьи.

© Краснянская О. В., 2021

Для цитирования: Краснянская О. В. Источники финансирования и функции элементов системы организации научно-технологического развития // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. 2021. Т. 11, № 4. С. 49–62.

Поступила в редакцию 23.06.2021

Принята к публикации 27.08.2021

Опубликована 31.08.2021

Sources of Financing and Functions of Elements of the System of Organization of Scientific and Technological Development

Olga V. Krasnyanskaya¹ ✉

¹ MIREA - Russian Technological University
78 Vernadsky avenue, Moscow 119454, Russian Federation

✉ e-mail: kep2006@mail.ru

Abstract

Relevance. The long period of innovative stagnation of domestic industry makes us think about the effectiveness of the set of measures to organize, stimulate and finance scientific and technological development that has been implemented during the reform period. Obviously, it is necessary to search for new approaches and solutions in this area that can refract the situation and bring domestic industry to the level of innovatively developed countries.

Purpose. The article attempts to justify and disclose the content of a number of key decisions on the transformation of the current system of organizing scientific and technological development to increase the level of innovative activity in industry.

Objectives. The study solved two interrelated problems: determining the sources of financing for factory science units as a key link in the emerging new system for organizing scientific and technological development and detailing the model of demand for innovation in industry.

Methodology. The study used methods of business modeling, statistical and comparative analysis, as well as methods of reforming production systems, which make up the content of modern concepts of production organization.

Results. According to the study, the organization of a counter-flow of demand for research and development results, formed at the level of departments of factory (corporate) science, with financial support, can turn innovative activities into a demanded and profitable process for participants in the creation and replication of new technology, technologies, organizational and marketing solutions.

Conclusion. The proposed set of organizational and economic technologies makes it possible to create prerequisites for solving an important economic problem of increasing the competitiveness of domestic industry due to the growth of the innovative level of products.

Keywords: industry; research; development; innovation; factory science; financing; stimulation.

Conflict of interest: In the presented publication there is no borrowed material without references to the author and (or) source of borrowing, there are no results of scientific works performed by the authors of the publication, personally and (or) in co-authorship, without relevant links. The authors declares no conflict of interest related to the publication of this article.

For citation: Krasnyanskaya O. V. Sources of Financing and Functions of Elements of the System of Organization of Scientific and Technological Development. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Ekonomika. Sotsiologiya. Menedzhment* = *Proceedings of the Southwest State University. Series: Economics, Sociology and Management*. 2021; 11(4): 49–62. (In Russ.)

Received 23.06.2021

Accepted 27.08.2021

Published 31.08.2021

Введение

Основная идея исследований, положенных в основу статьи, состоит в том, что для кратного наращивания доли инновационной промышленной продукции

в общем объеме ее производства необходимо создание такой системы организации и управления научно-технологическим развитием, которая бы, в отличие от действующей практики и по аналогии с ключевым принципом современных

концепций организации производства – принципом «вытягивания», была способна формировать реальный платежеспособный спрос на прикладные НИОКР и в последующем на фундаментальные исследования. При этом необходимо в дополнение к существующему потоку идей от академической науки к производству организовать встречный поток спроса: от заводской науки, находящейся на острие осознания текущих и перспективных проблем самой промышленности и потребителей ее продукции, к прикладной и затем к академической науке в рамках проблематики, реально востребованной производством.

И если источники финансирования создания и работы отраслевых центров компетенций, постепенно замещающих традиционные отраслевые НИИ и КБ, понятны, то способы ресурсного обеспечения предлагаемого распространения научной компоненты (заводской науки) в структуре предприятий промышленности требуют серьезной проработки. Как показало исследование, ресурсы на эти цели уже сегодня реально существуют, причем в достаточном количестве. Дело лишь за тем, чтобы их правильно использовать и канализировать на направления, приносящие реальные результаты. Речь идет о многочисленных финансово подкрепленных инициативах Правительства и профильных ведомств, направленных на стимулирование и поддержку инновационного развития. На практике они подразделяются на несколько групп, включающих: прямое финансирование из государственного бюджета деятельности по созданию и освоению новой техники и технологий; субсидирование действий, направленных на повышение конкурентоспособности путем внедрения новаций; создание инновационной инфраструктуры за счет средств государственного бюджета (кластеры, технопарки, индустриальные парки); меры косвенного стимулирования – налогового и неналогового свойства, а также выдача грантов

институтами развития, в свою очередь в существенной мере финансируемыми также из государственного бюджета. И если к действенности прямого бюджетного финансирования вопросов не возникает, за исключением самого факта его превалирования в структуре источников научно-технологического развития, то меры косвенного стимулирования, как показывает практика, в отличие от опыта зарубежных стран, до настоящего времени не демонстрируют ожидаемой от них отдачи. Открытым также остается и еще один вопрос: как технически реализовать рекомендуемый подход к организации встречного потока спроса на результаты ИиР в промышленности?

Материалы и методы

Фактографическую базу исследования составили нормативно-методические материалы Правительства Российской Федерации по вопросам организации, финансирования и стимулирования научно-технической деятельности, материалы годовых отчетов акционерных обществ – промышленных предприятий. Теоретическая основа рекомендаций базируется на положениях концепции бизнес-моделирования [1; 2; 3; 4] и современных концепций организации производства [5; 6; 7; 8; 9].

Результаты и их обсуждение

О недостаточной эффективности предпринимаемых мер по стимулированию научно-технологического развития сказано достаточно много. В частности, в исследовании специалистов РИЭПП приведены данные о том, что налоговыми льготами, направленными на стимулирование инновационной деятельности, воспользовалось ничтожно малое число предприятий, не позволяющее считать данную группу стимулов достигающей своих целей [10, с. 13]. Из приведенных ими сведений следует, что только единицы предприятий, осу-

ществляющих инновационную деятельность, воспользовались предоставляемыми Правительством льготами, хотя суммы, которые они могли бы сэкономить, довольно значительные. В чем причины этого?

Как показало обследование предприятий обрабатывающих отраслей, проведенное специалистами НИУ ВШЭ, «их пассивность в применении налоговых льгот для научной и инновационной деятельности вызвана такими причинами, как: чрезмерность издержек, связанных с доказательством права на эти льготы (результатом, в частности, стал отказ почти каждого девятого респондента от попытки ускоренной амортизации основных средств); несоответствие условиям использования льготы, под которым понимается как отсутствие оснований для ее применения, так и позиция налоговых органов. Например, 90% респондентов не применили к расходам на НИОКР коэффициент 1,5, а 92% – не включили “проинновационные” расходы в состав прочих, поскольку не осуществляли указанных расходов... Кроме того, налоговые органы довольно часто оспаривали принадлежность НИОКР, выполняемых организациями, и ввезенного оборудования к соответствующим перечням Правительства России» [11, с. 53]. Причем, если сравнить данные РИЭПП с результатами, полученными при выборочных обследованиях в более ранний период [11, с. 51], становится понятной тенденция угасания эффекта от косвенных стимулов к инновациям.

Изучение условий предоставления стимулирующих льгот для участников инновационного процесса свидетельствует также о переусложненном порядке их получения, соподчинении решения отдельной конкретной проблемы необходимости соответствовать дополнительным требованиям, помимо предусмотренных тем или иным правительственным постановлением. Например, для то-

го, чтобы получить субсидию из федерального бюджета на компенсацию части затрат на проведение НИОКР по современным технологиям, организация должна соответствовать ряду требований, перечисленных в Постановлении Правительства Российской Федерации¹. В их числе требование заключить соглашение о реализации корпоративной программы повышения конкурентоспособности в соответствии с другим Постановлением Правительства², в свою очередь предусматривающим свои условия и проведение квалификационного отбора участников. Кроме этого, перечень современных технологий формируется и видоизменяется с определенной периодичностью на основании экспертных заключений, принимаемых по заявкам предприятий-участников данной работы в соответствии с еще одним Постановлением Пра-

¹ Об утверждении Правил предоставления субсидий из федерального бюджета российским организациям на компенсацию части затрат на проведение научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ по современным технологиям в рамках реализации такими организациями инновационных проектов и о признании утратившими силу некоторых актов Правительства Российской Федерации: постановление Правительства РФ от 12.12.2019 № 1649. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_340268 (дата обращения: 20.05.2021).

² О государственной поддержке организаций, реализующих корпоративные программы повышения конкурентоспособности, и внесении изменения в Правила предоставления из федерального бюджета субсидии в виде имущественного взноса Российской Федерации в государственную корпорацию «Банк развития и внешнеэкономической деятельности (Внешэкономбанк)» на возмещение части затрат, связанных с поддержкой производства высокотехнологичной продукции: постановление Правительства РФ от 23.02.2019 № 191. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_319192 (дата обращения: 20.05.2021).

вительства¹. Для того чтобы отвечать всем этим требованиям, предприятию-претенденту необходимо удачное стечение большого количества обстоятельств, что на практике бывает крайне редко и снижает привлекательность мер стимулирования инновационной активности.

Главным же критерием, позволяющим заключить, что созданная система стимулирования не обеспечивает получения запланированных результатов, является неудовлетворительная статистика инноваций². Ее сопоставление с усилиями, предпринимаемыми в области стимулирования инновационной деятельности, свидетельствует о том, что, если бы не они, инновационный процесс в промышленности был бы полностью остановлен. Таким образом, если созданная система не работает в запланированном режиме, помимо устранения локальных незначительных ее шероховатостей, нужно понять, а на те ли цели система направлена, если на протяжении многих лет она не приносит ожидаемой отдачи?

Как показывает исследование, основной массив нормативных документов Правительства и профильных ведомств избегает вопросов создания условий гарантированного внедрения результатов НИОКР в промышленное производство, заменяя их легким косвенным стимулированием лизинговых компаний, направленным на предоставление ими техники отечественного производства в лизинг по пониженным ставкам, что к инновациям

имеет весьма опосредованное отношение. В этой связи представляется целесообразным переориентировать часть мер стимулирования инновационной деятельности и, соответственно, финансовых потоков, нацелив их, с одной стороны, на инициацию определения реального спроса на инновации со стороны промышленных предприятий, а с другой – на создание материальной заинтересованности предприятий во внедрении действительно востребованных ими образцов новой техники, технологий, организационных и маркетинговых решений. Причем речь идет не о той возможной потенциальной выгоде, которая будет получена предприятиями в процессе выпуска и реализации новой техники в дальнейшем, а о реальной оплате текущих расходов, связанных с освоением ее в производстве.

Какие основания можно привести в поддержку данного решения? Учитывая долю фактического объема государственного финансирования исследований и разработок (ИиР) в России на уровне 80% в оценке Президента РАН³ и 70% – в оценке аудиторов Счетной палаты Российской Федерации⁴, следует ожидать, что государство должно быть заинтересовано в рациональном расходовании этих средств, которое в конечном счете в промышленности выражается в освоении результатов ИиР на предприятиях, выпускающих продукцию производственно-

³ Глава РАН: доля внебюджетных средств может стать показателем успехов нацпроекта «Наука». URL: <https://indicator.ru/engineering-science/vnebyudzhetye-rashody-nacproekt-nauka-14-11-2018.htm> (дата обращения: 03.12.2020).

⁴ Результаты экспертно-аналитического мероприятия «Определение основных причин, сдерживающих научное развитие в Российской Федерации: оценка научной инфраструктуры, достаточность мотивационных мер, обеспечение привлекательности работы ведущих ученых». М.: Счетная палата Российской Федерации, 2020. С. 13.

¹ Об утверждении Правил формирования и актуализации перечня видов технологий, признаваемых современными технологиями в целях заключения специальных инвестиционных контрактов: постановление Правительства РФ от 21.03.2020 № 319. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_348359 (дата обращения: 20.05.2021).

² Наука и инновации. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/14477> (дата обращения: 23.04.2021).

технического назначения и товары народного потребления, в совокупности создающие материальную основу национального богатства. При этом, если у промышленных предприятий в силу различных объективных, в большей мере не зависящих от них, обстоятельств пока преимущественно отсутствует стремление к инновациям, бюджетные средства на ИиР должны расходоваться рационально в любом случае. Иными словами, необходим контроль за целевым их использованием, критериями которого является (для уровня отраслевой науки) освоение новой техники и технологий в производстве и для уровня фундаментальной и прикладной науки (помимо существующих сегодня критериев) – востребованность их результатов отраслевыми центрами компетенций. От 20 до 30% других объемов ИиР, которые финансируются за счет средств предприятий и организаций, не требуют подобного контроля, т. к. они предусматривают прямое взаимодействие исполнителя и заказчика, расходующего собственные средства. Поэтому следует полагать, что в данном случае рациональное использование результатов НИОКР гарантировано. Для оставшегося же массива работ такая мера необходима.

Как известно, основной формой организации взаимодействия сторон при создании научно-технической продукции до последнего времени являлся договор на создание (передачу) научно-технической продукции, форма и содержание которого определялись Положением, утвержденным соответствующим Постановлением ГКНТ СССР.¹ Однако с 25 июня 2020 г. его действие было отме-

нено² без указания на новый документ, который бы заменял ранее действовавший нормативно-правовой акт³. Вместе с тем отмененное Положение, несмотря на то, что оно было принято более 30 лет назад, содержало ряд прогрессивных идей, актуальных и сегодня. В частности, сфера действия договоров на создание (передачу) научно-технической продукции охватывала как процесс создания новшества, так и изготовление установочных образцов или партий изделий, что означало внедрение результатов ИиР. Более того, предусматривалось, что «Договор может заключаться на выпол-

² О признании не действующими на территории Российской Федерации актов и отдельных положений актов, изданных центральными органами государственного управления РСФСР и СССР, а также об отмене акта федерального органа исполнительной власти Российской Федерации: постановление Правительства РФ от 13.06.2020 № 857: [с изм. на 11.07.2020]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_355067 (дата обращения: 20.05.2021).

³ Можно, правда, предположить, что замену этому документу Правительство РФ видит в формах контрактов, определенных такими нормативно-правовыми актами, как его Постановление от 02.07.2014 № 606 «О порядке разработки типовых контрактов, типовых условий контрактов, а также о случаях и условиях их применения» и приказ Минобрнауки России от 21.10.2015 № 1180 «Об утверждении типового контракта на выполнение научно-исследовательских, опытно-конструкторских и технологических работ, типовых условий контракта при использовании результатов интеллектуальной деятельности, включаемых в контракты на выполнение работ, оказание услуг, и информационной карты типового контракта, типовых условий контракта». Однако подобная замена явно неравнозначна и ограниченно развивает действующую практику в части углубления представлений о современных особенностях государственного регулирования научно-технологического развития в промышленности.

¹ Положение о договорах на создание (передачу) научно-технической продукции: [утв. постановлением Государственного комитета по науке и технике от 19.11.1987 № 435]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_340268 (дата обращения: 20.05.2021).

нение всего комплекса работ от исследований до внедрения в производство научно-технической продукции, а также по ее дальнейшему техническому сопровождению (обслуживанию). Если научно-техническая продукция является результатом инициативных работ, договор заключается на ее передачу, включая оказание услуг по ее внедрению и освоению» (п. 5). Данное указание говорит о том, что еще в конце 80-х годов прошлого столетия закладывалась основа для применения технологий управления жизненным циклом продукции (CALS, ИПИ [12; 13]), теория которого только складывалась в то время.

Однако возможности, предоставленные указанным документом, во многом оказались не востребованными практикой в силу обстоятельств, исследованных нами ранее, а также максимального сокращения государственного регулирования данной сферы в 90-х годах прошлого столетия. Более того, складывается впечатление, что нормативная база, регламентирующая вопросы научно-технологического развития, намеренно постепенно отходит от разумного требования о необходимости внедрения результатов ИиР, отдавая предпочтение идее оценивать их через контроль самого процесса и косвенные библиометрические показатели, никак не характеризующие результативность отраслевой науки. В частности, юристы Е. Г. Бакланова и С. В. Тарадонов отмечают, что «действующий ГК РФ однозначных указаний, что есть предмет договора на выполнение НИОКР и ТР (технологические работы. – *Авт.*) – сами работы или их результат, не содержит. Из определения договора на выполнение НИОКР и ТР, содержащегося в п. 1 ст. 769 ГК РФ, можно сделать вывод, что результат является смыслом работы как НИР, так и ОКР и ТР, однако заказчик обязан принять и оплатить именно работу, а не ее результат. Таким образом, наличие или отсутствие результата рабо-

ты не является основанием для отказа заказчика от ее оплаты» [14].

Приказ Минобрнауки России от 21.10.2015 № 1180, которым утверждена действующая форма типового контракта на выполнение научно-исследовательских, опытно-конструкторских и технологических работ, заключаемого в процессе осуществления госзакупок, содержит единственное упоминание о том, что «правообладатель вправе распоряжаться правами на результаты работ по своему усмотрению в соответствии с законодательством Российской Федерации, прилагая *необходимые усилия* для широкого внедрения созданных результатов работ посредством распоряжения правами на них...» (п. 6.1.7).

Однако, как показало исследование, одних прав и возможностей без учета интересов сторон инновационной деятельности для достижения успеха в данной области недостаточно. В частности, не имея материальной заинтересованности в освоении новой техники в условиях преимущественной олигополии в промышленности и незащищенности отечественного рынка перед импортными товарами, часто не лучшего, нежели их отечественные аналоги, качества, ни администрация, ни конкретные исполнители низового звена не заинтересованы в дополнительных усилиях, которых требует внедрение новой техники и технологий. При этом приемка работ по договорам на создание научно-технической продукции по тематике, финансируемой из бюджетных источников, как правило, производится кем угодно: фондом, департаментом министерства или региональной администрации, межведомственной комиссией, научно-техническим советом вуза и т. п., но только не промышленным предприятием, для которого она вроде бы изначально предназначалась. Однако без материальной заинтересованности работников предприятия сделать в этом отношении ничего не получится. Поэтому естественным обра-

зом напрашивается вывод о необходимости включения в состав исполнителей договора (контракта) на создание (передачу) научно-технической продукции специалистов предприятий, способных оказать реальное содействие освоению новшеств в производстве.

Подобная идея не отличается особой новизной. Еще в 70-х годах прошлого столетия ее начали реализовывать на практике. Между тем в современных условиях целесообразность и возможность возврата к реализации данной плодотворной идеи получает новые весомые аргументы, среди которых выделим следующие.

1. основополагающая идея либеральных реформаторов о самоорганизующемся рынке потерпела фиаско. В этих условиях Правительством подготовлены, а законодательной властью приняты нормативно-правовые акты, регулирующие ключевые вопросы хозяйственных взаимоотношений в промышленности. Это, в частности, известные законы о поставках для государственных нужд¹, которыми четко прописаны условия взаимодействия поставщика и потребителя, в том числе и в отношении научно-технической продукции. Внесение целесообразных корректив в указанные нормативно-правовые акты может существенно повысить эффективность организационных мер по развитию инновационной активности в промышленности.

Следует заметить, что законодательство о государственных закупках уже со-

держит отдельные положения, на базе которых возможно построение правовой конструкции нового договора на создание (передачу) научно-технической продукции. Речь идет о контрактах жизненного цикла, представляющих собой соглашение на комплекс работ от проектирования объекта до его изготовления и последующего обслуживания, включая утилизацию [15].

2. Подавляющий объем средств на финансирование ИиР в России поступает из государственного бюджета, поэтому правила, устанавливаемые распорядителями бюджета, обязательны для получателей этих средств. Включение в состав исполнителей договоров на создание (передачу) научно-технической продукции представителей промышленных предприятий как конечной инстанции освоения новаций на обязательной основе позволит обеспечить безусловную непрерывность воспроизводственного инновационного цикла в промышленности.

3. Организация подобной финансовой основы для возмездного вовлечения производителей в реализацию договоров на создание (передачу) научно-технической продукции предоставит возможность, с одной стороны, гарантировать востребованность результатов НИОКР производством, а с другой – расширить роль заводской науки с чисто технического обеспечения процесса освоения производства новых товаров, техники и технологий выполнением функций генерации спроса основного звена на новации, востребованные рынком [17].

Таким образом, смысл рекомендаций настоящего исследования в отношении источников финансирования деятельности заводской науки сводится к внесению изменений в нормативные акты, регламентирующих взаимодействие участников процесса создания и освоения новой техники, предусматривающих обязательное участие на возмездной основе в составе исполнителей договора (контракта)

¹ О закупках товаров, работ, услуг отдельными видами юридических лиц: федер. закон от 18.07.2011 № 223-ФЗ: [ред. от 31.07.2020]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_116964; О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд: федер. закон от 05.04.2013 № 44-ФЗ: [ред. от 09.04.2020]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_144624 (дата обращения: 20.05.2021).

компетентных представителей производственных предприятий, на которых предполагается использовать результаты НИОКР. Возмездность при этом означает не просто оплату действий заводчан в процессе приемки результатов НИОКР, но компенсацию полноценного их участия в выполнении комплекса работ по освоению новаций в производстве, включая все типовые этапы проведения ОКР.

В случае проведения НИР, результатом которых является получение новых знаний по предмету исследования и оформляемого в виде научно-технического отчета по НИР, а также разработки технических требований на ОКР и технического предложения по разработке, использование потенциала специалистов заводской науки целесообразно на стадиях: собственно постановки задачи исследования, анализа производственных данных; формирования и реализации программы экспериментальных исследований; проведения расчетов, лабораторных исследований и макетных испытаний; обобщения, анализа и систематизации теоретических и экспериментальных данных НИР. Ну и, естественно, ключевая роль принадлежит представителям предприятия на этапе защиты НИР у заказчика.

Второй вопрос, от успешного решения которого в существенной мере зависит результат реформирования системы организации научно-технологического развития в промышленности, заключается в верном определении конкретных специалистов, способных представлять предприятие в данной системе, и состава функций, которые должны быть за ними закреплены. Практика предоставляет богатую пищу для анализа в этой области. Несмотря на то, что согласно официальной статистике предприятий промышленности, располагающих собственными научными подразделениями, крайне мало, неструктурированных научных, проектно-конструкторских, технологических и иных инженерных образований на заводах серийного и массового производства вполне

достаточно для вычленения из них подразделений заводской науки (для данного случая будем использовать термин «группы внедрения»), способных сыграть свою роль в рекомендуемой системе организации научно-технологического развития в промышленности [18]. Континуум вариантов в данной области представлен, с одной стороны, многочисленными проектно-конструкторскими и технологическими подразделениями на предприятиях судостроения, тяжелого машиностроения и других науко- и ресурсоемких отраслей, с другой – небольшими отдельными лабораториями, в задачи которых входит решение локальных задач: проведение измерений, оценка химического состава материалов и изделий, входной контроль качества поставок и, например, разработка новых рецептов на предприятиях пищевой промышленности [19].

Кроме этого, любое промышленное предприятие располагает сбытовыми подразделениями, обладающими специальным кругозором и опытом организации взаимоотношений с потребителями его продукции [20]. Все большее распространение получают службы маркетинга, укомплектованные специалистами по промышленному маркетингу, которых сегодня готовит большое число вузов. В частности, для получения профессии «Специалист по промышленному маркетингу (B2B маркетингу)» можно пройти подготовку в Московском университете им. С. Ю. Витте, СГУ имени Н. Г. Чернышевского (Саратов), ДГТУ (Ростов-на-Дону), ИРНИТУ (Иркутск), ВятГУ (Киров), ПГУ (Пятигорск), МГОТУ (Королев), СибГУ им. М. Ф. Решетнева (Красноярск) и др. Более того, во многих вузах эта специализация осваивается в рамках более общих направлений подготовки, удачно корреспондирующих исследуемой проблематике. Это программы: «Управление инновациями в промышленности», «Маркетинг в отраслях и сферах деятельности», «Менеджмент высоко-

ких технологий» и «Проектное управление в инновационной сфере».

Поэтому из числа специалистов указанных подразделений возможно формирование необходимой конфигурации

«групп внедрения», в задачи которых будут, в соответствии с рекомендациями исследования, входить функции, перечисленные в таблице и представленные на рисунке.

Таблица. Рекомендованные состав и функции специалистов подразделений заводской науки в формируемой системе организации научно-технологического развития в промышленности

Специальности участников «групп внедрения»	Функции в части	
	внедрения результатов НИОКР	формирования спроса на НИОКР
Промышленный маркетолог (или специализированная компания)	анализ реакции рынка на использование результатов НИОКР в производстве	• проведение исследований рынка продукции предприятия в его предметной и смежных областях; • прогнозирование потребительского спроса и тенденций его изменения; • подготовка рекомендаций по корректировке текущего и формированию перспективного ассортимента продукции; • разработка требований к потребительским свойствам традиционной и перспективной продукции
Инженер-исследователь	участие в НИОКР по разработке новой продукции, систем, технологий, приборов, комплексов в соответствии с областью специализации предприятия (исследовательская часть)	• теоретическая разработка способов обеспечения требований к потребительским свойствам традиционной и перспективной продукции; • формирование запроса к отраслевой или академической науке в части нерешенных вопросов теории обеспечения требований к потребительским свойствам традиционной и перспективной продукции
Инженер-конструктор	участие в НИОКР по разработке новой продукции, систем, технологий, приборов, комплексов (конструкторская часть)	• модернизация и разработка конструктивных решений по обеспечению требований к потребительским свойствам традиционной и перспективной продукции; • формирование запроса к отраслевой науке в части нерешенных вопросов разработки конструкции
Инженер-технолог	участие в НИОКР по разработке новой продукции, систем, технологий, приборов, комплексов (технологическая часть)	• модернизация и разработка технологических решений по выпуску традиционной и изготовлению перспективной продукции; • формирование запроса к отраслевой или академической науке в части нерешенных вопросов разработки технологии и материалов

Окончание табл.

Специальности участников «групп внедрения»	Функции в части	
	внедрения результатов НИОКР	формирования спроса на НИОКР
Инженер-механик	участие в НИОКР по разработке новой продукции, систем, технологий, приборов, комплексов (в части обеспечения основным производственным оборудованием)	формирование запроса к отраслевой науке в части разработки нового специализированного оборудования
Инженер-энергетик (ситуационно)	участие в НИОКР по разработке новой продукции, систем, технологий, приборов, комплексов (в части энергообеспечения)	формирование запроса к отраслевой науке в части разработки новых решений по энергообеспечению

Рис. Детализированная модель формирования спроса на НИОКР в промышленности

Выводы

Таким образом, в результате подобной новации в организации взаимодействия подразделений заводской науки с отраслевыми и академическими научно-исследовательскими организациями становится возможным обеспечить формирование тематики ИиР, сегодня преимущественно финансируемой из государственного бюджета, результаты которых найдут практическое воплощение в деятельности промышленных предприятий по рассмотренному выше принципу «вытягивания». Можно также выразить уверенность в том, что накопленный со временем опыт подобного взаимодействия окажется востребованным и при изменении структуры финансирования исследований и разработок в пользу увеличения доли заказов со стороны основного звена промышленности, что неизбежно произойдет ввиду возросшей конкурентоспособности инновационных предприятий, реализующих данную модель взаимоотношений в рамках новой системы организации научно-технологического развития.

По отношению к взаимодействию академических научных организаций с промышленными предприятиями в рамках прямых договоров рекомендации те же, что и для взаимоотношений отраслевой науки – центров компетенций с заводской наукой. Для условий же формирования спроса на проведение фундаментальных исследований, способных принести реальную непосредственную отдачу народному хозяйству, ситуация несколько иная. Та тематика, которая сформировалась в отраслевых центрах компетенций по запросу предприятий промышленности, но не может быть реализована силами научных организаций отраслевого уровня, будет составлять основу спроса на данный сектор ИиР академических институтов, что также показано на рисунке. Задача состоит в разработке научно-практических решений по технической реализации рассмотренных моделей в рамках рекомендаций о создании новой системы организации научно-технологического развития в промышленности.

Список литературы

1. Gassman O., Frankenberger K., Csicsik M. The business model navigator: 55 models that will revolutionize your business. Harlow, England: Pearson, 2014. 400 p.
2. Hutahayan B., Wahyono. A review and research agenda in business model innovation // International Journal of Pharmaceutical and Healthcare Marketing. 2019. Vol. 13, No. 3. P. 264–287. <http://doi.org/10.1108/IJPHM-12-2017-0073>.
3. Бобрышев А. Д., Пирогов Н. Л., Тарабрин Ф. М. Бизнес-модель – эффективный инструмент антикризисного управления промышленным предприятием // МИР (Модернизация. Инновации. Развитие). 2017. Т. 8, № 4 (32). С. 478–491. <http://doi.org/10.18184/2079-4665.2017.8.4.478-491>.
4. Bland D. J., Osterwalder A. Testing business ideas: a field guide for rapid experimentation. Wiley, 2020. 368 p.
5. Бизнес-модели в управлении устойчивым развитием предприятий / А. Д. Бобрышев, В. М. Тумин, К. М. Тарабрин [и др.]; под общ. ред. А. Д. Бобрышева, В. М. Тумина. М.: ИНФРА-М, 2021. 289 с.
6. Вумек Д. П., Джонс Д. Т. Бережливое производство: Как избавиться от потерь и добиться процветания вашей компании. М.: Альпина Паблишер, 2021. 476 с.
7. An investigation of the development of shared leadership on the Six-sigma project life cycle / B. J. Galli, M. A. Kaviani, E. Bottani, T. Murino // International Journal of Information Technology Project Management. 2019. Vol. 10, No. 4. P. 15–78. <http://doi.org/10.4018/IJITPM.2019100102>.
8. Имаи Масааки. Кайдзен: Ключ к успеху японских компаний. М.: Альпина Паблишер, 2020. 274 с.
9. Бобрышев А. Д., Дворцова О. В. Преобразование системы управления для адаптации современных принципов организации производства на предприятиях ОПК // Экономика и социум: современные модели развития. 2017. № 17. С. 29–41. <https://creativeconomy.ru/lib/40384>.

10. Финансирование науки в цифрах / И. Е. Ильина, Е. Н. Жарова, А. В. Клыпин, А. В. Ясков. М.: IMG Print, 2019. 48 с.
11. Китова Г. А. Налоговое стимулирование науки и инноваций в России: практика и исследования. М.: НИУ ВШЭ, 2015. 80 с.
12. Доросинский Л. Г., Зверева О. М Информационные технологии поддержки жизненного цикла изделия. Ульяновск: Зебра, 2016. 243 с.
13. Акимов С. В., Верхова Г. В., Меткин Н. П. Теоретические основы CALS. СПб.: С.-Петерб. гос. ун-т телекоммуникаций им. проф. М. А. Бонч-Бруевича, 2018. 263 с.
14. Бакланова Е. Г., Тарадонов С. В. Существенные условия государственного контракта на выполнение научно-исследовательских, опытно-конструкторских и технологических работ для государственных нужд // Вестник МИЭП. 2014. № 3 (16). С. 46–55.
15. Копров В. М. Контракт жизненного цикла как форма реализации закупок для государственных оборонных нужд // Право в Вооруженных Силах – Военно-правовое обозрение. 2020. № 3 (272). С. 53–59.
16. Чекаданова М. В. Единые условия разработки и внедрения новых техники и технологий, привлекательные для участников инновационного процесса // Научное обозрение. Серия 1: Экономика и право. 2017. № 6. С. 86–100. <http://doi.org/10.26653/2076-4650-2017-6-05>.
17. Дерунова Е. А., Филатова И. Н., Сычева В. О. Анализ механизмов стимулирования спроса на высокотехнологичную продукцию // Научное обозрение. 2016. № 15. С. 184–186.
18. Мочалин В. Д. Системный подход к исследованию национальной экономики // Вектор экономики. 2020. № 4 (46). С. 66.
19. Гимаева Э. Х. Роль науки как института производства интеллектуального труда // Интер-активная наука. 2017. № 12 (22). С. 70–72. <http://doi.org/10.21661/r-466169>.
20. Синяева И. М. Маркетинг современного инновационного бизнеса на предприятии машиностроения // Экономика и управление в машиностроении. 2017. № 1. С. 32–34.

References

1. Gassman O., Frankenberger K., Csicsvari M. The business model navigator: 55 models that will revolutionise your business. Harlow, England, Pearson, 2014. 400 p.
2. Hutahayan B., Wahyono. A review and research agenda in business model innovation. *International Journal of Pharmaceutical and Healthcare Marketing*, 2019, vol. 13, no. 3, pp. 264–287. <http://doi.org/10.1108/IJPHM-12-2017-0073>
3. Bobryshev A. D., Pyrogov N. L., Tarabrin F. M. Biznes-model' – effektivnyi instrument anti-krizisnogo upravleniya promyshlennym predpriyatiem [Business model - effective tool of anti-crisis management of industrial enterprise]. *MIR (Modernizatsiya. Innovatsii. Razvitie) = MIR (Modernization. Innovations. Development)*, 2017, vol. 8, no. 4 (32), pp. 478–491. <http://doi.org/10.18184/2079-4665.2017.8.4.478-491>
4. Bland D. J., Osterwalder A. Testing business ideas: a field guide for rapid experimentation. Wiley, 2020. 368 p.
5. Bobryshev A. D., Tumin V. M., Tarabrin K. M., eds. Biznes-modeli v upravlenii ustojchivym razvitiem predpriyatij [Business models in the management of sustainable development of enterprises]; ed. by A. D. Bobryshev, V. M. Tumin. Moscow, INFRA-M Publ., 2021. 289 p.
6. Wumek D. P., Jones D. T. Berezhlivoe proizvodstvo: Kak izbavit'sya ot poter' i dobit'sya prosvetaniya vashej kompanii [Lean production: How to get rid of losses and achieve prosperity of your company]. Moscow, Alpine Pablischer, 2020. 472 p.
7. Galli B. J., Kaviani M. A., Bottani E., Murino T. An investigation of the development of shared leadership on the Six-sigma project life cycle. *International Journal of Information Technology Project Management*, 2019, vol. 10, no. 4, pp. 15–78. <http://doi.org/10.4018/IJITPM.2019100102>
8. Imai Masaaki. Kajden: Klyuch k uspekhu yaponskih kompanij [Kaijen: Key to the success of Japanese companies]. Moscow, Alpine Pablischer, 2020. 274 p.
9. Bobryshev A. D., Dvortsova O. V. Preobrazovanie sistemy upravleniya dlya adaptatsii sovremennykh printsipov organizatsii proizvodstva na predpriyatiyakh OPK [Transformation of the management

system for adaptation of modern principles of organization of production at enterprises of DIC]. *Ekonomika i sotsium: sovremennye modeli razvitiya* = *Economics and society: modern models of development*, 2017, no. 17, pp. 29–41.

10. Ilyina I. E., Zharova E. N., Klypin A. V., Yasakov A. V. Finansirovanie nauki v cifrah [Science funding in numbers]. Moscow, IMG Print, 2019. 48 p.

11. Kitova G. A. Nalogovoe stimulirovanie nauki i innovatsiy v Rossii: praktika i issledovaniya [Tax stimulation of science and innovation in Russia: practice and cooperation]. Moscow, HSE, 2015. 80 p.

12. Dorosinsky L. G., Zvereva O. M. Informatsionnye tekhnologii podderzhki zhiznennogo tsikla izdeliya [Product Lifecycle Support Information Technology]. Ulyanovsk, Zebra Publ., 2016. 243 p.

13. Akimov S. V., Verkhova G. V., Metkin N. P. Teoreticheskie osnovy CALS [Theoretical foundations of CALS]. St. Petersburg, St. Petersburg St. Univ. of Telecommunications named after prof. M. A. Bonch-Bruевич, 2018. 263 p.

14. Baklanov E. G., Taradanov S. V. Sushchestvennye usloviya gosudarstvennogo kontrakta na vypolnenie nauchno-issledovatel'skikh, opytно-konstruktor'skikh i tekhnologicheskikh rabot dlya gosudarstvennykh nuzhd [Essential terms of the state contract for performing research, development and technological works for state needs]. *Vestnik MIEP* = *MIEP Bulletin*, 2014, no. 3 (16), pp. 46–55.

15. Koprov V. M. Kontrakt zhiznennogo tsikla kak forma realizatsii zakupok dlya gosudarstvennykh oboronnykh nuzhd [Life cycle contract as a form of procurement implementation for state defense needs]. *Pravo v Vooruzhennykh Silakh – Voенно-pravovoe obozrenie* = *Law in the Armed Forces - Military Legal Review*, 2020, no. 3 (272), pp. 53–59.

16. Chekadanova M. V. Edinye usloviya razrabotki i vnedreniya novykh tekhniki i tekhnologii, privlekatel'nye dlya uchastnikov innovatsionnogo protsessa [Uniform conditions for the development and implementation of new technologies and technologies, attractive for participants in the innovation process]. *Nauchnoe obozrenie. Seriya 1: Ekonomika i pravo* = *Scientific review. Series 1: Economics and Law*, 2017, no. 6, pp. 86–100. <http://doi.org/10.26653/2076-4650-2017-6-05>.

17. Derunova E. A., Filatova I. N., Sycheva V. O. Analiz mekhanizmov stimulirovaniya sprosa na vysokotekhnologichnuyu produktsiyu [Analysis of mechanisms to stimulate demand for high-tech products]. *Nauchnoe obozrenie* = *Scientific Review*, 2016, no. 15, pp. 184–186.

18. Mochalin V. D. Sistemnyi podkhod k issledovaniyu natsional'noi ekonomiki [Systemic approach to the study of national economy]. *Vektor ekonomiki* = *Economy vector*, 2020, no. 4 (46), p. 66.

19. Gimaeva E. Kh. Rol' nauki kak instituta proizvodstva intellektual'nogo truda [The role of science as an institute for the production of intellectual labor]. *Interaktivnaya nauka* = *Interactive science*, 2017, no. 12 (22), pp. 70–72. <http://doi.org/10.21661/r-466169>.

20. Sinyaeva I. M. Marketing sovremennogo innovatsionnogo biznesa na predpriyatii mashinostroeniya [Marketing of modern innovative business at the enterprise of mechanical engineering]. *Ekonomika i upravlenie v mashinostroyeni* = *Economics and management in mechanical engineering*, 2017, no. 1, pp. 32–34.

Информация об авторе / Information about the Author

Краснянская Ольга Владимировна, кандидат экономических наук, доцент кафедры менеджмента, МИРЭА – Российский технологический университет, г. Москва, Российская Федерация,
e-mail: kep2006@mail.ru,
Author ID: 841123,
ORCID: 0000-0003-2416-7107,
Web of Science Researcher ID: 4592-2018,
Scopus Author ID: 57204066753

Olga V. Krasnyanskaya, Candidate of Economic Sciences, Associate Professor of the Department of Management, MIREA - Russian Technological University, Moscow, Russian Federation,
e-mail: kep2006@mail.ru,
Author ID: 841123,
ORCID: 0000-0003-2416-7107,
Web of Science Researcher ID: 4592-2018,
Scopus Author ID: 57204066753

УДК 336:378(73)

Взаимодействие университетских инжиниринговых исследовательских центров США с высокотехнологичными компаниями

В. Н. Минат¹ ✉

¹ Рязанский государственный агротехнологический университет имени П. А. Костычева
ул. Костычева 1, г. Рязань 390044, Российская Федерация

✉ e-mail: minat.valera@yandex.ru

Резюме

Актуальность темы исследования определяется всевозрастающей ролью инжиниринговых услуг в инновационной деятельности, характеризующей высокотехнологичный сектор современной экономики. В условиях наличия исторически сложившейся сети высших учебных заведений, создание и успешное функционирование инжиниринговых центров, сформированных на базе университетской науки и управления, выступающее предметом исследования, отличает наиболее развитые страны.

Цель исследования – выявить и обосновать основные направления и аспекты взаимодействия университетских ИИЦ США с высокотехнологичными компаниями американского бизнеса.

Задачи: исследовать конкретные формы и общественные инструменты интеграции науки, образования и реальной экономики США, функционирующие на протяжении длительного времени на базе университетской автономии.

Методология. Для анализа привлеченного теоретического и статистического материала по заявленной проблематике использованы приемы таких методов, как статистико-экономический анализ, сравнительная оценка, типологическая группировка, индукции.

Результаты позволяют определить экономический феномен взаимодействия инжиниринговых исследовательских центров, функционирующих при университетах США, с высокотехнологичным сектором американской экономики как результат сложившейся региональной сверхконцентрации и интеграции университетской науки, образования и экономики. В работе показано, как на основе достижения высоких показателей уровня научно-производственной интеграции, обусловленной использованием потенциала университетского инжиниринга, в геоэкономическом пространстве штатов США функционирует эффективный и результативный «регионально-университетский механизм» развития высокотехнологичных компаний.

Выводы. Университетские ИИЦ в условиях сложившейся отраслевой специализации регионов США под действием инновационных процессов, в частности факторов научно-производственной интеграции, обусловленной развитием рынка инжиниринговых услуг, оказывают существенное влияние на эффективность регионального развития высокотехнологичных компаний и, как следствие, национального развития в целом.

Ключевые слова: исследовательские университеты США; университетский инжиниринг; инжиниринговый исследовательский центр; трансфер инноваций и технологий; высокотехнологичные компании; научно-производственная интеграция.

Конфликт интересов: В представленной публикации отсутствует заимствованный материал без ссылок на автора и (или) источник заимствования, нет результатов научных работ, выполненных автором публикации лично и (или) в соавторстве, без соответствующих ссылок. Автор декларирует отсутствие конфликта интересов, связанных с публикацией данной статьи.

Для цитирования: Минат В. Н. Взаимодействие университетских инжиниринговых исследовательских центров США с высокотехнологичными компаниями // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. 2021. Т. 11, № 4. С. 63–75.

Поступила в редакцию 21.06.2021

Принята к публикации 22.07.2021

Опубликована 31.08.2021

© Минат В. Н., 2021

Interaction of US University Engineering Research Centers with High-Tech Companies

Valery N. Minat¹ ✉

¹ Ryazan State Agrotechnological University named after P. A. Kostychev
1 Kostycheva str., Ryazan 390044, Russian Federation

✉ e-mail: minat.valera@yandex.ru

Abstract

The relevance of the research topic is determined by the ever-increasing role of engineering services in innovation, which characterizes the high-tech sector of the modern economy. In the context of the presence of a historically established network of higher educational institutions, the creation and successful functioning of engineering centers formed on the basis of university science and management, which is the subject of research, distinguishes the most developed countries.

The purpose of the study is to identify and substantiate the main directions and aspects of the interaction of US university IICs with high-tech companies in American business.

Objektives. A study of specific forms and social instruments for the integration of science, education and the real economy of the United States, functioning for a long time on the basis of university autonomy.

Methodology. To analyze the attracted theoretical and statistical material on the stated problems, the techniques of such methods as statistical and economic analysis, comparative assessment, typological grouping, induction were used.

The results allow us to determine the economic phenomenon of the interaction of engineering research centers operating at US universities with the high-tech sector of the American economy as a result of the prevailing regional over-concentration and integration of university science, education and economics. The paper shows how, based on the achievement of high indicators of the level of scientific and industrial integration, due to the use of the potential of university engineering, an effective and efficient "regional university mechanism" for the development of high-tech companies functions in the geo-economic space of the US states.

Conclusions. University ICC in the context of the existing industry specialization of the US regions under the influence of innovation processes, in particular, factors of scientific and industrial integration, due to the development of the engineering services market, have a significant impact on the effectiveness of regional development of high-tech companies, and, as a result, national development in general.

Keywords: US research universities; university engineering; engineering research center; transfer of innovations and technologies; high-tech companies; research and production integration.

Conflict of interest: In the presented publication there is no borrowed material without references to the author and (or) source of borrowing, there are no results of scientific works performed by the author of the publication, personally and (or) in co-authorship, without relevant links. The author declares no conflict of interest related to the publication of this article.

For citation: Minat V. N. Interaction of US University Engineering Research Centers with High-Tech Companies. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Ekonomika. Sotsiologiya. Menedzhment* = *Proceedings of the Southwest State University. Series: Economics, Sociology and Management*. 2021; 11(4): 63–75. (In Russ.)

Received 21.06.2021

Accepted 22.07.2021

Published 31.08.2021

Введение

Эволюция инжиниринговых, в том числе инжинирингово-консультационных, услуг, познаваемых в качестве субъекта рыночных экономических отношений, насчитывает, по некоторым оценкам, не менее столетия. При этом в пространственно-временном развитии указанного субъекта ведущая роль принадлежит Соединенным Штатам Америки

как ведущей в инновационном плане страны¹, в которой еще в начале XX в. начал формироваться инжиниринг в строи-

¹ Современные российские ученые указывают на необходимость учета развития инноваций в совокупности с эволюционированием остальных рыночных и институциональных механизмов, формирующих национальную инновационную систему (НИС) [1].

тельном бизнесе¹, а в конце 1950-х гг. выделился в самостоятельную сферу международной коммерческой деятельности, тесно связанной с передовой наукой, технологией, венчурным финансированием, проектным инвестированием новаторских идей и изобретений. Многообразие и многоуровневость построения и организации инжиниринга в США в течение всего новейшего исторического времени с характерными циклами и этапами социально-экономического развития общества [2] всегда было ориентировано на ведущие центры американской фундаментальной науки – *исследовательские университеты* [3; 4]. Отличительной чертой последних как раз являлся и является по сей день синтез высшего образования, науки и практической бизнес-деятельности заинтересованных компаний и государства [5].

В данной связи, развивая и расширяя исследование тенденций эволюционирования американской системы высшей школы, автору представляется весьма актуальным исследование конкретных форм и общественных инструментов интеграции науки, образования и реальной экономики США, функционирующих на протяжении длительного времени на базе университетской автономии. Одной из таких форм, имеющих своей целью *трансфер инноваций и технологий*, созданных в недрах университетской науки, непосредственно в высокотехнологичные компании Америки и всего мира (посредством глобализации инновационной деятельности), выступают инжиниринговые исследовательские центры (ИИЦ) – *Engineering Research Centers (ERC)*, функцио-

нирующие при исследовательских университетах и иных вузах США в формате *стратегического взаимодействия*². Представленная форма (модель) вузовской (университетской) инжиниринговой деятельности непосредственно, или *университетский инжиниринг (university engineering)*, выступает объектом настоящего исследования, в рамках которого определяется предметная область – *взаимодействие университетских (вузовских) ИИЦ с высокотехнологичными компаниями Соединенных Штатов*.

Материалы и методы

Научные подходы к исследованию инжиниринга (англ. *engineering*, от лат. *ingenium* – талант, способности, изобретательность) в качестве экономического феномена, включающего в себя *полный инновационный цикл*, т. е. все этапы – от инженерных консультаций широкого спектра, направленных на содействие различным видам инновационной деятельности, до неперенной коммерческой (экономическая эффективность и результативность) составляющей – расширяют его сущностное определение до размеров *промышленной отрасли хозяйства либо комплекса специфических услуг*. Первый из указанных подходов характерен для французских исследователей, а второй – для ученых Великобритании, Германии и Италии. Современные американские специалисты, обобщая богатый европейский опыт и используя «свой», не менее представительный и передовой, ввели в международную практику следующие сегменты инжиниринга в широком смысле этого понятия:

¹ Некоторые исследователи отмечают, что инжиниринг как сектор экономики появился в Великобритании еще в конце XIX в., когда стали предоставляться услуги отдельных инженеров, а вслед за тем и целых групп, объединенных в инженерные фирмы, востребованные при строительстве новых заводов и модернизации уже имеющихся.

² Тем более что «...в современных социальных реалиях развивается новый подход к образованию. Функциональная роль образовательной системы трансформируется и превращает образование в интегративный социальный институт» [6].

– строительный или общий инжиниринг (*General Contracting, Construction Engineering*) – в трудах К. А. Крида [7] и Дж. Сикрета [8];

– консультационный или «чистый» инжиниринг (*Consulting Engineering*) – в частности, в работе Ф. Мандини и Д. Б. Уотсона [9];

– технологический инжиниринг (*Manufacturing Engineering*), характерный для исследований А. Далани и С. Олсона [10].

Основываясь на указанной теоретической базе, мы отмечаем, что в рамках объектно-предметной области настоящего исследования приоритетными сегментами университетских ИИЦ США выступают два последних из представленного списка, что объясняется спецификой вузовского национального сообщества как анклава, прежде всего, фундаментальной науки и создания прикладных технических инноваций. Так, *консультационный инжиниринг ИИЦ*, функционирующих при американских университетах, не подразумевает поставку оборудования для высокотехнологичных компаний, являющихся или не являющихся его постоянными членами, а также выполнение строительных мероприятий для них. Однако в рамках указанного сегмента университетские ИИЦ осуществляют передачу необходимых лицензий и технологий высокотехнологичным компаниям, тем более что в другом сегменте – *технологическом инжиниринге*, предполагающем предоставление заказчику технологической информации, – передача производственного опыта и знания, технологии, патента составляет основу деятельности университетских ИИЦ США.

Помимо американских исследователей, сущность инжиниринга «по-американски» и возможность использования данного опыта в российской действительности нашла свое отражение в работах современных российских исследователей, а именно В. Г. Зинова и О. А. Еремченко [11], Е. В. Грибовой [12], И. Д. Лифанова

и А. И. Шинкевича [13] и др., в которых предметной областью исследования выступает продуктивное взаимодействие инжиниринговых центров, в том числе функционирующих при американских университетах, с промышленными компаниями в инновационной среде. Не менее содержательными для нашего исследования являются работы российских авторов, отражающие пространственные аспекты формирования инжиниринговых центров как объектов инновационной инфраструктуры, опирающейся, прежде всего, на сеть учреждений высшего образования и науки, в частности И. Ю. Чекмачева и Е. В. Иоды [14], и как субъектов международного обмена услугами – Н. Г. Соколовой и А. Н. Лобановой [15]. В отношении развития региональных инновационных систем (РИС) США, неременным элементом которых выступают исследовательские университеты и связанные с ними инжиниринговые центры, автором опубликовано соответствующее исследование [16].

В Соединенных Штатах в целом, как мы уже отмечали, функционируют тысячи фирм и организаций, предоставляющих инженерно-технические услуги. Однако объектом настоящего исследования выступает лишь та часть из них, которая организационно и функционально связана с исследовательскими университетами и другими вузами США. Статистический учет и аналитическая информация по университетским (вузовским) ИИЦ концентрируется, прежде всего, в Национальном научном фонде (ННФ) США – *National Science Foundation (NSF)*, а также в Американской ассоциации содействия развитию науки – *American Association for the Advancement of Science*. В терминологии указанных организаций инжиниринговая деятельность относится к группе «*The Fabless Business Model*», где *fabless* – это разработка без производства, а *fables-firm* – это фирма-разработчик, не имеющая своих производственных мощностей. При этом официальная американ-

ская статистика показывает, что именно такие фирмы, типологически соответствующие ИИЦ при университетах США, ориентируются в своей инжиниринго-технологической и инжиниринго-консультационной деятельности преимущественно на высокотехнологичные компании.

Обработка общедоступной статистической базы за 2015–2019 гг. приемами *статистико-экономического анализа*, а теоретического массива аналитических данных (с выборкой деятельности ведущих университетских ИИЦ) приемами *абстрактно-логического метода*, позволяет выявить современные тенденции взаимодействия ИИЦ, функционирующих при университетах США с высокотехнологичными компаниями американского глобального бизнеса.

Поскольку инновационное развитие экономики большинства штатов США базируется на технологизации отраслей, обеспечивающих научно-технический прогресс (НТП) в системе расширенного воспроизводства, необходимо определиться с категорией «высокотехнологичной» или «наукоемкой» (в обеих интерпретациях *high-tech*) продукции, производимой компаниями соответствующего профиля. Это продукция, в себестоимости которой доля расходов на научные исследования и опытно-конструкторские разработки (НИОКР) существенно (в среднем в 1,5 раза) превышает значение среднеотраслевого показателя либо значения аналогичных показателей смежных отраслей. Иными словами, затраты на НИОКР в высокотехнологичных (наукоемких) отраслях составляют значительную долю в объемах продаж данной продукции, характеризуясь (отличаясь) высокой *НИОКР-интенсивностью*, неизменной частью которой выступает *инжиниринг*. Используя современные категории, можно говорить об инновационности такой продукции.

Последовательное использование статистико-экономического метода и ме-

тода типологической группировки при анализе инновационного развития высокотехнологичных компаний США, как на уровне конкретного штата, так и в геоэкономическом пространстве американского национального хозяйства, предполагает расчеты, связанные с вычислением на базе абсолютных данных официальной статистики относительных показателей. В настоящей работе *уровень научно-производственной интеграции* отражает степень зависимости высокотехнологичного производства штата от объема выполненных работ и предоставленных университетскими ИИЦ инжиниринговых услуг, определяемого их долей (%) от общего числа инжиниринговых компаний штата, рассчитанных в среднем за 2015–2019 гг. В числе рассмотренных выше университетских ИИЦ, в значительной степени определяющих НИОКР-интенсивность продукции высокотехнологичных компаний большинства штатов США, по своим организационно-технологическим, управленческим и коммерческим особенностям вышеупомянутые американские авторы выделили три отмеченных нами основных типа.

Выявленное сочетание относительных показателей развития высокотехнологичного сектора в каждом из исследуемых штатов США с показателями, характеризующими объем инжиниринговых услуг, предоставленных ИИЦ, функционирующими при университетах этих штатов, позволяет оценить региональный уровень научно-производственной интеграции, определяемый взаимодействием указанных ИИЦ с высокотехнологичными компаниями в американском геоэкономическом пространстве в среднем за период 2015–2019 гг.

Результаты и их обсуждение

Оставив за рамками настоящего исследования глобальные процессы эволюции инжиниринговой деятельности и динамики мирового рынка инжиниринго-

вых услуг¹, отметим, что на фоне общего снижения доли американских инжиниринговых компаний на соответствующем сегменте мирового рынка за последние 30–35 лет университетские ИИЦ США в указанный период не только не снизили темпы своего развития, но и не утратили свою долю на внутреннем (в первую очередь) и внешнем (ставшим окончательно глобальным) рынках инжиниринговых услуг².

Несмотря на столетний исторический тренд развития всех типов инжиниринговых компаний в США эволюция университетских ИИЦ как значительных субъектов инновационной деятельности и экономических феноменов, играющих

немаловажную роль в трансфере технологий из университетской науки в высокотехнологичную индустрию, характеризуется одним важным этапом, связанным с их *программным развитием*. Программа развития национальной сети ИИЦ была принята в США в 1985 г. с целью создания нового формата взаимодействия вузов и индустриального сектора экономики. В сформированных при участии государства первых 25 университетских ИИЦ удачно сочетались научно-исследовательская, образовательная деятельность и формировалась среда для взаимодействия индустрии с преподавателями и студентами вузов на основе решения стратегических задач разработки новых технологий и их эффективной коммерциализации. Отбор университетских ИИЦ, претендующих на государственную поддержку, стал осуществлять ННФ, аккумулируя государственные целевые средства, постепенно дополняемые инвестиционным обеспечением со стороны заинтересованных промышленных партнеров, самих университетов, административных штатов, иных частных некоммерческих и государственных структур. На основе такого государственно-частного партнерства получили развитие передовые, ангажированные государственной научной, технологической, а позднее – инновационной политикой, проводимой с помощью ННФ США, НИОКР-интенсивные проекты и технологические изыскания, показавшие за прошедшие 35 лет свою организационно-функциональную и экономическую эффективность и результативность.

Несомненно, что основополагающими вопросами, влияющими на выявление и обоснование современных тенденций взаимодействия университетских ИИЦ США с высокотехнологичными компаниями американского глобального бизнеса, являются три взаимосвязанных процесса: финансирования / инвестиционного обеспечения их деятельности, эффективности и результа-

¹ Согласно данным Международной федерации инженеров-консультантов FIDIC (от франц. *Fédération Internationale Ingénieurs-Conseils*), основная доля мирового рынка, объем которого в 2020 г. (несмотря на кризис и «коронабесию») составил не менее 1 трлн долл., принадлежала, как и прежде, строительному инжинирингу (до 75%), 5% приходилось на консультационный инжиниринг и 10% – на технологический инжиниринг. Американские инжиниринговые компании в 2020 г. снизили (наряду с японскими) свою долю на глобальном рынке по сравнению с 2014–2015 гг., поскольку были потеснены Китаем (преимущественно в Азиатско-Тихоокеанском регионе) и Францией.

² Хотя в рейтинге международных инжиниринговых компаний США с выручкой в 1,5–5 млрд долл. (AECOM, JACOBS, FLUOR CORP, CH2M HILL и др.) университетских ИИЦ нет и не может быть и близко, сектор деятельности ИИЦ, созданных при наиболее крупных исследовательских университетах США, в области инжиниринг-проектирования, инжиниринг-консультирования, находится, как правило, в границах от нескольких десятков до первых сотен миллионов долларов. Таким образом, исследуемые нами объекты имеют свою традиционную нишу преимущественно на внутреннем и, по необходимости, на внешних рынках инжиниринговых услуг.

тивности инжиниринговых услуг, предоставляемых высокотехнологичному сектору экономики.

Для того чтобы оценить степень влияния деятельности ИИЦ, функционирующих при университетах США, на развитие высокотехнологичного сектора экономики, необходимо методами математической статистики произвести вычисление, сравнение и группировку относительных показателей, характеризующих уровень развития высокотехнологичных компаний, осуществляющих инновационную деятельность на территории 41 штата США, где расположены ведущие университеты. Выраженные через уровень научно-производственной интеграции университетских ИИЦ и высокотехнологичных компаний этих штатов результаты графически представлены в форме достаточно сложной и неоднородной *пространственной структуры* (табл.).

Типологическая группировка субъектов указанной структуры, представленная в таблице, включает в себя 5 основных групп штатов (в рамках III группы выделено 3 подгруппы), отличающихся друг от друга *уровнями инновационного развития*, определяемыми в соответствии с указанными в методологическом разделе критериями.

Проведенный анализ показал прямую зависимость в инновационном отношении взаимодействия университетских ИИЦ с высокотехнологичными компаниями тех групп штатов, на геоэкономическом пространстве которых наблюдается благоприятное сочетание указанных субъектов с высоким и очень высоким уровнем научно-производственной интеграции, однако отличающихся по уровню экономического развития. Это характерно для штатов V группы (представлена единственным

штатом – Калифорния), I группы (Массачусетс, Мэриленд, Нью-Джерси, Флорида) и IV группы (Нью-Мексико, Невада, Аризона, Юта, Колорадо). Комплекс причин (факторов) воздействия университетских ИИЦ на функционирование высокотехнологичных компаний, обуславливающих их наиболее значительное инновационное развитие в рамках экономики этих штатов, весьма разнообразен. Для первых двух из указанных групп он определяется, прежде всего, исторически сложившимся широко-масштабным развитием хозяйства, высокотехнологичные отрасли которого, «подстегиваемые» к развитию путем предоставления инжиниринговых услуг университетскими ИИЦ, составляющими от 10,8 до 15,6% (в Калифорнии – 23,5%) от общего числа компаний штата, хотя и высоко развиты, составляют лишь часть экономики. Кроме того, штаты этих групп издавна служат плацдармом для научно-образовательных и инновационно-внедренческих процессов в США. Решающим фактором, определившим высокий уровень научно-производственной интеграции в большинстве штатов IV группы (территориально расположенных в статистико-экономическом районе – Горные штаты), является изначальная специализация университетской фундаментальной и прикладной науки, значение которой в масштабах страны невелико, на специфических (в том числе военно-испытательных) отраслях экономики. Модернизированные ИИЦ, функционирующие при исследовательских университетах, получили здесь широкое распространение и развитие на базе иных территориальных форм научно-производственной интеграции (национальных лабораторий, испытательных установок и полигонов).

Таблица. Группировка штатов США на основе взаимодействия инжиниринговых исследовательских центров (ИИЦ) при университетах с высокотехнологичными компаниями (ВТК) в среднем за период 2015–2019 гг., %

Показатели		Группы и подгруппы							
		I	II	III			IV	V	
				в целом	A	Б			В
Развития высокотехнологичных компаний штата									
Доля экономики штата от итога по США		1,2 – 3,7	1,5 – 2,4	0,5 – 6,4	2,8 – 6,4	0,5 – 3,7	≥ 6,0	0,1 – 1,0	12,3
уровень		в/с	в/с	в/с	в	с	в	н	о/в
в т. ч. доля продукции ВТК		0,8 – 2,2	0,8 – 1,3	0,2 – 7,4	0,8 – 7,4	0,2 – 1,6	≥ 2,4	0,05 – 0,8	9,7
Доля продукции ВТК от показателя по США = 100 %		56,8 – 78,6	53,3 – 60,0	18,2 – 47,6	18,5 – 43,3	18,2 – 47,6	≥ 40,0	50,0 – 80,0	78,9
уровень		в	в	с	н/с	с	с	о/в	о/в
Доля экономики штата по стоимости валового продукта		13,0 – 25,0	21,0 – 23,0	13,0 – 34,0	24,0 – 34,0	13,0 – 34,0	≥ 24,0	5,0 – 19,0	23,0
уровень		в/с	в/с	в/с	в	в/с	в/с	н/с	в/с
в т. ч. доля продукции ВТК		7,0 – 20,0	12,0 – 15,0	5,0 – 16,0	5,0 – 16,0	5,0 – 16,0	≥ 12,0	2,0 – 13,0	18,0
Доля продукции ВТК от показателя в экономике штата = 100%		53,8 – 80,0	57,1 – 68,2	17,2 – 66,5	17,2 – 50,0	25,9 – 66,5	≥ 50,0	50,0 – 83,3	78,3
уровень		в	в	в/с	с	в/с	в/с	в	о/в
Научно-производственной интеграции									
Доля инжиниринговых услуг университетских ИИЦ от общего числа ИК штата, из них:		10,8 – 15,6	2,4 – 8,0	1,2 – 13,6	1,2 – 8,8	1,6 – 9,0	около 13,6	12,4 – 28,1	23,5
Общий показатель 100 %	Строительный или общий инжиниринг	33,3 – 41,0	22,0 – 26,9	7,5 – 45,5	7,5 – 45,5	13,0 – 41,1	≥ 26,5	20,6 – 38,4	27,3
	Консультационный инжиниринг	25,0 – 34,5	30,8 – 45,0	9,2 – 52,2	9,2 – 46,9	18,7 – 52,2	≥ 39,7	33,9 – 59,2	41,2
	Технологический инжиниринг	25,7 – 40,7	33,0 – 42,3	31,8 – 83,3	31,8 – 83,3	33,0 – 62,6	≥ 33,8	13,5 – 35,5	31,5
Уровень научно-производственной интеграции		в	в/с	в/с	в/с	в/с	в	о/в	о/в

Примечания: 1. ИК – инжиниринговые компании; уровни: о/в – очень высокий; в – высокий; в/с – выше среднего; с – средний; н/с – ниже среднего; н – низкий.

2. Рассчитано на основе данных [17–20].

Для весьма обширной III группы штатов, пространственно расположенных «единым монолитом» для подгрупп А и Б и в разных частях страны для подгруппы В, характерна структурная перестройка экономики в научно-техническом и технологическом плане, осуществляемая при непосредственном участии университетских ИИЦ, доля которых составляет от 1,2 до 13,6% от общего числа компаний штата. Однако уровень научно-производственной интеграции, определяемой в нашем случае взаимодействием ИИЦ ведущих университетов с высокотехнологичными компаниями, у них невысок, хотя и выше среднего по США. Этот уровень нарастает в следующем порядке: штаты подгруппы А (Висконсин, Мичиган, Иллинойс, Индиана, Огайо, Нью-Йорк, Пенсильвания, Северная Каролина) – штаты подгруппы Б (Джорджия, Вирджиния, Алабама, Луизиана, Арканзас, Теннесси) – штаты подгруппы В (Нью-Гэмпшир, Орегон, Техас) и зависит от степени гибкости (восприимчивости) высокотехнологичных отраслей национальной экономики к структурным и функциональным изменениям, вносимым университетской наукой конкретного штата.

Штаты II группы, разбросанные по стране, со значением для экономики США выше среднего и высоким для своего хозяйственного комплекса, добились немалых успехов в переводе деятельности компаний на высокотехнологичный уровень. Это объясняется, помимо грамотной научно-технической и инновационной политики, способностью ИИЦ, функционирующих при местных университетах, к тесному взаимодействию в рамках специализации высокотехнологичных компаний. Таким образом, штаты II группы – это «перспективные очаги» научно-производственной интеграции университетской науки, инжиниринговых центров и инновационного развития экономики США в целом.

Выводы

Проведенная группировка штатов США, на территории которых получили развитие ИИЦ при университетах, отражает современные региональные особенности инновационного развития высокотехнологичных компаний, функционирующих в геоэкономическом пространстве этих штатов и страны в целом. Пространственная тенденция взаимодействия указанных экономических феноменов – университетских ИИЦ и высокотехнологичных компаний, характеризующиеся высокой концентрацией (местами сверхконцентрацией) и интеграцией университетской науки, образования и экономики. Это соответствует общеэкономической модели развития Соединенных Штатов, функционирующей по «центр-периферийному» типу, при котором усиливаются диспропорции регионального развития, формируется пространственная система взаимозависимости научно-образовательных, технологических и хозяйственных субъектов целостных территорий по принципу «донор – акцептор» в рамках инновационной деятельности. Причем «центр-периферийные» тенденции регионального инновационного развития носят разноуровневый характер – выделение не только групп штатов, но и подгрупп в третьей группе.

Исследование показывает, что даже при наличии чрезвычайно высокого уровня научно-производственной интеграции, определяемой тесным взаимодействием высокотехнологичных компаний с ИИЦ, функционирующими при исследовательских университетах и других вузах США (80% штатов страны имеют высокие показатели), выделяются группы и подгруппы штатов, характеризующиеся в целом в качестве инновационного промышленного «центра» страны (Калифорния и штаты первой группы), в инновационном развитии страны, подтверждаемого на региональном уровне, соответствующей «полупериферии» (штаты вто-

рой и третьей групп) и «периферии» (10 штатов, не отличающихся развитой сетью университетских ИИЦ). Особое место занимают штаты четвертой группы в силу специфики высокого уровня научно-производственной интеграции в узкоспециализированных отраслях экономики США.

Практическое значение проведенного исследования состоит, по мнению автора, в демонстрации необходимости и подходов к анализу, оценке и учету специфики и особенностей отдельных территорий крупного (пространственно и экономически) государства, располагающего исторически сложившейся сетью высших учебных заведений, при которых, в определенных условиях, могут успешно функционировать инжиниринговые исследовательские структуры, подобные ИИЦ университетов США. Эти структуры в условиях сложившейся отраслевой специализации регионов под действием инновационных процессов, в частности факторов научно-производственной интеграции, обусловленной развитием рынка инжиниринговых услуг, несомненно, могут оказать существенное влияние на эффективность регионального развития высокотехнологичных компаний и, как следствие, национального развития в целом.

Помимо пространственно-регионального аспекта, практического использования опыта университетских ИИЦ США, считаем полезным опыт организационно-функционального взаимодействия американской модели университетского ИИЦ,

позволивший достигнуть результатов представленного эффективного и результативного взаимодействия последних с компаниями высокотехнологичной сферы экономики. Среди указанных аспектов важное значение принадлежит особенностям:

- гибкого планирования – стратегического, в сфере НИОКР, маркетингового, инфраструктурного, осуществляемого совместно университетом, ИИЦ и компанией;

- проектирования различного уровня взаимодействия университетских ИИЦ с компаниями, выступающими в качестве различных по правовой форме членов;

- детализация в планировании и проектировании полного инновационного цикла с формулированием показателей измерения каждой из стадий;

- гибкое финансирование и соответствующий режим использования интеллектуальной собственности на продукты и технологии инжиниринговой деятельности.

Автор не сомневается, что потенциал инжиниринга как формы и инструмента трансфера инноваций и технологий из сферы вузовской науки в реальный сектор экономики имеет перспективу не только теоретического обоснования, но и практического использования в российской действительности, имеющей к настоящему времени свои традиции использования интеллектуального, образовательного и организационно-управленческого потенциала системы высшей школы в производстве.

Список литературы

1. Овчинникова Т. И., Булгакова Н. Н. Эволюция категории «методология исследования инновационной деятельности» в цифросетевой экономике // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. 2021. Т. 11, № 3. С. 63–77.
2. Харченко Е. В., Гейдерих П. В. Циклы и этапы социально-экономического развития общества в контексте процессов созидательного разрушения // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. 2018. Т. 8, № 2 (27). С. 17–30.
3. Минат В. Н. Особенности финансирования и результаты деятельности высших учебных заведений США (1919 – 2019 гг.) // Среднерусский вестник общественных наук. 2020. Т. 15, № 5. С. 225–248. <https://doi.org/10.22394/2071-2367-2020-15-5-225-248>.

4. Томакова И. А. Университет как интегратор инновационных образовательных процессов подготовки кадров для развития цифровой экономики региона // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. 2021. Т. 11, № 2. С. 163–179.
5. Применение государственно-частного партнерства в условиях современной действительности: мировая и российская практика / И. А. Тронина, А. В. Семенихина, О. И. Морозова, А. О. Андросова // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. 2021. Т. 11, № 2. С. 47–60.
6. Килимова Л. В., Фролова А. С. Формирование профессиональных навыков в контексте цифровизации экономики // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. 2021. Т. 11, № 3. С. 195–207.
7. Creed K. A. General Engineering in the American Economy and Innovation. Modernity and tradition // The American Economic Review. 2018. Vol. 108, No. 9. P. 2541–2567.
8. Secret J. Major engineering companies in the USA and the world market for services // International Journal of Economic Perspectives. 2015. Vol. 9, No. 3. P. 74–85.
9. Mandini F., Watson D. B. Cooperation between engineering centers, university science and business. US experience // International Journal of Economic Perspectives. 2018. Vol. 1, No 3. P. 1697–1713.
10. Dalani A., Olson S. Economic conditions and modern prospects for the development of technological engineering in the United States in international innovation // The American Economic Review. 2017. Vol. 107, No. 12. P. 3875–3906.
11. Зинов В. Г., Еремченко О. А. Построение многоуровневого взаимодействия вузовских инжиниринговых центров с промышленными компаниями: российский и зарубежный опыт // Инновации. 2020. № 6 (260). С. 54–61. <https://doi.org/10.26310/2071-3010.2020.260.6.007>.
12. Грибова Е. В. Международный инжиниринг: внедрение зарубежного опыта в России // Экономика и менеджмент инновационных технологий. 2016. № 11 (62). С. 85–91.
13. Лифанов И. Д., Шинкевич А. И. Специфика и перспективы развития инжиниринговых услуг в инновационной сфере // Российское предпринимательство. 2014. Т. 15, № 19. С. 16–27.
14. Чекмачев И. Ю., Иода Е. В. Инжиниринговый центр как элемент инновационной структуры региона // Социально-экономические явления и процессы. 2014. Т. 9, № 9. С. 84–95.
15. Соколова Н. Г., Лобанова А. Н. Инжиниринговые услуги как объект международной торговли // Вестник Удмуртского университета. Серия: Экономика и право. 2018. Т. 28, вып. 3. С. 366–372.
16. Минат В. Н. Государственная региональная политика и развитие региональных инновационных систем в США // Федерализм. 2020. Т. 25, № 4. С. 173–188. <https://doi.org/10.21686/2073-1051-2020-4-173-188>.
17. Best Practices Manual - Engineering Research Centers. NSF. URL: <https://erc-assoc.org/book/export/html/689> (дата обращения: 10.05.2021).
18. Best Practices Manual. ERC. NSF. Association. URL: <https://erc-assoc.org/sites/default/files/ERC%20Best%20Practices%20Manual.pdf> (дата обращения: 10.05.2021).
19. Innovation in American Regions. URL: <http://www.statsamerica.org/innovation/index.html> (дата обращения: 10.05.2021).
20. National Science Foundation. National Science Board. Science and Engineering Indicators, 2020. URL: <https://nces.nsf.gov/pubs/nsb2020> (дата обращения: 10.05.2021).

References

1. Ovchinnikova T. I., Bulgakova N. N. Evolyuciya kategorii "metodologiya issledovaniya innovacionnoj deyatel'nosti" v cifrosetevoj ekonomike [Evolution of the category "methodology of researching innovative activity" in digital network economy]. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Ekonomika. Sotsiologiya. Menedzhment = Proceedings of the Southwest State University. Series: Economics, Sociology and Management*, 2021, vol. 11, no. 3, pp. 63–77.

2. Harchenko E. V., Gejderih P. V. Cikly i etapy social'no-ekonomicheskogo razvitiya obshchestva v kontekste processov sozidatel'nogo razrusheniya [Cycles and stages of socio-economic development of society in the context of the processes of creative destruction]. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Ekonomika. Sotsiologiya. Menedzhment* = *Proceedings of the Southwest State University. Series: Economics, Sociology and Management*, 2018, vol. 8, no. 2 (27), pp. 17–30.
3. Minat V. N. Osobennosti finansirovaniya i rezul'taty deyatel'nosti vysshih uchebnykh zavedenij SSHA (1919 – 2019 gg.) [Features of financing and the results of the activities of higher educational institutions in the United States (1919 - 2019)]. *Srednerusskij vestnik obshchestvennykh nauk* = *Srednerussky Bulletin of Social Sciences*, 2020, vol. 15, no. 5, pp. 225–248. <https://doi.org/10.22394/2071-2367-2020-15-5-225-248>.
4. Tomakova I. A. Universitet kak integrator innovacionnykh obrazovatel'nykh processov podgotovki kadrov dlya razvitiya cifrovoj ekonomiki regiona [University as an integrator of innovative educational processes of personnel training for the development of the digital economy of the region]. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Ekonomika. Sotsiologiya. Menedzhment* = *Proceedings of the Southwest State University. Series: Economics, Sociology and Management*, 2021, vol. 11, no. 2, pp. 163–179.
5. Tronina I. A., Semnihina A. V., Morozova O. I., Androsova A. O. Primenenie gosudarstvenno-chastnogo partnerstva v usloviyakh sovremennoj dejstvitel'nosti: mirovaya i rossijskaya praktika [Application of public-private partnership in the conditions of modern reality: world and Russian practice]. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Ekonomika. Sotsiologiya. Menedzhment* = *Proceedings of the Southwest State University. Series: Economics, Sociology and Management*, 2021, vol. 11, no. 2, pp. 47–60.
6. Kilimova L. V., Frolova A. S. Formirovanie professional'nykh navykov v kontekste cifrovizacii ekonomiki [Formation of professional skills in the context of digitalization of the economy]. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Ekonomika. Sotsiologiya. Menedzhment* = *Proceedings of the Southwest State University. Series: Economics, Sociology and Management*, 2021, vol. 11, no. 3, pp. 195–207.
7. Creed K. A. General Engineering in the American Economy and Innovation. Modernity and tradition. *The American Economic Review*, 2018, vol. 108, no. 9, pp. 2541–2567.
8. Secret J. Major engineering companies in the USA and the world market for services. *International Journal of Economic Perspectives*, 2015, vol. 9, no. 3, pp. 74–85.
9. Mandini F., Watson D. B. Cooperation between engineering centers, university science and business. US experience. *International Journal of Economic Perspectives*, 2018, vol. 1, no. 3, pp. 1697–1713.
10. Dalani A., Olson S. Economic conditions and modern prospects for the development of technological engineering in the United States in international innovation. *The American Economic Review*, 2017, vol. 107, no. 12, pp. 3875–3906.
11. Zinov V. G., Eremchenko O. A. Postroenie mnogourovnevnogo vzaimodejstviya vuzovskikh inzhiniringovykh centrov s promyshlennymi kompaniyami: rossijskij i zarubezhnyj opyt [Construction of multilevel interaction of university engineering centers with industrial companies: Russian and foreign experience]. *Innovacii* = *Innovations*, 2020, no. 6 (260), pp. 54–61. <https://doi.org/10.26310/2071-3010.2020.260.6.007>
12. Gribova E. V. Mezhdunarodnyj inzhiniring: vnedrenie zarubezhnogo opyta v Rossii [International Engineering: Implementation of Foreign Experience in Russia]. *Ekonomika i menedzhment innovacionnykh tekhnologij* = *Economics and Management of Innovative Technologies*, 2016, no. 11 (62), pp. 85–91.
13. Lifanov I. D., Shinkevich A. I. Specifika i perspektivy razvitiya inzhiniringovykh uslug v innovacionnoj sfere [Specificity and prospects for the development of engineering services in the innovation sphere]. *Rossiiskoe predprinimatel'stvo* = *Russian Journal of Entrepreneurship*, 2014, vol. 15, no. 19, pp. 16–27.
14. Chekmachev I. Yu., Ioda E. V. Inzhiniringovyj centr kak element innovacionnoj struktury regiona [Engineering center as an element of the innovative structure of the region]. *Social'no-ekonomicheskie yavleniya i process* = *Socio-economic phenomena and processes*, 2014, vol. 9, no. 9, pp. 84–95.

15. Sokolova N. G., Lobanova A. N. Inzhiniringovye uslugi kak ob"ekt mezhdunarodnoj trgovli [Engineering services as an object of international trade]. *Vestnik Udmurtskogo universiteta. Seriya: Ekonomika i pravo = Bulletin of the Udmurt University. Series: Economics and Law*, 2018, vol. 28, is. 3, pp. 366–372.
16. Minat V. N. Gosudarstvennaya regional'naya politika i razvitie regional'nyh innovacionnyh sistem v SSHA [State regional policy and the development of regional innovation systems in the United States]. *Federalizm = Federalism*, 2020, vol. 25, no 4, pp. 173–188. <https://doi.org/10.21686/2073-1051-2020-4-173-188>
17. Best Practices Manual - Engineering Research Centers. NSF. Available at: <https://erc-assoc.org/book/export/html/689>. (accessed 10.05.2021)
18. Best Practices Manual. ERC. NSF. Association Available at: <https://erc-assoc.org/sites/default/files/ERC%20Best%20Practices%20Manual.pdf>. (accessed 10.05.2021)
19. Innovation in American Regions. Available at: <http://www.statsamerica.org/innovation/index.html>. (accessed 10.05.2021)
20. National Science Foundation. National Science Board. Science and Engineering Indicators, 2020. Available at: <https://ncses.nsf.gov/pubs/nsb2020>. (accessed 10.05.2021)

Информация об авторе / Information about the Author

Минат Валерий Николаевич, кандидат географических наук, доцент, доцент кафедры экономики и менеджмента, Рязанский государственный агротехнологический университет имени П. А. Костычева, г. Рязань, Российская Федерация,
e-mail: minat.valera@yandex.ru,
ORCID: 0000-0002-8787-4274

Valery N. Minat, Candidate of Geographical Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Economics and Management, Ryazan State Agrotechnological University named after P. A. Kostychev, Ryazan, Russian Federation,
e-mail: minat.valera@yandex.ru,
ORCID: 0000-0002-87-4274

Управление конкурентоспособностью гостиничного предприятия в условиях трансформационного и пандемического кризисов

Н. А. Череповская¹ ✉, Е. С. Якушова¹

¹ Финансовый университет при Правительстве РФ
Ленинградский просп. 49, г. Москва 125993, Российская Федерация

✉ e-mail: NACHerepovskaya@fa.ru

Резюме

Актуальность. Цифровая трансформация предполагает внедрение инновационных технологий во все сферы хозяйственной деятельности. Стремительное развитие информационных технологий привело к росту конкуренции и изменению традиционных концепций создания потребительской ценности. Многие предприятия оказались к этому не готовы. Ситуацию усугубил кризис, вызванный COVID-19. Пандемия коронавирусной инфекции стала катализатором трансформационных процессов во всех отраслях экономики, и индустрия туризма и гостеприимства не является исключением. Таким образом, в условиях трансформационного перехода и карантинных ограничений бизнес остро нуждается в инновациях, которые повысят его шансы на выживание в нынешней ситуации и обеспечат конкурентное преимущество в долгосрочной перспективе.

Цель данного исследования заключается в изучении влияния имущественной составляющей на успешность функционирования предприятия гостиничного бизнеса и разработке рекомендаций по повышению его конкурентоспособности в условиях пандемического кризиса и в посткризисный период.

Задачи. В рамках исследования были сформулированы и эмпирически проверены следующие гипотезы: крупные гостиничные комплексы более рентабельны по сравнению с другими гостиничными предприятиями; чем меньше размер гостиничного предприятия, тем короче его финансовый цикл; величина активов гостиничного предприятия положительно влияет на показатели его платежеспособности, выраженной показателями ликвидности.

Методология. Исследование базируется на основе дисперсионного, корреляционного методов и факторного анализа. Анализ эмпирических результатов осуществлялся с применением специализированной программы SPSS Statistics.

Результаты исследования показали, что в нынешних условиях для крупных гостиничных комплексов покупка основных средств за счет займов не является эффективной без освоения новых технологий и сервисов, предполагающих индивидуальный подход к каждому клиенту.

Вывод. Практическая ценность работы заключается в разработке рекомендаций по повышению конкурентоспособности предприятий гостиничного бизнеса в условиях трансформационного и пандемического кризисов.

Ключевые слова: гостиничные услуги; конкурентоспособность; рентабельность; трансформационный кризис; пандемический кризис.

Конфликт интересов: В представленной публикации отсутствует заимствованный материал без ссылок на автора и (или) источник заимствования, нет результатов научных работ, выполненных авторами публикации лично и (или) в соавторстве, без соответствующих ссылок. Авторы декларируют отсутствие конфликта интересов, связанных с публикацией данной статьи.

Для цитирования: Череповская Н. А., Якушова Е. С. Управление конкурентоспособностью гостиничного предприятия в условиях трансформационного и пандемического кризисов // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. 2021. Т. 11, № 4. С. 76–91.

Поступила в редакцию 23.06.2021

Принята к публикации 27.07.2021

Опубликована 31.08.2021

Managing the Competitiveness of a Hotel Enterprise in the Conditions of Transformational and Pandemic Crises

Natalya A. Cherepovskaya¹ ✉, Elena S. Yakushova¹

¹ Financial University under the Government of the Russian Federation
Leningradsky prospekt 49, Moscow 125993, Russian Federation

✉ e-mail: NACHerepovskaya@fa.ru

Abstract

Relevance. Digital transformation involves the introduction of innovative technologies in all spheres of economic activity. The rapid development of information technologies has led to an increase in competition and a change in traditional concepts of creating consumer value. Many enterprises were not ready for this. The situation was aggravated by the crisis caused by COVID-19. The coronavirus pandemic has become a catalyst for transformational processes in all sectors of the economy, and the tourism and hospitality industry is no exception. Thus, in the conditions of a transformational transition and quarantine restrictions, the business is in urgent need of innovations that will increase its chances of survival in the current situation and provide a competitive advantage in the long term.

The purpose of this study is to study the influence of the property component on the success of the hotel business enterprise and to develop recommendations for improving its competitiveness in the conditions of the pandemic crisis and in the post-crisis period.

Objectives. Within the framework of the study, the following hypotheses were formulated and empirically tested: large hotel complexes are more profitable compared to other hotel enterprises; the smaller the size of a hotel enterprise, the shorter its financial cycle; the value of the assets of a hotel enterprise positively affects its solvency indicators, expressed by liquidity indicators.

Methodology. The study is based on the basis of variance, correlation methods and factor analysis. The analysis of the empirical results was carried out using a specialized program SPSS Statistics.

The results of the study showed that in the current conditions for large hotel complexes, the purchase of fixed assets at the expense of loans is not effective without the development of new technologies and services that involve an individual approach to each client.

Conclusion. The practical value of the work lies in the development of recommendations for improving the competitiveness of hotel business enterprises in the conditions of transformational and pandemic crises.

Keywords: hotel services; competitiveness; profitability; transformational crisis; pandemic crisis.

Conflict of interest: In the presented publication there is no borrowed material without references to the author and (or) source of borrowing, there are no results of scientific works performed by the authors of the publication, personally and (or) in co-authorship, without relevant links. The authors declare no conflict of interest related to the publication of this article.

For citation: Cherepovskaya N. A., Yakushova E. S. Managing the Competitiveness of a Hotel Enterprise in the Conditions of Transformational and Pandemic Crises. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Ekonomika. Sotsiologiya. Menedzhment* = *Proceedings of the Southwest State University. Series: Economics, Sociology and Management*. 2021; 11(4): 76–91. (In Russ.)

Received 23.06.2021

Accepted 27.07.2021

Published 31.08.2021

Введение

На современном этапе туризм является одним из драйверов роста нацио-

нальных экономик. Доля туристских услуг в ВВП в среднем по миру составляет 10%. Для сравнения: в России этот по-

казатель находится на уровне 4,8%¹ (аналогичные показатели у Нигера, Сьерра Леоне и Гвинеи). Хотя стоит признать, что за последние годы благодаря принятию и реализации федеральной целевой программы по развитию внутреннего и въездного туризма ситуация в туристической отрасли стала меняться в лучшую сторону: развивается туристическая инфраструктура, расширяется перечень туристических услуг, повышается качество турпродукта, что способствует притоку туристов в разные уголки нашей Родины.

Но 2020 г. стал настоящим испытанием для сферы туризма и гостеприимства по всему миру. Закрытие границ и введение жестких ограничений из-за COVID-19 негативно сказалось на конкурентоспособности гостиничных предприятий и поставило под угрозу их дальнейшее существование. В таких условиях может выжить только стратегически ориентированное предприятие, которое рационально использует имеющиеся ресурсы и оперативно реагирует на новые запросы рынка. Благодаря цифровизации гостиницы уже сейчас могут повысить качество обслуживания и предложить дополнительные услуги, которые позволят им привлечь внутренних туристов, а значит, быстрее преодолеть негативные последствия пандемии.

Под термином «трансформационный кризис» в научной литературе понимается совокупность кризисных явлений, возникающих в результате качественных изменений во всех отраслях экономики при смене технологического уклада. Одной из характерных особенностей переходного периода является институциональная пустота, которая становится причиной трансформационного кризиса.

В то время как старые институты, созданные для координации сложной структуры экономической деятельности, прекращают свое существование, новые, более совершенные механизмы еще не получили прочного утверждения [1].

Предприятия сталкиваются со многими проблемами, вынуждающими их самостоятельно адаптироваться, чтобы оставаться конкурентоспособными в быстро меняющейся среде. Исследователи в области конкурентоспособности уделяют много внимания выработке дефиниций, классификации факторов, определения критериев оценки и методов управления. Однако среди ученых до сих пор нет единого мнения относительно структуры и компонентного состава конкурентоспособности предприятия [2].

Экономический анализ в конкретных отраслях или отраслевых сегментах и их оценка требуют подхода, основанного на систематическом изучении преуспевающих отраслей промышленности на международном уровне, что позволит выявить конкурентное преимущество предприятий внутри страны и поддерживать перед глобальными конкурентами [3; 4].

Экспортноориентированные услуги, предоставляемые региональными предприятиями, являются фактором для создания условий, влияющих на уровень конкурентоспособности экономики регионов, страны и мощным толчком к внедрению инноваций с целью получения конкурентоспособного продукта [5].

Пандемия COVID-19 бросила вызов правительствам, обществу и бизнесу во всем мире [6]. Последствия пандемии негативно отразились на въездном, выездном и внутреннем туризме и привели к серьезному кризису в сфере гостиничных услуг [7]. В то время как некоторые отрасли незначительно пострадали от карантинных ограничений, предприниматели в индустрии гостеприимства почти полностью потеряли свой бизнес в течение нескольких месяцев [8].

¹ Мировой Атлас Данных: мировая и региональная статистика, страновые данные, карты и рейтинги. URL: <https://knoema.ru/atlas/topics/Туризм/Общий-вклад-туризма-в-ВВП/Общий-вклад-в-ВВП-доля-percent> (дата обращения: 28.11.2020).

Для возобновления функционирования индустрии гостеприимства на разных уровнях государственного управления был принят целый комплекс административных регламентов: регистрация в гостинице только при наличии справки об отсутствии COVID-19, рекомендации для минимального дневного пребывания в гостиничных предприятиях и др. [9]

Пандемический кризис привел к существенным организационным изменениям в гостиничном бизнесе, которому пришлось оперативно адаптироваться к новым санитарно-гигиеническим нормам и правилам, а также негативно сказался на мобильности и платежеспособности его целевой аудитории. Трудно спрогнозировать, сколько ещё продлится кризис, поэтому отельеры остро нуждаются в адекватных механизмах сохранения и восстановления бизнеса [10; 11].

Поскольку клиенты являются ценным источником для новых идей в индустрии гостеприимства, внедрение инновационных подходов, методик, инструментов в условиях жесткой конкуренции помогут создать более высокий уровень ликвидности гостиничных предприятий [12; 13].

В условиях цифровой трансформации предприятие должно быть нацелено на внедрение высокоэффективных и автоматизированных процессов, с учетом индивидуальных потребностей клиента [14]. Они создают условия для замены традиционных структур, которые основаны на централизованных механизмах принятия решений и жестких границах отдельных шагов с добавленной стоимостью. Эти структуры заменяются гибкими организационными и логистическими системами, предлагающими интерактивные и совместные механизмы принятия решений [15; 16].

Технологии цифровизации открывают перед предприятиями широкие возможности для повышения своей конкурентоспособности. Возможно, малые

предприятия будут иметь больший оборот в смену, чем крупные предприятия, за счет быстрого цифрового преобразования, разработки и внедрения с нуля новых подходов к IT-структуре [17].

Сегодня конкурентоспособность выходит за рамки производительности, организационных и логистических систем, поскольку она включает совокупность физических активов, материальных ценностей. Кроме того, она является более глубоким понятием и представляет собой критическое измерение развития и отсталости социально-экономических систем на всех их структурированных микро-, макро- и мезоуровнях [18; 19].

Одной из причин того, что такой интегральный показатель, как уровень конкурентоспособности, несмотря на свою значимость, до сих пор не получил широкого распространения в деловой среде, является отсутствие общепринятой методики его расчета [20].

В настоящее время рынок гостиничных услуг рассматривает спрос и предложение, ориентированные на удовлетворенность клиентов и позволяющие обеспечивать продажи и покупки гостиничных услуг [21]. Удовлетворенность клиентов гостиничными услугами – это философия бизнеса, которая стремится создать ценность для клиентов, обеспечивает и управляет их ожиданиями и демонстрирует способность удовлетворять их потребности [22].

Гостиничная услуга направлена на удовлетворение непосредственного спроса клиента, снижение качества предоставления услуги увеличивает риск потерь для организаций [23]. Однако возможность выживания и наличие финансовых показателей рынка гостиничных услуг напрямую зависят от достижения более высокой удовлетворенности клиентов [24]. Последствия кризисных ограничений при использовании производственных мощностей, оказывают влияние на деятельность компаний и оценку принятых решений [25].

Материалы и методы

Обращаясь к историческому аспекту развития туристской отрасли данного региона, важно отметить, что с 1959 по 1991 г. его областной центр Нижний Новгород (в советское время город Горький) имел статус закрытого, т. к. на его территории располагались оборонные предприятия. Это являлось сдерживающим фактом для роста показателей въездного туризма. При этом город имеет международный аэропорт, отличную транспортную логистику с Центральным, Северо-Западным и Северным районами России, с Поволжьем, Уралом и Сибирью. В разрезе основных отраслевых показателей туризм не учитывался в статистике 1940–90-х гг., однако трансформационный кризис в начале 1990-х гг. создал все условия и предпосылки к появлению рыночных отношений для хозяйствующих субъектов, что для туристской отрасли послужило кардинальными изменениями в части перехода от системы профсоюзного отдыха и централизованного контроля отрасли до формирования конкурентоспособной индустрии туризма, способствующей устойчивому развитию региональной экономики.

Создание нормативной и правовой региональной базы, вызовы мирового финансового кризиса 2008 г. создали условия для формирования качественно нового уровня предоставления туристских услуг в Нижегородской области. Участие Нижнего Новгорода в проведении Чемпионата мира по футболу в 2018 г. дало мощный толчок развитию туристского потенциала города. В период с 2017 по 2018 г. наблюдался значительный прирост количества объектов коллективного размещения и уровня их наполняемости¹. Стоит отметить, что по-

казатели 2019 г. по количеству туристов и продолжительности их пребывания в городе превосходят аналогичные показатели 2018 г. Это свидетельствует о том, что власти Нижегородской области эффективно реализуют стратегию по продвижению туристского бренда региона.

В настоящее время на территории Нижегородской области зарегистрировано 526 объектов временного размещения (гостиниц, отелей, хостелов, баз отдыха), 130 из них (24,7%) расположены непосредственно в Нижнем Новгороде. В период с 2005 по 2019 г. число мест в коллективных средствах размещения в области выросло в 2 раза (рис. 1). За тот же период произошло увеличение номерного фонда на 7035 номеров (прирост составил +76,0%). Если рассматривать конкурентный ландшафт, то в настоящее время на рынке работают семь гостиниц категории «четыре звезды», 17 – категории «три звезды», остальные участники не имеют официальной категории в классификации «системы звезд».

По данным официальной статистики², за последние 15 лет (2005–2019 гг.) туристический поток в Нижегородскую область увеличился более чем в 2,5 раза: с 505,7 до 1269,3 тыс. чел. В целом, благодаря реализации региональных программ развития туризма, наблюдается положительная динамика роста численности лиц, размещенных в коллективных средствах размещения, по отношению к 2005 г. в абсолютном выражении, средний темп прироста за исследуемый период составил +6,8%. Но при этом линейный тренд, построенный на основе цепных темпов роста, является нисходящим (рис. 2). Так самый большой цепной прирост количества туристов наблюдался в 2012 г., когда этот показатель был равен +21,0%. За ним последовал спад до –1,2%. Ещё более серьезный спад наблюдался по итогам

¹ Нижегородская область вошла в топ-10 регионов по развитию гостиниц. URL: <https://nn.rbc.ru/nn/freenews/5d2efe5e9a79477765169c74> (дата обращения: 25.11.2020).

² Коллективные средства размещения. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/23457> (дата обращения: 10.11.2020).

2016 г., тогда темп роста упал до 89,5%. Напомним, что 2014–2016 гг. – это период очередного экономического кризиса в

России, который негативно повлиял на платежеспособность и туристическую мобильность населения.

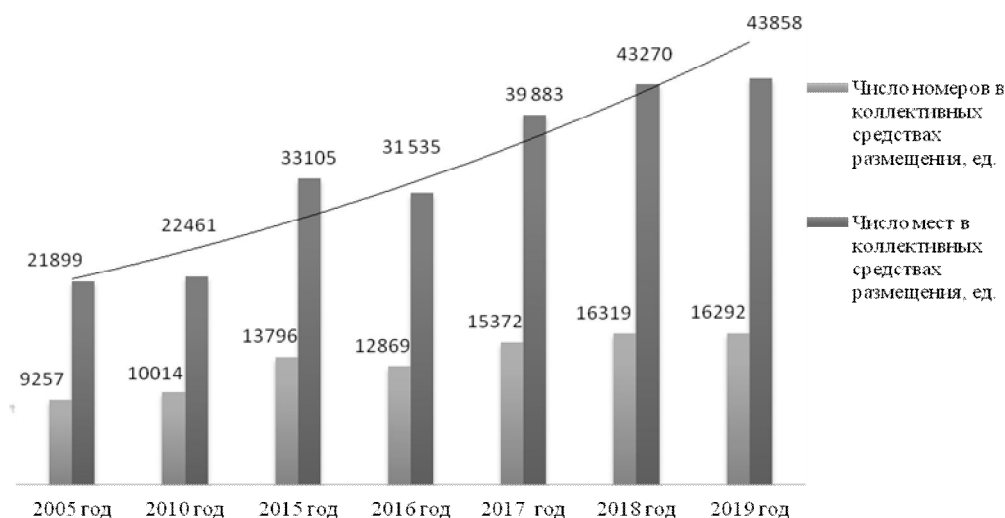

Рис. 1. Номерной фонд рынка гостиничных услуг в Нижегородской области

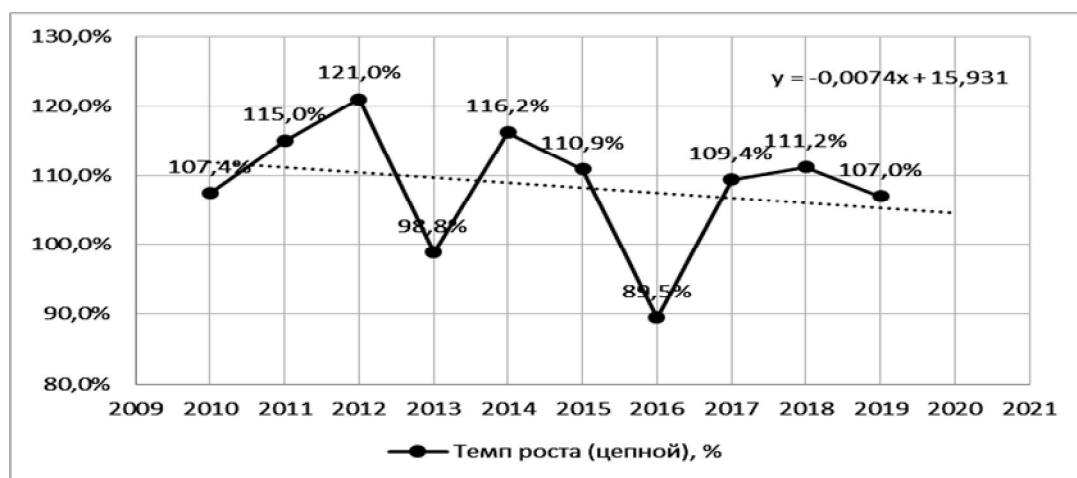

Рис. 2. Темпы роста численности размещенных лиц в коллективных средствах размещения Нижегородской области

Также нельзя не отметить сокращение пребывания туристов в средствах временного размещения – количество ночевки на одного человека в 2019 г. сократилось с 5,2 до 3,6 по сравнению с 2005 г. Это может свидетельствовать о том, что туристический потенциал Нижегородской области еще недостаточно развит, чтобы привлечь туриста на более длительный срок.

В соответствии с целью исследования – проведение анализа развития рынка гостиничных услуг в Нижегородской области и изучение влияния имущественной составляющей на успешность функционирования объекта размещения на данном рынке на первом этапе исследования на основе базы данных «Спарк» была сформирована выборочная сово-

купность, куда вошли предприятия, соответствующие таким параметрам, как:

- 1) регион деятельности: Нижегородская область;
- 2) основной вид деятельности (по ОКВЭД): деятельность по предоставлению мест для временного проживания (код 55.1 и 55.2);
- 3) статус: действующие;
- 4) форма собственности: частная;
- 5) наличие бухгалтерской отчетности за 2018 и 2019 гг.

На втором этапе был проведен анализ финансово-хозяйственной деятельности объектов выборки и проведена их группировка по размеру активов.

Для достижения поставленной цели были сформулированы гипотезы:

1. Крупные гостиничные комплексы более рентабельны по сравнению с другими гостиничными предприятиями.

2. Чем меньше размер гостиничного предприятия, тем короче его финансовый цикл.

3. Величина активов гостиничного предприятия положительно влияет на показатели его платежеспособности, выраженной показателями ликвидности.

На третьем этапе была осуществлена проверка гипотез с использованием таких методов исследования, как дисперсионный, корреляционный и факторный анализ. Анализ эмпирических результатов осуществлялся с применением специализированной программы SPSS Statistics.

Результаты и их обсуждение

Фактический объем выборки составил 97 предприятий (из 132 возможных), т. к. часть компаний приостановила свою хозяйственную деятельность, а другая часть недавно вышла на рынок и еще не предоставляла отчетность в налоговые органы (табл. 1).

Таблица 1. Распределение объектов размещения по численности персонала и объему выручки за 2019 г.

Численность персонала, чел.	Выручка, млн руб.								Всего
	0,1-1	1-5	5-10	10-20	20-500	50-100	100 и выше	н/д	
меньше 6	8	15	5	3		3	1	5	40
от 6 до 10		5	4	6	2				17
от 11 до 15			3	2	5				10
от 16 до 50		1		2	8	6	2		19
от 51 до 100				1	2	1	2		6
от 101 до 200							4		4
от 501 до 1000							1		1
Всего	8	21	12	14	17	10	10	5	97
%	8,2	21,6	12,4	14,4	17,5	10,3	10,3	5,2	100

Примечание. Рассчитано авторами по данным программы проверки контрагентов «Спарк».

Более половины исследуемой выборки (58,7%) составляют небольшие частные гостиницы и гостевые дома, в которых работают менее 10 человек персонала. Размер выручки таких объектов размещения колеблется в пределах от 1 до

5 млн руб. Примечательно, что в этой же группе оказалась гостиница «Новосибирск», которая при штате в 4 человека за 2019 г. заработала 102 млн руб. и получила чистую прибыль в размере 59,8 млн руб.

Самым крупным объектом размещения в Поволжье является Конгресс-отель «Маринс Парк Отель» (ООО «Паритет»), численность персонала которого составляет 965 человек. Номерной фонд отеля состоит из 65 номеров высшей категории (17 номеров люкс, 48 полулюкс) и 386 номеров первой категории. За 2019 г. выручка гостиницы составила более 2055,6 млн руб., а чистая прибыль превысила 233,4 млн руб. (рис. 3).

Для проверки выдвинутых гипотез нам необходимо осуществить группировку выборочной совокупности по величине активов. В соответствии с формулой

Стерджесса для такого количества объектов наблюдения рекомендуется образовывать 7-8 групп. В ходе анализа было установлено, что по этому параметру выборочная совокупность объектов временного размещения в данном регионе крайне неоднородна – коэффициент вариации составляет 3,98 (при норме не выше 0,33). Поэтому для группировки были использованы неравные интервалы, подобранные таким образом, чтобы вариация показателя в них не превышала 45%. Таким образом, все объекты исследования были распределены на 7 категорий (табл. 2).

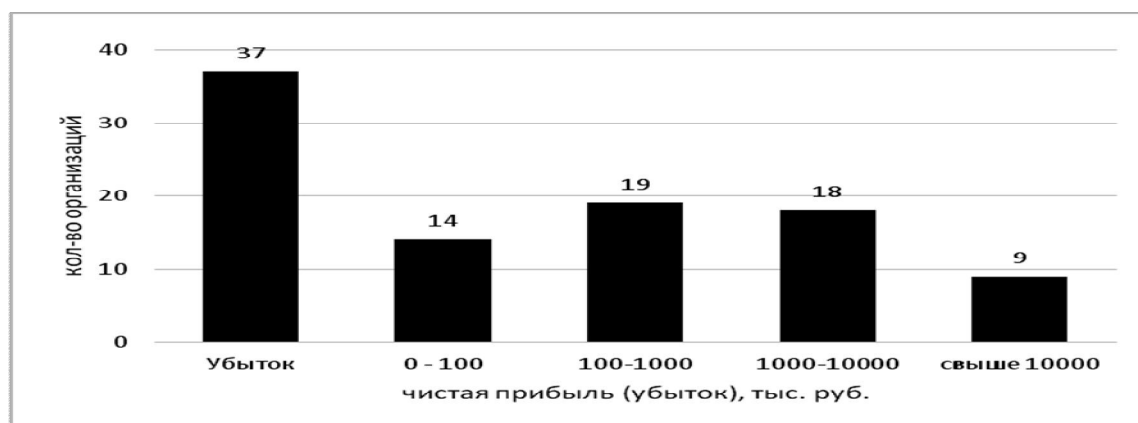

Рис. 3. Распределение гостиничных организаций в Нижегородской области по размеру чистой прибыли (убытка) по итогам 2019 г.

Таблица 2. Распределение объектов размещения по размеру активов, тыс. руб.

Интервал	Менее 300	300 – 1500	1500 – 6000	6000 – 30000	30000 – 80000	80000 – 300000	300000 и выше
Частота	10	18	20	21	10	10	7
Сред. арифм. значение	170,30	724,17	2912,95	15982,10	41176,10	140547,90	980712,00
Станд. отклон.	74,13	296,58	963,36	6201,53	9272,95	45712,29	439052,05
Коэф-нт вариации, %	43,5	41,0	33,1	38,8	22,5	32,5	44,8
Категория	7	6	5	4	3	2	1

Наибольшее значение коэффициента вариации наблюдается в крайних интервалах. Это объясняется наличием в них экстремальных значений («выбросов»), исключив которые можно до-

биться большей однородности. Абсолютным лидером по размеру активов среди гостиничных организаций Нижнего Новгорода является ООО «Весенние инвестиции» (2224,141 млн руб.),

которая владеет единственным в данном городе пятизвездочным отелем, представляющим международный бренд Sheraton. По итогам 2019 г. выручка компании составила 340 млн руб., но при этом компания уже второй год подряд приносит своим собственникам убытки: 70,6 млн руб. в 2018 г. и 20,1 млн руб. в 2019 г. На втором месте в рейтинге расположилось АО «Гостиничный комплекс «ОКА» с размером активов в 1420,341 млн руб., которое за прошлый год заработало 298 млн руб. и задекларировало чистую прибыль в размере 5,6 млн руб. (в 2018 г. эта сумма была на 2 млн больше).

Гипотеза 1. Крупные гостиничные комплексы более рентабельны по сравнению с другими гостиничными предприятиями.

Для проверки гипотезы были выбраны следующие показатели рентабельности: рентабельность продаж, рентабельность активов (ROA), рентабельность капитала (ROE).

Корреляционный анализ по всей выборочной совокупности показал отсутствие значимой связи между размером активов объекта размещения и показателями его рентабельности. Однако дополнительный анализ каждой категории позволил выявить интересные факты (табл. 3).

Таблица 3. Анализ корреляции между активами организаций из 1-й категории и их показателями рентабельности

Показатели	Основные средства	Активы	Чистые активы	Рент-сть продаж	ROA	ROE
Основные средства	1,000					
Активы	0,554	1,000				
Чистые активы	-0,715	-0,105	1,000			
Рент-сть продаж	-0,214	-0,393	-0,014	1,000		
ROA	-0,694	-0,536	0,539	0,305	1,000	
ROE	-0,545	-0,442	0,310	0,289	0,879	1,000

Во-первых, у компаний из первой категории наблюдается отрицательная корреляция между величиной основных средств и рентабельностью активов ($r = -0,694$). Во-вторых, существует обратная зависимость между величиной основных средств и размером чистых активов компании ($r = -0,715$), следовательно, приобретение основных средств происходит в основном за счет заёмных средств. Этот вывод подтверждает и высокий уровень коэффициента корреляции между показателями ROA и ROE ($r = 0,879$). В других категориях подобной закономерности выявлено не было.

Таким образом, гипотеза 1 не подтвердилась – между размером активов и рентабельностью продаж корреляция практически отсутствует. В этой связи

можно предположить, что рентабельность продаж гостиницы во многом зависит не от размера её номерного фонда, а от таких факторов, как местоположение, состояние номеров, уровень обслуживания и др. В то же время в отношении объектов размещения первой категории была выявлена обратная связь между величиной основных средств и рентабельностью активов.

Гипотеза 2. Чем меньше размер гостиничного предприятия, тем короче его финансовый цикл.

Чтобы оценить влияние размера организации на продолжительность её финансового цикла, рассчитаем среднее количество оборотов дебиторской (ДЗ) и кредиторской (КЗ) задолженности для каждой категории объектов размещения (табл. 4).

Таблица 4. Распределение показателей оборачиваемости кредиторской и дебиторской задолженности по категориям объектов размещения

Категория	Коэф. оборачиваемости КЗ, обороты	Кол-во дней	Коэф. оборачиваемости ДЗ, обороты	Кол-во дней
1	6,60	54,5	12,61	28,5
2	5,99	60,1	10,29	35,0
3	21,90	16,4	40,54	8,9
4	12,24	29,4	45,50	7,9
5	24,05	15,0	32,70	11,0
6	20,44	17,6	39,00	9,2
7	50,83	7,1	43,17	8,3

Таким образом, наблюдается взаимосвязь между размером организации и сроками её расчетов с контрагентами. Как мы видим из таблицы 4, чем меньше гостиничное предприятие по величине активов, тем быстрее оно погашает задолженность перед кредиторами. Что касается погашения дебиторской задолженности, то по категориям 3-7 выплаты происходят в среднем 1 раз в 9 дней. По категориям 1 и 2 период отсрочки гораздо выше – около 1 месяца. Полученные результаты можно объяснить тем, что размер сделок у компаний малого и сред-

него бизнеса ниже, но происходят они чаще. Крупные же компании сотрудничают с крупными поставщиками, закупают большими объемами и потому делают закупки и выплаты по ним реже.

Гипотеза 3. Величина активов гостиничного предприятия положительно влияет на показатели его платежеспособности, выраженной показателями ликвидности.

Для проверки гипотезы были выбраны следующие показатели: коэффициент текущей ликвидности и коэффициент абсолютной ликвидности (табл. 5).

Таблица 5. Анализ корреляции между категорией объекта размещения и показателями его ликвидности

Категория	7	6	5	4	3	2	1
Коэффициент текущей ликвидности							
Активы	-0,285	-0,015	-0,111	-0,127	0,939	0,430	-0,632
Чистые активы	0,457	0,394	0,202	0,195	0,606	0,551	0,251
Коэффициент абсолютной ликвидности							
Активы	-0,718	-0,047	0,016	-0,333	0,321	0,020	-0,631
Чистые активы	0,352	0,273	0,204	0,169	0,418	0,387	0,256

В ходе исследования было выявлено, что статистически значимая прямая взаимосвязь между величиной активов и коэффициентом текущей ликвидности существует только в третьей категории объектов размещения, величина активов которых находится в интервале от 30 до 80 млн руб. Также существует обратная зависимость между величиной активов и коэффициентами ликвидности в катего-

рии гостиниц 1 и 7 (–63,1% и –71,8% соответственно).

Анализ финансовой устойчивости гостиничных предприятий Нижегородской области (табл. 6) показал, что у 44,3% компаний коэффициент капитализации не превышает 1,0. Отрицательное значение коэффициента были получены в связи с отрицательными значениями в строке «Капитал и резервы» у 35% гости-

нических предприятий. Больше всего таких компаний оказалось в категории 5 и 6, у которых величина активов колеблется от 0,3 до 6,0 млн руб. Из первой категории в этот столбец попала компания ООО «Ор-

бита», с коэффициентом $-613,66\%$. Капитал и резервы компании составляют $-261,9$ млн руб., долгосрочные и краткосрочные обязательства равны 1538,1 и 69,2 млн руб. соответственно.

Таблица 6. Распределение объектов размещения по соотношению заемного и собственного капитала

Категория предприятия	Значения коэффициента капитализации						
	менее 0	0 – 0,10	0,11 – 0,20	0,21 – 0,50	0,51 – 1,00	1,00 и выше	н/д
1	1	3	0	1	1	2	0
2	1	1	2	1	1	4	0
3	3	2	2	0	2	1	0
4	6	5	0	2	0	7	1
5	8	7	2	1	1	1	0
6	10	2	3	1	0	1	1
7	5	0	1	0	2	2	0
Всего	34	20	10	6	7	18	2
%	35,0	20,6	10,3	6,2	7,2	18,5	2,1

Максимальное значение этого показателя из всей выборки у компании ООО «Флагман» – 158 900%, т. е. на 1 руб. собственных средств компания привлекла 1589 руб. заемных средств (85,5% долгосрочные и 14,5% краткосрочные займы). По размеру активов данная компания входит во вторую категорию.

Результаты эмпирических исследований позволили подтвердить сформулированную гипотезу о положительном влиянии величины активов гостиничной организации на показатели её платежеспособности, выраженной показателями ликвидности.

Рекомендации по повышению конкурентоспособности гостиничного предприятия в условиях кризиса.

Как уже отмечалось, индустрия туризма и гостеприимства является одной из наиболее пострадавших от пандемии коронавирусной инфекции. Уже сейчас очевидно, что восстановить прежние отраслевые показатели и вернуться к нормальному режиму работы быстро не получится. В сложившейся ситуации руководству гостиничных предприятий сле-

дует акцентировать свое внимание на внутреннем туризме и кастомизации туристского продукта с учетом запросов и возможностей потребителя. В зависимости от размера гостиницы, её финансового состояния и целевой аудитории возможны следующие варианты создания и развития конкурентных преимуществ.

Конкурентоспособность небольших частных гостиниц (категории 6-7) основана на стратегии низких издержек. В условиях катастрофического падения выручки и ограниченности финансовых ресурсов они не могут позволить себе дорогостоящие проекты цифровой модернизации. Тем не менее эти объекты размещения могут создать дополнительную ценность для потребителя за счет более активного внедрения таких цифровых сервисов, как онлайн-регистрация и мобильный консьерж. Введение этих услуг позволит минимизировать контакты между сотрудниками гостиницы и гостями, что может стать дополнительным конкурентным преимуществом в постпандемическом мире.

Наиболее сильная конкуренция сохранится в категории гостиничных пред-

приятый среднего размера и среднего ценового уровня (категории 3-5). Это обусловлено тем, что в период карантинных ограничений уровень дохода именно их целевой аудитории снизился сильнее всего, и теперь эти люди либо вообще откажутся от путешествий в ближайшее время, либо переключатся на более низкий ценовой сегмент. Что касается финансовой поддержки, то в отличие от крупных игроков рынка у компаний среднего бизнеса, как правило, нет частных инвесторов, готовых профинансировать реализацию проектов цифровой трансформации. Таким образом, в конкурентной борьбе выиграют те гостиничные предприятия, которые смогут найти средства на модернизацию своих бизнес-процессов. Прежде всего речь идет о совершенствовании PMS-системы (от англ. «property management system»), предназначенной для ведения учета документов, номерного фонда, сведений о проживающих, а также для упрощений ежедневных операций менеджеров.

Современные PMS-системы позволяют отелям:

- предлагать клиенту дополнительную ценность за счет предоставления таких цифровых сервисов, как бесконтактная регистрация, доступ в номер и общественные зоны с помощью смартфона, дистанционное управление освещением в номере и многие другие;

- увеличить наполняемость и рентабельность номеров за счет гибкого управления тарифами и доступностью в режиме реального времени по различным каналам распределения;

- снизить операционные издержки за счет сокращения обслуживающего персонала, коммунальных и иных платежей, а также более эффективно управлять дебиторской и кредиторской задолженностью.

Что касается стоимости подобных автоматизированных систем, то она сильно варьируется в зависимости от разработчика, количества лицензий и

набора подключаемых модулей, которые определяют её функционал. Например, стоимость отечественного программного продукта «1С:Отель» (в базовой версии) составляет 50 тыс. руб. В настоящее время в Нижнем Новгороде данным ПО пользуются две компании: отель «Дипломат» (33 номера) и гостиница «Октябрьская» (80 номеров)¹.

Крупным гостиничным комплексам (категория 1-2) следует сфокусировать своё внимание на корпоративном сегменте, т. к., на наш взгляд, деловой туризм будет восстанавливаться более быстрыми темпами по сравнению с другими видами путешествий. Одним из способов привлечения потенциальных клиентов в гостиницу может стать обустройство бизнес-лобби, в которых можно проводить совещания, обсуждать производственные и личные вопросы в онлайн-формате и офлайн-формате. Также для увеличения заполняемости гостиницы свободные помещения можно переориентировать в гибкое офисное пространство – коворкинг-офисы, которые позволят привлечь бизнес-партнеров за счет качественного широкополосного интернета, wi-fi-доступа и возможности получения дополнительных услуг для сотрудников (горячее питание, посещение фитнес-зала и др.). Более радикальным вариантом диверсификации активов является организация лофтов или офисов-квартир в гостиничном фонде, которые дают возможность постояльцу в мини-пространстве самостоятельно работать, готовить пищу и отдыхать. Как правило, такие объекты размещения арендуются на более длительный срок, чем обычные гостиничные номера.

Если говорить об уровне цифровизации крупных отелей, то с технической точки зрения с этим, как правило, всё в поряд-

¹ Отраслевые и специализированные решения «1С:Предприятие 8». Раздел «1С:Предприятие 8. Отель» URL: <https://solutions.1c.ru/catalog/hotel/buy> (дата обращения: 27.11.2020)

ке. Но здесь часто возникают проблемы другого характера, а именно укомплектование штата сотрудниками, умеющими грамотно использовать возможности PMS-системы и преодоление сопротивления персонала трансформационным процессам. И здесь на первый план выходит необходимость формирования корпоративной культуры, позволяющей удерживать ценные кадры и обеспечивать оперативное внедрение разного рода инноваций в деятельность компании.

Выводы

1. Гипотеза о наличии взаимосвязи между размером активов гостиницы и рентабельностью её продаж не подтвердилась. В то же время гостиничные комплексы первой категории, которые имеют большой номерной фонд и предоставляют широкий спектр услуг, на данный момент менее рентабельны, чем гостиницы меньшего размера.

2. Чем меньше размер гостиничного предприятия, тем короче его финансовый цикл. Анализ показателей оборачиваемости кредиторской и дебиторской задолженности в разных группах гостиничных предприятий выявил, что в малых объектах размещения погашение задолженности происходит в среднем на 22 дня быстрее, чем в крупных гостиничных комплексах Нижнего Новгорода.

3. Результаты исследования подтвердили гипотезу о положительном влиянии величины активов гостиничного предприятия на показатели его платежеспособности, выраженной коэффициентами ликвидности. Высоколиквидные активы, включая чистые активы, выявлены только в третьей категории объектов размещения (в интервале от 30 до 80 млн руб.). Свободные средства отелям рекомен-

довано направить на развитие PMS-системы, которая позволит увеличить наполняемость и рентабельность номеров, а также расширить перечень цифровых услуг, предлагаемых гостю.

4. Снижение коэффициентов ликвидности при увеличении активов гостиниц из первой категории объясняется особенностями их структуры – рост активов в этой группе происходит в основном за счет увеличения размера внеоборотных активов, прежде всего основных средств. Для повышения эффективности использования имеющихся площадей крупным гостиницам предложено реформатировать свободные помещения в коворкинг-офисы, которые можно сдавать в аренду корпоративным клиентам.

5. Низкая ликвидность активов предприятий седьмой категории создает сложности для дальнейшего развития и внедрения инновационных технологий, т.к. отсутствие возможности покрывать текущие обязательства создает кредитный риск и увеличивает вероятность отказа в предоставлении заемных средств для финансирования проектов развития. Для данной категории рекомендуется внедрение малобюджетных цифровых инноваций (таких как онлайн-регистрация и мобильный консьерж).

Таким образом, в сложившейся ситуации конкурентоспособность гостиничных предприятий во многом зависит от их способности и готовности к трансформации в широком смысле этого слова. Гостиницы, которые сумеют наилучшим образом использовать потенциал цифровизации, получат дополнительные конкурентные преимущества, что позволит им пережить этот пандемический кризис и подготовиться к новым технологическим вызовам.

Список литературы

1. Schmieding H. From plan to market: on the nature of the transformational crisis // *Weltwirtschaftliches Archiv*. 1993. Vol.129, is.2. P. 216–253.

2. Balkyte A., Tvaronavičiene M. Perception of competitiveness in the context of sustainable development: Facets of "sustainable competitiveness" // *Journal of Business Economics and Management*. 2010. Vol. 11, is. 2. P. 341–365. <https://doi.org/10.3846/jbem.2010.17>.
3. Porter M. The Competitive Advantage of Nations // *Harvard business review*. 1990. Vol. 68, is. 2. P. 73–93.
4. Huggins R., Izushi H. The competitive advantage of nations: Origins and journey // *Competitiveness Review*. 2015. Vol. 25, is. 5. P. 458–470. <https://doi.org/10.1108/CR-06-2015-0044>.
5. Растворцева С. Н., Череповская Н. А. Идентификация и оценка региональных кластеров // *Экономика региона*. 2013. № 4 (36). С. 123–133. <https://doi.org/10.17059/2013-4-12>.
6. Predictors of COVID-19 voluntary compliance behaviors: an international investigation / C. Clark, A. Davila, M. Regis, S. Kraus // *Global Transitions*. 2020. Vol. 2. P. 76–82. <https://doi.org/10.1016/j.glt.2020.06.003>.
7. Zhang H., Cho T., Wang H. The impact of a terminal high altitude area defense incident on tourism risk perception and attitude change of Chinese tourists traveling to South Korea // *Sustainability*. 2020. Vol. 12, Is. 1. P. 1–13.
8. Baum T., Hai N. T. T. Hospitality, tourism, human rights and the impact of COVID-19 // *International Journal of Contemporary Hospitality Management*. 2020. Vol. 32, no. 7. P. 2397–2407. <https://doi.org/10.1108/IJCHM-03-2020-0242>.
9. Gössling S., Scott D., Hall C. M. Pandemics, tourism and global change: a rapid assessment of COVID-19 // *Journal of Sustainable Tourism*. 2020. Vol. 9, is.1. P. 1–20. <https://doi.org/10.1080/09669582.2020.1758708>.
10. Israeli A. A., Reichel A. Hospitality crisis management practices: the Israeli case // *International Journal of Hospitality Management*. 2003. Vol. 22, is. 4. P. 353–372. [https://doi.org/10.1016/S0278-4319\(03\)00070-7](https://doi.org/10.1016/S0278-4319(03)00070-7).
11. Ritter T., Pedersen C. L. Analyzing the impact of the coronavirus crisis on business models // *Industrial Marketing Management*. 2020. Vol. 88. P. 214–224. <https://doi.org/10.1016/j.indmarman.2020.05.014>.
12. The economics of COVID-19: initial empirical evidence on how family firms in five European countries cope with the corona crisis / S. Kraus, T. Clauss, M. Breier, J. Gast, A. Zardini, V. Tiberius // *International Journal of Entrepreneurial Behavior & Research*. 2020. Vol. 26, no. 5. P. 1067–1092. <https://doi.org/10.1108/IJEER-04-2020-0214>.
13. Wenzel M., Stanske S., Lieberman M. Strategic responses to crisis // *Strategic Management Journal*. 2020. Vol. 7. URL: <https://onlinelibrary.wiley.com/doi/abs/10.1002/smj.3161> (дата обращения: 28.05.2021).
14. Modrak V., Marton D., Bednar S. Modeling and determining product variety for mass-customized manufacturing // *Procedia CIRP*. 2014. Vol. 23. P. 258–263. <https://doi.org/10.1016/j.procir.2014.10.090>.
15. Sommer L. Industrial revolution-industry 4.0: are German manufacturing SMEs the first victims of this revolution? // *Journal of Industrial Engineering and Management*. 2015. Vol. 8, no. 5. P. 1512–1532. <https://doi.org/10.3926/jiem.1470>.
16. Production work of the future – industry 4.0 / D. Spath, O. Ganschar, S. Gerlach [et al.]. Stuttgart: Fraunhofer Verlag, 2013. 155 p.
17. Decker A. Industry 4.0 and SMEs in the Northern Jutland Region // *Value Creation in International Business*. 2017. Vol. 2. P. 309–335.
18. Garelli S. Top class competitors: how nations, firms, and individuals succeed in the new world of competitiveness. Chichester: John Wiley & Sons, 2006. 272 p.
19. Dopfer K., Foster J., Potts J. Micro-meso-macro // *Journal of Evolutionary Economics*. 2004. Vol. 14, is. 3. P. 263–279.
20. Якушова Е. С., Колягина Ю. А. Анализ конкурентоспособности ОАО «Группа компаний ПИК» // *Известия вузов. Геодезия и аэрофотосъемка*. 2015. № 1. С. 107–111.
21. Exploring asymmetric effects of attribute performance on customer satisfaction in the hotel industry / Bi Jian-Wu, Y. Liu, Fan Zhi-Ping, J. Zhang // *Tourism Management*. 2020. Vol. 77. P. 11–25. <https://doi.org/10.1016/j.tourman.2019.104006>.

22. Radosavljevic G., Maksimovich L.J., Borisavljevic K. Customer satisfaction with the online offer of travel agencies in Serbia // *Actual problems of Economics*. 2012. Vol. 11, no. 137. P. 436–448.
23. Филимоненко И. В. Управление локальными рынками региона как факторами экономического роста: монография. Красноярск: Сиб. федер. ун-т, 2013. 460 с.
24. Deng W. J., Kuo Y. F., Chen W. C. Revised importance-performance analysis: three factor theory and benchmarking // *Service Industries Journal*. 2008. Vol. 28, is. 1. P. 37–51.
25. Tian X. L. Participation in export and Chinese firms' capacity utilization // *The Journal of International Trade & Economic*. 2016. Vol. 25, is. 5. P. 757–784.

References

1. Schmieding H. From plan to market: on the nature of the transformational crisis. *Weltwirtschaftliches Archiv*, 1993, Vol. 129, is. 2, pp. 216–253.
2. Balkyte A., Tvaronavičiene M. Perception of competitiveness in the context of sustainable development: Facets of "sustainable competitiveness". *Journal of Business Economics and Management*, 2010, vol. 11, is. 2, pp. 341–365. <https://doi.org/10.3846/jbem.2010.17>.
3. Porter M. The Competitive Advantage of Nations. *Harvard business review*, 1990, vol. 68, is. 2, pp. 73–93.
4. Huggins R., Izushi H. The competitive advantage of nations: Origins and journey. *Competitiveness Review*, 2015, vol. 25, is. 5, pp. 458–470. <https://doi.org/10.1108/CR-06-2015-0044>.
5. Rastvortseva S. N., Cherepovskaya N. A. Identifikatsiya i otsenka regional'nykh klasterov [Identification and assessment of regional clusters]. *Ekonomika regiona = Economy of the region*, 2013, no. 4 (36), pp. 123–133. <https://doi.org/10.17059/2013-4-12>.
6. Clark C., Davila A., Regis M., Kraus S. Predictors of COVID-19 voluntary compliance behaviors: an international investigation. *Global Transitions*, 2020, vol. 2, pp. 76–82. <https://doi.org/10.1016/j.glt.2020.06.003>.
7. Zhang H., Cho T., Wang H. The impact of a terminal high altitude area defense incident on tourism risk perception and attitude change of Chinese tourists traveling to South Korea. *Sustainability*, 2020, vol. 12, is. 1, pp. 1–13.
8. Baum T., Hai N.T.T. Hospitality, tourism, human rights and the impact of COVID-19. *International Journal of Contemporary Hospitality Management*, 2020, vol. 32, no. 7, pp. 2397–2407. <https://doi.org/10.1108/IJCHM-03-2020-0242>.
9. Gössling S., Scott D., Hall C.M. Pandemics, tourism and global change: a rapid assessment of COVID-19. *Journal of Sustainable Tourism*, 2020, vol. 9, is. 1, pp. 1–20. <https://doi.org/10.1080/09669582.2020.1758708>.
10. Israeli A. A., Reichel A. Hospitality crisis management practices: the Israeli case. *International Journal of Hospitality Management*, 2003, vol. 22, is. 4, pp. 353–372. [https://doi.org/10.1016/S0278-4319\(03\)00070-7](https://doi.org/10.1016/S0278-4319(03)00070-7).
11. Ritter T., Pedersen C. L. Analyzing the impact of the coronavirus crisis on business models. *Industrial Marketing Management*, 2020, vol. 88, pp. 214–224. <https://doi.org/10.1016/j.indmarman.2020.05.014>.
12. Kraus S., Clauss T., Breier M., Gast J., Zardini A., Tiberius V. The economics of COVID-19: initial empirical evidence on how family firms in five European countries cope with the corona crisis. *International Journal of Entrepreneurial Behavior & Research*, 2020, vol. 26, no. 5, pp. 1067–1092. <https://doi.org/10.1108/IJEBr-04-2020-0214>.
13. Wenzel M., Stanske S., Lieberman M. Strategic responses to crisis. *Strategic Management Journal*, 2020, vol. 7. Available at: <https://onlinelibrary.wiley.com/doi/abs/10.1002/smj.3161> (accessed 28.05.2021).
14. Modrak V., Marton D., Bednar S. Modeling and determining product variety for mass-customized manufacturing. *Procedia CIRP*, 2014, vol. 23, pp. 258–263. <https://doi.org/10.1016/j.procir.2014.10.090>.

15. Sommer L. Industrial revolution-industry 4.0: are german manufacturing SMEs the first victims of this revolution? *Journal of Industrial Engineering and Management*, 2015, vol. 8, no. 5, pp. 1512–1532. <https://doi.org/10.3926/jiem.1470>.
16. Spath D., Ganschar O., Gerlach S., eds. Production work of the future – industry 4.0. Stuttgart, Fraunhofer Verlag, 2013. 155 p.
17. Decker A. Industry 4.0 and SMEs in the Northern Jutland Region. *Value Creation in International Business*, 2017, vol. 2, pp. 309–335.
18. Garelli S. Top class competitors: how nations, firms, and individuals succeed in the new world of competitiveness. Chichester, John Wiley & Sons, 2006. 272 p.
19. Dopfer K., Foster J., Potts J. Micro-meso-macro. *Journal of Evolutionary Economics*, 2004, vol. 14, is. 3, pp. 263–279.
20. Yakushova E. S., Kolyagina Yu. A. Analiz konkurentosposobnosti OAO "Gruppa kompanii PIK" [Analysis of the competitiveness of JSC "PIK Group of Companies"]. *Izvestiya vuzov. Geodeziya i aerofotos'emka = Izvestiya vuzov. Geodesy and aerial photography*, 2015, no. 1, pp. 107–111.
21. Bi Jian-Wu, Liu Y., Fan Zhi-Ping, Zhang J. Exploring asymmetric effects of attribute performance on customer satisfaction in the hotel industry. *Tourism Management*, 2020, vol. 77, pp. 11–25. <https://doi.org/10.1016/j.tourman.2019.104006>.
22. Radosavljevic G., Maksimovich L.J., Borisavljevic K. Customer Satisfaction with the online offer of travel agencies in Serbia. *Actual problems of Economics*, 2012, vol. 11, no.137, pp. 436–448.
23. Filimonenko I. V. Upravlenie lokal'nymi rynkami regiona kak faktorami ekonomicheskogo rosta [Management of local markets of the region as factors of economic growth]. Krasnoyarsk, Sib. feder. Univ. Publ., 2013. 460 p.
24. Deng W. J., Kuo Y. F., Chen W. C. Revised importance-performance analysis: three factor theory and benchmarking. *Service Industries Journal*, 2008, vol. 28, is. 1, pp. 37–51.
25. Tian X. L. Participation in export and Chinese firms' capacity utilization. *The Journal of International Trade & Economic*, 2016, vol. 25, is. 5, pp. 757–784.

Информация об авторах / Information about the Authors

Череповская Наталья Анатольевна, кандидат экономических наук, доцент департамента менеджмента и инноваций факультета «Высшая школа управления», Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, г. Москва, Российская Федерация, e-mail: NACHerepovskaya@fa.ru, ORCID: 0000-0003-3828-2536, Author ID: 57190408159

Natalya A. Cherepovskaya, Candidate of Economic Sciences, Associate Professor of the Department of Management and Innovation "Higher School of Management", Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation, e-mail: NACHerepovskaya@fa.ru, ORCID: 0000-0003-3828-2536, Author ID: 57190408159

Якушова Елена Сергеевна, кандидат экономических наук, доцент департамента менеджмента и инноваций факультета «Высшая школа управления», Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, г. Москва, Российская Федерация, e-mail: ESYakushova@fa.ru, ORCID: 0000-0002-4967-2081

Elena S. Yakushova, Candidate of Economic Sciences, Associate Professor of the Department of Management and Innovation "Higher School of Management", Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation, e-mail: ESYakushova@fa.ru, ORCID: 0000-0002-4967-2081

УДК 338.2

Политико-экономические и социально-философские аспекты трансграничной коммуникации в евразийском пространстве

Н. С. Трусова¹ ✉, Т. П. Волосюк², А. С. Емельянов², К. Е. Азжеурова³

¹ Юго-Западный государственный университет
ул. 50 лет Октября 94, г. Курск 305040, Российская Федерация

² Курский государственный университет,
ул. Радищева 33, г. Курск 305000, Российская Федерация

³ Курский филиал Финансового университета при Правительстве Российской Федерации
Ломоносова 3, г. Курск 305016, Российская Федерация,

✉ e-mail: sonya78@yandex.ru

Резюме

Актуальность. В статье рассмотрены особенности трансграничной коммуникации на постсоветском евразийском пространстве. Особое внимание уделено трансграничному сотрудничеству между Российской Федерацией и республиками Казахстан, Кыргызстан, Узбекистан и Таджикистан.

Целью исследования является анализ культурных и социально-экономических процессов необходимых для акселерации процессов трансграничной коммуникации в ЕАЭС.

Задачей научного исследования является анализ трансграничной миграции, трансграничной торгово-экономической и финансовой коммуникации, а также кросс-культурного взаимодействия. В исследовании дана комплексная оценка динамики взаимного перемещения граждан, товаров, трансграничных транзакций, характера межкультурной и информационно-просветительской коммуникации.

Методология. Исследование опирается на системный подход, который основывается на совокупности методов структурной, статистической и динамической оценки изучаемых процессов, а также табличной интерпретации эмпирико-фактологической информации.

Результаты. По результатам анализа трансграничной политики определены институциональные и культурно-исторические барьеры, препятствующие акселерации трансграничной коммуникации государств и предложены пути их преодоления. В качестве ключевых драйверов акселерации трансграничной коммуникации называются: статус русского языка как языка межнационального общения, увеличение трудовой миграции, а также увеличение потоков товарооборота и трансграничных финансовых переводов. К числу барьеров, оказывающих децелерационный характер на развитие трансграничной коммуникации в регионе, относится: количественное и качественное уменьшение доли владеющих русским языком, пандемия COVID-19, а также межнациональные законодательные противоречия в сфере регулирования миграции и товарооборота.

Выводы. В ходе исследования предлагается ряд стратегий по трансформации действующего положения дел, в частности развитие технологий «мягкой силы» и механизмов «народной дипломатии». На основании полученных результатов авторы исследования приходят к выводу, что акселерация трансграничной коммуникации в евразийском экономическом пространстве должна опираться на совместный исторический опыт и культурно-цивилизационную общность.

Ключевые слова: акселерация; трансграничная коммуникация; трансграничная миграция; экономическая политика; кросс-культурная коммуникация; евразийское пространство.

Конфликт интересов: В представленной публикации отсутствует заимствованный материал без ссылок на автора и (или) источник заимствования, нет результатов научных работ, выполненных авторами публикации лично и (или) в соавторстве, без соответствующих ссылок. Авторы декларируют отсутствие конфликта интересов, связанных с публикацией данной статьи.

Для цитирования: Политико-экономические и социально-философские аспекты трансграничной коммуникации в евразийском пространстве / Н. С. Трусова, Т. П. Волосюк, А. С. Емельянов, К. Е. Азжеурова // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. 2021. Т. 11, № 4. С. 92–103.

Поступила в редакцию 20.06.2021

Принята к публикации 27.07.2021

Опубликована 31.08.2021

© Трусова Н. С., Волосюк Т. П., Емельянов А. С., Азжеурова К.Е., 2021

Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент /
Proceedings of the Southwest State University. Series: Economics, Sociology and Management. 2021; 11(4): 92–103

Political-Economic and Socio-Philosophical Aspects of Cross-Border Communication in the Eurasian Space

Natalya S. Trusova¹ ✉, Andrei S. Emelianov², Timur P. Volosyuk², Ksenia E. Azjeurova³

¹ Southwest State University
50 Let Oktyabrya str. 94, Kursk 305040, Russian Federation

² Kursk State University
33 Radischeva str., Kursk 305000, Russian Federation

³ Kursk branch of the Financial University under the Government of the Russian Federation
3 Lomonosov str., Kursk 305016, Russian Federation

✉ e-mail: sonya78@yandex.ru

Abstract

Relevance. This study focuses on the main features of the development of cross-border communication in the post-Soviet Eurasian space. At the center of the discussion is cross-border cooperation between the Russian Federation, as well as the Republics of Kazakhstan, Kyrgyzstan, Uzbekistan and Tajikistan, considered under the prism of transformations in the development strategy of the EAEU and the Central Asian region. Purpose.

The **purpose** of this study is to consider and define the cultural and socio-economic foundation necessary to accelerate the processes of cross-border communication in the specified region.

The objective of the research is to analyze cross-border migration, cross-border trade, economic and financial communication, as well as cross-cultural interaction. The study provides a comprehensive assessment of the dynamics of the mutual movement of citizens, goods, cross-border transactions, the nature of intercultural and informational and educational communication.

Methodology. The study is based on a systematic approach, which is based on a set of methods for structural, statistical and dynamic assessment of the processes under study, as well as tabular interpretation of empirical and factual information.

Results. Based on the results of the analysis of cross-border policy, institutional and cultural-historical barriers are identified that prevent the acceleration of cross-border communication of states, and ways to overcome them are proposed. The key drivers of the acceleration of cross-border communication are: the status of the Russian language as a language of interethnic communication, an increase in labor migration, as well as an increase in the flow of goods and cross-border financial transfers. The barriers that have a deceleration nature towards the development of cross-border communication in the region include: a quantitative and qualitative decrease in the share of those who speak Russian, the COVID-19 pandemic, as well as interethnic legislative contradictions in the field of migration and trade regulation.

Conclusions. The study suggests a number of strategies to transform the current state. In particular, the development of «soft power» technologies and mechanisms of «citizen diplomacy». Based on the results obtained, the authors of the study come to the conclusion that the acceleration of cross-border communication in the Eurasian economic space should be based on joint historical experience and cultural and civilizational community.

Keywords: acceleration; cross-border communication; cross-border migration; cross-border trade and economic communication; cross-cultural communication; Eurasian space.

Conflict of interest: In the presented publication there is no borrowed material without references to the author and (or) source of borrowing, there are no results of scientific works performed by the authors of the publication, personally and (or) in co-authorship, without relevant links. The authors declare no conflict of interest related to the publication of this article.

For citation: Trusova N. S., Emelianov A. S., Volosyuk T. P., Azjeurova K. E. Political-Economic and Socio-Philosophical Aspects of Cross-Border Communication in the Eurasian Space. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Ekonomika. Sotsiologiya. Menedzhment* = *Proceedings of the Southwest State University. Series: Economics, Sociology and Management*. 2021; 11(4): 92–103. (In Russ.)

Received 20.06.2021

Accepted 27.07.2021

Published 31.08.2021

Введение

По мнению французского исследователя Ф. Броделя, приграничные террито-

рии в культурном, социально-экономическом и этнополитическом смысле являются своеобразными территориями со-

трудничества для огромного числа этносов [1, с. 101]. Это обстоятельство позволяет рассматривать «границу» не в качестве политического, культурного или социально-экономического барьера, а в качестве специфического пространства трансграничной коммуникации. Одним из таких пространств можно считать евразийское пространство бывшего Советского Союза.

11 декабря 2020 г. в Минске были утверждены новые «Стратегические направления развития евразийской экономической интеграции до 2025 года», задачей которых является завершение формирования Единого экономического пространства, в том числе посредством ускоренного введения в действие единых рынков в чувствительных для государств-членов сферах [2]. В связи с этим наибольшую актуальность приобретает анализ трансграничной коммуникации в евразийском экономическом пространстве с учетом исторического опыта и культурно-цивилизационной общности государств.

В рамках настоящего исследования нами рассмотрена трансграничная коммуникация Российской Федерации как с государствами Центрально-Азиатского региона, входящими в состав ЕАЭС – Казахстаном и Киргизией, так и с государствами, не входящими в Евразийский союз – Узбекистаном (страной наблюдателем) и Таджикистаном. Это связано с тем, что в силу географических, культурных и экономических факторов данные государства взаимодействуют друг с другом, что отражается на характере трансграничной коммуникации.

Проблему трансграничной коммуникации в Центральной Азии в существенной мере актуализируют интеграционные процессы [3], связанные, прежде всего, с появлением и развитием такого геополитического проекта современности, как Евразийский экономический союз (ЕАЭС), сопряженного с другими геополитическими и транснациональными

проектами (ОДКБ, ШОС, «Один пояс – один путь»).

На сегодняшний момент Евразийское пространство – это не только инклюзивное пространство пересечения различных культур и языков, но и место столкновения различных политических и экономических интересов (Евросоюз, США, Россия, Китай).

Еще в начале XX века Дж. Маккин-дер назвал Центральную Азию «сердцевинной землей», на периферии которой располагаются другие геополитические и культурно-цивилизационные пространства: Европа, Ближний Восток, Индокитай, Юго-Восточная Азия [4; 5, с. 491].

Евразийский регион обладает колоссальными энергетическими, трудовыми и инфраструктурными ресурсами, что делает этот регион пространством перспективного и опережающего экономического развития. Перспективам развития евразийского пространства сегодня уделяется повышенное внимание не только в России, но и в странах Центральной Азии. При этом в континентальной традиции под «евразийским пространством» достаточно часто рассматривается территория, включающая в себя Восточную Европу, Закавказье и Центральную Азию.

В. В. Огнева рассматривает Евразийское пространство как полицентричное, содержащее в себе различные культурно-цивилизационные общности, которые рассматриваются в одной плоскости только по географическому принципу [6, с. 86]. Это обстоятельство позволяет сузить предметную область и сконцентрировать внимание на отношениях Российской Федерации и стран Центральной Азии. «Точками притяжения» здесь являются не только историческая и культурная общность, но и экономика, образование, гуманитарная сфера и здравоохранение, а также вопросы коллективной безопасности.

Несмотря на достаточно тесные исторические и культурные связи между Россией, Казахстаном, Киргизией, Узбе-

кистаном и Таджикистаном, на настоящий момент данное культурно-цивилизационное и межнациональное пространство выглядит достаточно неоднородным.

В качестве одной из мер по улучшению интеграционного климата в России, Казахстане, Киргизии, Узбекистане и Таджикистане выдвигается идея акселерации трансграничной коммуникации.

Опираясь на философские и социально-политические идеи Ника Скрынчика и Алекса Уильямса, под идеей акселерации трансграничной коммуникации понимается переориентация технологических, социальных и инфраструктурных проектов данных государств на «детерриторизацию культурных, юридических и экономических границ внутри евразийского пространства [7]. «Ускорение» и «мобильность» перемещения людей, товаров, финансов, технологий является не только целью «евразийского проекта интеграции», но и одним из первых этапов по культурной интеграции различных локальных этносов в своеобразный «супер-этнос» [4, с. 209].

Материалы и методы

Теоретической базой исследования стали работы, которые можно условно разделить на три группы:

- социально-философским и теоретическим исследованиям вопросов развития трансграничной коммуникации посвящены работы Дж. Дюметц, Ф. Тромпенарса [9], Ф. Броделя [1], Н. Скрынчика, А. Уильямса [7], Я. Ли [10], А. Асеевой, Й. Горски [11];

- исследование социально-экономических аспектов евразийского пространства проведено в работах С. Абилюдиной, М. Дюсембековой [3], В. Огневой [6], В. Плотникова [12], М. Луташа, А. Тарара [13];

- направления трансграничной миграции в евразийском пространстве раскрыты в работах В. Доржиевой [14],

А. Грозина [15], О. Андреевой, Ш. Тулейбайевой, А. Гануйковой, Ж. Тентекбаевой [16], Р. Давлетгильдеевой, Е. Вашуринной, Я. Евдокимовой [17].

Статистической базой исследования выступили данные Пограничной службы ФСБ России (ЕМИСС), Бюро национальной статистики Агентства по стратегическому планированию и реформам Республики Казахстан, Государственного комитета Республики Узбекистан по статистике, Национального статистического комитета Кыргызской Республики, Росстата, «Статистического ежегодника ЕАЭС 2020», Банка России, The World Factbook, сервисов «Alexa Traffic Rank» и «Brand Analytics», а также Всесоюзной переписи населения 1989 г. и Всероссийской переписи населения 2002 и 2012 гг.

Результаты и их обсуждение

Особенности трансграничной коммуникации в евразийском пространстве представлены тремя ключевыми сферами: трансграничной миграцией, трансграничной торгово-экономической и финансовой коммуникацией, а также кросс-культурной коммуникацией.

Рассмотрим статистику трансграничной миграции, отражающую мобильность населения внутри исследуемого культурно-цивилизационного пространства в таблице 1.

Анализ представленных результатов свидетельствует об устойчивом росте трансграничных миграционных потоков. В среднем 56% всех трансграничных перемещений приходится на трудовую миграцию, 22% – на туризм и образование, 17% – на посещение родственников, 6% – выезд на ПМЖ. Трудовая миграция занимает важное место (от 62 до 74% от всех прибытий) в эмиграционных потоках Узбекистана, Таджикистана и Киргизии. Основным направлением трудовой миграции является Россия (69%) и Казахстан (22%).

Таблица 1. Статистика выезда и въезда в Российскую Федерацию

Страна	2017 г.	2018 г.	2019 г.	2020 г.
Выезд из Российской Федерации в				
Казахстан	3 014 677	3 180 569	3 417 996	864 055
Узбекистан	116 902	137 001	226 345	53 839
Таджикистан	132 808	142 078	165 294	41 639
Киргизию	262 491	269 610	268 760	89 674
Въезд в Российскую Федерацию из				
Казахстана	4 137 613	4 251 244	4 324 856	1 426 727
Узбекистана	2 350 007	2 354 642	2 588 922	719 501
Таджикистана	1 350 356	1 740 296	1 577 148	401 888
Киргизии	836 946	859 735	959 130	299 611
Выезд из Казахстана в				
Российскую Федерацию	4 101 378	4 251 244	4 251 244	4 324 856
Узбекистан	1 611 290	1 699 277	2 402 460	2 760 533
Таджикистан	5 880	8 121	7 908	10 282
Киргизию	533	392	176	181
Въезд в Казахстана из				
Российской Федерации	3 081 440	3 014 677	3 180 569	3 417 996
Узбекистана	2 817 186	3 510 443	3 591 078	3 112 581
Таджикистана	331 971	440 299	557 754	520 390
Киргизии	1341	1209	1219	1368
Выезд из Узбекистана в				
Российскую Федерацию	261 511	348 992	256 296	283 067
Казахстан	2 817 186	3 716 894	3 774 307	2 912 516
Таджикистан	219 085	254 216	1 384 282	1 261 096
Киргизию	84 500	347 612	2 710 871	3 430 882
Выезд в Узбекистан из				
Российской Федерации	106 958	129 963	371 529	455 470
Казахстана	1 384 220	1 752 238	2 293 077	2 261 094
Таджикистана	169 067	206 667	1 095 505	1 473 684
Киргизии	168 128	366 053	1 055 688	1 454 907
Выезд из Киргизии в				
Российскую Федерацию	5445	4453	4972	5335
Казахстан	1341	1209	1219	1368
Узбекистан	29	54	548	555
Таджикистан	15	21	16	24
Въезд в Киргизию из				
Российской Федерации	1814	1216	637	594
Казахстана	533	392	176	181
Узбекистана	311	155	357	254
Таджикистана	314	90	428	308

Примечание. Составлено авторами на основании данных Пограничной службы ФСБ России (ЕМИСС); данных Бюро национальной статистики Агентства по стратегическому планированию и реформам Республики Казахстан; данных Государственного комитета Республики Узбекистан по статистике; данных Национального статистического комитета Кыргызской Республики.

Потребность в увеличении трудовых потоков (как правило, в Россию) в ближайшей и среднесрочной перспективе будет только расти. Это связано в первую очередь с прогнозируемой убылью населения Российской Федерации и дефицитом рабочей силы. В связи с этим особую актуальность приобретают проекты акселерации потоков трансграничной миграции из Центральной Азии в Россию [17, с. 247]. С другой стороны, несовершенство законодательства, непродуманная миграционная политика, «теневая» и «не-

законная» миграция, а также пандемия коронавирусной инфекции являются барьерами в росте трансграничных миграционных потоков и, следовательно, напрямую влияют на процесс трансграничной коммуникации в децелерационистском ключе.

Рассмотрим показатели взаимной торговли между странами ЕАЭС (Российская Федерация, Республика Казахстан и Республика Кыргызстан) и основными торговыми партнерами (Узбекистан и Таджикистан) в таблице 2.

Таблица 2. Объем экспорта по странам – основным торговым партнёрам ЕАЭС в 2019 г.

Страна	Экспорт, млн долл. США	Уд. вес в общем объеме экспорта ЕАЭС, %		
		Кыргызстан	Казахстан	Российская Федерация
Узбекистан	6234,1	2,2	32,0	62,8
Казахстан	51659,4	1,58	-	32,38
Кыргызстан	1344,4	-	1,58	2,99
Таджикистан	1698,2	3,4	38,5	56,0
Российская Федерация	387474,9	2,99	32,38	-

Примечание. Составлено авторами на основании данных Росстата и Статистического ежегодника ЕАЭС 2020.

Промышленная политика влияет на объем и структуру по отраслям ВВП и определяет направления модернизации экономик стран [7; 8; 9] – участниц ЕАЭС и государств, имеющих статус наблюдателя. Основные направления промышленного сотрудничества в рамках Евразийского экономического союза утверждены Решением Евразийского межправительственного совета от 8 сентября 2015 г. В частности, государства-члены ЕАЭС содействуют развитию промышленных предприятий на своей территории, способствуя продвижению этой продукции на внутренний рынок и защищая национальные интересы производителей [14; 18].

Наряду с ускорением и увеличением количества товаров в пространстве ЕАЭС (Россия, Казахстан и Киргизия) и ее торговых партнеров (Узбекистан и Таджикистан) отмечается увеличение финансовых потоков, а также рост прямых иностранных инвестиций и трансграничных пере-

водов физических лиц (резидентов и нерезидентов) (рис. 1).

Важным интегрирующим элементом в системе торгово-экономических отношений в Центрально-Азиатском регионе является сотрудничество России, Казахстана, Киргизии, Узбекистана и Таджикистана в рамках проекта «Один пояс один путь» и, в частности, развития инфраструктуры и логистики в контексте «Экономического пояса Шелкового пути». Указанные выше страны активно сотрудничают в энергетической, транспортной и технологической сфере. Одним из примеров такого сотрудничества является участие российской госкорпорации «Росатом» в строительстве первой АЭС в Центральной Азии в Узбекистане на озере Тузкан, а также совместный проект госкорпорации «Роскосмос» и Казахстана в создании на космодроме Байконур космического ракетного комплекса «Байтерек» [19, с. 82].

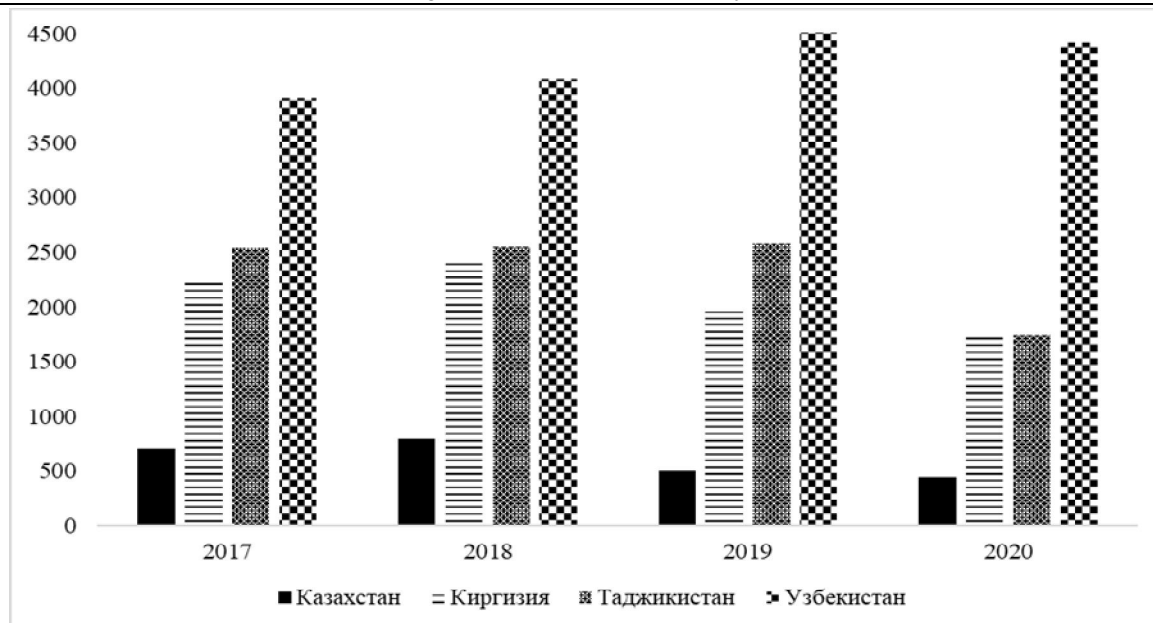

Рис. 1. Трансграничные операции физических лиц из России по основным странам-контрагентам 2017–2020 гг., млн долл. США

Несмотря на то, что взаимная торговля между странами ЕАЭС уступает обороту внешней торговли, она демонстрирует устойчивость к кризисным процессам последних лет и играет важную роль в экономической интеграции [20, с. 123]. Развитие взаимной торговли стран ЕАЭС в 2020 г. в условиях пандемии замедлилось, но показатель динамики остался положительным.

Одним из центральных драйверов акселерации трансграничной коммуникации в евразийском пространстве является межкультурное общение. В связи с этим оказывается необходимым рассмотреть то, какие основные «кросс-культурные каналы» функционируют в исследуемом культурно-цивилизационном пространстве и как они влияют на общий коэффициент интеграции Российской Федерации, Казахстана, Киргизии, Таджикистана и Узбекистана.

Под кросс-культурными каналами подразумеваются специфические символы (язык и информация), а также транслирующая и ретранслирующая их система (интерфейс), которые используются для коммуникации представителями различных этносов и социальных групп [15, с. 188].

Русский язык исторически выполняет интеграционную функцию в данном культурно-цивилизационном пространстве. На законодательном уровне статус русского языка как языка межнационального общения закреплен в Казахстане, Кыргызстане и Таджикистане. До обретения независимости в 1991 г. аналогичный статус он имел и в Республике Узбекистан. С активным развитием торгово-экономических отношений и ускорением миграционных потоков русский язык приобретает важное интеграционное значение [21]. Русский язык становится языком, на котором ведутся переговоры, заключаются экономические договоры, а также разрабатываются нормативно-правовые документы, регулирующие отношения в системе трансграничных коммуникаций (рис. 2).

Согласно представленным выше данным в период с 1989 г. по настоящее время доля населения, владеющего русским языком, в Республике Казахстан выросла на 10,6% с 121777,8 тыс. чел. до 134633,5. В Республике Кыргызстан выросла на 113,6% с 987,5 тыс. чел. до 2 109,4 тыс. чел. При этом наблюдается устойчивое падение доли населения, вла-

деющего русским языком, в Таджикистане – с 38,4 до 5%, в Узбекистане – до 14,2%. Удельный вес населения, владе-

ющего русским языком в этих странах, сократился на 12,2 млн человек, или почти в 1,5 раза.

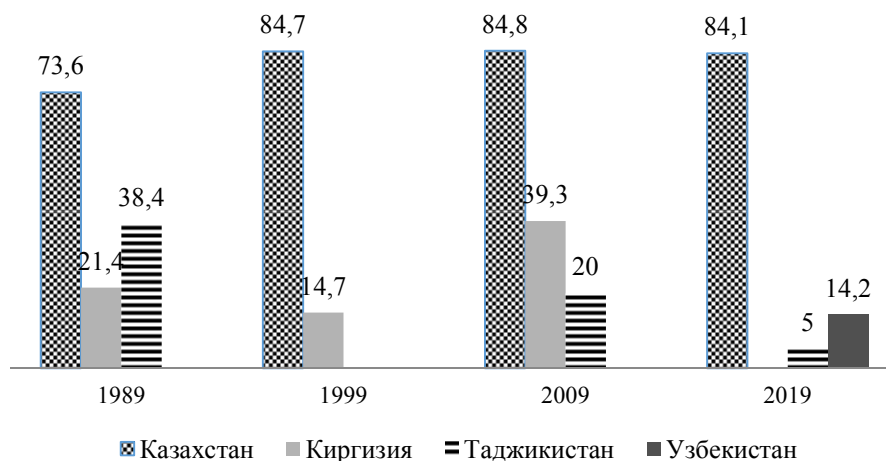

Рис. 2. Динамика изменения доли населения, владеющего русским языком в Казахстане, Киргизии, Таджикистане, Узбекистане в 1989–2019 гг., %

Несмотря на увеличение численности казахов, киргизов, узбеков, таджиков и уйгур в Российской Федерации, вызванное миграцией, доля владеющих русским языком среди этих народов также уменьшается.

В последнее время для России и стран Центрально-Азиатского региона характерно стремительное развитие интернет-коммуникации и виртуального пространства. Согласно данным информационно-статистического сервиса «Alexa Traffic Rank» российский сегмент интернета широко представлен в Казахстане, Киргизии, Таджикистане и Узбекистане. Российский сегмент каналов (Первый канал, Россия, RussianTV) широко представлен в исследуемом нами культурно-цивилизационном пространстве. При этом вовлечение азиатских каналов в российское телекоммуникационное пространство до недавнего времени было ограниченным. Одним из первых шагов по решению этой проблемы стало получение казахстанскими каналами «Хабар 24» и «KazachTV» лицензии на вещание в России, а также получение российской компанией SPB TV права на

дистрибуцию телевизионного контента (12 каналов) на узбекском языке на территории СНГ, включая Российскую Федерацию.

Государственная политика Российской Федерации в последнее время направлена на развитие межкультурного диалога в культурно-цивилизационном пространстве Евразии. Примером является проведенная Русским географическим обществом этнографическая экспедиция «Современный этномир» (Средняя Азия), участники которой побывали в Узбекистане, Казахстане и Киргизии. Программа «Русский учитель за рубежом» направлена на повышение уровня владения русским языком в Центрально-Азиатском регионе [21].

Применение в исследовании SWOT-анализа позволяет определить текущую ситуацию в евразийском пространстве, а также задать стратегические цели для акселерации трансграничной коммуникации. Особое внимание уделяется «драйверам», которые направлены на ускорение процессов интеграции, и «барьерам» развития трансграничной коммуникации (рис. 3).

Рис. 3. SWOT-анализ основных драйверов и барьеров в акселерации трансграничной коммуникации

Конструирование межнациональных отношений напрямую связано с успехом в реализации торгово-экономической, информационной, кросс-культурной, а также миграционной коммуникации [8]. Для развития трансграничной коммуникации в странах ЕАЭС целесообразно задействовать механизмы «общественной дипломатии», включая виртуальные социальные платформы и неправительственные организации. В качестве таких форм общественной дипломатии выступают аналитическая работа (сбор, систематизация и анализ общественного мнения), информационная работа (информирование аудитории о целях внешней политики), образовательные программы (академические обмены, а также целевое обучение отдельных групп населения), программы в области культуры и спорта (проведение выставок, издательское дело, совместное проведение международных культурных и спортивных мероприятий).

Неправительственные организации и НКО, ориентированные на реализацию идей общественной дипломатии, могут выступать дополнительными «рычагами» акселерации трансграничной коммуникации на территории Российской Федерации, Казахстана, Киргизии, Узбекистана и Таджикистана.

Вывод

Основные результаты исследования, подтвержденные статистическими показателями трансграничной коммуникации (миграция, товарооборот, финансовые транзакции, кросс-культурные коммуникации) свидетельствуют о том, что акселерация интеграционных процессов между Россией, Казахстаном, Киргизией, Узбекистаном и Таджикистаном должна опираться на совместный исторический опыт и культурно-цивилизационную идентичность государств.

Список литературы

1. Бродель Ф. Грамматика цивилизации: пер. с франц. М.: Весь мир, 2008. 552 с.
2. Евразийский Экономический Союз. Стратегические направления развития евразийской экономической интеграции до 2025 года (11 декабря 2020, № 12). Минск: Беларусь, 2020.
3. Абилдин С., Дуссембекова М. Факторы интеграции в евразийском пространстве // Бюллетень Евразийского национального университета им. Л. Н. Гумилева. Политические науки. Региональные исследования. Полевые исследования. Серия: Туркология. 2020. № 2 (131). С. 12–20.
4. Маккиндер Х. Географическая ось истории // Полис. Политические исследования. 1995. № 4. С. 162–169.
5. Дугин А. Основы геополитики. М.: Арктогея-центр, 2000. 928 с.
6. Огнева В. В. Евразийское пространство: Тенденции трансформации, потенциал расширения партнерства // Среднерусский вестник общественных наук. 2018. № 4 (13). С. 86–99.
7. Srnicek N., Williams A. *Inventing the future. Postcapitalism and a World Without Work*. London, UK; New York, NY: Verso, 2015.
8. Гаева А. Миграционные процессы в евразийском пространстве // Россия и современный мир. 2019. № 1(14). С. 207–222.
9. Cross-cultural management textbook: Lessons from the world leading experts in cross-cultural management / J. Dumetz, F. Trompenaars, M. Beldin, S. Covey, C. Hampden-Turner, O. Saginova, P. Woolliams. Charleston, SC: CreateSpace Publ, 2012. P. 81–117.
10. Li Y. The greater Eurasian partnership and the Belt and Road Initiative: Can the two be linked? // *Journals of Eurasian Studies*. 2018. № 9. P. 94–99. <https://doi.org/pdf/10.1016/j.euras.2018.07.004>.
11. Aseeva A., Gorski J. *The Law and Policy of New Eurasian Regionalization. Economic Integration, Trade, and Investment in the Post-Soviet and Greater Eurasian Space*. Leiden, Netherlands: BRILL-Nijhoff, 2021.
12. Плотников В. А., Ускова К. Л. Экономическая безопасность России и развитие евразийской интеграции // Теория и практика сервиса: экономика, социальная сфера, технологии. 2018. №1 (35). С. 5–10.
13. Luțaș M., Tătar A. V. Russian geoeconomics in the Eurasian space // *Review of Economic Studies and Research* Virgil Madgearu. 2020. No. 13(1). P. 61–73. <https://doi.org/10.24193/RVM.2020.13.52>.
14. Доржиева В. В. Россия и Евразийский экономический союз: сравнительный анализ отраслевой структуры экономики и промышленной политики // Вестник Евразийской науки. 2019. №1. URL: <https://esj.today/PDF/53ECVN119.pdf> (дата обращения: 06.05.2021).
15. Грозин А. В. Интернет-коммуникации в Центральной Азии // Центральная Евразия: Территория межкультурных коммуникаций: коллективная монография. М.: ИВ РАН, 2020. 252 с.
16. Межкультурное общение как способ достижения межкультурной коммуникативной компетенции / О. А. Андреева, Ш. К. Тулеубаева, А. А. Ганюкова, Ж. М. Тентекбаева // *European Researcher*. 2015. № 3 (92). С. 209–213.
17. Давлетгильдеев Р. Ш., Вашурина Е. В., Евдокимова Я. Ш. Научно-исследовательская интеграция на евразийском пространстве // Научное обозрение. Серия 1: Экономика и право. 2020. № 1-2. С. 247–260.
18. Gildeeva G. N., Belostotsky A. V. Recent changes in the pharmacovigilance system in the Russian Federation and the EAEU // *Farmakoekonomika. Modern Pharmacoeconomic and Pharmacoepidemiology*. 2019. No. 12 (2). P. 86–90. <https://doi.org/10.17749/2070-4909.2019.12.2.86-90>.
19. Хаиров Б. Г., Куничкин А. М., Бердов А. А. Особенности трансграничных финансовых потоков между государствами-членами ЕАЭС // Вестник Сибирского института бизнеса и информационных технологий. 2019. № 4 (32). С. 82–86.
20. Вертакова Ю. В., Некипелова А. С. Реализация конкурентных преимуществ Евразийского экономического союза: форсайт-проектирование // Известия Юго-Западного государственного университета. 2017. № 5 (74). С. 123–129.
21. Ликин А., Якунин В. Евразийская интеграция и образование азиатской России // Журнал евразийских исследований. 2018. № 9. С. 100–113.

References

1. Braudel F. *Grammatika tsivilizatsii* [Grammar of civilization]. Moscow, Ves'mir Publ., 2008. 552 p.
2. Evraziiskii Ekonomicheskii Soyuz. Strategicheskie napravleniya razvitiya evraziiskoi ekonomicheskoi integratsii do 2025 goda (11 dekabrya 2020, No. 12) [The Eurasian Economic Union. Strategic directions for the development of the Eurasian economic integration until 2025 (December 11, 2020, No. 12)]. Minsk, Belarus, 2020.
3. Abildin S., Dussembekova M. Faktory integratsii v evraziiskom prostranstve [Factors of integration in the Eurasian space]. *Byulleten' Evraziiskogo natsional'nogo universiteta im. L. N. Gumileva. Politicheskie nauki. Regional'nye issledovaniya. Polevye issledovaniya. Seriya: Turkologiya* = *Bulletin of the L. N. Gumilev Eurasian National University. Political sciences. Regional studies. Field research. Series: Turkology*, 2020, no. 2 (131), pp. 12–20.
4. Mackinder H. Geograficheskaya os' istorii [Geographical axis of history]. *Polis. Politicheskie issledovaniya* = *Polis. Political research*, 1995, no. 4, pp. 162–169.
5. Dugina A. Osnovy geopolitiki [Fundamentals of geopolitics]. Moscow, Arktogeya-center Publ., 2000. 928 p.
6. Ogneva V. V. Evraziiskoe prostranstvo: Tendentsii transformatsii, potentsial rasshireniya partnerstva [Eurasian space: Trends of transformation, the potential for expanding partnership]. *Srednerusskii vestnik obshchestvennykh nauk* = *Central Russian Bulletin of Social Sciences*, 2018, no. 4 (13), pp. 86–99.
7. Srnicek N., Williams A. *Inventing the future. Postcapitalism and a World Without Work*. London, UK; New York, NY, Verso, 2015.
8. Gaeva A. Migratsionnye protsessy v evraziiskom prostranstve [Migration processes in the Eurasian space]. *Rossiya i sovremenniy mir* = *Russia and the modern world*, 2019, no. 1(14), pp. 207–222.
9. Dumetz J., Trompenaars F., Beldin M., Covey S., Hampden-Turner C., Saginova O., Woolliams P. *Cross-cultural management textbook: Lessons from the world leading experts in cross-cultural management*. Charleston, SC, CreateSpace Publ, 2012, pp. 81–117.
10. Li Y. The greater Eurasian partnership and the Belt and Road Initiative: Can the two be linked? *Journals of Eurasian Studies*, 2018, no. 9, pp. 94–99. <https://doi.org/pdf/10.1016/j.euras.2018.07.004>.
11. Aseeva A., Gorski J. *The law and policy of new Eurasian regionalization. Economic integration, trade, and investment in the post-soviet and Greater Eurasian space*. Leiden, Netherlands: BRILL-Nijhoff, 2021.
12. Plotnikov V. A., Uskova K. L. Ekonomicheskaya bezopasnost' Rossii i razvitie evraziiskoi integratsii [Economic security of Russia and the development of Eurasian integration]. *Teoriya i praktika servisa: ekonomika, sotsial'naya sfera, tekhnologii* = *Theory and practice of the service: economy, social sphere, technologies*, 2018, no. 1 (35), pp. 5–10.
13. Luțăș M., Tătar A. V. Russian geoeconomics in the Eurasian space. *Review of Economic Studies and Research Virgil Madgearu*, 2020, no. 13(1), pp. 61–73. <https://doi.org/10.24193/RVM.2020.13.52>
14. Dorzhieva V. V. Rossiya i Evraziiskii ekonomicheskii soyuz: sravnitel'nyi analiz otraslevoi struktury ekonomiki i promyshlennoi politiki [Russia and the Eurasian Economic Union: a comparative analysis of the sectoral structure of the economy and industrial policy]. *Vestnik Evraziiskoi nauki* = *Bulletin of Eurasian Science*, 2019, no. 1. Available at: <https://esj.today/PDF/53ECVN119.pdf>. (accessed 06.05.2021)
15. Grozin A. V. Internet-kommunikatsii v Tsentral'noi Azii [Internet communications in Central Asia]. *Tsentral'naya Evraziya: Territoriya mezhkul'turnykh kommunikatsii* [Central Eurasia: The territory of intercultural communications]. Moscow, IV RAS Publ., 2020. 252 p.
16. Andreeva O. A., Tuleubaeva Sh. K., Ganyukova A. A., Tentekbayeva Zh. M. Mezhhul'turnoe obshchenie kak sposob dostizheniya mezhkul'turnoi kommunikativnoi kompetentsii [Intercultural communication as a way to achieve intercultural communicative competence]. *European Researcher*, 2015, no. 3 (92), pp. 209–213.
17. Davletgildeev R. Sh., Vashurina E. V., Evdokimova Ya. Sh. Nauchno-issledovatel'skaya integratsiya na evraziiskom prostranstve [Scientific and research integration in the Eurasian space]. *Nauchnoe*

obozrenie. Seriya 1: Ekonomika i pravo = Scientific Review. Series 1: Economics and Law, 2020, no. 1-2, pp. 247–260.

18. Gildeeva G. N., Belostotsky A. V. Recent changes in the pharmacovigilance system in the Russian Federation and the EAEU. *Farmakoeconomika. Modern Pharmacoeconomic and Pharmacoepidemiology*, 2019, no. 12 (2), pp. 86–90. <https://doi.org/10.17749/2070-4909.2019.12.2.86-90>.

19. Khairov B. G., Kunichkin A. M., Berdov A. A. Osobennosti transgranichnykh finansovykh potokov mezhdru gosudarstvami-chlenami EAES [Features of cross-border financial flows between the EAEU Member States]. *Vestnik Sibirskogo instituta biznesa i informatsionnykh tekhnologii = Bulletin of the Siberian Institute of Business and Information Technologies*, 2019, no. 4 (32), pp. 82–86.

20. Vertakova Yu. V., Nekipelova A. S. Realizatsiya konkurentnykh preimushchestv Evraziiskogo ekonomicheskogo soyuza: forsait-proektirovanie [Realization of competitive advantages of the Eurasian Economic Union: foresight-design]. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta = Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta*, 2017, no. 5 (74), pp. 123–129.

21. Likin A., Yakunin V. Evraziiskaya integratsiya i obrazovanie aziatskoi Rossii [Eurasian integration and education of Asian Russia]. *Zhurnal evraziiskikh issledovanii = Journal of Eurasian Studies*, 2018, no. 9, pp. 100–113.

Информация об авторах / Information about the Authors

Трусова Наталья Сергеевна, кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры экономической безопасности и налогообложения, Юго-Западный государственный университет, г. Курск, Российская Федерация, e-mail: sonya78@yandex.ru, ORCID: 0000-0002-1582-7356, Researcher ID: K-4631-2015

Natalya S. Trusova, Candidate of Economic Sciences, Associate Professor of the Department of Economic Security and Taxation, Southwest State University, Kursk, Russian Federation, e-mail: sonya78@yandex.ru, ORCID: 0000-0002-1582-7356, Researcher ID: K-4631-2015

Волосюк Тимур Петрович, кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры философии, Курский государственный университет, г. Курск, Российская Федерация, e-mail: volosyuk70@list.ru, ORCID: 0000-0001-7189-3713

Timur P. Volosyuk, Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor of the Department of Philosophy, Kursk State University, Kursk, Russian Federation, e-mail: volosyuk70@list.ru, ORCID: 0000-0001-7189-3713

Емельянов Андрей Сергеевич, кандидат философских наук, старший преподаватель кафедры философии, Курский государственный университет, г. Курск, Российская Федерация, e-mail: andrei.e1992@mail.ru, ORCID: 0000-0002-1455-3437

Andrei S. Emelyanov, Candidate of Philosophical Sciences, Senior Lecturer of the Department of Philosophy, Kursk State University, Kursk, Russian Federation, e-mail: andrei.e1992@mail.ru, ORCID: 0000-0002-1455-3437

Азжеурова Ксения Евгеньевна, кандидат экономических наук, доцент кафедры «Экономика и финансы», Курский филиал Финансового университета при Правительстве Российской Федерации, г. Курск, Российская Федерация, e-mail: kursk@fa.ru

Ksenia E. Azjeurova, Candidate of Economic Sciences, Associate Professor of the Department of Economics and Finance, Kursk Branch of the Financial University under the Government of the Russian Federation, Kursk, Russian Federation, e-mail: kursk@fa.ru

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ РЕГИОНАЛЬНЫХ СОЦИАЛЬНО- ЭКОНОМИЧЕСКИХ СИСТЕМ

ACTUAL PROBLEMS OF REGIONAL SOCIO- ECONOMIC SYSTEMS DEVELOPMENT

Оригинальная статья / Original article

УДК 33

Трансформация регионального инвестиционного механизма в системе обеспечения экономической безопасности

Р. В. Старовойт¹, С. Г. Емельянов¹, Л. В. Афанасьева¹ ✉

¹ Юго-Западный государственный университет
ул. 50 лет Октября 94, г. Курск 305040, Российская Федерация

✉ e-mail: lv_af@mail.ru

Резюме

Актуальность. Несовершенство механизмов государственного регулирования, необходимость привлечения в регионы внешних инвестиционных ресурсов, формирование комфортных условий для ведения предпринимательской деятельности предопределили трансформацию регионального инвестиционного механизма в системе обеспечения экономической безопасности и создание мобильных и максимально адаптивных структур всей иерархии управления инвестиционной политикой в Российской Федерации.

Цель исследования – оценить компоненты структуры регионального инвестиционного механизма и их значение в системе обеспечения экономической безопасности.

Задачи: рассмотреть существующую иерархию уровней управления инвестиционной политикой в Российской Федерации; проанализировать систему обеспечения экономической безопасности в контексте формирования регионального инвестиционного климата; систематизировать основные результаты реализации инвестиционной политики Курской области по компонентам инвестиционного механизма.

Методология. В исследовании были использованы общенаучные методы: нормативно-правового и теоретико-методического анализа источников, иллюстративно-графический, абстрактно-логический.

Результаты. Установлено, что формируемый в настоящее время в России механизм разработки и реализации инвестиционной политики диктует необходимость трансформации всех его структурных элементов с учетом потребностей (запросов) инвесторов, включая различные аспекты, формирующие региональный инвестиционный климат.

Выводы. Задача повышения инвестиционной привлекательности региона, а в стратегическом контексте – улучшения инвестиционного климата, тесно коррелирует с требованиями обеспечения экономической безопасности региона. Целевые установки системы обеспечения экономической безопасности на уровне региона следует в данном случае рассматривать как область целевых значений параметров инвестиционной среды, находящихся в безрисковой зоне.

Ключевые слова: региональная инвестиционная политика; экономическая безопасность региона; региональный инвестиционный механизм; инвестиционный климат региона.

Конфликт интересов: В представленной публикации отсутствует заимствованный материал без ссылок на автора и (или) источник заимствования, нет результатов научных работ, выполненных авторами публикации лично и (или) в соавторстве, без соответствующих ссылок. Авторы декларируют отсутствие конфликта интересов, связанных с публикацией данной статьи.

© Старовойт Р. В., Емельянов С. Г., Афанасьева Л. В., 2021

Для цитирования: Старовойт Р. В., Емельянов С. Г., Афанасьева Л. В. Трансформация регионального инвестиционного механизма в системе обеспечения экономической безопасности // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. 2021. Т. 11, № 4. С. 104–113.

Поступила в редакцию 29.05.2021

Принята к публикации 01.07.2021

Опубликована 31.08.2021

Transformation of the Regional Investment Mechanism in the System of Ensuring Economic Security

Roman V. Starovoi¹, Sergey G. Yemelyanov¹, Lubov V. Afanasyeva¹ ✉

¹ Southwest State University
50 Let Oktyabrya str. 94, Kursk 305040, Russian Federation

✉ e-mail: lv_af@mail.ru

Abstract

Relevance. Imperfect mechanisms of state regulation, the need to attract external investment resources to the regions, the formation of favorable conditions for doing business predetermined the transformation of the regional investment mechanism in the system of ensuring economic security and the creation of mobile and maximally adaptive structures of the entire hierarchy of investment policy management in the Russian Federation.

The purpose of the study is to evaluate the components of the structure of the regional investment mechanism and their importance in the system of ensuring economic security.

Objectives: to consider the existing hierarchy of levels of investment policy management in the Russian Federation; to analyze the system of ensuring economic security in the context of the formation of the regional investment climate; to systematize the main results of the implementation of the investment policy of the Kursk region by the components of the investment mechanism.

Methodology. The study used general scientific methods: normative-legal and theoretical-methodological analysis of sources, illustrative-graphic, abstract-logical.

Results. It is established that the mechanism currently being formed in Russia for the development and implementation of investment policy dictates the need to transform all its structural elements, taking into account the needs (requests) of investors, including various aspects that shape the regional investment climate.

Conclusions. The task of increasing the investment attractiveness of the region, and in the strategic context, improving the investment climate, is closely correlated with the requirements of ensuring the economic security of the region. In this case, the target settings of the system for ensuring economic security at the regional level should be considered as the area of target values of the investment environment parameters located in the risk-free zone.

Keywords: regional investment policy; economic security of the region; regional investment mechanism; investment climate of the region.

Conflict of interest: In the presented publication there is no borrowed material without references to the author and (or) source of borrowing, there are no results of scientific works performed by the authors of the publication, personally and (or) in co-authorship, without relevant links. The authors declares no conflict of interest related to the publication of this article.

For citation: Starovoi R. V., Emelyanov S. G., Afanasyeva L. V. Transformation of the regional investment mechanism in the system of ensuring economic security. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Ekonomika. Sotsiologiya. Menedzhment* = *Proceedings of the Southwest State University. Series: Economics, Sociology and Management*. 2021; 11(4): 104–113. (In Russ.)

Received 29.05.2021

Accepted 01.07.2021

Published 31.08.2021

Введение

Несовершенство механизмов государственного регулирования, необходимость привлечения в регионы внешних

инвестиционных ресурсов, формирование благоприятных условий для ведения бизнеса предопределили трансформацию регионального инвестиционного меха-

низма в системе обеспечения экономической безопасности и создание мобильных и максимально адаптивных структур всей иерархии управления инвестиционной политикой в Российской Федерации. Высокая деловая и инвестиционная активность бизнеса – это новые инновационные технологии и производства, дополнительные рабочие места, более высокий уровень жизни населения.

Стратегический документ в сфере обеспечения экономической безопасности РФ [1] выделил наиболее значимые вызовы и угрозы экономической безопасности, где отмечен неудовлетворительный объем инвестиций в реальный сектор экономики, объясняемый неблагоприятным инвестиционным климатом. Устранение угроз национальной и экономической безопасности, объясняемое диспропорцией в уровнях социально-экономического развития регионов с целью повышения их конкурентоспособности, является магистральным направлением Стратегии пространственного развития [2]. В Указе Президента РФ № 13 [3] заданы приоритетные задачи для их реализации на уровне регионов в отношении количественных параметров точек роста экономики как основополагающее условие технологического развития и конкурентоспособности, обеспечивающее повышение инвестиционной привлекательности российской экономики.

Совершенствование размещения производительных сил региона, стратегически обоснованное развитие территориально-общественных систем с учетом природно-географических условий, обеспеченное нормативной базой региона, – все это способствует пространственному развитию государства [4; 5].

Перед субъектами обозначены задачи и в указе «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года» [6], где отмечается необходимость улучшения осуществления экономической деятельности предпринимателями, возмож-

ность упрощенного доступа к льготному финансированию, становления инфраструктуры и сервисов поддержки с учетом экономической связанности территории Российской Федерации. В контексте нашего исследования важно подчеркнуть, что обозначенные нормативно-правовые акты охватывают регулированием стратегические аспекты планирования инвестиционной деятельности: участников, исполнителей, органы государственной власти на региональном и местном уровнях, формальные и неформальные структуры, обеспечивающие реализацию поставленных задач.

Исследования многих авторов показывают, что для реализации поставленных перед регионами социально-экономических задач необходимы устойчивые и долговременные инвестиции, дающие отложенный мультипликативный эффект, отражающийся в экономическом подъеме региональной экономики. Состояние, характеризующееся как защищенность национальной экономики от угроз внешнего и внутреннего характера, которое позволяет создать условия, содействующие реализации стратегических национальных приоритетов, является сущностью категории «экономическая безопасность» [7]. Стратегически продуманное инвестирование на региональном уровне, логично встроенное в реализацию национальных проектов, создает безопасные условия для устойчивого экономического роста и повышения благосостояния населения региона. Таким образом, актуальной задачей становится активизация инвестиционных процессов с целью повышению уровня технологического и инновационного развития секторов экономики регионов в системе обеспечения экономической безопасности.

Трансформация регионального инвестиционного механизма в системе обеспечения экономической безопасности позволяет максимально сконцентрировать деятельность региональных органов

власти на достижении целевых установок по улучшению инвестиционного климата.

Материалы и методы

Для написания статьи использованы материалы нормативно-правового характера: указы, постановления Правительства Российской Федерации, Министерства экономического развития Российской Федерации. Эмпирические данные, находящиеся в свободном доступе, – это: сообщения АСИ, информационного портала Курской области. Также использовались методы теоретико-методического анализа источников, абстрактно-логический и иллюстративно-графический методы.

Результаты и их обсуждение

Совершенствованию нормативно-правового регулирования с целью улучшения инвестиционного климата и созданию комфортной предпринимательской и инвестиционной среды уделяется приоритетное внимание. Для исключения запретов и ограничений, а также лишенных основания обязанностей в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности с 1 января 2016 г. внедрена процедура, позволяющая оценить фактическое воздействие (ОФВ) нормативно-правовых актов и предполагающая возможность пересмотра малоэффективных нормативных актов.

Считаем важным уточнить термины «инвестиционная привлекательность» и «инвестиционный климат». Для более глубокого понимания содержательных особенностей используемых терминов позволим себе использовать категориальный аппарат как экономических, так и других наук. Так, В. В. Литвинова [8] разъясняет: под климатом понимается усреднённые показатели погоды за продолжительный временной период (несколько десятков лет); погода (в нашем случае – «инвестиционная привлекательность») – это мгновенное состояние некоторых характеристик. Таким образом, говоря об инвестици-

онной привлекательности, имеют в виду субъективные адресные требования конкретного инвестора к отраслям и видам экономической деятельности, к инфраструктурным характеристикам региона. Согласимся с исследованиями [9; 10; 11; 12], авторы которых указывают, что инвестиционная привлекательность региона определяет инвестиционную активность, проявляющуюся в повышении конкурентоспособности предприятий и отраслей региона, становление инновационных отраслей и производств в соответствии с требованиями цифровой экономики.

Анализ теоретических аспектов инвестиционной деятельности показал, что инвестиционная политика является одним из направлений, формирующих государственную экономическую политику, но при этом она имеет определенные точки соприкосновения с другими ее направлениями и находит свою проекцию на каждом уровне управления (рис. 1). Трансформация регионального инвестиционного механизма проявляется в динамичности и оперативности осуществления регулирующего воздействия на все его составляющие.

Инвестиционная политика является неизолированным инструментом государственного воздействия на экономику, она встраивается в общую «вертикаль» иерархии уровней формирования инвестиционной политики на единой нормативно-правовой и методологической базе. В связи с этим инвестиционная политика на макроуровне должна формировать фундаментальные условия эффективного спроса, а на региональном – выбрать приоритеты и сделать конкретно-комфортные условия для расширения инвестиционного спроса с учетом региональных факторов. Внутриуровневая и межуровневая сбалансированность является одним из условий устойчивого функционирования экономики страны и регионов.

Улучшение предпринимательского климата и повышение качества государственного управления представляют со-

бой две важнейшие взаимосвязанные задачи, решение которых приводит к повышению инновационной активности. Функция государства (в лице Министерства экономического развития Российской Федерации) в этом плане сводится к созданию условий, формирующих благоприятный для инвестиционных решений

климат (рис. 2). Так, с 2018 г. Минэкономразвития России совместно с ведомствами и предпринимательским сообществом запустило механизм, способствующий оперативному управлению системными преобразованиями предпринимательской среды «Трансформация делового климата» (ТДК) [13].

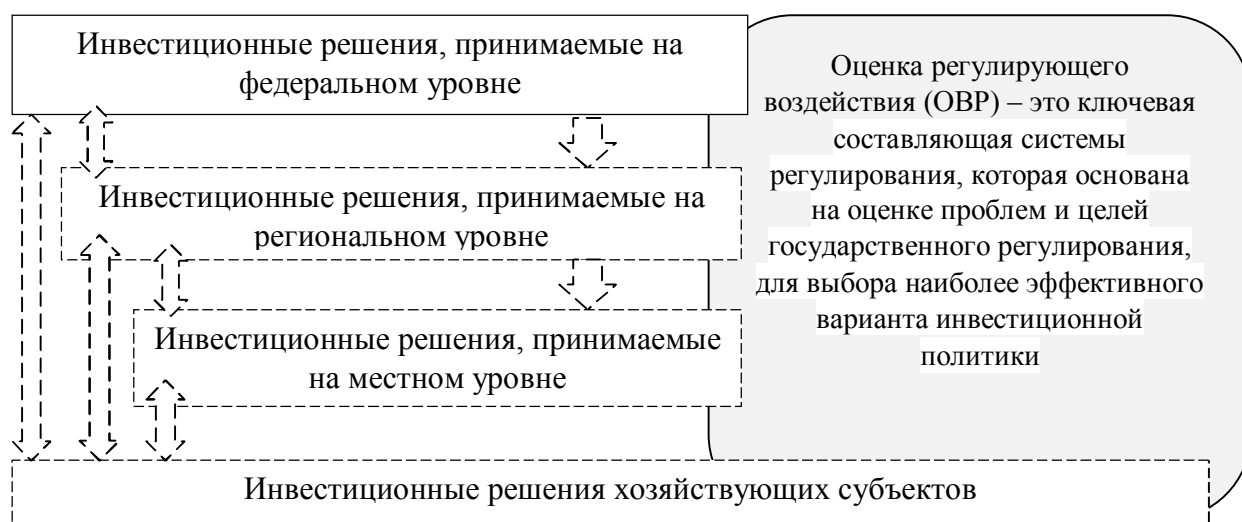

Рис. 1. Взаимосвязь инвестиционных решений, формирующих инвестиционную политику с иерархией уровней управления в Российской Федерации

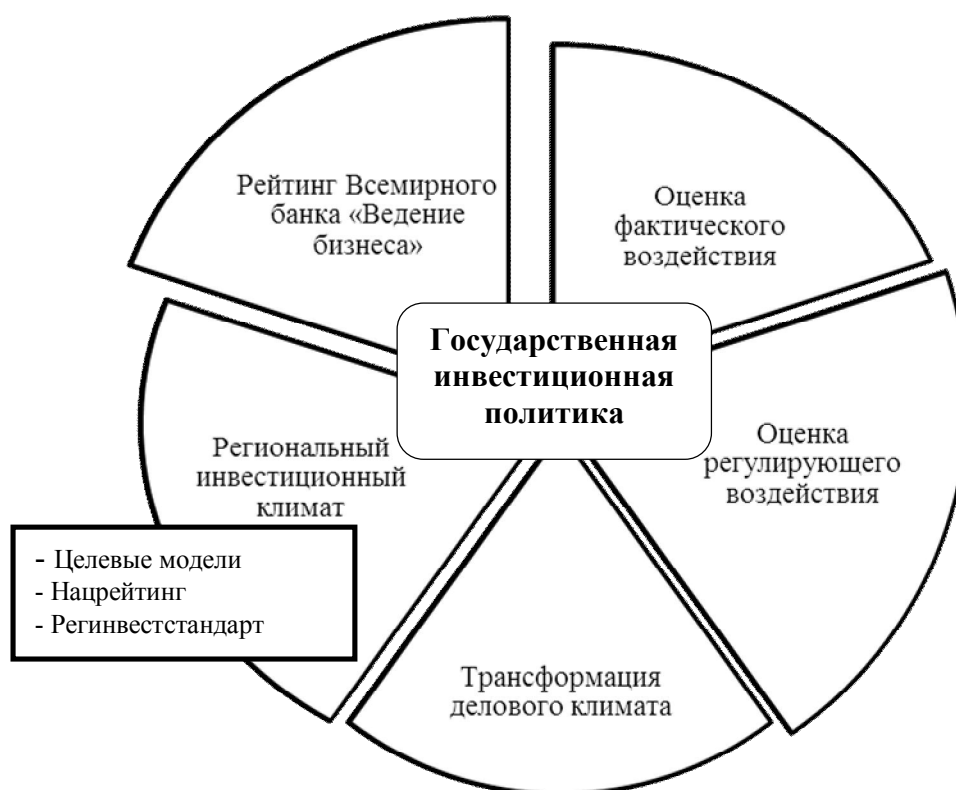

Рис. 2. Составляющие государственной инвестиционной политики в Российской Федерации

Успешность инвестиционной политики государства зависит от полноты учета факторов возникновения рисков в различных сферах и процессах управления регионом. В 2014 г. в пилотном режиме на примере 21 субъекта АСИ (Агентство стратегических инициатив) осуществило апробацию Национального рейтинга состояния инвестиционного климата. Данный методический инструмент позволяет оценить результаты действий и мер властей субъектов Российской Федерации, способствующих улучшению инвестиционного климата [14]. По результатам рейтинга формируется

сборник лучших региональных практик, способствующих повышению инвестиционной привлекательности. В соответствии с поручением Президента Российской Федерации с целью сформировать условия для благоприятного регионального инвестиционного климата региональные органы исполнительной власти приняли к исполнению Стандарт деятельности органов исполнительной власти.

Структурно взгляд на систему обеспечения экономической безопасности в контексте формирования регионального инвестиционного климата отражен ниже (рис. 3).

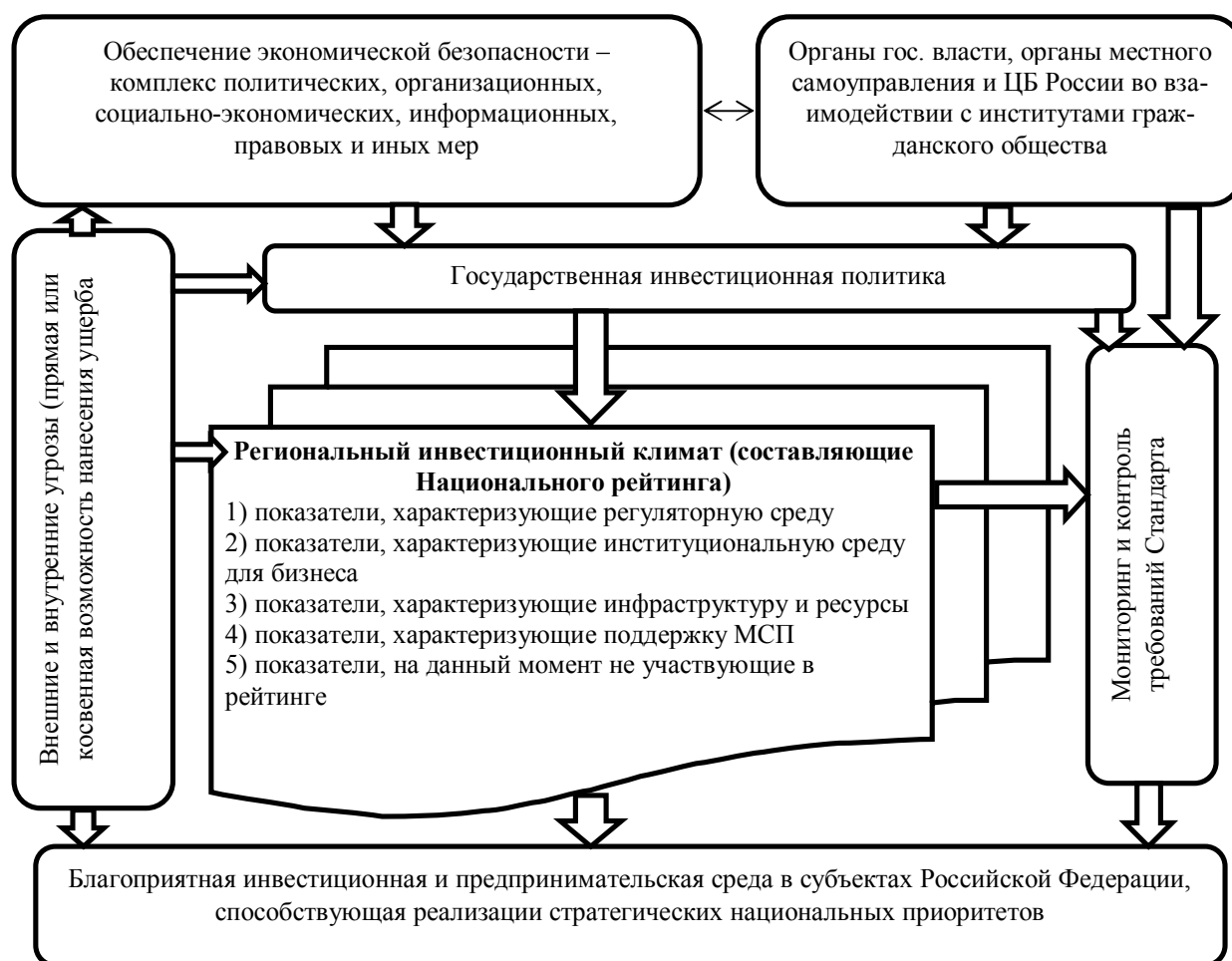

Рис. 3. Система обеспечения экономической безопасности в контексте формирования инвестиционного климата региона

В экономической литературе [15; 16; 17] содержание региональной инвестиционной политики определяется как:

– составляющая социально-экономической политики региона;
– комплекс мер, обеспечивающих регулирование и стимулирование ин-

вестиционной деятельности в регионе;

– механизм, позволяющий реализовать меры для обеспечения устойчивости социально-экономического развития региона.

Необходимым условием формирования комфортной инвестиционной и пред-

принимательской среды в регионах является трансформация механизма реализации инвестиционной политики. В таблице систематизированы основные результаты реализации инвестиционной политики Курской области по компонентам инвестиционного механизма.

Таблица. Совершенствование механизма реализации инвестиционной политики Курской области [18]

Составляющие (компоненты) механизма	Содержание принятых мер
Нормативно-правовое обеспечение	1. Увеличен срок предоставления льготы по налогу на имущество организаций. 2. Принят закон «Об инвестиционном налоговом вычете по налогу на прибыль организаций на территории Курской области». 3. Введен режим наибольшего благоприятствования (льгота по налогу на имущество организаций)
Финансовое обеспечение	1. Субсидии сельхозтоваропроизводителям. 2. Финансовая поддержка субъектам МСП. 3. Льготные займы федерального Фонда развития промышленности. 4. Льготные займы регионального Фонда развития промышленности Курской области
Процессное обеспечение	1. Сокращение перечня документов для предоставления инвестору. 2. Предоставление земельных участков без проведения торгов (при соответствии инвестиционного проекта определенным критериям). 3. Межевание земельных участков
Инфраструктурное обеспечение	1. Подготовка площадок для строительства. 2. Разработка схем прокладки систем хозяйственно-бытовой и ливневой канализаций. 3. Подготовка проектно-сметной документации системы водоотведения. 4. Реализация региональных проектов в рамках национального проекта «Безопасные и качественные автомобильные дороги»
Информационно-аналитическое обеспечение	Создание Инвестиционного портала Курской области
Институциональное обеспечение	АО «Агентство по привлечению инвестиций Курской области» наделено функцией единого оператора по работе с проектами государственно-частного партнерства
Имиджевое обеспечение	1. Рейтинговое агентство «РА Эксперт» последние 5 лет рассматривает Курскую область в числе самых безопасных регионов по признаку «риск вложения инвестиций». 2. Кредитный рейтинг Курской области A(RU) оценивается как «Позитивный»

Таким образом, рассмотренные результаты реализации инвестиционной политики Курской области по компонентам инвестиционного механизма демонстрируют эффективность многоуровневой консолидации усилий органов власти и бизнес-сообщества.

Выводы

Формируемый в настоящее время в России новый механизм разработки и реализации инвестиционной политики диктует необходимость трансформации всех его структурных элементов с учетом потребностей (запросов) инвесторов и пространственно-отраслевой, ресурсной, т. е. инвестиционной, привлекательности региона. Задача повышения инвестиционной привлекательности региона, а в стратегиче-

ском контексте – улучшения инвестиционного климата, тесно коррелирует с требованиями обеспечения экономической безопасности региона. Целевые установки системы обеспечения экономической безопасности на уровне региона следует в данном случае рассматривать как область целевых значений параметров инвестиционной среды, находящихся в безрисковой зоне. Трансформация регионального инвестиционного механизма происходит в направлении приоритетного оперативного и гибкого принятия решений региональными органами власти с возможностью использования банка экспертной информации (в виде лучших региональных практик), посредством мониторинга показателей, характеризующих динамику инвестиционного климата в регионе.

Список литературы

1. О Стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года: указ Президента РФ от 13.05.2017 г. № 208. URL: <http://static.government.ru/media/acts/files/0001201705150001.pdf> (дата обращения: 14.05.2021).
2. Стратегия пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 года: распоряжение Правительства Российской Федерации от 13 февраля 2019 г. № 207-р. URL: <http://static.government.ru/media/files/UVA1qUtT08o60RktoOXI22JjAe7irNxc.pdf> (дата обращения: 14.05.2021).
3. Об утверждении основ государственной политики регионального развития Российской Федерации на период до 2025 года: указ Президента РФ от 16.01.2017 г. № 13. URL: https://www.economy.gov.ru/material/file/a3d075aa813dc01f981d9e7fcb97265f/130219_207-p.pdf (дата обращения: 14.05.2021).
4. Каюков В. В., Лаженцев В. Н., Шихвердиев А. П. Экономическая политика и институты развития регионов // Экономика региона. 2019. Т. 15, вып. 4. С. 996-1008.
5. Вертакова Ю. В., Плотников В. А. Теоретические аспекты учета динамических характеристик социально-экономических систем в управлении региональным развитием // Известия Русского географического общества. 2011. Т. 143, № 6. С. 42-50.
6. О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года: указ Президента РФ от 07.05.2018 г. № 204. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/43027> (дата обращения: 14.05.2021).
7. Афанасьева Л. В. Экономическая безопасность региона: теория и методология / Юго-Зап. гос. ун-т. Курск, 2015. 172 с.
8. Литвинова В. В. Инвестиционная привлекательность и инвестиционный климат региона: монография. М.: Финансовый университет, 2013. 116 с.
9. Гришина И., Шахназаров А., Ройзман И. Комплексная оценка инвестиционной привлекательности и инвестиционной активности российских регионов: методика определения и анализ взаимосвязей // Инвестиции в России. 2001. № 4. С. 5-16.
10. Романец И. И. Инвестиционная привлекательность территорий как фактор социально-экономической динамики региона (на примере Краснодарского края): дис. ... канд. экон. наук. Краснодар, 2017. 180 с.

11. Эффективная структура инвестиций как доминанта инновационного сценария развития регионального хозяйственного комплекса / Ю. В. Вертакова, С. Г. Емельянов, А. С. Зубарев, Е. В. Харченко // Известия Юго-Западного государственного университета. 2011. № 2 (35). С. 13-19.
12. Коростовская Е. М., Плотников В. А. Теоретические аспекты формирования целей в российской региональной политике // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. 2014. № 1. С. 62-71.
13. Министерство экономического развития Российской Федерации. URL: https://www.economy.gov.ru/material/directions/investicionnaya_deyatelnost/investklimat/ (дата обращения: 14.05.2021).
14. Агентство стратегических инициатив. URL: https://asi.ru/government_officials/rating/ (дата обращения: 14.05.2021).
15. Ковалева Л. В. Инвестиционная региональная политика. М.: Юрайт, 2019. 317 с.
16. Маевская Л. Региональная инвестиционная политика // ЭКО. 1994. № 6. С. 72-81.
17. Самогородская М. И. Цели, задачи и принципы формирования региональной инвестиционной политики // Региональная экономика: теория и практика. 2004. № 3. С. 47-53.
18. Инвестиционный портал Курской области. URL: <https://kurskoblinvest.ru/regionalnyj-investicionnyj-standart-nacionalnyj-rejting-i-celevye-modeli/ezhegodnoe-poslanie-vysshego-dolzhnostnogo-lica-subekta-rossijskoj-federacii-investicionnyj-klimat-i-investicionnaya-politika-subekta-rossijskoj-federacii/> (дата обращения: 14.05.2021).

References

1. O Strategii ekonomicheskoy bezopasnosti Rossijskoj Federacii na period do 2030 goda [On the Strategy of Economic security of the Russian Federation for the period up to 2030]. Decree of the President of the Russian Federation of May 13, 2017 № 208. Available at: <http://static.government.ru/media/acts/files/0001201705150001.pdf>. (accessed 14.05.2021)
2. Strategiya prostranstvennogo razvitiya Rossijskoj Federacii na period do 2025 goda [Strategy of spatial development of the Russian Federation for the period up to 2025]. Decree of the Government of the Russian Federation of February 13, 2019 № 207-r. Available at: <http://static.government.ru/media/files/UVAIqUtT08o60RktoOXI22JjAe7irNxc.pdf>. (accessed 14.05.2021)
3. Ob utverzhdenii osnov gosudarstvennoj politiki regional'nogo razvitiya Rossijskoj Federacii na period do 2025 goda [On the approval of the fundamentals of the state policy of regional development of the Russian Federation for the period up to 2025]. Decree of the President of the Russian Federation of January 16, 2017 № 13. Available at: https://www.economy.gov.ru/material/file/a3d075aa813dc01f981d9e7fcb97265f/130219_207-p.pdf. (accessed 14.05.2021)
4. Kayukov V. V., Lazhencev V. N., Shihverdiev A. P. Ekonomicheskaya politika i instituty razvitiya regionov [Economic policy and institutions of regional development]. *Ekonomika regiona = The Economy of the Region*, 2019, vol. 15, is. 4, pp. 996-1008.
5. Vertakova Yu.V., Plotnikov V.A. Teoreticheskie aspekty ucheta dinamicheskikh harakteristik social'no-ekonomicheskikh sistem v upravlenii regional'nyh razvitiem [Theoretical aspects of taking into account the dynamic characteristics of socio-economic systems in the management of regional development]. *Izvestiya Russkogo geograficheskogo obshchestva = Proceedings of the Russian Geographical Society*, 2011, vol. 143, no. 6, pp. 42-50.
6. O nacional'nyh celyah i strategicheskikh zadachah razvitiya Rossijskoj Federacii na period do 2024 goda [On the national goals and strategic objectives of the development of the Russian Federation for the period up to 2024]. Decree of the President of the Russian Federation of May 07, 2018 № 204. Available at: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/43027>. (accessed 14.05.2021)
7. Afanas'eva L.V. Ekonomicheskaya bezopasnost' regiona: teoriya i metodologiya [Economic security of the region: theory and methodology]. Kursk, Southwest State University Publ., 2015. 172 p.
8. Litvinova V. V. Investicionnaya privlekatel'nost' i investicionnyj klimat regiona [Investment attractiveness and investment climate of the region]. Moscow, Finansovyy universitet Publ., 2013. 116 p.
9. Grishina I., Shahnazarov A., Rojzman I. Kompleksnaya ocenka investicionnoj privlekatel'nosti i investicionnoj aktivnosti rossijskikh regionov: metodika opredeleniya i analiz vzaimosvyazey [Complex

assessment of investment attractiveness and investment activity of Russian regions: methodology for determining and analyzing relationships]. *Investicii v Rossii = Investments in Russia*, 2001, no. 4, pp. 5-16.

10. Romanec I. I. Investicionnaya privlekatel'nost' territorij kak faktor social'no-ekonomicheskoy dinamiki regiona (na primere Krasnodarskogo kraja). Diss. kand. econ. nauk [Investment attractiveness of territories as a factor of socio-economic dynamics of the region (on the example of the Krasnodar Territory). Cand. econ. sci. diss.]. Krasnodar, 2017. 180 p.

11. Vertakova Yu. V., Emel'yanov S. G., Zubarev A. S., Harchenko E. V. Effektivnaya struktura investitsij kak dominanta innovacionnogo scenariya razvitiya regional'nogo hozyajstvennogo kompleksa [Effective investment structure as a dominant of the innovative scenario of the development of the regional economic complex]. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta = Proceedings of the Southwest State University*, 2011, no. 2 (35), pp. 13-19.

12. Korostoshevskaya E. M., Plotnikov V. A. Teoreticheskie aspekty formirovaniya celej v Rossijskoj regional'noj politike [Theoretical aspects of the formation of goals in Russian regional policy]. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Ekonomika. Sociologiya. Menedzhment = Proceedings of the Southwest State University. Series: Economics, Sociology and Management*, 2014, no. 1, pp. 62-71.

13. Ministerstvo ekonomicheskogo razvitiya Rossijskoj Federacii [Ministry of Economic Development of the Russian Federation]. Available at: https://www.economy.gov.ru/material/directions/investicionnaya_deyatelnost/investklimat/. (accessed 14.05.2021)

14. Agentstvo Strategicheskikh iniciativ [Agency for Strategic Initiatives]. Available at: https://asi.ru/government_officials/rating/. (accessed 14.05.2021)

15. Kovaleva L. V. Investicionnaya regional'naya politika [Investment regional policy]. Moscow, Yurajt Publ., 2019. 317 p.

16. Maevskaya L. Regional'naya investicionnaya politika [Regional investment policy]. *EKO = ECO*, 1994, no. 6, pp. 72-81.

17. Samogorodskaya M. I. Celi, zadachi i principy formirovaniya regional'noj investicionnoj politiki [Goals, objectives and principles of regional investment policy formation]. *Regional'naya ekonomika: teoriya i praktika = Regional Economy: Theory and Practice*, 2004, no. 3, pp. 47-53.

18. Investicionnyj portal Kurskoj oblasti [Investment portal of the Kursk region]. Available at: <https://kurskoblinvest.ru/regionalnyj-investicionnyj-standart-nacionalnyj-rejting-i-celevye-modeli/ezhegodnoe-poslanie-vysshego-dolzhnostnogo-lica-subekta-rossijskoj-federacii-investicionnyj-klimat-i-investicionnaya-politika-subekta-rossijskoj-federacii/>. (accessed 14.05.2021)

Информация об авторах / Information about the Authors

Старовойт Роман Владимирович, кандидат педагогических наук, доцент кафедры экономической безопасности и налогообложения, Юго-Западный государственный университет, г. Курск, Российская Федерация

Roman V. Starovoit, Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor of the Department of Economic Security and Taxation, Southwest State University, Kursk, Russian Federation

Емельянов Сергей Геннадьевич, доктор технических наук, профессор, Юго-Западный государственный университет, г. Курск, Российская Федерация, e-mail: rector@swsu.ru

Sergey G. Emelyanov, Doctor of Engineering Sciences, Professor, Southwest State University, Kursk, Russian Federation, e-mail: rector@swsu.ru

Афанасьева Любовь Викторовна, кандидат экономических наук, заведующий кафедрой экономической безопасности и налогообложения, Юго-Западный государственный университет, г. Курск, Российская Федерация, e-mail: lv_af@mail.ru, ORCID: 0000-0003-2880-8872

Lubov V. Afanasyeva, Candidate of Economic Sciences, Head of the Department of Economic Security and Taxation, Southwest State University, Kursk, Russian Federation, e-mail: lv_af@mail.ru, ORCID: 0000-0003-2880-8872

УДК 338.001.36

Трансформация регионов в цифровом экономическом пространстве

Ю. С. Положенцева¹ ✉, Т. Н. Вискрибенцева¹, М. Г. Клевцова¹

¹ Юго-Западный государственный университет
ул. 50 лет Октября 94, г. Курск 305040, Российская Федерация

✉ e-mail: polojenceva84@mail.ru

Резюме

Актуальность. В данной статье проводится анализ факторов ИКТ, влияющих на формирование и развитие цифровой экономики региона. Как показали события 2020-2021 гг., связанные с вирусной пандемией, цифровая трансформация общества является необходимым элементом развития экономики в целом. При этом цифровая трансформация способствует увеличению производительности труда и интенсивному экономическому росту, в то же время устанавливает ключевые показатели успеха, соответствующие новым организационным целям развития общества.

Целью исследования является анализ факторов развития регионов в цифровом экономическом пространстве.

Задачи. Достижение поставленной цели предопределило решение следующих задач: исследование индикаторов цифровой трансформации макро- и мезоуровней; измерение региональных факторов, влияющих на формирование и развитие цифровой экономики на основе построения эконометрических моделей; разработка рекомендаций развития цифрового экономического пространства.

Методология. Основой исследования являются методы рейтингового и статистического анализа данных, индукции, дедукции, синтеза, методы эконометрического анализа.

Результаты. На основе оценки динамики изменений факторов цифровизации за исследуемый период проведена кластеризация регионов ЦФО на четыре группы. Выделены регионы, стабильно развивающиеся и сохранившие свои позиции, регионы, которые ухудшили свои позиции, наблюдается отрицательная тенденция развития; регионы, которые улучшили свои позиции, наблюдается положительная тенденция развития; а также регионы ЦФО, которые незначительно снизили или повысили место в рейтинге, наблюдается незначительная динамика.

Выводы. В заключение сделан вывод о необходимости содействия глобальному подключению к информационной сети, расширения использования принципов Индустрии 4.0, использования возможностей искусственного интеллекта для развития информационного экономического пространства и эффективной цифровой трансформации как отдельных регионов, так и экономики страны в целом.

Ключевые слова: цифровая трансформация; Центральный федеральный округ; индикаторы цифровизации.

Конфликт интересов: В представленной публикации отсутствует заимствованный материал без ссылок на автора и (или) источник заимствования, нет результатов научных работ, выполненных авторами публикации лично и (или) в соавторстве, без соответствующих ссылок. Авторы декларируют отсутствие конфликта интересов, связанных с публикацией данной статьи.

Финансирование: Исследование выполнено по гранту Президента РФ по государственной поддержке ведущих научных школ РФ № НШ-2702.2020.6 «Концептуальные основы новой парадигмы экономического развития в эпоху технологической и социальной трансформации».

Для цитирования: Положенцева Ю. С., Вискрибенцева Т. Н., Клевцова М. Г. Трансформация регионов в цифровом экономическом пространстве // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. 2021. Т. 11, № 4. С. 114–125.

Поступила в редакцию 02.06.2021

Принята к публикации 04.07.2021

Опубликована 31.08.2021

© Положенцева Ю. С., Вискрибенцева Т. Н., Клевцова М. Г., 2021

Transformation of Regions in the Digital Economic Space

Yulia S. Polozhentseva¹ ✉, Tatyana N. Vyskribentseva¹, Maria G. Klevtsova¹

¹ Southwest State University
50 Let Oktyabrya str. 94, Kursk 305040, Russian Federation

✉ e-mail: polojenceva84@mail.ru

Abstract

Relevance. This article analyzes the factors influencing the formation and development of the digital economy of the region. As the events of 2020-2021 associated with the viral pandemic have shown, the digital transformation of society is a necessary element of the development of the economy as a whole. At the same time, digital transformation contributes to an increase in labor productivity and intensive economic growth, at the same time, it establishes key indicators of success that correspond to the new organizational development goals of society.

The purpose of the study is to analyze the factors of regional development in the digital economic space.

Objectives. Achievement of this goal predetermined the solution of the following tasks: study of indicators of digital transformation of macro and meso levels; measurement of regional ICT factors affecting the formation and development of the digital economy based on the construction of econometric models; development of recommendations for the development of the digital economic space.

Methodology. The research is based on methods of rating and statistical analysis of data, induction, deduction, synthesis, methods of econometric analysis.

Results. Based on an assessment of the dynamics of changes in the factors of digitalization for the period under study, the regions of the Central Federal District were clustered into four groups. Regions that are steadily developing and have retained their positions are highlighted, regions that have worsened their positions, there is a negative development trend; regions that have improved their positions, there is a positive development trend; as well as the regions of the Central Federal District that slightly decreased or increased their place in the rating, there is a slight dynamics

Conclusions. In conclusion, it was concluded that it is necessary to promote global connection to the information network, expand the use of the principles of Industry 4.0, use the capabilities of artificial intelligence for the development of the information economic space and effective digital transformation of both individual regions and the country's economy as a whole.

Keywords: digital transformation; Central Federal District; digitalization indicators.

Conflict of interest: In the presented publication there is no borrowed material without references to the author and (or) source of borrowing, there are no results of scientific works performed by the authors of the publication, personally and (or) in co-authorship, without relevant links. The authors declares no conflict of interest related to the publication of this article.

Funding: The research was carried out under the grant of the President of the Russian Federation for state support of leading scientific schools of the Russian Federation No. NSH-2702.2020.6 "Conceptual foundations of a new paradigm of economic development in the era of technological and social transformation".

For citation: Polozhentseva Yu. S., Vyskribentseva T. N., Klevtsova M. G. Transformation of Regions in the Digital Economic Space. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Ekonomika. Sotsiologiya. Menedzhment* = *Proceedings of the Southwest State University. Series: Economics, Sociology and Management*. 2021; 11(4): 114–125. (In Russ.)

Received 02.06.2021

Accepted 04.07.2021

Published 31.08.2021

Введение

Цифровая трансформация предоставляет большие возможности для развития экономики в глобальном аспекте. В то же время, как и любое изменение, цифровизация создает определенные проблемы, решение которых необходимо для рационального использования всех ее преимуществ [1; 2; 3]. Особые пробле-

мы – это адаптация рабочей силы к новым требованиям цифровой экономики и измерения уровня развития отдельных регионов в цифровой среде [4; 5; 6].

Учитывая происходящие трансформационные процессы, Комиссия ООН по развитию науки и техники при участии Международного союза электросвязи предложила укрупнённую систему пока-

зателей для оценки состояния и развития информатизации, в которой можно выделить следующие блоки:

– 1 блок – индикаторы состояния субъектов и объектов информатизации, состояние инфраструктуры и отраслей информатизации, рынков информации и услуг связи, оборудования и технологий;

– 2 блок – индикаторы развития и продвижения страны к информационному обществу;

– 3 блок – условия и факторы развития окружающей социально-экономической среды [7; 8].

Можно говорить о существовании трехуровневой системы индикаторов измерения уровня информатизации общества:

1) международный макроуровень отражает индексы развития на уровне государства;

2) региональный, мезоуровень – исследование области, края и других объектов;

3) организационный микроуровень исследует возможность внедрения цифровых технологий на уровне предприятия.

Нами в статье представлены обобщения в теоретическом аспекте на макро- и мезоуровне, а прикладные расчеты проведены на уровне регионов ЦФО [9; 10].

К индикаторам цифровой трансформации на макроуровне относятся:

1. Международный индекс развития цифровой экономики и общества.

2. Индекс развития цифрового правительства.

3. Индекс развития сетей.

4. Индекс развития ИКТ.

5. Индекс социального прогресса.

6. Глобальный индекс кибербезопасности.

7. Глобальный индекс инноваций.

8. Глобальный индекс конкурентоспособности.

9. Индекс производственных драйвов.

На основе данных индексов можно оценить тенденции цифровизации и дифференциацию между странами.

Важно, чтобы при цифровой трансформации были установлены ключевые показатели успеха, соответствующие новым организационным целям. Отметим, некоторые ключевые показатели цифровой трансформации, которые особенно актуальны в 2021 г.:

1. Непрерывное повышение добавленной стоимости: гибкость, ориентация на продукт, а не проект.

2. Процент процессов, предназначенных для облачных вычислений. Облачные инструменты и автоматизация могут обеспечить такую гибкость процессов, в которой экономические субъекты особенно нуждаются в будущем.

3. Новые конверсии клиентов. После событий 2020 г. покупатели особенно ориентированы на использовании новых технологий. Чтобы определить, использует ли организация это преимущество, компании могут посмотреть, какое количество покупателей совершают повторную покупку.

4. Инновации, успешно выведенные на рынок. В современном обществе важно обеспечить условия, чтобы цифровая трансформация действительно позволяла выявлять и использовать новые возможности всем субъектам экономики.

Методы и материалы

Моделирование взаимосвязи факторов, влияющих на развитие региональной цифровой экономики и результирующего показателя (ВРП), осуществлялось с использованием однофакторных линейных моделей следующего вида:

$$Y_t = a + bX_t + \varepsilon_t, \quad (1)$$

где Y_t – валовой региональный продукт; X_t – фактор цифрового развития экономики; t – период времени; a и b – параметры модели, которые следует определить; ε_t – случайная величина.

Экономическая эффективность цифровой экономики рассмотрена также с позиции измерения частной эластичности. Коэффициент эластичности показывает, как изменится значение результата в случае изменения на один процент значения фактора при неизменности остальных факторов. В нашем случае рассчитываются частные показатели эластичности, которые можно сопоставлять друг с другом, а значит, и ранжировать факторы в зависимости от силы их воздействия на результат. Частный показатель эластичности рассчитывался по формуле

$$\bar{\varepsilon} = b \cdot \frac{\bar{x}}{y}, \quad (2)$$

где $\bar{x}$ – среднее значение фактора цифровизации; y – валовой региональный продукт; b – коэффициент регрессии.

Результаты и их обсуждение

Для исследования мезоуровня развития цифрового информационного пространства и возможности цифровой трансформации нами выбран метод эконометрического анализа, суть которого состоит в постановке проблемы, выборе показателей и их статистической подготовке, собственно моделировании, обработке и интерпретации результатов.

Выбор объекта исследования обусловлен местом проживания авторов – Курская область, которая находится в составе 18 субъектов ЦФО, не исключая Москву и Московской области, несмотря на гетерогенность регионов. Известно, что индикатором эффективности и уровня развития территориальной экономики является валовой региональный продукт (ВРП). Поэтому правомерно говорить о том, что цифровая трансформация оказывает непосредственное влияние на формирование ВРП и целесообразно выбрать его в качестве результирующего показателя.

При поиске факторов, влияющих на результат, выбран ресурсный подход. К экономическим ресурсам относятся по-

тенциальные возможности, которыми располагает общество в данный момент своего развития, т. е. это все виды источников обеспечения хозяйственной деятельности, которые используются в процессе создания новых материальных благ и услуг. В цифровой экономике к ресурсам будут относиться информационно-коммуникационные технологии, реализуемые по большей части с помощью персональных компьютеров (x_1), серверов, глобальных информационных сетей (x_2), web-сайтов как ресурса сбыта продукции или оказания услуг (x_3), а также персонала, занятого в области информатизации и связи (x_5).

Также под цифровой экономикой понимается «хозяйственная деятельность, в которой ключевым фактором производства являются данные в цифровом виде, обработка больших объемов и использование результатов анализа которых по сравнению с традиционными формами хозяйствования позволяют существенно повысить эффективность различных видов производства, технологий, оборудования, хранения, продажи, доставки товаров и услуг». Поэтому в качестве показателей рассматриваются показатели, включающие монтированную емкость телефонных станций, включая учрежденные станции, имеющие выход на сеть данного оператора (X_4), удельный вес домашних хозяйств, имевших широкополосный доступ к сети Интернет, в общем числе домашних хозяйств (X_6) (табл. 1).

Таким образом, наша база данных включает 7 статистических показателей (в том числе ВРП) за 2015-2019 гг. Нами на основе корреляционно-регрессионного анализа проведено моделирование оценки влияния исследуемых факторов на результат (табл. 2).

Для определения коэффициентов эластичности необходимо показать средний уровень факторов цифровизации в исследуемых регионах (табл. 3).

Результатом моделирования является матрица с коэффициентами эластичности по семи факторам (табл. 4).

Таблица 1. Факторы, влияющие на формирование и развитие цифровой экономики региона

№ п/п	Фактор цифровизации региона	Условное обозначение
1	Удельный вес организаций, использовавших персональные компьютеры, %	X ₁
2	Удельный вес организаций, использовавших Интернет, по субъектам Российской Федерации, %	X ₂
3	Объем оказанных населению услуг связи в расчете на одного жителя, в фактически действовавших ценах, руб.	X ₃
4	Монтированная емкость телефонных станций, включая учрежденческие станции, имеющие выход на сеть данного оператора, в городской местности, номеров	X ₄
5	Число высокопроизводительных рабочих мест по видам экономической деятельности, деятельность в области информации и связи, тыс. единиц	X ₅
6	Удельный вес домашних хозяйств, имевших широкополосный доступ к сети Интернет, в общем числе домашних хозяйств, %	X ₆
Результат	Валовой региональный продукт, в текущих ценах, млн руб.	Y

Таблица 2. Коэффициенты регрессии при оценке влияния факторов на ВРП

Область	Y-пересечение	Переменная					
		X ₁	X ₂	X ₃	X ₄	X ₅	X ₆
Белгородская	-95442,47	0,00	0,00	78,12	0,26	59631,51	156,09
Брянская	1385410,71	-16733,40	0,00	49,58	0,18	0,00	382,12
Владимирская	8084962,93	-14188,83	0,00	776,49	-26,76	0,00	1003,06
Воронежская	-311190,56	0,00	-10147,29	866,27	-1,08	0,00	-1892,93
Ивановская	2657747,37	-25370,48	0,00	-44,98	0,83	0,00	-180,80
Калужская	1657303,63	-48488,88	0,00	382,97	3,39	0,00	-74,74
Костромская	-125188,18	0,00	-946,83	23,18	1,17	0,00	-85,76
Курская	-1837318,5	0,00	22395,68	-90,67	0,93	0,00	629,82
Липецкая	-676043,11	0,00	0,00	123,83	0,59	-6796,62	608,55
Московская	-18507119	-137448,8	0,00	10,32	25,86	0,00	-28247,88
Орловская	115155,36	-4221,78	0,00	59,98	-0,05	0,00	346,00
Рязанская	-1225629	0,00	18830,46	138,31	-1,86	0,00	-204,44
Смоленская	-3899160,5	0,00	22473,90	-53,97	1,69	0,00	2405,96
Тамбовская	3954504,35	0,00	25921,12	936,39	-29,16	0,00	-3773,12
Тверская	-2300469,4	6100,03	0,00	143,15	1,72	0,00	991,81
Тульская	-589515,75	-16506,55	0,00	-602,10	8,33	0,00	1905,68
Ярославская	-2558484,5	50171,04	0,00	-110,54	-0,03	0,00	-1669,24
Москва	8147350,66	0,00	0,00	-1489,83	0,16	-16879,62	32373,29

Таблица 3. Средние значения индикаторов цифровизации

Область	X ₁	X ₂	X ₃	X ₄	X ₅	X ₆	Y
Белгородская	98,0	95,2	5217,7	524787,8	6,5	669,6	696043,9
Брянская	95,9	93,1	4709,1	448634,4	4,7	634,4	282386,9
Владимирская	95,1	93,0	4950,4	404222,4	4,7	686,8	377891,8
Воронежская	96,9	94,1	5095,3	812242,6	14,1	726,4	743536,3
Ивановская	96,7	93,3	4428,1	387915,6	3,7	613,8	180175
Калужская	96,0	92,8	5952,5	358592,2	4,4	640,4	376502,9
Костромская	91,7	84,4	4951,0	280771,8	3,1	659,8	150671,6
Курская	92,0	85,0	4670,0	349233,6	2,2	710,6	344745,1
Липецкая	95,8	93,5	4738,5	362656,2	5,7	704,2	441216,7
Московская	92,3	90,0	10269,4	2205777	31,7	766,6	3575128
Орловская	93,0	90,1	5045,7	261851	3,7	645,4	196786,3
Рязанская	96,5	93,1	5349,1	405997,4	7,3	607,2	322807,7
Смоленская	96,4	93,7	5112,8	396951,8	4,4	708,2	256194,9
Тамбовская	95,2	92,3	4505,5	258333,4	3	715,6	277485,7
Тверская	90,7	85,2	5160,2	458878,8	5,4	647,8	696043,9
Тульская	90,7	88,7	5369,4	530548	5,5	784,8	282386,9
Ярославская	95,7	93,7	5356,0	593407	10,2	658,4	377891,8
Москва	99,8	98,9	10269,4	12923908	303,8	800,6	743536,3

Таблица 4. Показатели эластичности изменения ВРП от факторов, влияющих на развитие цифровой экономики региона

Область	X ₁	X ₂	X ₃	X ₄	X ₅	X ₆	Кол-во показателей Э > 1
Белгородская	0,00	0,00	0,59	0,20	0,56	0,15	0
Брянская	5,68	0,00	0,83	0,29	0,00	0,86	1
Владимирская	3,57	0,00	10,17	28,62	0,00	1,82	4
Воронежская	0,00	1,28	5,94	1,18	0,00	1,85	4
Ивановская	13,62	0,00	1,11	1,79	0,00	0,62	3
Калужская	12,36	0,00	6,05	3,23	0,00	0,13	3
Костромская	0,00	0,53	0,76	2,18	0,00	0,38	1
Курская	0,00	5,52	1,23	0,94	0,00	1,30	3
Липецкая	0,00	0,00	1,33	0,48	0,09	0,97	1
Московская	3,55	0,00	0,03	15,96	0,00	6,06	3
Орловская	2,00	0,00	1,54	0,07	0,00	1,13	3
Рязанская	0,00	5,43	2,29	2,34	0,00	0,38	3
Смоленская	0,00	8,22	1,08	2,62	0,00	6,65	4
Тамбовская	0,00	8,62	15,20	27,15	0,00	9,73	4
Тверская	0,79	0,00	1,06	1,13	0,00	0,92	2
Тульская	5,30	0,00	11,45	15,65	0,00	5,30	4
Ярославская	12,71	0,00	1,57	0,05	0,00	2,91	3
Москва	0,00	0,00	20,58	2,78	6,90	34,86	4

Выделены факторы цифровизации региона, оказывающие наибольшее влияние на его развитие.

Можно предположить, что если $|\Theta| > 1$, то экономика региона получает эффект от внедрения информационно-коммуникационных технологий, при этом эффект может иметь как положительное, так и отрицательное значение.

Результаты исследования позволяют провести сравнительный анализ оценки регионов ЦФО по эффективности цифровизаций экономик.

Таким образом, представленные подходы к интерпретации территориального цифрового развития, а также к формированию цифровых систем региона показывают существование неравномерности в их развитии и подтверждают наличие существенной дифференциации развития цифрового пространства.

Среди изучаемых факторов, значимо воздействующих на цифровизацию региональных экономик, выделяется шестой –

удельный вес домашних хозяйств, имевших широкополосный доступ к сети Интернет. Например, в Курской области 1% роста приводит к росту ВРП на 1,3%. Однако проявление эффекта существенно не во всех регионах ЦФО.

Использование персональных компьютеров как ресурса можно наблюдать во всех экономиках региона, однако по коэффициентам эластичности можно говорить о том, что это дорого стоящий ресурс для организаций. Также эффект от числа высокопроизводительных рабочих мест проявляется не во всех регионах в настоящий период времени.

На следующем этапе исследования регионы ранжируются по значениям показателей в порядке убывания. Наилучшие результаты будут у региона с минимальной суммой мест, т. е. максимальным рангом.

Для исследования тенденций, происходящих в цифровой экономике, нами проведена оценка в двух периодах – в 2015 и 2019 гг. (табл. 5, 6).

Таблица 5. Ранжирование регионов по степени формирования цифровизации в 2015 г.

Область	Ранги по частным факторам						Эффект по уровню частной эластичности	Сумма рангов	Место
	X ₁	X ₂	X ₃	X ₄	X ₅	X ₆			
Белгородская	3	3	10	6	7	15	4	48	5
Брянская	8	8	16	8	13	16	4	73	12
Владимирская	9	4	13	10	14	8	1	59	9
Воронежская	10	11	11	3	3	9	1	48	5
Ивановская	7	12	14	15	15	17	2	82	14
Калужская	4	10	3	12	12	18	2	61	10
Костромская	17	18	9	17	17	13	3	94	17
Курская	12	15	15	14	18	14	2	90	16
Липецкая	5	2	17	13	11	5	4	57	8
Московская	11	6	1	2	2	2	1	25	2
Орловская	14	13	12	16	10	10	2	77	13
Рязанская	2	9	8	11	5	12	2	49	6
Смоленская	6	5	5	9	9	3	1	38	3
Тамбовская	15	14	18	18	16	6	1	88	15
Тверская	18	17	7	7	8	11	3	71	11
Тульская	16	16	6	4	6	7	1	56	7
Ярославская	13	7	4	5	4	4	2	39	4
Москва	1	1	1	1	1	1	1	7	1

Таблица 6. Ранжирование регионов по степени цифровизации в 2019 г.

Область	Ранги по частным факторам						Эффект по уровню частной эластичности	Сумма рангов	Место
	X ₁	X ₂	X ₃	X ₄	X ₅	X ₆			
Белгородская	2	2	13	5	6	9	5	42	3
Брянская	8	8	11	8	10	12	4	61	8
Владимирская	4	4	9	10	11	7	1	46	5
Воронежская	5	5	12	3	3	6	1	35	2
Ивановская	7	7	18	11	14	17	2	76	12
Калужская	9	9	3	15	12	11	2	61	8
Костромская	14	17	7	16	16	14	4	88	14
Курская	18	18	17	12	18	4	2	89	15
Липецкая	12	11	14	14	7	10	4	72	11
Московская	17	16	1	2	2	3	2	43	4
Орловская	15	13	10	18	15	13	2	86	13
Рязанская	11	10	4	9	5	18	2	59	7
Смоленская	10	12	15	13	13	5	1	69	10
Тамбовская	3	3	16	17	17	8	1	65	9
Тверская	13	14	8	7	9	15	3	69	10
Тульская	16	15	6	6	8	2	1	54	6
Ярославская	6	6	5	4	4	16	2	43	4
Москва	1	1	1	1	1	1	1	7	1

Сравнительный анализ результатов ранжирования регионов позволил выделить четыре класса развития цифрового пространства:

1) регионы, стабильно развивающиеся и сохранившие свои позиции (класс 1 – стабильные),

2) регионы, которые ухудшили свои позиции, наблюдается отрицательная тенденция развития (класс 2 – сдавшие позиции);

3) регионы, которые улучшили свои позиции, наблюдается положительная тенденция развития (класс 3 – быстроразвивающиеся);

4) регионы, которые незначительно снизили или повысили место в рейтинге (на 1 пункт), наблюдается незначительная динамика (класс 4) (табл. 7).

Например, Курская область относится к 4 классу, но при этом занимает 15 место по уровню эффективности внедрения.

Итак, подводя итоги, можно сделать следующие выводы:

– мерой эффективности может выступать частный коэффициент эластичности изменения ВРП под влиянием цифровизации экономического пространства;

– среди регионов ЦФО экономика Воронежской и Белгородской области занимают ведущие места по эффективности развития цифровых технологий (не считая г. Москва);

– наибольший прирост ВРП дают факторы X₁, X₃, X₆;

– все исследуемые показатели оказывают влияние на результирующий показатель;

– выявлена динамика факторов цифрового развития за ретроспективный период 2015-2019 гг.

Для исследования тенденций развития цифровизации в регионах нами использован индекс цифровой жизни регионов, входящих в состав ЦФО за период 2020 г. Данный показатель был разработан сотрудниками Института исследований развивающихся рынков бизнес-

школы Сколково. Он определяется исходя из оценки спроса на цифровые сервисы (анализируется количество поисковых запросов и активность жителей городов в социальных сетях), а также исходя из оценки предложения цифровых услуг

(анализируется количество и функционал услуг интернет-ресурсов).

Для кластеризации регионов нами применены результаты деления на классы на основе ранговой оценки и данных о цифровой жизни (табл. 8).

Таблица 7. Динамика изменения уровня цифровизации

Область	Место 2015 г.	Место 2019 г.	Δ	Класс
Белгородская	5	3	2	3
Брянская	12	8	4	3
Владимирская	9	5	4	3
Воронежская	5	2	3	3
Ивановская	14	12	2	3
Калужская	10	8	2	3
Костромская	17	14	3	3
Курская	16	15	1	4
Липецкая	8	11	-3	2
Московская	2	4	-2	2
Орловская	13	13	0	1
Рязанская	6	7	-1	4
Смоленская	3	10	-7	2
Тамбовская	15	9	6	3
Тверская	11	10	1	4
Тульская	7	6	1	4
Ярославская	4	4	0	1
Москва	1	1	0	1

Таблица 8. Кластеризация регионов ЦФО по уровню цифровой жизни в разрезе направлений развития в них цифровой среды

Класс регионов ЦФО по уровню цифровизации	Регион ЦФО	Транспорт	Финансы	Торговля	Здравоохранение	Образование	СМИ	Администрация
Класс 1 – стабильные	Москва	3	1	3	4	3	3	2
	Ярославская	3	2	1	4	1	4	2
	Орловская	4	3	1	2	1	2	2
Класс 2 – сдавшие позиции	Липецкая	1	4	2	1	2	2	4
	Московская	3	1	3	4	3	3	2
	Смоленская	4	1	2	1	4	1	4
Класс 3 – быстроразвивающиеся	Белгородская	1	4	4	3	3	3	3
	Брянская	1	4	1	4	1	3	1
	Владимирская	1	4	4	1	4	1	2
	Воронежская	4	2	2	3	1	4	1
	Ивановская	2	1	1	2	1	2	2
	Калужская	1	2	3	4	1	2	1
	Костромская	1	1	4	1	3	4	4
	Тамбовская	3	3	4	2	4	1	4

Окончание табл. 8

Класс регионов ЦФО по уровню цифровизации	Регион ЦФО	Транспорт	Финансы	Торговля	Здравоохранение	Образование	СМИ	Администрация
Класс 4 – незначительная динамика	Курская	2	1	2	1	4	1	3
	Рязанская	4	2	1	2	2	2	1
	Тверская	4	4	3	2	2	4	2
	Тульская	2	3	3	3	3	3	3

Таким образом, в 2020 г. по уровню цифровой жизни произошло рассредоточение регионов ЦФО по представленным кластерам. Максимальное количество регионов показал быстроразвивающийся кластер.

Таким образом, проведена детализация значений по основным направлениям, которые с различных сторон характеризуют уровень цифровой жизни, т. е. обозначены те направления цифрового развития внутри региона, которые требуют особого внимания, и соответственно необходимо разработать общие рекомендации по развитию цифрового экономического пространства.

Выводы

К таким рекомендациям можно отнести следующие (они созвучны рекомендациям ЕС по цифровизации общества) [11; 12]:

– рекомендация 1: содействовать глобальному подключению к информационным сетям;

– рекомендация 2: использовать принципы Индустрии 4.0 и промышленный Интернет путем содействия инновации, развертывания инфраструктуры ИКТ, а также разработки и использования глобальных стандартов;

– рекомендация 3: использовать искусственный интеллект. Необходимо поддерживать эволюцию человекоориентированного искусственного интеллекта (ИИ) и связанных с ним технологий путем обеспечения информированности общественности о возможностях и проблемах, поддержки разработки и внедрения инновации и ускорения развертывания интеллектуальной инфраструктуры.

Однако следует не только непосредственно развивать технические средства цифровой трансформации, но и улучшать инструменты мониторинга цифрового развития, совершенствование методик анализа уровня развития цифрового пространства с позиции макро-, мезо- и микросистем.

Список литературы

1. Вертакова Ю. В., Клевцова М. Г., Положенцева Ю. С. Индикаторы оценки цифровой трансформации экономики // Экономика и управление. 2018. № 10 (156). С. 14-20.
2. Положенцева Ю. С., Клевцова М. Г. Формирование прокластеров в рамках реализации экономической стратегии // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. 2015. № 1(14). С. 28-34.
3. Государство и рынок: новое качество взаимодействия в информационно-сетевой экономике: в 2 т. / А. Г. Айрапетова, Л. С. Тарасевич, И. А. Максимцев, А. Е. Карлик, А. В. Харламов, Д. Н. Земляков, В. А. Плотноков, В. Т. Рязанов, Т. Л. Харламова, М. В. Дубовик, С. А. Дятлов. СПб.: Астерион, 2007. Т. 2. 424 с.
4. Юдина Т. Н. Осмысление цифровой экономики // Теоретическая экономика. 2016. № 3. С. 12-16.

5. Баринов М. А. Взаимосвязь факторов социально-экономического развития и объема валового регионального продукта // Современные наукоемкие технологии. Региональное приложение. 2020. № 1 (61). С. 8-13.
6. Толстых Т. О., Шкарупета Е. В., Шишкин И. А. Трансформация предпринимательства в условиях цифровой экономики // Цифровая трансформация экономики и промышленности: проблемы и перспективы / под ред. А. В. Бабкина; Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого. СПб., 2017. С. 133-158.
7. Кох Л. В., Кох Ю. В. Анализ существующих подходов к измерению цифровой экономики // Научно-технические ведомости Санкт-Петербургского государственного политехнического университета. Экономические науки. 2019. Т. 12, № 4. С. 78–89.
8. Цифровая жизнь российских регионов 2020. Что определяет цифровой разрыв? / В. Коровкин, Е. Каганер, А. Калинин, Б. Нуреев. URL: https://iems.skolkovo.ru/downloads/documents/SKOLKOVO_IEMS/Research_Reports/SKOLKOVO_IEMS_Research_Digital_life_of_russian_regions_2020-06-09_ru.pdf (дата обращения: 16.05.2021)
9. Паспорт федерального проекта «Цифровое государственное управление». URL: <https://digital.gov.ru/uploaded/files/pasport-federalnogo-proekta-tsifrovoye-gosudarstvennoe-upravlenie.pdf> (дата обращения: 11.05.2021).
10. Паспорт федерального проекта «Цифровые технологии». URL: <https://digital.gov.ru/upload-ed/files/pasport-federalnogo-proekta-tsifrovyye-tehnologii.pdf> (дата обращения: 11.05.2021).
11. Индекс «Цифровая Россия». URL: https://sk.skolkovo.ru/storage/file_storage/00436dl3-c75c-46cf-9e78 (дата обращения: 11.05.2021).
12. Стефанова Н. А., Рахманова Г. Э. Оценка эффективности цифровой экономики // Карельский научный журнал. 2017. № 4(21). С. 301-304.

References

1. Vertakova Yu. V., Polozhenceva Yu. S. Indikatory ocenki cifrovoj transformacii ekonomiki [Indicators for assessing the digital transformation of the economy]. *Ekonomika i upravlenie = Economics and Management*, 2018, no. 10 (156), pp. 14-20.
2. Polozhenceva Yu. S., Klevцова M. G. Formirovanie proklasterov v ramkah realizacii ekonomicheskoy strategii [Formation of proclusters as part of the implementation of the economic strategy]. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Ekonomika. Sotsiologiya. Menedzhment = Proceedings of the Southwest State University. Series: Economics, Sociology and Management*, 2015, no. 1(14), pp. 28-34.
3. Airapetova A. G., Tarasevich L. S., Maksimtsev I. A., Karlik A. E., Kharlamov A. V., Zemlyakov D. N., Plotnikov V. A., Ryazanov V. T., Kharlamova T. L., Dubovik M. V., Dyatlov S. A. Gosudarstvo i ry'nok: novoe kachestvo vzaimodeystviya v informacionno-setevoj e'konomike [State and market: new quality of interaction in information and network economy]. St. Petersburg, Asterion Publ., 2007, vol. 2. 424 p.
4. Yudina T. N. Osmyslenie cifrovoj ekonomiki [Understanding the digital economy]. *Teoreticheskaya ekonomika = Theoretical Economics*, 2016, no. 3, pp.12-16.
5. Barinov M. A. Vzaimosvyaz' faktorov social'no-ekonomicheskogo razvitiya i ob'ema valovogo regional'nogo produkta [Interrelation of factors of socio-economic development and the volume of gross regional product]. *Sovremennye naukoemkie tekhnologii. Regional'noe prilozhenie = Modern High Technologies. Regional Application*, 2020, no. 1 (61), pp. 8-13.
6. Tolstoy T. O., Shkarupeta E. V., Shishkin I. A. Transformaciya predprinimatel'stva v usloviyax cifrovoj e'konomiki [Transformation of entrepreneurship in the digital economy]. *Cifrovaya transformaciya e'konomiki i promy'shlennosti: problemy i perspektivy* [Digital transformation of economy and industry: problems and prospects]; ed. by A. V. Babkin. St. Petersburg, Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University Publ., 2017, pp. 133-158.
7. Koh L. V., Koh Yu. V. Analiz sushchestvuyushchih podhodov k izmereniyu cifrovoj ekonomiki [Analysis of existing approaches to measuring the digital economy]. *Nauchno-tekhicheskie vedomosti Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo poli-tekhicheskogo universiteta. Ekonomicheskie nauki = Sci-*

entific and Technical Statements of St. Petersburg State Polytechnic University. Economic Sciences, 2019, no. 12(4), pp. 78–89.

8. Korovkin V., Kaganer E., Kalinin A., Nureev B. Cifrovaya zhizn' rossijskih regionov 2020. Chto opredelyaet cifrovoj razryv? [Digital Life in Russian Regions 2020. What Determines the Digital Divide?]. Available at: https://iems.skolkovo.ru/downloads/documents/SKOLKOVO_IEMS/Research_Reports/SKOLKOVO_IEMS_Research_Digital_life_of_russian_regions_2020-06-09_ru.pdf. (accessed 16.05.2021)

9. Pasport federal'nogo proekta "Cifrovoe gosudarstvennoe upravlenie" [Passport of the federal project "Digital Public Administration"]. Available at: <https://digital.gov.ru/uploaded/files/pasport-federalnogo-proekta-tsifrovoe-gosudarstvennoe-upravlenie.pdf>. (accessed 11.05.2021)

10. Pasport federal'nogo proekta "Cifrovyie tekhnologii" [Passport of the federal project "Digital Technologies"]. Available at: <https://digital.gov.ru/upload-ed/files/pasport-federalnogo-proekta-tsifrovyie-tehnologii.pdf>. (accessed 11.05.2021)

11. Indeks "Cifrovaya Rossiya" [Index "Digital Russia"]. Available at: https://sk.skolkovo.ru/storage/file_storage/00436dl3-c75c-46cf-9e78. (accessed 11.05.2021)

12. Stefanova N. A., Rahmanova G. E. Ocenka effektivnosti cifrovoj ekonomiki [Evaluation of the effectiveness of the digital economy]. *Karel'skii nauchnyi zhurnal = Karelian Scientific Journal*, 2017, no. 4(21), pp.301-304.

Информация об авторах / Information about the Authors

Положенцева Юлия Сергеевна, кандидат экономических наук, доцент кафедры региональной экономики и менеджмента, Юго-Западный государственный университет, г. Курск, Российская Федерация,
e-mail: polojenceva84@mail.ru,
ORCID: 0000-0002-8296-0878,
Researcher ID: O-2864-2015

Yulia V. Polozhentseva, Candidate of Economic Sciences, Associate Professor of the Department of Regional Economics and Management, Southwest State University, Kursk, Russian Federation,
e-mail: polojenceva84@mail.ru,
ORCID: 0000-0002-8296-0878,
Researcher ID: O-2864-2015

Выскрибенцева Татьяна Николаевна, магистрант кафедры региональной экономики и менеджмента, Юго-Западный государственный университет, г. Курск, Российская Федерация,
e-mail: vyskribencevatatyna@mail.ru

Tatyana N. Vyskribentseva, Undergraduate of the Department of Regional Economics and Management, Southwest State University, Kursk, Russian Federation,
e-mail: vyskribencevatatyna@mail.ru

Клевцова Мария Геннадьевна, кандидат экономических наук, доцент кафедры региональной экономики и менеджмента, Юго-Западный государственный университет, г. Курск, Российская Федерация,
e-mail: klevtsovam@mail.ru,
ORCID: 0000-0003-0188-2263,
Researcher ID: O-2804-2015

Maria G. Klevtsova, Candidate of Economic Sciences, Associate Professor of the Department of Regional Economics and Management, Southwest State University, Kursk, Russian Federation,
e-mail: klevtsovam@mail.ru,
ORCID: 0000-0003-0188-2263,
Researcher ID: O-2804-2015

ЭКОНОМИКА И ОРГАНИЗАЦИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПРЕДПРИЯТИЙ, ОТРАСЛЕЙ, КОМПЛЕКСОВ

ECONOMICS AND ORGANIZATION OF ENTERPRISES, INDUSTRIES, COMPLEXES

Оригинальная статья / Original article

УДК 316.354

Зарубежные практики социального предпринимательства и перспективы их применения в Российской Федерации

О. В. Малахова¹ ✉, Я. Н. Радостева¹

¹ Среднерусский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации
бульвар Победы 5А, г. Орел 302028, Российская Федерация

✉ e-mail: o.v.malahova@mail.ru

Резюме

Актуальность. Социальное предпринимательство в России только встало на путь своего развития, тогда как в зарубежных странах данное бизнес-направление активно развивается не один десяток лет. Социальное предпринимательство – это новый этап в жизни общества, который характеризуется решением социальных проблем с помощью инновационных бизнес-идей.

Цель исследования заключается в выявлении особенностей развития и распространения социального предпринимательства в зарубежных странах, а также в анализе применения указанных практик в российских реалиях.

Задачи. В соответствии с указанной целью выделяются следующие задачи исследования: анализ зарубежного опыта реализации и развития социального предпринимательства; выделение факторов и условий, способствующих эффективному развитию данного бизнес-направления за рубежом; выявление возможных направлений развития российского социального предпринимательства на базе зарубежного опыта.

Методология. В статье проанализирован зарубежный опыт развития социального предпринимательства на примере Канады, Республики Корея и Республики Молдова, а также сформулированы основные положения зарубежного законодательства, которые возможно и необходимо применить в российских реалиях. Также приводится характеристика результатов международного рейтинга стран с лучшими условиями для социального предпринимательства.

Результаты. В результате проведенного анализа было выявлено главное отличие российского социального предпринимательства от социального предпринимательства в рассмотренных странах, которое заключается в отсутствии в нашей стране специального федерального органа, который координировал бы все вопросы в данной сфере и выступал главным субъектом в развитии социального предпринимательства. Появление новой ветви предпринимательства требует новых изменений в законодательстве, в том числе появление соответствующего уполномоченного органа. Для таких преобразований необходимо изучать зарубежные страны, анализировать их опыт в данной сфере.

Выводы. Анализ опыта развития и распространения социального предпринимательства зарубежных стран является важнейшим аспектом государственной поддержки этого направления в России. Достижения наиболее прогрессивных в этом направлении стран позволяют стране выйти на новый уровень в развитии социального предпринимательства. Стоит подчеркнуть, что важность социального предпринимательства не оставляет сомнений: такое бизнес-направление необходимо для любой страны, в том числе и для России. Решение социальных проблем с помощью бизнеса – новый этап в развитии общества.

Ключевые слова: социальное предпринимательство; предпринимательство; зарубежный опыт; перспективы распространения; фонд; законодательство.

Конфликт интересов: В представленной публикации отсутствует заимствованный материал без ссылок на автора и (или) источник заимствования, нет результатов научных работ, выполненных авторами публикации лично и (или) в соавторстве, без соответствующих ссылок. Авторы декларируют отсутствие конфликта интересов, связанных с публикацией данной статьи.

Для цитирования: Малахова О. В., Радостева Я. Н. Зарубежные практики социального предпринимательства и перспективы их применения в Российской Федерации // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. 2021. Т. 11, № 4. С. 126–138.

Поступила в редакцию 30.05.2021

Принята к публикации 28.06.2021

Опубликована 31.08.2021

International Practices of Social Entrepreneurship and Prospects of Their Application in the Russian Federation

Oksana V. Malahova¹ ✉, Yana N. Radosteva¹

¹ Central Russian Institute of Management – Branch of The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration
5A Victory boulevard, Orel 302028, Russian Federation

✉ e-mail: o.v.malahova@mail.ru

Abstract

Relevance. Social business in Russia only followed a way of the development whereas in foreign countries this business direction actively develops not one decade. Social business is a new stage in life of society which is characterized by the solution of social problems with the help of the innovative business ideas.

The purpose of research is to reveal features of development and distribution of social business in foreign countries and also the application conditions specified the practician in the Russian realities.

Objectives. In accordance with this goal, the following research tasks are singled out: analysis of foreign experience in the implementation and development of social entrepreneurship, highlighting factors and conditions that contribute to the effective development of this business area abroad, identifying possible directions for the development of Russian social entrepreneurship based on foreign experience.

Methodology. The article analyzes the foreign experience in the development of social entrepreneurship. Examples include the experience of Canada, the Republic of Korea and the Republic of Moldova. Also formulates the main provisions of foreign legislation that can and should be applied in Russian realities. Also characteristic of results of the international rating of the countries with the best conditions for social business is given.

Results. As a result of the carried-out analysis the main difference of the Russian social business from social business in the considered countries which consists in absence in our country of special federal body which would coordinate all questions in this sphere was revealed and acted as the main subject in development of social business. Emergence of a new branch of business demands new changes in the legislation, including emergence of the appropriate authorized body. For such transformations, it is also necessary to study foreign countries, to analyze their experience in this sphere.

Conclusions. The analysis of experience of development and distribution of social business of foreign countries is the most important aspect of the state support of this direction in Russia. Will allow the country to reach achievements of the most progressive countries in this direction new level in development of social business. It is worth emphasizing that importance of social business does not leave doubts – such business direction is necessary for any country including for Russia. The solution of social problems with the business help – a new stage in development of society.

Keywords: social entrepreneurship; entrepreneurship; foreign experience; distribution prospects; fund; legislation.

Conflict of interest: In the presented publication there is no borrowed material without references to the author and (or) source of borrowing, there are no results of scientific works performed by the authors of the publication,

For citation: Malahova O. V., Radosteva Ya. N. International Practices of Social Entrepreneurship and Prospects of Their Application in the Russian Federation. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Ekonomika. Sotsiologiya. Menedzhment* = *Proceedings of the Southwest State University. Series: Economics, Sociology and Management*. 2021; 11(4): 126–138. (In Russ.)

Received 30.05.2021

Accepted 28.06.2021

Published 31.08.2021

Введение

Если социальное предпринимательство в России на сегодняшний день находится на стадии своего развития, то за рубежом данное бизнес-направление уже не один десяток лет является передовым в предпринимательстве. Традиционно считают, что социальные предприятия являются преобразованием волонтерских и благотворительных организаций, которые постепенно взяли черты бизнеса. Отсюда можно заключить, что социальное предпринимательство является своего рода гибридом традиционного бизнеса и благотворительности. Черта предпринимательства, которую вобрал в себя данный феномен, – предпринимательский характер деятельности и инновационный подход к решению социальных общественных проблем. Черта благотворительности, которая характерна и для социального предпринимательства, – ориентация на социальные изменения и решение социальных проблем общества [1].

Социальное предпринимательство существует даже не одно столетие, однако научный интерес к такому специфическому направлению возник только в конце XX в.

Материалы и методы

Учитывая то, что совсем недавно сложилось определение понятия «социальное предпринимательство», говорить об исторических примерах довольно трудно. Тем не менее многие исследователи сошлись во мнении, что зарождение основ социального предпринимательства берет начало еще в глубокой древности. Одним из самых древних, но самых ярких

примеров в истории считается деятельность правителя империи Мауриев Ашока Великого (совр. Индия, III в. до н. э.).

Во всех исторических источниках этот правитель характеризуется как довольно жестокий и кровожадный. Он покорила значительную часть Южной Азии, однако, вернувшись из последнего похода, в ходе которого было завоевано государство Калинга (совр. штат Орисса на востоке Индии), Ашока полностью пересмотрел свои взгляды и ценности. Считается, что, именно увидев причиненные страдания и разрушения, Ашока почувствовал сильное раскаяние [2].

Он отказался от насилия до конца своей жизни и теперь видел своей целью выстраивание целой системы социальной справедливости. Эта система состояла из комплекса социальных объектов, которые были призваны поддерживать наименее защищенные слои населения. В число таких объектов входили больницы, приюты для умирающих, ветеринарные клиники и др. Одним из достижений времени правления Ашоки Великого стал институт правозащитников – Махаматр, главной задачей которого было обеспечение благосостояния людей, достижения справедливости в распределении благ, особенно общественных земель. Для бедняков и бездомных строились специальные странноприимные дома, в которых за свой труд обездоленные люди могли получить еду и ночлег. Именно эта деятельность Ашоки Великого позволяет ученым характеризовать его как самого первого социального предпринимателя в истории человечества.

Этот исторический пример стал настолько выдающимся, что в 1980 г. в США (г. Вашингтон) был создан фонд

«Ашока: инновации для общества» бывшим консультантом по управлению бизнесом Биллом Дрейтоном. Именно он считается отцом современного социального предпринимательства. Фонд «Ашока» является первой организацией, которая системно занялась поддержкой предпринимательских социальных инициатив и популяризацией социального предпринимательства. На сегодняшний день именно этот фонд является крупнейшим международным фондом по поддержке социального предпринимательства [3].

Фонд «Ашока» поддерживает социальных предпринимателей на трех уровнях: оказание финансовой и профессиональной поддержки, объединение сообщества социальных предпринимателей для взаимодействия и содействие созданию инфраструктур поддержки социальных инноваций в глобальном масштабе. На сегодняшний день Фонд ведет свою деятельность более чем в 92 странах, в том числе Бельгии, Египте, Израиле, Кении, Нидерландах и др. Фонд имеет таких крупных партнеров, как Disney, Google, Facebook и др. К сожалению, в России такого представительства нет, однако в стране имеется множество отечественных фондов и организаций, которые оказывают не только финансовую, но и консультационную, методологическую и иного рода поддержку как уже действующим социальным предприятиям, так и только начинающим.

Фонд «Ашока» поддержал большое количество социальных инициатив по всему миру. В их числе следующие социальные проекты:

1. Немецкая компания Dialogue Social Enterprise GmbH, которая считает своей миссией способствование социальной интеграции людей с ограниченными возможностями, обездоленных и пожилых людей посредством семинаров и выставок. Компания не только улучшает социально-экономическое положение данных категорий людей, но и повышает осведомленность о таких людях, их по-

требностях и их вкладе в общество, чтобы развивать сочувствие и уважение, ведущие к инклюзивному поведению [4].

2. Основанное в 2001 г. американское некоммерческое социальное предприятие VisionSpring, главной миссией которого является обеспечение доступа беднейших слоев населения к недорогим, но качественным очкам [5].

3. Индонезийская бизнес-модель Bank Sampah («Банк мусора»), согласно которой мусор необходимо разделять главным образом на твердые бытовые отходы. На создание такого бизнес-проекта в 2008 г. Бамбанга Суэрда сподвигла крайне тяжелая проблема санитарии в родной местности. В дальнейшем такие банки распространились по всей Индонезии, получив поддержку как международную, так и непосредственно на государственном уровне. Согласно данной модели, на человека, принесшего разделенные отходы, открывается специальный «банковский счет», куда записывается вид и вес сданного мусора. Далее мусор сдается переработчикам, а «вкладчик» получает денежные средства, равносильные весу и виду отходов [6].

Крайним социальным проектом, который был отмечен весной этого года Фондом «Ашока», является общественное движение против торговли людьми в Румынии *eLiberare*, реализуемое румынским ученым и предпринимателем Иоаной Бауэр (англ. *Ioana Bauer*). Она выступает за женщин и девушек, борясь за их достоинство, выбор и власть [7].

Среди европейских стран именно в Румынии больше всего жертв торговли людьми и людей, работающих в крайне опасных для жизни и здоровья условиях. Не только бедность, но и мечты о лучшей жизни могут сделать людей уязвимыми для обмана и эксплуатации. Почти половина идентифицированных жертв торговли людьми в Румынии – это несовершеннолетние, которые лишены социальной поддержки. Данный проект устраняет уязвимости и травмы торговли людьми,

их коренные причины, создавая при этом прочные барьеры между жертвами и потенциальными торговцами. Иоана вместе со своей командой создает устойчивую социальную сеть граждан, наделенных специфическими полномочиями по борьбе с современным рабством. Она определила три уровня социальных сетей, которые должны создавать барьер между потенциальной жертвой и торговцами: семья, сообщество и государственные учреждения.

В результате своей деятельности Иоана смогла изменить национальные образовательные программы, введя обязательные занятия по борьбе с торговлей людьми для подростков. Более полумиллиона учащихся уже прошли занятия, основанные на увлекательной и разрушающей стереотипы учебной программе eLiberate. Благодаря работе её команды в каждом посольстве Румынии в Европейском союзе есть представитель по вопросам труда, который специально обучен выявлять жертв торговли людьми и предотвращать их дальнейшую эксплуатацию.

На данный момент Иоана Бауэр разрабатывает стратегию поддержки потенциальных торговцев людьми, чтобы они находили иные способы повышения своего экономического статуса, кроме участия в преступных организациях.

Результаты и их обсуждение

В 2019 г. благотворительная организация *Thomson Reuters Foundation* провела опрос в области социального предпринимательства в 45 странах с крупнейшей экономикой, чтобы выяснить, какие страны создают наилучшие условия для социальных предпринимателей. Итогом опроса стал рейтинг стран в зависимости от аспекта социального предпринимательства.

Результаты данного опроса свидетельствуют о том, что лучшими условиями для социальных предпринимателей, позволяющими им начать и развивать

свой бизнес, обладают такие страны, как Канада, Индонезия, Франция, Австралия, Израиль. Россия занимает 28 позицию по этому критерию. Однако государственная поддержка социального предпринимательства получила наибольшее развитие в таких странах, как Сингапур, Республика Корея, Канада, Франция, Бельгия. Россия занимает 7 место по данному критерию.

Большое значение имеет осведомленность населения о деятельности социальных предпринимателей. Россия занимает 23 место в рейтинге стран, в которых население имеет представление о сущности социального предпринимательства. В тройку лидеров по данному критерию входят Италия, Чили и Венесуэла.

Таким образом, в результате проведенного опроса Россия занимает 23 место в рейтинге стран с лучшими условиями для социальных предпринимателей. В тройку лидеров вошли Канада, Австралия и Франция. Страной с худшими условиями для социального предпринимательства признана Мексика [8]. На рисунке представлены результаты проведенного исследования за 2019 г. в сравнении с аналогичными показателями 2016 г.

Канада является лучшей страной на сегодняшний день для развития социального предпринимательства, потому что в ней, в отличие от России, есть прочная историческая опора, когда социальное предпринимательство стало следующим этапом развития некоммерческих благотворительных организаций.

Гражданское общество в Канаде строится главным образом на основе активного развития сектора социального бизнеса. Органы власти страны ставят своей целью достижение всеобщего благосостояния, которое достигается решением социальных и экономических проблем. Такой подход стал основой проводимой в стране политики «социального государства» [9].

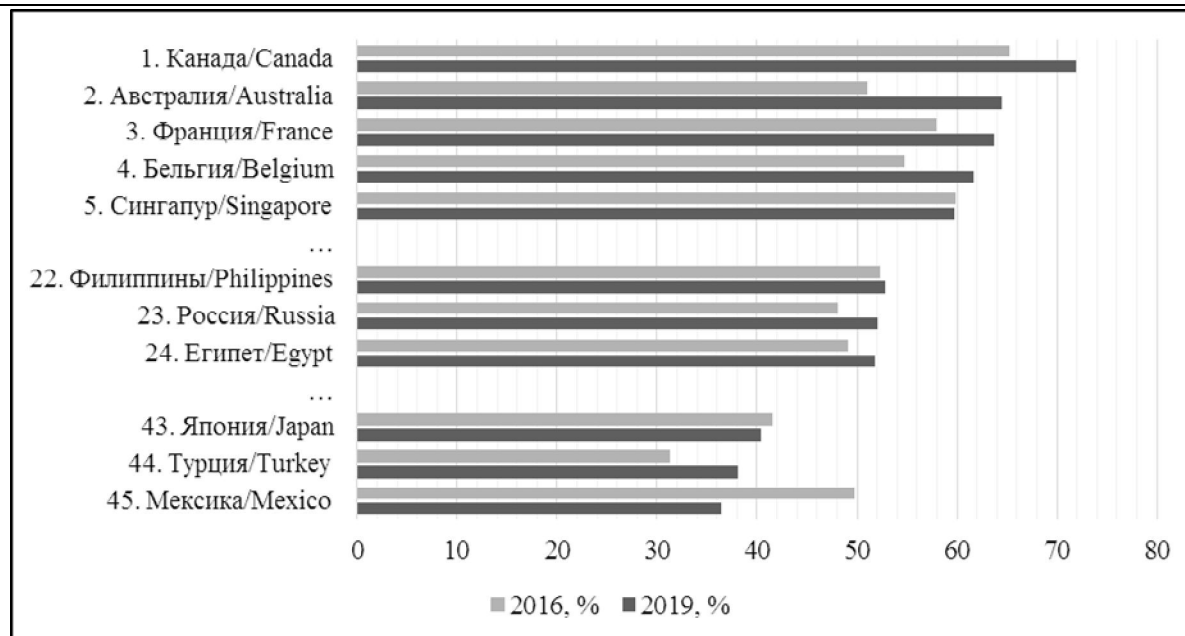

Рис. Рейтинг стран с лучшими условиями для социальных предпринимателей [8]

Формирование канадского социального предпринимательства как доходной отрасли, которая в то же время может оказывать социальную поддержку той части населения, которая в ней нуждается, характерно для конца XX в. Пары десятилетий понадобилось стране, чтобы выйти на новый уровень и достичь значительного прогресса в развитии данного направления. Реализация социальных проектов строится на основе реализации иных бизнес-проектов: разделение рисков и потенциального дохода между бизнесом и органами государственной власти.

Нельзя не сказать о специфике социального предпринимательства Канады, которая заключается в его децентрализованном развитии. В стране нет общего федерального закона о социальном предпринимательстве и социальных предприятиях, тем не менее единое понимание данного феномена установлено на уровне профессиональных сообществ, а его развитие и распространение обуславливается территориально. В этом случае стоит говорить об адресности социального предпринимательства и нацеленности на узкие группы населения – целевые группы [10].

Источниками финансирования, помимо доходов от осуществляемой деятельности, являются, прежде всего, гранты на всех уровнях власти, взносы частных лиц и перечисления от фондов. Такие ресурсы позволяют социальным предприятиям функционировать на протяжении десятков лет.

Социальные предприятия Канады осуществляют свою деятельность, как правило, в следующих сферах:

- решение экологических проблем (вторичная переработка отходов, экотуризм, экологическое образование и др.);
- обеспечение доступности медицинской помощи в сельской местности для слабых слоев населения;
- интеграция иммигрантов (эффективная профессиональная и культурная интеграция может быть обеспечена за счет социального предпринимательства) и др.

В Канаде действует Совет социального предпринимательства, который с 2014 г. является федеральной некоммерческой корпорацией. Это крупнейшая организация поддержки социального бизнеса в стране [11].

В качестве примера социального предприятия Канады можно назвать про-

ект *ME to WE*. *ME to WE* – это инновационное социальное предприятие, которое дает возможность делать ежедневный потребительский выбор. Организация совместно с крупными партнерами предоставляет рабочие места для уязвимых слоев населения по всему миру, продавая созданные ими продукты и ремесленные товары. На сегодняшний день организация сотрудничает с более 1500 женщинами в Кении и Эквадоре, которые создают оригинальные аксессуары своими руками, что позволяет каждой женщине построить более светлое будущее для себя и своей семьи, своего сообщества. Эти женщины могут теперь зарабатывать вдвое больше, чем считается справедливой платой в их странах. Ассортимент продукции на сегодняшний день расширился и включает в себя не только изделия из бисера, но и натуральный шоколад и кофе от эквадорских фермеров [12].

Что касается азиатского опыта развития социального предпринимательства, то наибольший интерес представляет собой опыт Республики Корея, где социальное предпринимательство стало одним из главных направлений развития страны.

Значительную долю экспорта промышленной продукции занимает малый и средний бизнес, что связано с проводимой с 2000 г. программой по развитию малого и среднего бизнеса. Именно этот сектор получает наибольший объем поддержки в сравнении с иными экономическими секторами. Такая поддержка включает в себя, например, пониженные процентные ставки по банковским кредитам.

Государственную политику по поддержке субъектов предпринимательства координирует специальный комитет при главе государства, в обязанности которого входит разработка государственной политики поддержки социального предпринимательства и подготовка соответствующей законодательной базы. Такое внимание к малому бизнесу со стороны органов власти обусловлено стремлением

подключить частный сектор экономики к обеспечению эффективной системы развития и повышения конкурентоспособности страны. Это приоритетное направление указано в государственной программе Южной Кореи «Долгосрочное видение развития науки и техники до 2025 г.», принятой еще в 1999 г. [13].

В 2007 г. в Корее был принят Закон о развитии социального предпринимательства, в разработке которого принимало участие 11 министерств. Кроме того, программы по развитию данного бизнес-направления предложили крупнейшие корейские корпорации, а также большое количество некоммерческих организаций. Социальное предпринимательство было выбрано как долгосрочное решение социальных проблем, поскольку до этого субъекты бизнеса не несли социального эффекта.

Перечень лиц, отнесенных к категории «незащищенные слои населения» и проблемы которых призвано решать социальное предпринимательство, в Корее имеет определенную специфику. Так, среди таких лиц выделяются лица, среднемесячный доход домохозяйства которых составляет 60% и меньше от среднего общенационального дохода домохозяйств, престарелые лица, нетрудоспособные лица, жертвы торговли людьми с целью сексуальной эксплуатации, женщины с высшим образованием, прервавшие карьеру и др.

Закон о развитии социального предпринимательства предусматривает также несколько программ поддержки, которые включают в себя покрытие расходов на заработную плату в течение двух лет, субсидии на развитие бизнеса, консультирование социальных предприятий. Кроме того, правительство Кореи постоянно повышает объемы государственных закупок у социальных предприятий, помогает осваивать им новые рынки.

Инфраструктура поддержки социального предпринимательства в Республике Корея включает в себя:

1) Министерство труда Республики Корея, которое каждые 5 лет разрабатывает и принимает Основной план развития социального предпринимательства, касающийся бизнес-структур и некоммерческих предприятий, которые могут быть признаны социальными предприятиями, имеющими право на снижение налогов и финансовую поддержку Правительства;

2) Комитет по поддержке социального предпринимательства при Министерстве труда;

3) Агентство по поддержке социального предпринимательства KoSEA (Korea Social Enterprise Promotion Agency), главной целью которого является поддержка запуска и реализации социальных предприятий, а также способствование роста активности частного сектора [14];

4) центры социального предпринимательства (бизнес-инкубаторы);

5) сервисные организации [15].

При такой поддержке социального предпринимательства в Республике Корея также существует и система штрафных санкций за несоблюдение предписаний, непредоставление отчетности и неправомерное использование статуса «социальное предприятие».

В качестве примера корейских социальных предприятий можно назвать компанию Mezzanine I-Pack по производству упаковки, которая имеет в своем штате исключительно беженцев из Северной Кореи.

Отдельного внимания заслуживает опыт социального предпринимательства в странах СНГ, поскольку Россия достаточно тесно взаимодействует с ними. В этой связи стоит проанализировать деятельность Республики Молдова, поскольку развитие социального предпринимательства в данной стране схоже с развитием в России.

Ни для кого не секрет, что развитие социального предпринимательства в стране во многом зависит от прочной нормативно-правовой основы. Если есть

законодательно установленная поддержка подобного рода предприятий, если такое бизнес-направление признается в обществе и в бизнес-сфере, то и развитие социальных проектов становится более эффективным.

Законом Парламента Республики Молдова от 2 ноября 2017 г. № 223/2017 «О внесении изменений и дополнений в некоторые законодательные акты» внесены изменения в Закон Парламента Республики Молдова от 3 января 1992 г. № 845/1992 «О предпринимательстве и предприятиях». В частности, теперь в данном Законе существует глава VI «Социальное предпринимательство и социальное предприятие», а также законодательно установлено определение социального предпринимательства. Изменения вступили в силу с 24 мая 2018 г. [16].

«1¹. Социальное предпринимательство является одним из видов предпринимательской деятельности, основной целью которой является решение социальных проблем в интересах сообщества. Положения глав I–VI применяются к деятельности в сфере социального предпринимательства в той мере, в какой они не противоречат положениям главы VI¹», – сказано в статье 1 Закона «О предпринимательстве и предприятиях».

Деятельность в сфере социального предпринимательства направлена на улучшение условий жизни и предоставление перспектив для лиц, относящихся к социально уязвимым слоям населения, путем укрепления экономической и социальной сплоченности, в т. ч. на уровне местных сообществ, содействия трудовой занятости, развития социальных услуг в интересах всего сообщества, а также расширения социальной интеграции. Закрепляется, что некоммерческие организации, а именно: общественные объединения, фонды, религиозные культы и частные учреждения, имеют право осуществлять деятельность в указанной сфе-

ре только после получения специального статуса социального предприятия или интеграционного социального предприятия [17; 18; 19].

При установлении перечня социально уязвимых слоев населения Закон о предпринимательстве и предприятиях ссылается на Закон Республики Молдова № 547/2003 «О социальной помощи», в котором установлен перечень лиц-получателей социальной помощи. Они же являются объектами, на которых направлена деятельность социальных предприятий. Всего Закон устанавливает 10 категорий граждан, среди которых можно выделить:

1) дети и молодежь, здоровью, развитию и физической, психической или духовной целостности которых наносится вред в среде их проживания;

2) семьи, пострадавшие от насилия в семье;

3) престарелые лица и др. [20]

Также в Законе «О предпринимательстве и предприятиях» представлен закрытый перечень областей, деятельность в которых относится к социальному предпринимательству. Например, такой областью является продвижение деятельности по охране окружающей среды или осуществление внешкольной деятельности. Отдельным пунктом отмечается, что перечень видов деятельности в указанных областях устанавливается Правительством Республики Молдова.

Особенностью молдавского законодательства в сфере социального предпринимательства является разделение социальных предприятий на два вида – социальные предприятия в классическом понимании и интеграционные социальные предприятия. Отличие состоит лишь в том, что цель последних – создание рабочих мест и трудоустройство главным образом лиц из социально уязвимых слоев населения. В остальных случаях речь идет о классических социальных предприятиях. Также установлено только два вида организационно-правовых форм хо-

зяйственных организаций, которые могут получить статус социального предприятия или интеграционного социального предприятия: общество с ограниченной ответственностью (ООО) и производственный кооператив.

Такой статус социального предприятия присваивается специально созданной Национальной комиссией по вопросам социального предпринимательства сроком на 3 года с возможностью продления. Национальная комиссия по вопросам социального предпринимательства – это коллегиальный орган, созданный приказом министра экономики и инфраструктуры, который присваивает или лишает статуса социального предприятия, а также участвует в разработке государственной политики в установленной сфере деятельности. В данную Комиссию входят 11 членов, среди которых не только представители некоммерческих организаций, но и представители министерств (Министерство экономики и инфраструктуры, Министерство финансов, Министерство юстиции и др.) и Ассоциации примаров Республики Молдова.

Особое внимание стоит обратить на меры по поддержке и поощрению социального предпринимательства. Государство предоставляет социальным предприятиям налоговые льготы для развития социального предпринимательства, согласно Налоговому кодексу Республики Молдова. Кроме того, интеграционные социальные предприятия могут воспользоваться бесплатным консультированием со стороны органов власти и публичных учреждений, государственной помощью посредством государственных программ и т. д. Отдельным пунктом приводится перечень льгот со стороны органов местного самоуправления для интеграционных социальных предприятий, в частности:

1) выделение помещений и/или земельных участков для осуществления указанной деятельности;

2) поддержка в продвижении изготовленных и/или поставляемых товаров, оказываемых услуг и выполняемых работ, помощь в нахождении рынков сбыта;

3) иные льготы и освобождения от пошлин и налогов.

Такая прочная нормативно-правовая основа способствовала эффективному развитию и распространению социального предпринимательства по всей стране. В качестве примеров действующих социальных проектов и предприятий можно назвать следующие:

1. *Mara Woman* – социальный проект, цель которого состоит в том, чтобы найти работу сельским женщинам. Это мастерская в селе Скорень, где официально работают женщины, создающие плетеные аксессуары. Прибыль от продажи данной продукции реинвестируется в социальные проекты. Этот проект входит в число нескольких социальных предприятий, поддерживаемых Восточно-Европейским фондом и Правительством Швеции.

2. *Caritas Moldova* – организация при Римско-католической епархии Кишинёва, которая реализует сразу несколько социальных проектов, направленных на борьбу с бедностью и развитие толерантности и милосердия. Среди них можно выделить проект HELP (помощь одиноким пожилым людям) и ночной приют для бездомных людей «Святой Штефан». Также организация проводит летние лагеря для детей Молдовы и реализует программу финансового образования для молодежи (FLY) [21].

Таким образом, социальное предпринимательство в Молдавии развивается уже не первый год, а законодательный уровень в данной сфере отличается от аналогичной сферы в российском законодательстве. Стоит отметить, что те проблемы и недочеты, которые присутствуют в отечественном законодательстве в силу относительной новизны, решены в Республике Молдова. Например, отсутствие в Федеральном законе «О развитии малого и среднего предпринимательства

в Российской Федерации» перечня организационно-правовых форм хозяйствующих организаций, которые могут получить статус социального предприятия, а также отсутствие конкретных налоговых льгот, предоставляемых социальным предприятиям [22]. Этот аспект очень важен для российского законодательства, поскольку главное отличие социальных предприятий от прочих субъектов предпринимательства в том, что такие предприятия не имеют первостепенной целью получение прибыли или личных экономических выгод. Можно сказать, что зачастую социальные предприятия работают в убыток, поэтому им тяжело перенести налоговое бремя [23]. Однако это не значит, что молдавское законодательство в сфере социального предпринимательства совершенно. Стоит более детально проанализировать законодательство ближних стран в сфере социального предпринимательства, чтобы использовать их опыт для обогащения уже существующего российского законодательства.

Главным отличием российского социального предпринимательства от социального предпринимательства в рассмотренных странах является отсутствие в нашей стране специального федерального органа, который координировал бы все вопросы в данной сфере и выступал главным субъектом в развитии социального предпринимательства. Так как появилось новое бизнес-направление – социальное предпринимательство, следует создать и специализированный орган. Для этого необходимо проанализировать систему государственных органов в зарубежных странах, где социальное предпринимательство уже достаточно успешно развито, и применить полученные результаты в российских реалиях.

Выводы

Подводя итог всему вышесказанному, стоит отметить, что важность социального предпринимательства не остав-

ляет сомнений – такое бизнес-направление необходимо для любой страны, в т. ч. и для России. Социальное предпринимательство получило широкое распространение за рубежом, в то время как в нашей стране оно начало развиваться совсем недавно. Анализ опыта развития и распространения социального

предпринимательства зарубежных стран является важнейшим аспектом государственной поддержки этого направления в России. Достижения наиболее прогрессивных в этом направлении стран позволят стране выйти на новый уровень в развитии социального предпринимательства.

Список литературы

1. Меркулов П. А. Молодежное предпринимательство как фактор устойчивого экономического роста // Устойчивый экономический рост: политические и социальные предпосылки: сборник научных статей по материалам Гайдаровских чтений. Орел: Издательство Среднерусского института управления – филиала РАНХиГС, 2017. С. 4-7.
2. Калюжнова Н. Я., Огаркова Е. П., Осипов М. А. Социальное предпринимательство: учебное пособие для вузов / под ред. Н. Я. Калюжновой. М.: Юрайт, 2020. 114 с.
3. Ashoka: everyone a changemaker. URL: <https://www.ashoka.org/en-us> (дата обращения: 29.05.2021).
4. Dialogue Social Enterprise. URL: <https://www.dialogue-se.com/> (дата обращения: 10.05.2021).
5. VisionSpring. URL: <https://visionspring.org/?CurrencyCode=USD> (дата обращения: 11.05.2021).
6. Banksampah.ID. URL: <https://banksampah.id/> (дата обращения: 29.05.2021).
7. Liberating Women in Romania: Ioana's Changemaker Journey. URL: <https://www.ashoka.org/en-us/story/ioana-changemaker-story> (дата обращения: 29.05.2021).
8. Methodology. The best countries to be a social entrepreneur 2019. URL: <http://poll2019.trust.org/methodology/> (дата обращения: 15.05.2021).
9. Кадол Н. Ф. Развитие социального предпринимательства в странах Северной Америки: опыт Канады // Креативная экономика. 2020. № 8. С. 1665–1678.
10. Хасанова Г. Н. Зарубежный опыт регионального развития социального предпринимательства на примере Канады // Региональная экономика: теория и практика. 2018. № 12 (459). С. 2237–2248.
11. A little bit about the Social Enterprise Council of Canada. URL: <https://secouncil.ca> (дата обращения: 09.05.2021).
12. ME to WE: A social enterprise enabling people to do good through their everyday choices. URL: <https://www.metowe.com/about-us/> (дата обращения: 07.05.2021).
13. Калинин Д. В. Правовое положение социальных предприятий в Южной Корее: особенности и правовые инновации // Экономика. Предпринимательство. Окружающая среда. 2017. № 70. С. 94–102.
14. Korea Social Enterprise Promotion Agency. URL: <http://socialenterprise.or.kr/eng/intro/intro.do> (дата обращения: 29.05.2021).
15. Жураковский В. Правовое регулирование социального предпринимательства в Республике Беларусь и за рубежом: сборник материалов. Минск: АКТ, 2017. 96 с.
16. О предпринимательстве и предприятиях: закон Парламента Республики Молдова от 03.01.1992 г. № 845/1992. URL: <http://lex.justice.md/viewdoc.php?id=311735&lang=2> (дата обращения: 01.05.2021).
17. Полянин А. В., Головина Т. А., Вертакова Ю. В. Цифровая трансформация деятельности предпринимательских структур // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Экономика. Информатика. 2018. Т. 45, № 4. С. 636-645.
18. Крыжановская О. А., Мальцева И. Ф. Управление сферой социального предпринимательства: меры государственной поддержки и особенности менеджмента // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. 2019. Т. 9, № 5 (34). С. 40-50.

19. Андросова И. В., Положенцева Ю. С. Развитие социального предпринимательства на основе формирования системной модели социального партнёрства // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Экономика и право. 2020. № 12. С. 17–21.
20. О социальной помощи: закон Парламента Республики Молдова от 25.12.2003 г. № 547-XV. URL: http://base.spinform.ru/show_doc.fwx?rgn=7088 (дата обращения: 07.05.2021).
21. Caritas Moldova. URL: <https://caritas.md/ru/> (дата обращения: 08.05.2021).
22. О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации: федеральный закон от 24.07.2007 г. № 209-ФЗ: [ред. от 08.06.2020 г.] // Собрание законодательства Российской Федерации. 2007. № 31, ст. 4006.
23. Устинович Е. С. Политико-административные и экономико-правовые проблемы развития предпринимательства в регионах России (опыт Курской области) // Региональные проблемы преобразования экономики. 2020. № 1 (111). С. 119–126.

References

1. Merkulov P. A. [Youth entrepreneurship as a factor of sustainable economic growth]. *Ustojchivyy jekonomicheskij rost: politicheskie i social'nye predposylki. Sbornik nauch. statej po materialam Gajdarovskih chtenij* [Sustainable economic growth: political and social prerequisites. A collection of scientific articles based on the materials of Gaidar readings]. Orel, Izdatel'stvo Srednerusskogo Instituta Upravlenija – Filiala RANHiGS, 2017, pp. 4–7. (In Russ.)
2. Kaljuzhnova N. Ja., Ogarkova E. P., Osipov M. A. *Social'noe predprinimatel'stvo* [Social entrepreneurship]; ed. by N. Ja. Kaljuzhnoj. Moscow, Jurajt Publ., 2020. 114 p.
3. Ashoka: everyone a changemaker. Available at: <https://www.ashoka.org/en-us>. (accessed 29.05.2021)
4. Dialogue Social Enterprise. Available at: <https://www.dialogue-se.com/>. (accessed 10.05.2021)
5. VisionSpring. Available at: <https://visionspring.org/?CurrencyCode=USD>. (accessed 11.05.2021)
6. Banksampah.ID. Available at: <https://banksampah.id/>. (accessed 29.05.2021)
7. Liberating Women in Romania: Ioana's Changemaker Journey. Available at: <https://www.ashoka.org/en-us/story/ioana-changemaker-story>. (accessed 29.05.2021)
8. Methodology. The best countries to be a social entrepreneur 2019. Available at: <http://poll2019.trust.org/methodology/>. (accessed 15.05.2021)
9. Kadol N. F. Razvitie social'nogo predprinimatel'stva v stranah Severnoj Ameriki: opyt Kanady [The development of social entrepreneurship in the countries of North America: the experience of Canada]. *Kreativnaja jekonomika = Creative Economy*, 2020, no. 8, pp. 1665–1678.
10. Hasanova G. N. Zarubezhnyj opyt regional'nogo razvitija social'nogo predprinimatel'stva na primere Kanady [Foreign experience of regional development of social entrepreneurship on the example of Canada]. *Regional'naja jekonomika: teorija i praktika = Regional Economy: Theory and Practice*, 2018, no. 12 (459), pp. 2237–2248.
11. A little bit about the Social Enterprise Council of Canada. Available at: <https://secouncil.ca>. (accessed 09.05.2021)
12. ME to WE: A social enterprise enabling people to do good through their everyday choices. Available at: <https://www.metowe.com/about-us/>. (accessed 07.05.2021)
13. Kalinichenko D. V. Pravovoe polozhenie social'nyh predpriyatij v Juzhnoj Koree: osobennosti i pravovye innovacii [The legal status of social enterprises in South Korea: features and legal innovations]. *Jekonomika. Predprinimatel'stvo. Okružhajushhaja sreda = Economy. Entrepreneurship. Environment*, 2017, no. 70, pp. 94–102.
14. Korea Social Enterprise Promotion Agency. Available at: <http://socialenterprise.or.kr/eng/intro/intro.do>. (accessed 29.05.2021)
15. Zhurakovskij V. Pravovoe regulirovanie social'nogo predprinimatel'stva v Respublike Belarus' i za rubezhom. Sbornik materialov [Legal regulation of social entrepreneurship in the Republic of Belarus and abroad. Collection of materials]. Minsk, AKT Publ., 2017. 96 p.

16. O predprinimatel'stve i predpriyatijah [On entrepreneurship and enterprises]. Law of the Parliament of the Republic of Moldova of January 03, 1992 № 845/1992. Available at: <http://lex.justice.md/viewdoc.php?id=311735&lang=2>. (accessed 01.05.2021)
17. Polyanin A. V., Golovina T. A., Vertakova Yu. V. Cifrovaya transformaciya deyatel'nosti predprinimatel'skix struktur [Digital transformation of the activity of entrepreneurial structures]. *Nauchny'e vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: E'konomika. Informatika = Scientific Vedomosti of the Belgorod State University. Series: Economics. Computer Science*, 2018, vol. 45, no. 4, pp. 636-645.
18. Kry'zhanovskaya O. A., Mal'ceva I. F. Upravlenie sferoj social'nogo predprinimatel'stva: mery gosudarstvennoj podderzhki i osobennosti menedzhmenta [Management of the sphere of social entrepreneurship: state support measures and management features]. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: E'konomika. Sociologiya. Menedzhment = Proceedings of the Southwest State University. Series: Economics, Sociology and Management*, 2019, vol. 9, no. 5 (34), pp. 40-50.
19. Androsova I. V., Polozhenceva Yu. S. Razvitie social'nogo predprinimatel'stva na osnove formirovaniya sistemnoj modeli social'nogo partnyorstva [Development of social entrepreneurship based on the formation of a system model of social partnership]. *Sovremennaya nauka: aktual'ny'e problemy teorii i praktiki. Seriya: E'konomika i parvo = Modern Science: Actual Problems of Theory and Practice. Series: Economics and Law*, 2020, no. 12, pp. 17-21.
20. O social'noj pomoshhi [Social care]. Law of the Parliament of the Republic of Moldova of December 25, 2003 № 547-XV. Available at: http://base.spininform.ru/show_doc.fwx?rgn=7088. (accessed 07.05.2021)
21. Caritas Moldova. Available at: <https://caritas.md/ru/>. (accessed 08.05.2021)
22. O razvitii malogo i srednego predprinimatel'stva v Rossijskoj Federacii [On the development of small and medium entrepreneurship in the Russian Federation]. Federal Law of July 24, 2007 № 209-FZ (ed. from June 08, 2020). *Sobranie zakonodatel'stva Rossijskoj Federatsii = Collection of Legislation of the Russian Federation*, 2007, no. 31, art. 4006.
23. Ustinovich E. S. Politiko-administrativnye i jekonomiko-pravovye problemy razvitiya predprinimatel'stva v regionah Rossii (opyt Kurskoj oblasti) [Political-administrative and economic-legal problems of entrepreneurship development in the regions of Russia (experience of the Kursk region)]. *Regional'nye problemy preobrazovaniya jekonomiki = Regional Problems of Economic Transformation*, 2020, no. 1 (111), pp. 119-126.

Информация об авторах / Information about the Authors

Малахова Оксана Владимировна, кандидат политических наук, доцент, доцент кафедры политологии и государственной политики, Среднерусский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, г. Орел, Российская Федерация,
e-mail: o.v.malahova@mail.ru,
ORCID: 0000-0002-2563-5198,
Researcher ID: AAF-4462-2021

Oksana V. Malahova, Candidate of Political Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Political Science and Public Policy, Central Russian Institute of Management – Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Orel, Russian Federation,
e-mail: o.v.malahova@mail.ru,
ORCID: 0000-0002-2563-5198,
Researcher ID: AAF-4462-2021

Радостева Яна Николаевна, магистрант кафедры социологии и информационных технологий, Среднерусский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, г. Орел, Российская Федерация,
e-mail: yana.r98@mail.ru

Yana N. Radosteva, Undergraduate of the Department of Sociology and Information Technologies, Central Russian Institute of Management – Branch of The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Orel, Russian Federation,
e-mail: yana.r98@mail.ru

УДК 338.32

Оценка производственно-экономического потенциала в стратегическом управлении устойчивым развитием промышленного предприятия

Т. А. Беляева¹, Т. Р. Дорохова¹, И. А. Козьева¹ ✉

¹ Юго-Западный государственный университет
ул. 50 лет Октября 94, г. Курск 305040, Российская Федерация

✉ e-mail: i.a.kozieva@mail.ru

Резюме

Актуальность. Неопределенность внешней среды актуализирует совершенствование разработки и реализации стратегически целесообразных управленческих решений, которые обеспечат эффективное развитие промышленных предприятий. Оценка производственно-экономического потенциала предприятия открывает дополнительные возможности повышения эффективности стратегического управления на основе системной диагностики внутренней среды. Исследование синергии структурных составляющих производственно-экономического потенциала способствует повышению устойчивости и сбалансированности развития предприятия.

Целью исследования является комплексная оценка производственно-экономического потенциала для совершенствования стратегического управления устойчивым развитием промышленного предприятия.

Задачи: систематизировать способы оценки производственно-экономического потенциала в управлении устойчивым развитием предприятия; оценить производственно-экономический потенциал промышленного предприятия на основе интегральных показателей и метода динамических нормативов; определить направления гармонизации управления производственно-экономическим потенциалом, используя сбалансированную систему показателей.

Методология. В процессе исследования были использованы методы финансового и экономического анализа, методы анализа и синтеза, разработки и принятия управленческих решений, интегральной оценки и динамических нормативов, система сбалансированных показателей.

Результаты. Проведено исследование и оценка производственно-экономического потенциала промышленного предприятия на основе предлагаемого алгоритма, что позволило определить стратегические направления устойчивого развития. В оценке производственно-экономического потенциала предложено использовать интегральные показатели, результаты расчета которых используются для разработки и реализации стратегии развития предприятия. На основе данных финансовой отчетности были рассчитаны показатели и сделаны соответствующие выводы.

Выводы. В рамках проведенного исследования была предложена технология исследования производственно-экономического потенциала предприятия с последующей трансформацией результатов оценки в стратегические направления устойчивого развития.

Ключевые слова: стратегическое управление; производственно-экономический потенциал; экономическое развитие; экономическая эффективность; структура производственно-экономического потенциала; метод динамических нормативов.

Конфликт интересов: В представленной публикации отсутствует заимствованный материал без ссылок на автора и (или) источник заимствования, нет результатов научных работ, выполненных авторами публикации лично и (или) в соавторстве, без соответствующих ссылок. Авторы декларируют отсутствие конфликта интересов, связанных с публикацией данной статьи.

Для цитирования: Беляева Т. А., Дорохова Т. Р., Козьева И. А. Оценка производственно-экономического потенциала в стратегическом управлении устойчивым развитием промышленного предприятия // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. 2021. Т. 11, № 4. С. 139–150.

Поступила в редакцию 14.06.2021

Принята к публикации 11.07.2021

Опубликована 31.08.2021

Assessment of Industrial and Economic Potential in the Strategic Management of Sustainable Development of an Industrial Enterprise

Tatyana A. Belyaeva¹, Tatyana R. Dorokhova¹, Irina A. Kozieva¹ ✉

¹ Southwest State University
50 Let Oktyabrya str. 94, Kursk 305040, Russian Federation

✉ e-mail: i.a.kozieva@mail.ru

Abstract

Relevance. In modern conditions of an uncertain external environment, it is necessary to improve the process of developing and implementing strategically expedient management decisions that ensure sustainable, effective and balanced development of industrial enterprises. Research, assessment, forecasting and planning of production and economic potential and the synergy of its structural elements create additional opportunities for increasing the effectiveness of strategic management based on system diagnostics of the internal environment of the enterprise.

The purpose of the study is a comprehensive assessment of the production and economic potential for improving the strategic management of sustainable development of an industrial enterprise.

Objectives: to systematize methods of assessment of industrial and economic potential in the management of sustainable development of the enterprise; to assess the industrial and economic potential of the industrial enterprise on the basis of integral indicators and the method of dynamic standards; to determine the directions of harmonization of management of the structural elements of industrial and economic potential, using a balanced system of indicators.

Methodology. In the process of research, methods of financial and economic analysis, methods of analysis and synthesis, development and adoption of management decisions, integral assessment and dynamic standards, the system of balanced scorecard were used.

Results. The study and assessment of industrial and economic potential of an industrial enterprise on the basis of the proposed algorithm was carried out, which made it possible to determine the strategic directions of sustainable development. In the assessment of production and economic potential it was proposed to use integral indicators, the results of the calculation of which are used to design and implement a strategy for the development of the enterprise. On the basis of the data of the financial statements the indicators were calculated and the corresponding conclusions were made.

Conclusions. Within the framework of the conducted research the technology of research of production and economic potential of the enterprise with the subsequent transformation of the assessment results into strategic directions of sustainable development was proposed.

Keywords: strategic management; production and economic potential; economic development; economic efficiency; structure of production and economic potential; method of dynamic standards.

Conflict of interest: In the presented publication there is no borrowed material without references to the author and (or) source of borrowing, there are no results of scientific works performed by the authors of the publication, personally and (or) in co-authorship, without relevant links. The authors declares no conflict of interest related to the publication of this article.

For citation: Belyaeva T. A., Dorokhova T. R., Kozieva I. A. Assessment of production and economic potential in strategic management of sustainable development of an industrial enterprise. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Ekonomika. Sotsiologiya. Menedzhment* = *Proceedings of the Southwest State University. Series: Economics, Sociology and Management*. 2021; 11(4): 139–150. (In Russ.)

Received 14.06.2021

Accepted 11.07.2021

Published 31.08.2021

Введение

Управление промышленными предприятиями в условиях турбулентной среды актуализирует необходимость совершенствования инструментов управления устойчивым развитием. Резервом повышения устойчивости и сбалансированности развития предприятий выступает системное взаимодействие структурных со-

ставляющих производственно-экономического потенциала.

Структурные элементы производственно-экономического потенциала характеризуют ресурсы и функциональные возможности предприятия, а синергия их взаимодействия обеспечивает устойчивость развития в стратегической перспективе.

Необходимость выбора оптимального инструментария оценки производственно-экономического потенциала для устойчивого развития в стратегической перспективе рассматривалась многими авторами [1; 2; 3; 4; 5; 6; 7; 8; 9; 10; 11; 12]. В исследовании «производственно-экономического потенциала» авторы акцентировали внимание на различных аспектах, основным из которых является возможность обеспечивать устойчивое и сбалансированное развитие для достижения стратегических целей.

В данной статье в качестве объекта исследования выступила многовариантная оценка производственно-экономического потенциала промышленного предприятия, а предметом исследования были выбраны направления стратегического управления устойчивым развитием промышленного предприятия на основе системного совершенствования производственно-экономического потенциала.

Производственно-экономический потенциал рассматривался нами как фактические и прогнозируемые ресурсы устойчивого, сбалансированного и эффективного развития предприятия, интегрированные в сложной системе, объединяющей совокупность взаимосвязанных и взаимодействующих элементов.

Материалы и методы

Производственно-экономический потенциал промышленного предприятия структурирован на следующие элементы: производственно-технологический, финансово-экономический, трудовой, организационно-экономический.

Структурные компоненты производственно-экономического потенциала и направления его оценки для стратегического планирования устойчивого развития предприятия представлены ниже (рис. 1).

Рис. 1. Структурные компоненты производственно-экономического потенциала в устойчивом развитии предприятия

В целях создания условий устойчивого и сбалансированного развития предприятия нами предлагается оценивать производственно-экономический потенциал по трем направлениям:

- 1) оценка структуры и синергии производственно-экономического потенциала;
- 2) оценка динамической экономической устойчивости (на основе метода динамических нормативов);

3) оценка сбалансированности развития согласно сбалансированной системе показателей (ССП).

В процессе исследования методов оценки структуры и синергии производственно-экономического потенциала предприятия на основе точек зрения Е. П. Пешковой [13], М. Н. Барбарской [14], Н. Ф. Колодиной, И. В. Трофимова, А. А. Осиповой [15], Л. В. Прыкиной [16]

и др. было предложено использовать интегральный коэффициент производственно-экономического потенциала. Оценка на основе интегрального показателя производственно-экономического потенциала представляет собой расчет промежуточных показателей производственно-технологического, финансово-экономического, трудового и организационно-экономического потенциалов (табл. 1).

Таблица 1. Интегральная оценка производственно-экономического потенциала предприятия в 2017–2020 гг. [17; 18; 19]

Показатель	Формула расчета	2017	2018	2019	2020
Производственно-технологический потенциал (ПТП). Нормативное значение ПТП > 1	T_{oc} – динамика основных средств	1,166	1,132	0,976	0,939
	T_{fo} – динамика фондоотдачи	0,794	0,927	1,023	0,969
	T_{fr} – динамика фондорентабельности	0,637	0,741	0,995	1,411
	T_{tp} – динамика объема товарной продукции	0,949	1,221	0,946	0,919
	$ПТП = \sqrt[4]{T_{oc} \cdot T_{fo} \cdot T_{fr} \cdot T_{tp}}$	0,865	0,987	0,984	1,042
Финансово-экономический потенциал (ФЭП). Нормативное значение ФЭП > 1	$T_{чп}$ – динамика чистой прибыли	0,761	0,841	0,963	1,342
	$T_{вп}$ – динамика валовой прибыли	0,726	0,756	1,064	1,139
	T_v – динамика выручки	0,926	1,047	0,999	0,90
	T_a – динамика величины активов	0,887	1,091	0,954	1,233
	$ФЭП = \sqrt[4]{T_{чп} \cdot T_{вп} \cdot T_v \cdot T_a}$	0,821	0,923	0,994	1,141
Трудовой потенциал (ТП). Нормативное значение ТП > 1	$T_{зп}$ – динамика заработной платы	0,913	1,144	1,106	1,077
	$T_{пт}$ – динамика производительности труда	0,855	1,090	1,030	1,039
	$T_{сч}$ – динамика среднесписочной численности персонала	1,083	0,960	0,970	0,875
	$T_{вк}$ – динамика коэффициента восполнения кадров	0,653	1,136	0,780	0,555
	$ТП = \sqrt[4]{T_{зп} \cdot T_{пт} \cdot T_{сч} \cdot T_{вк}}$	0,862	1,080	0,963	0,543
Организационно-экономический потенциал (ОЭП). Нормативное значение ОЭП > 1	T_{oa} – динамика оборачиваемости активов	0,980	1,068	0,981	0,832
	$T_{ооа}$ – динамика оборачиваемости оборотных активов	1,049	1,144	0,959	0,801
	$T_{одз}$ – динамика оборачиваемости дебиторской задолженности	1,091	1,110	0,993	0,890
	$T_{окз}$ – динамика оборачиваемости коэффициента кредиторской задолженности	1,112	1,504	1,146	0,517
	$ОЭП = \sqrt[4]{T_{oa} \cdot T_{ооа} \cdot T_{одз} \cdot T_{окз}}$	1,057	1,195	1,017	0,744
Интегральная оценка (коэффициент) производственно-экономического потенциала (ПЭП). Нормативное значение ПЭП > 1	$К_{пэп} = \sqrt[4]{ПТП \cdot ФЭП \cdot ТП \cdot ОЭП}$	1,014	1,046	1,004	0,929

Динамическая устойчивость производственно-экономического потенциала предприятия оценивается по взаимодействию темпов роста наиболее существенных показателей согласно методу динамических нормативов [20; 21; 22; 23; 24].

Идея измерения результативности экономического развития на основе динамического норматива принадлежит российскому ученому И. М. Сыроежину. В последующие годы она получила развитие в трудах А. С. Тонких, В. Г. Турко, М. А. Азарской, В. Л. Поздеева и других ученых. Динамический норматив (ДН) рассчитывается путем сопоставления ранжированного ряда фактических темпов роста экономических показателей с рекомендуемым или эталонным (оптимальным). Подобный подход к диагностическому анализу может применяться для решения различных экономических задач, в т. ч. и для оценки устойчивости развития предприятия и динамической устойчивости производственно-экономического потенциала.

Состав показателей, включаемых в ДН, может варьироваться в зависимости от цели и задач исследования. В [21] предложен следующий состав ДН: выручка от реализации (ВР), прибыль до налогообложения (П), чистая прибыль (ЧП), численность персонала (Ч). Данная лаконичная совокупность очевидно характеризует экономическую динамику предприятия. Показатели эталонно упорядочиваются и являются основой для информативных выводов:

$$1 < T(Ч) < T(ВР) < T(П) < T(ЧП), \quad (1)$$

где T – темпы роста (снижения) значения показателей.

Сопоставление эталонной и фактической динамики позволяет рассчитать интегральный показатель на основе коэффициента корреляции рангов Спирмена (2).

$$R = 1 - \frac{\sum_{i=1}^n (\text{Ранг}(T_i^n) - \text{Ранг}(T_i^\Phi))^2}{n^3 - 1}, \quad (2)$$

где R – коэффициент корреляции Спирмена; T_i^n – нормативный (эталонный) темп изменения показателя i ; T_i^Φ – фактический темп изменения показателя i ; n – количество показателей.

Близость коэффициента к 1 доказывает соответствие фактического эталонного ДН [24].

Рассматривая взаимодействие и взаимозаменяемость элементов производственно-экономического потенциала, можно предложить направления устойчивого и сбалансированного развития предприятия на основе системы сбалансированных показателей (ССП) [25; 26; 27].

Использование СПП для разработки стратегии предполагает интеграцию внутренних бизнес-процессов и процессов внешней среды для достижения целей и повышения эффективности развития [28; 29; 30]. СПП имеет определенную структуру, в которой выделяют показатели финансовой деятельности, индикаторы бизнес-процессов, сотрудничества с клиентами, показатели развития трудового потенциала. Каждый структурный элемент СПП вносит свой вклад в достижение общей цели устойчивого и сбалансированного развития предприятия. Создание стратегической карты управления производственно-экономическим потенциалом предприятия с использованием сбалансированной системы показателей (ССП) обеспечит достижение целей устойчивого и сбалансированного развития.

Результаты и их обсуждение

Оценка производственно-экономического потенциала была проведена на материалах промышленного предприятия ОАО «Глобус». Это промышленное многопрофильное предприятие полного цикла, производящее канцелярские товары [17]. Основные показатели экономического развития предприятия представлены на рисунке 2.

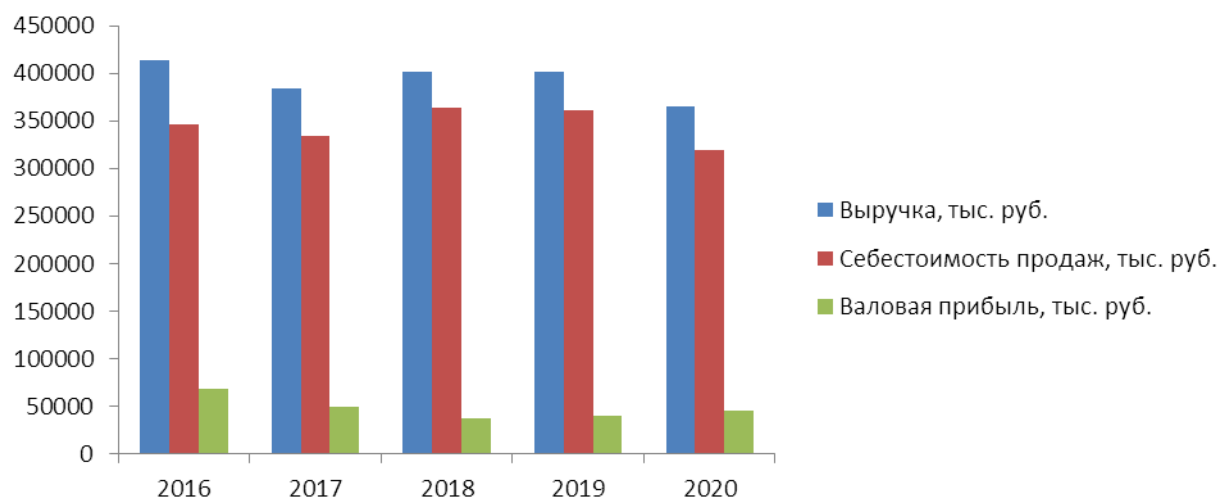

Рис. 2. Основные показатели экономического развития предприятия [18; 19]

Результаты комплексной интегральной оценки структуры и синергии производственно-экономического потенциала предприятия приведены в таблице 1.

Интегральная оценка производственно-экономического потенциала (см. табл. 1) ниже нормативного значения в 2020 г. В предыдущие периоды данная оценка незначительно превышает нормативное значение. В 2020 г. в структуре производственно-экономического потенциала наименьшую оценку имеет трудовой потенциал и организационно-экономический потенциал. Оценка производственно-технологического и финансово-экономичес-

кого потенциала выше нормативной. Следовательно, необходимо сконцентрировать усилия в первую очередь на трудовом потенциале.

Оценка динамической экономической устойчивости проведена на основе метода динамических нормативов. Эмпирические показатели в таблице 2 представлены за 5 лет (с 2016 по 2020 гг.).

Интегральные показатели оценки производственно-экономического потенциала рассчитаны в соответствии с концепцией динамических нормативов за четыре года (2017–2020 гг.).

В таблице 3 приведены расчёты по данным 2017 г.

Таблица 2. Динамика показателей за период 2016 -2020 гг. [17; 18; 19]

Наименование показателя	2016	2017	2018	2019	2020
Среднесписочная численность (Ч), чел.	325	352	338	328	287
T (Ч)	-	1,083	0,96	0,97	0,875
Выручка от реализации (ВР), тыс. руб.	414070	383621	401646	401353	364836
T (ВР)	-	0,926	1,047	0,999	0,909
Прибыль до налогообложения (П), тыс. руб.	35124	26080	21886	21230	28136
T (П)	-	0,743	0,839	0,970	1,325
Чистая прибыль (ЧП), тыс. руб.	26144	19906	16734	16113	21634
T (ЧП)	-	0,761	0,841	0,963	1,343

Таблица 3. Расчёт показателей оценки динамики ОАО «Глобус», 2017 г.

№ п/п	Показатели		Эталон		Факт		
			№	Ранг	Темп	№	Ранг
1	Ч	темп	1	1,5	1,083	7	7,5
		калибр	2	1,5	1,083	8	7,5
2	ВР	темп	3	3,5	0,926	3	3
		калибр	4	3,5	1,00	4	4
3	П	темп	5	5,5	0,743	1	1
		калибр	6	5,5	1,00	5	5,5
4	ЧП	темп	7	7,5	0,761	2	2
		калибр	8	7,5	1,00	6	5,5

Согласно формуле (2), по данным таблицы 4 рассчитан коэффициент корреляции рангов Спирмена (R), характеризующий уровень производственно-экономического потенциала предприятия:

$$R_{2017} = 1 - \frac{6 \cdot 127}{8 \cdot (64 - 1)} = -0,512.$$

В 2017 г. R имеет отрицательное значение, т. е. динамическую устойчи-

вость производственно-экономического потенциала можно охарактеризовать как неудовлетворительную.

Аналогично рассчитаны ДН за 2018 г., 2019 г. и 2020 г. на основе ретроспективных данных таблицы 2.

Полученная оценка производственно-экономического потенциала является комплексным и информативным элементом в системе управления устойчивым развитием предприятия (табл. 5).

Таблица 4. Технологический расчет R за 2017 г.

№ п/п	Эталонный ранг	Фактический ранг	Квадрат разности рангов
1	1,5	7,5	36
2	1,5	7,5	36
3	3,5	3	0,25
4	3,5	4	0,25
5	5,5	1	20,25
6	5,5	5,5	0
7	7,5	2	30,25
8	7,5	5,5	4
Сумма	-	-	127

Таблица 5. Уровень производственно-экономического потенциала, рассчитанный методом динамических нормативов за 2016-2020 гг.

Показатель	2017	2018	2019	2020
Уровень производственно-экономического потенциала	-0,512	-0,515	0,089	0,922

Таким образом, с 2016 г. до 2019 г. наблюдается отрицательная тенденция уровня производственно-экономического

потенциала предприятия, в 2019-2020 г. отмечается его рост. В то же время интегральная оценка производственно-

экономического потенциала в 2020 г. (см. табл. 1) ниже нормативного значения. Противоречие в результатах применения двух подходов к исследованию производственно-экономического потенциала можно разрешить путем оценки сбалансированности развития согласно сбалансированной системе показателей (ССП).

Использование ССП позволяет предприятию перейти от измерения и оценки к управлению, разработать и реализовать стратегию для достижения поставленных целей. Применение ССП для управления производственно-экономическим потенциалом предприятия заключается в структуризации стратегических целей для компонентов потенциала на основе процессного подхода. Контроль достижения осуществляется на основе конкретных показателей, что открывает новые возможности для управления устойчивым и сбалансированным развитием предприятия.

Выводы

Производственно-экономический потенциал – это существующие и потенциальные возможности устойчивого и эффективного развития предприятия.

В процессе оценки производственно-экономического потенциала промышленного предприятия целесообразно выделять структурные компоненты и оценивать их взаимодействие и динамику развития. Полученные результаты являются основной для стратегического планирования устойчивого развития управляемого объекта.

Комплексная интегральная оценка производственно-экономического потенциала ОАО «Глобус» свидетельствует о нестабильности его развития. Реализация практических рекомендаций по совершенствованию управления производственно-экономическим потенциалом, сформулированных на основе использования сбалансированной системы показателей, позволит улучшить финансовое состояние ОАО «Глобус», снизить затраты и увеличить прибыль предприятия, повысить его финансовую устойчивость, создать условия для развития трудового потенциала предприятия. Ранжирование приоритетов направлений совершенствования разработки производственно-экономического потенциала аргументирует процесс использования ограниченных ресурсов предприятия.

Список литературы

1. Головкин Д. С. Система управления промышленными предприятиями на базе концепции экономического потенциала // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. 2020. № 3 (59). С. 7-15.
2. Айрапетова А. Г., Корелин В. В., Меропян Г. Г. Стратегическое планирование как метод развития производственного потенциала предприятия // Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета. 2021. № 3(129). С. 121-125.
3. Тертышник М. И. Производственный потенциал предприятия и оценка экономической эффективности производства // Azimuth of Scientific Research: Economics and Administration. 2021. Т. 10, № 1(34). С. 322-324.
4. Лифшиц А. С. Оценка производственного и коммерческого потенциалов промышленного предприятия // Современные наукоемкие технологии. Региональное приложение. 2016. № 3 (47). С. 115–123.
5. Теория и методология оценки экономического потенциала предприятий / Г. Г. Надворная, С. В. Климчук, М. С. Оборин, Т. Е. Гварлиани // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2016. № 6. С. 70-90.
6. Аристархов П. В. Развитие концепции экономического потенциала предприятия в разрезе целевого подхода. URL: <http://sibac.info/index.php/2009-07-01-10-21-16/624-2012-01-17-14-09-52> (дата обращения: 14.05.2021).

7. Фролов В. Г., Сидоренко Ю. А. Сбалансированность инновационно-инвестиционной промышленной политики – основа цифровой экономики // Вопросы инновационной экономики. 2019. № 4. С. 1317-1328.
8. Ибрагимов Р. С., Головкин Д. С. Методическое обоснование оценки экономического потенциала предприятия // Современные наукоемкие технологии. Региональное приложение. 2016. № 3 (47). С. 64-74.
9. Журова Л. И. Обзор подходов к структуризации понятия экономического потенциала развития хозяйствующего субъекта // Вестник Волжского университета имени В. Н. Татищева. 2018. Т. 2, № 1. С. 20-38.
10. Клейнер Г. Б. Экономика. Моделирование. Математика. Избранные труды: монография / Российская академия наук, Центральный экономико-математический институт. М., 2016. 856 с.
11. Шешукова Т. Г., Колесень Е. В. Совершенствование методики анализа экономического потенциала хозяйствующего субъекта: монография / Пермский государственный национально-исследовательский университет. Пермь, 2013. 196 с.
12. Фролов В. Г., Сидоренко Ю. А. Оценка экономического потенциала промышленных структур в условиях цифровой экономики // Экономика, предпринимательство и право. 2020. Т. 10, № 10. С. 2505-2516.
13. Пешкова Е. П. Использование интегральной оценки для определения эффективности экономического потенциала организаций // Вестник Ростовского государственного экономического университета (РИНХ). 2017. № 4 (60). С. 155–160.
14. Барбарская М. Н. Ресурсный потенциал строительной организации: структура, система оценки показателей состояния и эффективности его использования // Вестник университета. 2018. № 5. С. 78-84.
15. Колодина Н. Ф. Методика оценки производственного потенциала предприятий строительной индустрии // Наукоедение. 2014. № 5(24). С. 1–10.
16. Прыкина Л. В. Экономический анализ предприятия: учебник для бакалавров. М.: Дашков и К, 2018. 256 с.
17. ОАО «Глобус». URL: <http://www.ao-globus.ru> (дата обращения: 14.05.2021).
18. Годовой отчет ОАО «Глобус» за 2019 год. URL: <https://www.e-disclosure.ru/portal/files.aspx?id=5071&type=2> (дата обращения: 14.05.2021).
19. Бухгалтерская отчетность ОАО «Глобус» за 2020 год. URL: <https://www.e-disclosure.ru/portal/files.aspx?id=5071&type=3> (дата обращения: 14.05.2021).
20. Турко В. Г. Анализ инновационного развития методом динамического норматива // Наука и инновации. 2019. № 3. С. 31-37.
21. Тонких А. С. Эталонная динамика показателей экономического роста для предприятий нефтяной промышленности // Экономический вестник Донбасса. 2015. № 2(40). С. 79-87.
22. Тонких А. С. Формирование управленческих решений на основе динамических нормативов // Проблемы теории и практики управления. 2014. № 3. С. 94-102.
23. Тонких А. С. Повышение информативности анализа финансовых коэффициентов // Проблемы современной экономики. 2016. № 2(58). С. 104-108.
24. Азарская М. А., Поздеев В. Л. Оценка непрерывности деятельности организации с использованием метода динамического норматива // Учет. Анализ. Аудит. 2017. № 1. С. 24-32.
25. Каплан Р. С., Нортон Д. П. Сбалансированная система показателей. От стратегии к действию: учебник. М.: ЗАО «Олимп-Бизнес», 2005. 320 с.
26. Каплан Р. С., Нортон Д. П. Стратегические карты. Трансформация нематериальных активов в материальные результаты: учебник. М.: ЗАО «Олимп-Бизнес», 2005. 512 с.
27. Каплан Р. С., Нортон Д. П. Стратегическое единство: создание синергии с помощью сбалансированной системы показателей: учебник. М.: ИД Вильямс, 2006. 384 с.
28. Вертакова Ю. В., Леонтьев Е. Д., Плотноков В. А. Оценка влияния конкурентной среды на эффективность стратегического управления развитием малого предприятия: методология и практика // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. 2015. № 2 (15). С. 30-36.

29. Вертакова Ю. В. Развитие системы индикативного и стратегического планирования при реализации государственной экономической политики на всех уровнях управления // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. 2017. Т. 7, № 4 (25). С. 30-56.

30. Крыжановская О. А. Холистический подход к выбору стратегических приоритетов развития организации // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. 2019. Т. 9, № 2 (31). С. 92-105.

References

1. Golovkin D. S. Sistema upravleniya promyshlennymi predpriyatiyami na baze kontseptsii ekonomicheskogo potentsiala [Management system of industrial enterprises based on the concept of economic potential]. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N. I. Lobachevskogo. Seriya: Sotsial'nye nauki* = *Bulletin of N. I. Lobachevsky Nizhny Novgorod University. Series: Social Sciences*, 2020, no. 3 (59), pp. 7-15.

2. Ayrapetova A. G., Korelin V. V., Meropyan G. G. Strategicheskoe planirovanie kak metod razvitiya proizvodstvennogo potentsiala predpriyatiya [Strategic Planning as a Method of Development of Enterprise Production Potential]. *Izvestiya Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo ekonomicheskogo universiteta* = *Proceedings of St. Petersburg State Economic University*, 2021, no. 3(129), pp. 121-125.

3. Tertyshnik M. I. Proizvodstvennyi potentsial predpriyatiya i otsenka ekonomicheskoi effektivnosti proizvodstva [Production Potential of an Enterprise and the Assessment of Economic Efficiency of Production]. *Azimuth of Scientific Research: Economics and Administration*, 2021, vol. 10, no. 1(34), pp. 322-324.

4. Lifshits A. S. Otsenka proizvodstvennogo i kommercheskogo potentsialov promyshlennogo predpriyatiya [Estimation of industrial and commercial potentials of the industrial enterprise]. *Sovremennye naukoemkie tekhnologii. Regional'noe prilozhenie* = *Modern Science-Intensive Technologies. Regional supplement*, 2016, no. 3 (47), pp. 115-123.

5. Nadvornaya G. G., Klimchuk S. V., Oborin M. S., Guarliani T. E. Teoriya i metodologii otsenka ekonomicheskikh potentsiala predstavleniya predstavleniya [Theory and Methodology of Economic Potential Assessment of Enterprises]. *Ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny: fakty, tendentsii, prognoz* = *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 2016, no. 6, pp. 70-90.

6. Aristarkhov P. V. Razvitie kontseptsii ekonomicheskogo potentsiala predpriyatiya v razreze tselovogo podkhoda [Development of the concept of economic potential of the enterprise in the context of the target approach]. Available at: <http://sibac.info/index.php/2009-07-01-10-21-16/624-2012-01-17-14-09-52>. (accessed 14.05.2021)

7. Frolov V. G., Sidorenko Yu. A. Sbalansirovannost' innovatsionno-investitsionnoi promyshlennoi politiki – osnova tsifrovoi ekonomiki [Balanced innovation-investment industrial policy – the basis of the digital economy]. *Voprosy innovatsionnoi ekonomiki* = *Voprosy Innovatsionnoy Ekonomiki*, 2019, no. 4, pp. 1317-1328.

8. Ibragimova R. S., Golovkin D. S. Metodicheskoe obosnovanie otsenki ekonomicheskogo potentsiala predpriyatiya [Methodological substantiation of the assessment of economic potential of the enterprise]. *Sovremennye naukoemkie tekhnologii. Regional'noe prilozhenie* = *Modern Science-Intensive Technologies. Regional Appendix*, 2016, no. 3 (47), pp. 64-74.

9. Zhurova L. I. Obzor podkhodov k strukturizatsii ponyatiya ekonomicheskogo potentsiala razvitiya khozyaistvuyushchego sub"ekta [Review of approaches to the structurization of the concept of economic potential of the development of the economic entity]. *Vestnik Volzhskogo universiteta imeni V. N. Tatishcheva* = *Vestnik of Volga University Named After V. N. Tatishchev*, 2018, vol. 2, no. 1, pp. 20-38.

10. Kleiner G. B. *Ekonomika. Modelirovanie. Matematika. Izbrannye trudy* [Economics. Modeling. Mathematics. Selected works]. Moscow, Russian Academy of Sciences, Central Economics and Mathematics Institute Publ., 2016. 856 p.

11. Sheshukova T. G., Kolesen E. V. Sovershenstvovanie metodiki analiza ekonomicheskogo potentsiala khozyaistvuyushchego sub"ekta [Perfection of the methodology of analyzing the economic potential of an economic entity]. Perm, Perm State National Research University Publ., 2013. 196 p.

12. Frolov V. G., Sidorenko Y. A. Otsenka ekonomicheskogo potentsiala promyshlennykh struktur v usloviyakh tsifrovoi ekonomiki [Estimation of Economic Potential of Industrial Structures in Conditions of Digital Economy]. *Ekonomika, predprinimatel'stvo i parvo = Economics, Entrepreneurship and Law*, 2020, vol. 10, no. 10, pp. 2505-2516.
13. Peshkova E. P. Ispol'zovanie integral'noi otsenki dlya opredeleniya effektivnosti ekonomicheskogo potentsiala organizatsii [The use of integral assessment to determine the effectiveness of economic potential of organizations]. *Vestnik Rostovskogo gosudarstvennogo ekonomicheskogo universiteta (RINKh) = Bulletin of Rostov State University of Economics (RINH)*, 2017, no. 4 (60), pp. 155-160.
14. Barbarskaya M. N. Resursnyi potentsial stroitel'noi organizatsii: struktura, sistema otsenki pokazatelei sostoyaniya i effektivnosti ego ispol'zovaniya [Resource potential of a construction organization: structure, system of assessment of indicators of the state and efficiency of its use]. *Vestnik universiteta = Vestnik of the University*, 2018, no. 5, pp. 78-84.
15. Kolodina N. F. Metodika otsenka proizvodstvennogo potentsiala stroitel'noy promyshlennosti [Methodology of Evaluation of Production Potential of Enterprises of the Construction Industry]. *Naukovedenie = Science Studies*, 2014, no. 5(24), pp. 1-10.
16. Prykina L. V. Ekonomicheskii analiz predpriyatiya [Economic analysis of the enterprise]. Moscow, Dashkov and K Publ., 2018. 256 p.
17. OAO "Globus" [OAO "Globus"]. Available at: <http://www.ao-globus.ru>. (accessed 14.05.2021)
18. Godovoi otchet OAO "Globus" za 2019 god [Globus OAO "Annual Report" 2019]. Available at: <https://www.e-disclosure.ru/portal/files.aspx?id=5071&type=2>. (accessed 14.05.2021)
19. Bukhgalterskaya otchetnost' OAO "Globus" za 2020 god [Accounts of OAO "Globus" for 2020]. Available at: <https://www.e-disclosure.ru/portal/files.aspx?id=5071&type=3>. (accessed 14.05.2021)
20. Turko V. G. Analiz innovatsionnogo razvitiya metodom dinamicheskogo normativa [The analysis of innovative development by the method of dynamic normative]. *Nauka i innovatsii = Science and Innovations*, 2019, no. 3, pp. 31-37.
21. Tonkikh A. S. Etalonnaya dinamika pokazatelei ekonomicheskogo rosta dlya predpriyatii neftyanoi promyshlennosti [Benchmark dynamics of economic growth indicators for oil industry enterprises]. *Ekonomicheskii vestnik Donbassa = Economic Bulletin of Donbass*, 2015, no. 2(40), pp. 79-87.
22. Tonkikh A. S. Formirovanie upravlencheskikh reshenii na osnove dinamicheskikh normativov [Formation of managerial decisions on the basis of dynamic standards]. *Problemy teorii i praktiki upravleniya = Problems of Management Theory and Practice*, 2014, no. 3, pp. 94-102.
23. Tonkikh A. S. Povyshenie informativnosti analiza finansovykh koeffitsientov [Enhancing the Informativeness of the Analysis of Financial Ratios]. *Problemy sovremennoi ekonomiki = Problems of Modern Economics*, 2016, no. 2(58), pp. 104-108.
24. Azarskaya M. A., Pozdeev V. L. Otsenka nepreryvnosti deyatelnosti organizatsii s ispol'zovaniem metoda dinamicheskogo normativa [Assessment of the continuity of the organization using the method of dynamic standardization]. *Uchet. Analiz. Audit = Accounting. Analysis. Audit*, 2017, no. 1, pp. 24-32.
25. Kaplan R. S., Norton D. P. Sbalansirovannaya sistema pokazatelei. Ot strategii k deistviyu [Balanced Scorecard. From strategy to action]. Moscow, ZAO "Olimp-Business", 2005. 320 p.
26. Kaplan R. S., Norton D. P. Strategicheskie karty. Transformatsiya nematerial'nykh aktivov v material'nye rezul'taty [Strategic Maps. Transformation of Intangible Assets into Tangible Results]. Moscow, ZAO "Olimp-Business", 2005. 512 p.
27. Kaplan R. S., Norton D. P. Strategicheskoe edinstvo: sozdanie sinergii s pomoshch'yu sbalansirovannoi sistemy pokazatelei [Strategic unity: creating synergy through a balanced scorecard]. Moscow, Williams Publishing House, 2006. 384 p.
28. Vertakova Yu. V., Leontyev E. D., Plotnikov V. A. Otsenka vliyaniya konkurentnoi sredy na effektivnost' strategicheskogo upravleniya razvitiem malogo predpriyatiya: metodologiya i praktika [Assessment of the impact of the competitive environment on the effectiveness of strategic management of small enterprise development: methodology and practice]. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Ekonomika. Sotsiologiya. Menedzhment = Proceedings of Southwest State University. Series: Economics. Sociology. Management*, 2015, no. 2 (15), pp. 30-36.

29. Vertakova Yu. V. Razvitie sistemy indikativnogo i strategicheskogo planirovaniya pri realizatsii gosudarstvennoi ekonomicheskoi politiki na vseh urovnyakh upravleniya [Development of a system of indicative and strategic planning in the implementation of state economic policy at all levels of management]. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Ekonomika. Sotsiologiya. Menedzhment* = *Proceedings of Southwest State University. Series: Economics. Sociology. Management*, 2017, vol. 7, no. 4 (25), pp. 30-56.

30. Kryzhanovskaya O. A. Kholisticheskii podkhod k vyboru strategicheskikh prioritetov razvitiya organizatsii [A holistic approach to choosing strategic priorities for the development of the organization]. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Ekonomika. Sotsiologiya. Menedzhment* = *Proceedings of Southwest State University. Series: Economics. Sociology. Management*, 2019, vol. 9, no. 2 (31), pp. 92-105.

Информация об авторах / Information about the Authors

Беляева Татьяна Александровна, кандидат экономических наук, доцент кафедры экономики, управления и аудита, Юго-Западный государственный университет, г. Курск, Российская Федерация,
e-mail: bta.77@mail.ru,
ORCID: 0000-0002-4916-2882

Tatyana A. Belyaeva, Candidate of Economic Sciences, Associate Professor of the Department of Economics, Management and Audit, Southwest State University, Kursk, Russian Federation,
e-mail: bta.77@mail.ru,
ORCID: 0000-0002-4916-2882

Дорохова Татьяна Романовна, студент, Юго-Западный государственный университет, г. Курск, Российская Федерация,
e-mail: bta.77@mail.ru

Tatyana R. Dorokhova, Student, Southwest State University, Kursk, Russian Federation,
e-mail: bta.77@mail.ru

Козьева Ирина Александровна, кандидат экономических наук, доцент кафедры экономики, управления и аудита, Юго-Западный государственный университет, г. Курск, Российская Федерация,
e-mail: i.a.kozieva@mail.ru,
ORCID: 0000-0001-7547-3978

Irina A. Kozieva, Candidate of Economic Sciences, Associate Professor of the Department of Economics, Management and Audit, Southwest State University, Kursk, Russian Federation,
e-mail: i.a.kozieva@mail.ru,
ORCID: 0000-0001-7547-3978

УДК 336:6

Методика прогнозирования банкротства предприятий в условиях поствирусного тренда трансформации экономики

Н. В. Шашло¹ ✉, А. А. Кузубов²

¹ Владивостокский государственный университет экономики и сервиса
ул. Гоголя 41, г. Владивосток 690014, Российская Федерация

² Донской государственный технический университет
ул. Социалистическая 162, г. Ростов-на-Дону 344002, Российская Федерация

✉ e-mail: ninellssss@gmail.com

Резюме

Актуальность. Проблема банкротства актуальна для предприятий, так как в условиях поствирусного тренда трансформации экономики они находятся под угрозой снижения прибыльности, возникновения неплатежеспособности, наступления банкротства. В связи с этим актуализируются задачи разработки методических подходов к прогнозированию вероятности банкротства, результатом применения которых будет оценка риска банкротства и разработка направлений обеспечения рентабельности, финансовой устойчивости и платежеспособности.

Цель – обоснование теоретико-методических положений и разработка методики прогнозирования банкротства предприятий, функционирующих в условиях поствирусного тренда трансформации экономики.

Задачи: обобщить и систематизировать отечественную и зарубежную практику в части методологических подходов к прогнозированию финансового состояния предприятий с позиции возможного банкротства; разработать методику прогнозирования вероятности наступления банкротства, основанную на оценке потенциала предотвращения банкротства предприятий, функционирующих в условиях поствирусного тренда трансформации экономики.

Методология: системный, диалектический подходы, индукции и дедукции, анализа и синтеза, сравнения, абстрактно-логический, многофакторного прогнозирования, логического моделирования, графический метод, общенаучные методы теоретического обобщения.

Результаты. Авторами разработана методика прогнозирования банкротства предприятий, основанная на определении потенциала предотвращения банкротства с помощью метода анализа денежных потоков в обычных условиях и в кризисных (чрезвычайных) условиях осуществления хозяйственной деятельности, которая позволяет отразить влияние каждого из видов деятельности на процесс формирования совокупного денежного потока и остатка денежных средств предприятия на конкретный момент времени, а также выявить сумму резервов денежных средств, которые могут быть мобилизованы в случае возникновения форс-мажорных обстоятельств, в частности вирусных пандемий.

Выводы. Полученные авторами результаты исследования имеют теоретическую и практическую значимость, так как при их использовании в работе предприятий будет обеспечен комплексный подход к организации и методике прогнозирования вероятности наступления банкротства предприятий, основанной на оценке потенциала предотвращения банкротства и использовании результатов прогноза при реализации программ финансового оздоровления предприятий в условиях влияния кризисных факторов внешней среды.

Ключевые слова: банкротство; неплатежеспособность; финансовое состояние; денежные потоки; кризисные условия; чрезвычайные условия.

Конфликт интересов: В представленной публикации отсутствует заимствованный материал без ссылок на автора и (или) источник заимствования, нет результатов научных работ, выполненных авторами публикации лично и (или) в соавторстве, без соответствующих ссылок. Авторы декларируют отсутствие конфликта интересов, связанных с публикацией данной статьи.

Для цитирования: Шашло Н. В., Кузубов А. А. Методика прогнозирования банкротства предприятий в условиях поствирусного тренда трансформации экономики // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. 2021. Т. 11, № 4. С. 151–165.

Поступила в редакцию 11.06.2021

Принята к публикации 10.07.2021

Опубликована 31.08.2021

Methodology for Predicting Bankruptcy of Enterprises in the Context of the Post-Viral Trend of Economic Transformation

Nina V. Shashlo¹ ✉, Alexey A. Kuzubov²

¹ Vladivostok State University of Economics and Service
41 Gogolya str., Vladivostok 690014, Russian Federation

² Don State Technical University
162 Socialist str., Rostov-on-Don 344002, Russian Federation

✉ e-mail: ninellss@gmail.com

Abstract

Relevance. The problem of bankruptcy is relevant for enterprises, since in the conditions of the post-viral trend of economic transformation, they are under the threat of a decrease in profitability, the emergence of insolvency, and the onset of bankruptcy. In this regard, the tasks of developing methodological approaches to predicting the probability of bankruptcy are actualized, the result of which will be an assessment of the risk of bankruptcy and the development of directions for ensuring profitability, financial stability and solvency.

The purpose is to substantiation of theoretical and methodological provisions and development of a methodology for predicting bankruptcy of enterprises operating under the conditions of the post-viral trend of economic transformation.

Objectives: to generalize and systematize domestic and foreign practice in terms of methodological approaches to forecasting the financial condition of enterprises from the position of possible bankruptcy; to develop a methodology for predicting the likelihood of bankruptcy, based on assessing the potential for preventing bankruptcy of enterprises operating in the post-viral trend of economic transformation.

Methodology: systemic, dialectical approaches, induction and deduction, analysis and synthesis, comparison, abstract - logical, multifactor forecasting, logical modeling, graphic method, general scientific methods of theoretical generalization.

Results. The authors have developed a methodology for predicting bankruptcy of enterprises, based on determining the potential for preventing bankruptcy using the method of analyzing cash flows in normal conditions and in crisis (emergency) conditions of economic activity, which allows reflecting the impact of each of the activities on the process of forming the aggregate cash flow and cash balance. funds of the enterprise at a specific point in time, and also identify the amount of cash reserves that can be mobilized in the event of force majeure circumstances, in particular, viral pandemics.

Conclusions. The research results obtained by the authors have theoretical and practical significance, since when they are used in the work of enterprises, an integrated approach to the organization and methodology for predicting the probability of bankruptcy of enterprises will be provided, based on assessing the potential for conditions of influence of crisis factors of the external environment.

Keywords: bankruptcy; insolvency; financial condition; cash flows; crisis conditions; emergency conditions.

Conflict of interest: In the presented publication there is no borrowed material without references to the author and (or) source of borrowing, there are no results of scientific works performed by the authors of the publication, personally and (or) in co-authorship, without relevant links. The authors declares no conflict of interest related to the publication of this article.

For citation: Shashlo N. V., Kuzubov A. A. Methodology for Predicting Bankruptcy of Enterprises in the Context of the Post-Viral Trend of Economic Transformation. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Ekonomika. Sotsiologiya. Menedzhment* = Proceedings of the Southwest State University. Series: Economics, Sociology and Management. 2021; 11(4): 151–165. (In Russ.)

Received 11.06.2021

Accepted 10.07.2021

Published 31.08.2021

Введение

Условия стабильного развития деятельности предприятия формируются под влиянием различных факторов. В условиях трансформаций, происходящих в обществе на фоне глобальных вызовов, в частности в условиях поствирусного тренда трансформации экономики, задача предприятия состоит в том, чтобы постоянно определять уровень влияния внешних и внутренних факторов на осуществление хозяйственной деятельности, проводить стратегическое прогнозирование вероятности наступления тех или иных проблем или возможностей с целью адаптации к внешней среде и воздействия на нее. Система финансового менеджмента на предприятии должна оперативно реагировать на любые изменения в его деятельности, что особенно актуально в условиях поствирусного тренда трансформации экономики страны и практически невозможно без использования эффективных методов оценки риска банкротства. Как следствие, для обеспечения стабильного функционирования предприятия в условиях сложной макроэкономической ситуации необходимо осуществлять не только анализ текущего финансового состояния предприятия, но и его диагностику на предмет возможного банкротства в будущем. Для процессов банкротства характерна значительная продолжительность, которая может привести к остановке деятельности должника, потере производственного, кадрового и ресурсного потенциала, деловой репутации и партнерских связей. В связи с этим актуальное значение приобретают вопросы предотвращения банкротства, обеспечения устойчивого развития субъектов хозяйствования как основной предпосылки роста конкурентоспособности экономики. Таким образом, исследование вопросов предотвращения банкротства предприятий и опыт устранения его последствий остаются ключевыми.

Материалы и методы

Степень изученности проблемы. Процессы, связанные с банкротством предприятий, преодолением неплатежеспособности, оздоровлением (санацией) сегодня являются предметом исследований ученых и практиков. Большой вклад в исследование вышеуказанных вопросов внесли такие ученые, как Э. Альтман, Р. Таффлер, Б. Коласс, Ж. Ришар, И. А. Бланк, А. О. Архипова, В. Ф. Гранкин, И. С. Егоров, С. С. Извеков, М. В. Карташова, В. В. Ключин, А. В. Ковалева, Н. А. Ковалева, А. Н. Ряховская, Н. Н. Трушина и др. [1; 2; 3; 4; 5; 6; 7; 8; 9; 10; 11; 12; 13; 14; 15; 16]. Однако, несмотря на значительный объем накопленных в данной области знаний, не хватает системной теоретико-методологической базы для своевременной разработки и внедрения эффективных мер по предотвращению банкротства, разработки методики определения его вероятности и раннего выявления кризисных проявлений. Актуальность указанной проблематики, необходимость дальнейших разработок обусловили актуальность и выбор темы исследования, ее цель и задачи.

Цель исследования заключается в обосновании теоретико-методических положений и разработке методики прогнозирования вероятности наступления банкротства предприятий, функционирующих в условиях поствирусного тренда трансформации экономики.

Объектом исследования является процесс прогнозирования вероятности наступления банкротства предприятия. *Предметом исследования* является совокупность теоретико-методологического, методического и организационного обеспечения процесса прогнозирования вероятности наступления банкротства предприятия.

Методологическая основа исследования. Обоснование теоретических положений и аргументация выводов осуществлялись на основе применения таких

методов научного познания, как: системный подход, диалектический, индукции и дедукции, анализа и синтеза, сравнения, абстрактно-логический, многофакторного прогнозирования, логического моделирования, графический метод, общенаучные методы теоретического обобщения.

Научная новизна исследования заключается в обосновании и разработке методики прогнозирования вероятности банкротства, основанной на оценке потенциала предотвращения банкротства предприятия. Оценку вероятности банкротства предложено осуществлять путем определения потенциала предотвращения банкротства как совокупности фактических и перспективных ресурсов и наличия предпринимательских идей функционирования, позволяющих генерировать достаточные по размерам и срокам возникновения притоки денежных средств, уменьшать их оттоки, что обеспечит реструктуризацию и списание долгов, или осуществлять другие действия с целью элиминирования опасности открытия дела о банкротстве. Оценку потенциала предотвращения банкротства следует осуществлять с помощью метода анализа денежных потоков. Такой подход позволяет уже в процессе анализа смоделировать реактивные антикризисные меры оперативного характера.

Теоретическая значимость результатов исследования состоит в расширении и углублении теоретических положений по осуществлению процедур анализа вероятности наступления банкротства. Теоретико-методические положения исследования могут быть использованы для совершенствования методологического инструментария, используемого с целью оценки вероятности банкротства и при разработке программ финансового оздоровления предприятий. Положения и выводы исследования могут быть использованы в научно-исследовательской работе по изучению проблем, связанных с оценкой вероятности наступления

банкротства в разных условиях хозяйствования.

Практическая значимость результатов исследования заключается в возможности использования основных положений и рекомендаций в работе предприятий, что обеспечит комплексный подход к организации и методике прогнозирования вероятности наступления банкротства, основанной на оценке потенциала предотвращения банкротства, и использования результатов прогноза при реализации программ финансового оздоровления предприятий в условиях влияния кризисных факторов внешней среды.

Результаты и их обсуждение

Спады в развитии мировой экономики наблюдались на разных исторических этапах. В начале XXI столетия они возникали, в том числе, под влиянием пандемий гриппа и свиного гриппа в 2008-2009 гг. и вируса Эбола в 2014-2015 гг. Они имели краткосрочное влияние на мировую экономику, после чего продолжалось ее развитие с элементами обновления. Экстраполируя явления 2008-2009 гг. и 2014-2015 гг. на ситуацию с пандемией COVID-19, отметим, что спад мировой экономики в 2020 г. является более глубоким по сравнению с вышеупомянутыми кризисами. В 2020 г. на рынке наблюдалось замедление темпов роста потребительских цен на продукцию, что во многом связано с падением доходов населения. Рост издержек предприятий, девальвация рубля в условиях низкого платежеспособного спроса, режим жесткой экономии потребителей способствовали падению рентабельности производства и росту диспропорций в структуре потребления. Пандемия COVID-19 отрицательно повлияла на все отрасли, что проявилось в сокращении реальных доходов населения, увеличении безработицы, снижении деловой активности и падении спроса, получении убытков предприятиями, снижении инвестиционного потока, потере потребите-

лей, которые начали активно переключаться в рамках ценовых и товарных сегментов.

В начале 2021 г. в условиях посткризисного тренда трансформации экономики возникают новые феномены и явления, риски и угрозы, под влиянием которых предприятия вынуждены путем антикризисного управления корректировать свои планы финансового оздоровления, стратегии и проекты развития. Необходимым условием осуществления эффективного антикризисного менеджмента на предприятии является анализ возможности наступления банкротства. Такой анализ следует осуществлять в рамках оценки потенциала предотвращения банкротства. Потенциалом предотвращения банкротства, по нашему мнению, является совокупность фактических и перспективных финансовых, материальных, кадровых ресурсов, инновационных предпринимательских решений, позволяющих предприятию генерировать достаточные по размерам и срокам возникновения притоки денежных средств, уменьшать их оттоки, обеспечивать реструктуризацию и списание долгов, осуществлять другие меры с целью исключения опасности открытия дела о банкротстве.

Основываясь на результатах исследования существующих моделей определения вероятности банкротства [8; 9; 11; 14; 17; 18], можно утверждать, что разработка методики прогнозирования вероятности наступления банкротства для отдельного предприятия должна осуществляться на основе метода анализа денежных потоков. При этом исследование денежных потоков заключается в определении основных источников притоков и направлений оттоков средств, изучении объемов и структуры доходов и расходов, анализе динамики притоков и оттоков средств в разрезе отдельных видов деятельности, размещении во времени отдельных лиц, сравнении по объемам и времени входящих и исходящих потоков,

их синхронности и сбалансированности. Оценка потенциала предотвращения банкротства должна базироваться на результатах осуществления мониторинга условий функционирования и определения возможностей и последствий взаимодействия внешних и внутренних факторов [19]. Расчеты должны дать представление не только о будущем движении денежных потоков, динамике суммы активов предприятия, позволить спрогнозировать возможность банкротства, определить время наступления критической ситуации (неплатежеспособности), продолжительность интервала времени защищенности от риска, но и определить общую сумму необходимого дополнительного притока средств и возможные направления его получения. Алгоритм осуществления оценки потенциала предотвращения банкротства представлен на рисунке.

Промежуточными результатами оценки являются планы денежных потоков. Результаты оценки потенциала предотвращения банкротства должны служить ориентиром при принятии следующих управленческих, в том числе и антикризисных, решений [20]. Первым этапом оценки потенциала предотвращения банкротства предприятия является формирование плана притоков и оттоков средств при обычных условиях хозяйствования. Ориентировочный перечень таких притоков средств отражен ниже (табл. 1).

Под обычными условиями хозяйствования понимаем такие условия деятельности, при которых предприятие не нуждается в специально разработанных антикризисных мерах, четко придерживается требований платежной дисциплины, привлечение средств из внешних источников (собственники, инвесторы, кредиторы) является заранее запланированным и экономически выгодным, а привлеченные средства используются на инвестирование увеличения масштабов деятельности [21].

Рис. Алгоритм оценки потенциала предотвращения банкротства предприятия

Таблица 1. Перечень и состав притоков средств в обычных условиях осуществления хозяйственной деятельности

Приток средств	Состав притока средств
1. Денежные притоки от хозяйственной деятельности в обычных условиях, <i>IF_{EA}^{ord}</i>	
Поступление средств от основной деятельности за текущий период	Объем общей выручки, полученной от реализации продукции, выполнения работ, оказания услуг в текущем периоде
Обычная оплата дебиторской задолженности прошлых периодов	Поступление средств от реализации продукции, оказания услуг, выполнения работ, имело место в предыдущих периодах
Другие операционные поступления	Поступления лизинговых платежей (арендной платы), средства от реализации отходов и т. д.
Полученные доходы от финансовой деятельности	Поступление средств в виде процентов, дивидендов, реализации форвардных и фьючерсных сделок
Плановая продажа активов	Поступления от плановой продажи собственных активов: имущественных комплексов, основных средств, нематериальных, оборотных активов (производственных запасов, валютных ценностей)
Получение штрафных санкций	Поступление средств в виде пени, неустойки, страхового возмещения, возмещение убытков и т. д.
Другое получение средств	Возврат предоставленных займов, получение средств от недействительных сделок, возмещение ранее списанных активов и прочих возврат средств

Окончание табл. 1

Приток средств	Состав притока средств
2. Привлечение средств в обычных условиях деятельности, IF_{AL}^{ord}	
Притоки от эмиссии ценных бумаг	Поступление средств от продажи ценных бумаг
Вложение средств собственниками	Поступление средств от собственников предприятия
Привлечение средств целевого финансирования	Получение средств из государственного и местного бюджетов, внебюджетных фондов и негосударственных организаций в рамках финансирования соответствующих программ
Привлечение заемных средств, IF_{FI}^{ord}	Поступления от эмиссии долговых ценных бумаг, получение банковских краткосрочных и долгосрочных кредитов, займов других организаций
Другое привлечение средств	Получение средств из других источников, в т. ч. благотворительные, добровольные взносы

Следующим шагом анализа является идентификация возможных оттоков средств предприятий при обычных условиях осуществления хозяйственной деятельности. Все оттоки средств целесооб-

разно делить на оттоки средств, связанные с формированием налогооблагаемой прибыли; оттоки средств при распределении прибыли. Перечень расходов отражен ниже (табл. 2).

Таблица 2. Перечень и состав оттоков средств в обычных условиях хозяйственной деятельности

Отток средств	Состав оттока средств
1. Оттоки средств, связанные с формированием налогооблагаемой прибыли в обычных условиях деятельности, OF_{FI}^{ord}	
Косвенные налоги и вычеты	Перечисление в бюджет сумм налогов, сумм предоставленных скидок и стоимость возврата продукции
Расходы на формирование производственных запасов	Текущие выплаты средств на сырье, материалы, комплектующие изделия
Расходы на энергию и топливо на технологические цели	Оплата за электрическую, тепловую и другие виды энергии и топлива на технологические цели
Расходы на оплату труда основных производственных рабочих	Сумма текущих выплат зарплаты основным производственным рабочим
Отчисления на социальные нужды	Отчисления в фонды
Другие операционные выплаты	Другие оттоки средств в процессе производства
Общепроизводственные расходы	Расходы на управление производством, за исключением амортизационных отчислений
Административные расходы	Общехозяйственные расходы для обслуживания и управления без амортизационных отчислений
Коммерческие расходы	Оттоки средств, связанные с коммерческой деятельностью предприятия
Выплата процентов по долговым обязательствам	Выплата процентов по заемным средствам

Отток средств	Состав оттока средств
Налоги из прибыли	Выплата начисленных налогов из прибыли
Налог на прибыль	Выплата начисленного налога на прибыль предприятия
2. Оттоки средств при распределении прибыли в обычных условиях деятельности, OF_{DI}^{ord}	
Возврат основной суммы долга	Погашение основной суммы долга по кратко- и долгосрочным кредитам и займам
Погашение просроченной кредиторской задолженности прошлых периодов	Возврат сумм текущей задолженности, срок погашения которой приходится на предыдущие периоды
Выплата штрафных санкций	Оплата признанных штрафных санкций за нарушение условий договоров и деятельности
Выплаты средств, связанных со стимулированием персонала	Расходы средств на стимулирование персонала, которые не могут быть отнесены на себестоимость продукции
Выплаты собственникам	Средства в виде процентов, возврат вкладов учредителям
Инвестиции	Плановые (в том числе антикризисного направления) вложения средств в: 1) приобретение основных средств и нематериальных активов; 2) формирование долгосрочных финансовых вложений; 3) формирование портфеля краткосрочных финансовых активов; 4) другое вложение средств (программы повышения квалификации персонала, изменения организационной структуры и т. д.)
Другие расходы средств	Другие расходы средств, связанные с распределением прибыли

После формирования перечня, объемов и хронологического порядка получения входящих и выплаты выходящих денежных потоков предприятия осуществляется оценка соответствия притоков средств их расходам по объемам и времени возникновения с расчетом сальдовой суммы чистого потока денежных средств как разницы между суммой денежных притоков и суммой денежных оттоков при обычных условиях осуществления хозяйственной деятельности. После этого сумма чистого денежного потока за период корректируется на остаток свободных денежных средств на начало анализируемого периода и формируется показатель переходящего остатка свободных денежных средств на начало следующего планового периода. Такие расчеты целесообразно представить в агрегированном виде (табл. 3).

При получении положительного чистого денежного потока, положительного или нулевого переходящего остатка свободных денежных средств, при отсутствии кризисных сфер управления вероятность банкротства предприятия (p_{bank}) в течение планового периода признается незначительной:

$$NF_{ord} \geq 0 \vee R_{ord} \geq 0; \Rightarrow p_{bank} \rightarrow 0. \quad (1)$$

В этом случае антикризисная деятельность предприятия ограничивается отслеживанием результатов хозяйственного процесса и мониторингом внутренних и внешних условий функционирования. При наличии кризисных сфер управления, при отрицательном значении чистого денежного потока осуществляется разработка превентивных антикризисных мер с определением их общих направлений и источников финансирования.

Таблица 3. Агрегированные данные анализа потоков денежных средств в обычных условиях деятельности

Параметры потока средств	Формула расчета
Остаток свободных денежных средств на начало периода, R_{beg}	
Притоки средств в обычных условиях хозяйствования, IF^{ord}	$IF^{ord} = IF_{EA}^{ord} + IF_{AL}^{ord}$
Оттоки средств при обычных условиях хозяйствования, OF^{ord}	$OF^{ord} = OF_{FI}^{ord} + OF_{DI}^{ord}$
Чистый поток денежных средств при обычных условиях хозяйствования, NF^{ord}	$NF^{ord} = IF^{ord} - OF^{ord}$
Переходящий остаток свободных денежных средств на конец периода, R_{end}^{ord}	$R_{end}^{ord} = R_{beg} + NF^{ord}$

При несоответствии денежных притоков их оттокам по времени возникновения и объемами появляется вероятность наступления неплатежеспособности предприятия в течение рассматриваемого периода, в этом случае необходимо продолжить процесс оценки потенциала предотвращения банкротства.

Следующим шагом оценки является идентификация направлений и анализ возможности санирования денежных потоков предприятия, предусматривающий увеличение притоков и уменьшение оттоков средств в кризисных (чрезвычайных) условиях функционирования, в частности в условиях поствирусного тренда трансформации экономики.

Под кризисными (чрезвычайными) условиями функционирования понимаем такие условия деятельности, при которых предприятие оказывается перед необходимостью срочной разработки и внедрения специальных антикризисных мер, направленных на недопущение своего банкротства в ближайшем будущем, без привлечения внешнего санатора или тогда, когда такое санирование не предусматривает значительные изменения в структуре собственников. На данной стадии антикризисного управления параллельно с оценкой потенциала предотвращения банкротства моделируется план реактивных антикризисных мер.

С целью эффективного управления процессом формирования выходящих потоков денежных средств необходимы

анализ задолженности предприятия и классификация поставщиков ресурсов, прочих кредиторов по степени потенциальной угрозы и важности для должника. При отнесении кредитора к определенной группе следует учитывать такие его характеристики, как [22]:

- 1) параметры долга (общая сумма, структура, срок оплаты, гарантированность возврата средств и штрафные санкции);
- 2) степень враждебности намерений кредитора в отношении должника (наличие судебных исков, принадлежность к конкурентам, попытки экономического захвата);
- 3) важность кредитора для дальнейшего функционирования должника;
- 4) важность должника для кредитора.

В зависимости от значений перечисленных параметров кредитор может быть отнесен к одной из трех групп:

1. Кредиторы, требующие повышенного внимания.
2. Ординарные кредиторы.
3. Незаинтересованные в банкротстве должника кредиторы.

Ранжирование кредиторов предприятия по степени их потенциальной угрозы и важности позволяет установить очередность выплат средств в случае их недостаточности по объемам и срокам возникновения.

Перечень денежных потоков от деятельности в чрезвычайных условиях и ходе их анализа при определении потенциала предотвращения банкротства представлен ниже (табл. 4).

Таблица 4. Денежные потоки от деятельности в кризисных (чрезвычайных) условиях и определение потенциала предотвращения банкротства

Параметры денежных потоков
1. Чистый поток денежных средств от деятельности при обычных условиях NF^{ord}
2.+ Использование остатка свободных средств и накоплений
3.+ Увеличение входных потоков средств, связанных с операционной деятельностью
4.+ Сокращение и отсрочки расходов: а) связанных с распределением прибыли; б) связанных с формированием прибыли
5.+ Ликвидация активов: а) сверхплановая инкассация дебиторской задолженности; б) ликвидация портфеля финансовых вложений; в) продажа внеоборотных активов; г) продажа оборотных активов
6.+ Сокращение оттоков в результате реструктуризации задолженности: а) предоставление отсрочки; б) двусторонний взаимозачет долгов; в) многосторонний взаимозачет долгов; г) приобретение дисконтированных требований к кредитору с последующим взаимозачетом; д) оплата банковским векселем; е) иные действия
7.+ Сокращение выплат ординарным и незаинтересованным в банкротстве должнику кредиторам в результате переноса сроков оплаты, IF_{pe}^{ext}
8.+ Привлечение средств: а) целевого финансирования; б) добровольные взносы владельцев; в) эмиссия долевых ценных бумаг; г) получения заемных средств, IF_{fz}^{ext}
9. Итого дополнительных притоков средств от деятельности в чрезвычайных условиях (сумма строк 2-8), IF^{ext}
10. - Дополнительные выплаты в чрезвычайных условиях деятельности, OF^{ext} : а) транзакционные издержки; б) возврат основной суммы долга; в) выплаты процентов; г) выплаты на приобретение активов; д) расходы на выплату лизинговых платежей; е) осуществление отложенных выплат; ж) другие дополнительные расходы
11. Итоговое сальдо денежных потоков с учетом деятельности в чрезвычайных условиях: $S_{ext} = NF_{ord} + IF_{ext} - OF_{ext}$

Итоговое сальдо денежных потоков по предприятию с учетом чрезвычайных мероприятий (S_{ext}) является важным параметром потенциала предприятия по предотвращению банкротства, ведь его положительное значение показывает

сумму резервов денежных средств, которые могут быть мобилизованы в случае возникновения форс-мажорных обстоятельств; отрицательное значение определяет дефицит средств, который следует

покрыть за счет других, менее выгодных источников.

В случае положительного значения итогового сальдо вероятность банкротства предприятия признается средней, а потенциал предотвращения банкротства – достаточным, т. е.

$$S_{ext} \geq 0; \Rightarrow p_{bank} \in (0; 1). \quad (2)$$

Если же дополнительных денежных притоков от чрезвычайной деятельности с учетом дополнительных оттоков не хватает для полного покрытия дефицита средств (отрицательной сальдовой суммы денежных потоков от обычной деятельности за период), то вероятность банкротства предприятия высока ($p_{bank} \rightarrow 1$), а потенциал предотвращения банкротства недостаточный.

В этом случае отрицательное значение S_{ext} показывает минимальную необходимую сумму привлечения средств из внешних источников финансирования, что требует значительных изменений в структуре собственников или получения заемных средств на экономически невыгодных условиях.

Также возможна ситуация, когда сумма дефицита средств (просроченных платежей) меньше минимальной суммы требований, необходимых для получения права подачи заявления о банкротстве должника или срок просрочки является меньше трех месяцев. В таком случае должник получает временной интервал технической защищенности, в течение которого он огражден от судебного рассмотрения дела.

В случае же значительного недостатка денежных потоков и отсутствия достаточной суммы других менее ликвидных активов, которые могут быть направлены на погашение долгов, банкротство предприятия является неизбежным ($p_{bank} = 1$).

Важной характеристикой потенциала предотвращения банкротства является его качество, которое определяется структурой денежных потоков предприятия. При этом качество потенциала предотвращения банкротства может служить одним из индикаторов эффективности функционирования предприятия в целом.

Показатели, характеризующие качество потенциала предотвращения банкротства, представлены ниже (табл. 5).

Таблица 5. Показатели оценки качества потенциала предотвращения банкротства предприятия

Показатель	Формула расчета	Положительная тенденция
Качество потенциала по удельному весу притоков средств в обычных условиях хозяйствования в общей сумме притоков средств Q_{OI}	$Q_{OI} = \frac{IF^{ord}}{IF^{ord} + IF^{ext}}$	$Q_{OI} \rightarrow 1$
Качество потенциала по удельному весу привлеченных из заемных источников средств Q_L	$Q_L = \frac{1 - IF_1^{ord} + IF_1^{ext}}{IF^{ord} + IF^{ext}}$	$Q_L \rightarrow 1$
Величина резерва потенциала (отношение объема конечного переходящего остатка денежных средств на конец планового периода (итоговое сальдо денежных потоков по предприятию с учетом деятельности в чрезвычайных условиях) к совокупной сумме денежных оттоков по период Q_R)	Если $NF^{ord} \geq 0 \vee R_{end} \geq 0$, то $Q_R = \frac{R_{end}}{OF^{ord}}$ Если $R_{end} \leq 0$, то $Q_R = \frac{S_{ext}}{OF^{ord} + OF^{ext}}$	$Q_R \rightarrow \infty$

При этом качество потенциала предотвращения банкротства признается высоким, если в структуре совокупных притоков преобладают притоки средств от осуществления хозяйственной деятельности в обычных условиях, доля средств из заемных источников невелика и получен положительный переходящий остаток свободных денежных средств.

Выводы

Таким образом, проведенные исследования позволяют сделать вывод о том, что прогнозирование вероятности наступления банкротства предприятия целесообразно осуществлять путем определения потенциала предотвращения банкротства как совокупности фактических и перспективных ресурсов и наличия предпринимательских идей функционирования, позволяющих генерировать достаточные по размерам и срокам возникновения притоки денежных средств, уменьшать их оттоки, обеспечивать реструктуризацию и списание долгов или осуществлять другие действия с целью элиминирования опасности открытия дела о банкротстве.

Разработанная методика прогнозирования вероятности наступления банкротства, основанная на определении потенциала предотвращения банкротства с помощью метода анализа денежных потоков в обычных условиях и в кризисных (чрезвычайных) условиях осуществления хозяйственной деятельности, в частности в условиях поствирусного тренда трансформации экономики, позволяет отразить влияние каждого из видов деятельности

на процесс формирования совокупного денежного потока и остатка денежных средств предприятия на конкретный момент времени, а также выявить сумму резервов денежных средств, которые могут быть мобилизованы в случае возникновения форс-мажорных обстоятельств, в частности вирусных пандемий.

Внедрение предлагаемой методики прогнозирования банкротства на предприятиях является необходимым и своевременным в рыночных условиях, поскольку, планируя и анализируя денежные потоки, предприятие сможет обеспечивать себя абсолютно ликвидными активами и избегать банкротства. Исключительное значение для успеха управления денежными средствами играет анализ прогнозирования денежных потоков от деятельности в обычных условиях и кризисных (чрезвычайных) условиях хозяйствования, выявление резервов денежных средств, которые могут быть мобилизованы в случае возникновения форс-мажорных обстоятельств.

Реализация сформулированных предложений будет способствовать улучшению проведения анализа прогнозирования вероятности наступления банкротства на предприятии, повышению качества управления денежными потоками, что в свою очередь обеспечит высокий уровень финансовой устойчивости и платежеспособности и поможет достичь высокого уровня финансового равновесия в текущем и долгосрочном периодах с учетом влияния факторов экзогенного типа и эндогенного типа.

Список литературы

1. Архипова А. О. Понятие и виды процедур несостоятельности (банкротства) // *Colloquium-journal*. 2020. № 23-2 (75). С. 49-51.
2. Гранкин В. Ф., Марченкова И. Н., Удовикова А. А. Сравнительный анализ российских и зарубежных методик прогнозирования вероятности банкротства // *Вестник Курской государственной сельскохозяйственной академии*. 2018. № 5. С. 169-176.
3. Егоров И. С., Букреев А. В. Применение модели Альтмана для оценки вероятности банкротства предприятия // *Экономика и социум*. 2019. № 1-1 (56). С. 468-471.
4. Егоров И. С., Лупандин В. В. Сравнение моделей Р. Таффлера и У. Бивера при оценке банкротства предприятия // *Теория и практика современной науки*. 2019. № 1 (43). С. 231-234.

5. Извеков С. С. Налогообложение при банкротстве организации: проблемы теории и практики: монография. М.: Юрлитинформ, 2020. 152 с.
6. Карташова М. В. Эконометрическое моделирование оценки вероятности банкротства предприятий // *Colloquium-journal*. 2019. № 14-6 (38). С. 46-48.
7. Ключин В. В., Баулина О. А., Генералов К. П. Совершенствование теоретико-методических основ формирования стратегии антикризисного развития предприятия: монография / Волгоградский государственный технический университет. Волгоград, 2019. 149 с.
8. Ковалева А. В. Модели вероятности банкротства как способ оценки эффективности управления корпоративными финансами // *Вестник науки*. 2019. Т. 4, № 5 (14). С. 30-33.
9. Ковалева Н. А., Камбулов С. В., Леонова К. И. Модели оценки вероятности банкротства // *Вектор экономики*. 2019. № 10 (40). С. 33.
10. Банкротство и финансовое оздоровление субъектов экономики: монография / А. Н. Ряховская [и др.]; под ред. А. Н. Ряховской. М.: Юрайт, 2019. 153 с.
11. Трушина Н. Н. Сравнительная характеристика моделей оценки вероятности банкротства предприятия // *Экономика и бизнес: теория и практика*. 2020. № 9-2 (67). С. 113-118.
12. Костина О. И., Черкашина А. И. Методы диагностики банкротства коммерческих организаций // *Наука и образование: проблемы, идеи, инновации*. 2018. № 1 (4). С. 90-94.
13. Старцев П. В., Саркисова Р. А. Способы диагностики риска банкротства предприятия // *Факторы успеха*. 2017. № 2 (9). С. 74-77.
14. Магомедова М. Н. Зарубежные модели оценки финансового состояния и диагностики банкротства организации // *Вестник современных исследований*. 2018. № 4.2 (19). С. 466-470.
15. Шевчук И. А., Котелевская Ю. В., Нехайчук Д. В. Методологические подходы к управлению санацией и ранней диагностике банкротства как элементам антикризисного управления // *Вестник Алтайской академии экономики и права*. 2019. № 10-1. С. 153-159.
16. Фролова В. Б., Шпак С. В. Оценка прогностической достоверности моделей прогнозирования банкротства // *Экономика. Бизнес. Банки*. 2019. № 2 (29). С. 136-147.
17. Стельмах В. С. Классификация моделей оценки банкротства в системе риск-менеджмента предприятия // *Globaland Regional Research*. 2019. Т. 1, № 2. С. 191-196.
18. Кучерова А. А. Методические аспекты процесса диагностики банкротства предприятий // *Бенефициар*. 2018. № 21. С. 41-45.
19. Аль-Равашдех А. М. Д., Шашло Н. В. Цикл управления формированием и эффективностью использования экономического потенциала предприятия // *Азимут научных исследований: экономика и управление*. 2017. Т. 6, № 3 (20). С. 26-29.
20. Кузубов А. А. Оценка принятия управленческих решений в условиях кризиса // *Азимут научных исследований: экономика и управление*. 2020. Т. 9, № 4 (33). С. 191-194.
21. Леонова Н. Г., Кузнецова М. И. Модель комплексной оценки риска банкротства предприятия // *Ученые заметки ТОГУ*. 2020. Т. 11, № 1. С. 169-173.
22. Экономика и управление в современных условиях: теория, методология, практика: монография / А. Ю. Яковлева-Чернышева [и др.]; под общей ред. А. Ю. Яковлевой-Чернышевой. Сочи: Международный инновационный университет, 2017. 135 с.

References

1. Arhipova A. O. Ponjatie i vidy procedur nesostojatel'nosti (bankrotstva) [The concept and types of insolvency (bankruptcy) procedures]. *Colloquium-Journal*, 2020, no. 23-2 (75), pp. 49-51.
2. Grankin V. F., Marchenkova I. N., Udovikova A. A. Sravnitel'nyj analiz rossijskih i zarubezhnyh metodik prognozirovaniya verojatnosti bankrotstva [Comparative analysis of Russian and foreign methods of predicting the probability of bankruptcy]. *Vestnik Kurskoj gosudarstvennoj sel'skohozjajstvennoj akademii = Bulletin of the Kursk State Agricultural Academy*, 2018, no. 5, pp. 169-176.
3. Egorov I. S., Bukreev A. V. Primenenie modeli Al'tmana dlja ocenki verojatnosti bankrotstva predpriyatija [Application of the Altman model for assessing the probability of bankruptcy of an enterprise]. *Jekonomika i socium = Economics and Society*, 2019, no. 1-1 (56), pp. 468-471.

4. Egorov I. S., Lupandin V. V. Sravnenie modelej R. Tafflera i U. Bivera pri ocenke bankrotstva predpriyatija [Comparison of the models of R. Taffler and W. Beaver in assessing the bankruptcy of an enterprise]. *Teorija i praktika sovremennoj nauki = Theory and Practice of Modern Science*, 2019, no. 1 (43), pp. 231-234.
5. Izvekov S. S. Nalogooblozhenie pri bankrotstve organizacii: problem teorii i praktiki [Taxation in case of bankruptcy of an organization: problems of theory and practice]. Moscow, Yurlitinform Publ., 2020. 152 p.
6. Kartashova M. V. Jekonometricheskoe modelirovanie ocenki verojatnosti bankrotstva predpriyatij [Econometric modeling of assessing the probability of bankruptcy of enterprises]. *Colloquium-Journal*, 2019, no. 14-6 (38), pp. 46-48.
7. Kljushin V. V., Baulina O. A., Generalov K. P. Sovershenstvovanie teoretiko-metodicheskikh osnov formirovaniya strategii antikrizisnogo razvitiya predpriyatija [Improving the theoretical and methodological foundations of the formation of an enterprise anti-crisis development strategy]. Volgograd, Volgogradskij gosudarstvennyj tehničeskij universitet Publ., 2019. 149 p.
8. Kovaleva A. V. Modeli verojatnosti bankrotstva kak sposob ocenkijeffektivnosti upravlenija korporativnymi finansami [Models of bankruptcy probability as a way to assess the effectiveness of corporate finance management]. *Vestnik nauki = Bulletin of Science*, 2019, vol. 4, no. 5 (14), pp. 30-33.
9. Kovaleva N. A., Kambulov S. V., Leonova K. I. Modeli ocenki verojatnosti bankrotstva [Models for assessing the probability of bankruptcy]. *Vektorj ekonomiki = Vector of Economics*, 2019, no. 10 (40), pp. 33.
10. Rjahovskaja A. N., eds. Bankrotstvo i finansovoe ozdorovlenie sub'ektov jekonomiki [Bankruptcy and financial recovery of economic entities]; ed. by A. N. Rjahovskoj. Moscow, Jurajt Publ., 2019. 153 p.
11. Trushina N. N. Sravnitel'naja harakteristika modelej ocenki verojatnosti bankrotstva predpriyatija [Comparative characteristics of models for assessing the probability of bankruptcy of an enterprise]. *Jekonomika i biznes: teorija i praktika = Economics and Business: Theory and Practice*, 2020, no. 9-2 (67), pp. 113-118.
12. Kostina O. I., Cherkashina A. I. Metody diagnostiki bankrotstva kommerčeskikh organizacij [Methods of diagnosing bankruptcy of commercial organizations]. *Nauka i obrazovanie: problemy, idei, innovacii = Science and Education: Problems, Ideas, Innovations*, 2018, no. 1 (4), pp. 90-94.
13. Starcev P. V., Sarkisova R. A. Sposoby diagnostiki riska bankrotstva predpriyatija [Methods of diagnosing the risk of bankruptcy of an enterprise]. *Faktory uspeha = Success Factors*, 2017, no. 2 (9), pp. 74-77.
14. Magomedova M. N. Zarubezhnye modeli ocenki finansovogo sostojanija i diagnostikibankrotstvaorganizacii [Foreign models for assessing the financial condition and diagnosing the bankruptcy of an organization]. *Vestnik sovremennyh issledovanij = Bulletin of Modern Research*, 2018, no. 4.2 (19), pp. 466-470.
15. Shevchuk I. A., Kotelevskaja Ju. V., Nehajchuk D. V. Metodologicheskie podhody k upravleniju sanaciej i rannej diagnostike bankrotstva kak jelementam antikrizisnogo upravlenija [Methodological approaches to the management of rehabilitation and early diagnosis of bankruptcy as elements of anti-crisis management]. *Vestnik Altajskoj akademii jekonomiki i prava = Bulletin of the Altai Academy of Economics and Law*, 2019, no. 10-1, pp. 153-159.
16. Frolova V. B., Shpak S. V. Ocenka prognostičeskoy dostovernosti modelej prognozirovaniya bankrotstva [Estimation of prognostic reliability of bankruptcy forecasting models]. *Jekonomika. Biznes. Banki = Economy. Business. Cans*, 2019, no. 2 (29), pp. 136-147.
17. Stel'mah V. S. Klassifikacija modelej ocenki bankrotstva v sisteme risk-menedzhmenta predpriyatija [Classification of bankruptcy assessment models in the enterprise risk management system]. *Global and Regional Research*, 2019, vol. 1, no. 2, pp. 191-196.
18. Kucheroва A. A. Metodicheskie aspekty processa diagnostiki bankrotstva predpriyatij [Methodological aspects of the process of diagnostics of bankruptcy]. *Beneficiar = Beneficiary*, 2018, no. 21, pp. 41-45.
19. Al'-Ravashdeh A. M. D., Shashlo N. V. Cikl upravlenija formirovaniem i jeffektivnost'ju ispol'zovaniyaj ekonomičeskogo potenciala predpriyatija [management Cycle formation and efficient use

of economic potential of an enterprise]. *Azimut nauchnyh issledovanij: jekonomika i upravlenie = Azimuth of Scientific Research: Economics and Management*, 2017, vol. 6, no. 3 (20), pp. 26-29.

20. Kuzubov A. A. Ocenka prinjatija upravlencheskih reshenij v uslovijahkrizisa [Assessment of managerial decision-making in a crisis]. *Azimut nauchnyh issledovanij: jekonomika i upravlenie = Azimuth of Scientific Research: Economics and Management*, 2020, vol. 9, no. 4 (33), pp. 191-194.

21. Leonova N. G., Kuznecova M. I. Model' kompleksnoj ocenki riska bankrotstva predpriyatija [Model of complex assessment of the risk of bankruptcy of an enterprise]. *Uchenyiezametki TOGU = Scientific Notes of TOGU*, 2020, vol. 11, no. 1, pp. 169-173.

22. Jakovleva-Jaernysheva A. Ju., eds. Jekonomika i upravlenie v sovremennyh uslovijah: teorija, metodologija, praktika [Economics and management in modern conditions: theory, methodology, practice]; ed. by A. Ju. Jakovlevoj-Chernyshevoj. Sochi, Mezhdunarodnyj innovacionny juniversitet Publ., 2017. 135 p.

Информация об авторах / Information about the Authors

Шашло Нина Владимировна, кандидат экономических наук, заведующий отделом аспирантуры и докторантуры, Владивостокский государственный университет экономики и сервиса, г. Владивосток, Российская Федерация,
e-mail: ninellss@gmail.com,
ORCID: 0000-0002-6714-4952,
SPIN: 8045-6232,
Author ID: 821651,
Researcher ID: C-7360-2016,
Scopus ID: 57191963488

Nina V. Shashlo, Candidate of Economic Sciences, Head of the Department of Postgraduate and Doctoral Studies, Vladivostok State University of Economics and Service, Vladivostok, Russian Federation,
e-mail: ninellss@gmail.com,
ORCID: 0000-0002-6714-4952,
SPIN: 8045-6232,
Author ID: 821651,
Researcher ID: C-7360-2016,
Scopus ID: 57191963488

Кузубов Алексей Алексеевич, кандидат экономических наук, доцент кафедры экономики, Донской государственный технический университет, г. Ростов-на-Дону, Российская Федерация,
e-mail: alexceyk@gmail.com,
ORCID: 0000-0002-6714-4952,
SPIN: 8045-6232,
Author ID: 821651,
Researcher ID: C-7360-2016,
Scopus ID: 57191963488

Alexey A. Kuzubov, Candidate of Economic Sciences, Associate Professor of the Department of Economics, Don State Technical University, Rostov-on-Don, Russian Federation,
e-mail: alexceyk@gmail.com,
ORCID: 0000-0002-6714-4952,
SPIN: 8045-6232,
Author ID: 821651,
Researcher ID: C-7360-2016,
Scopus ID: 57191963488

ПРИОРИТЕТЫ РАЗВИТИЯ МАРКЕТИНГОВОЙ И ЛОГИСТИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

DEVELOPMENT PRIORITIES OF MARKETING AND LOGISTICS ACTIVITIES

Оригинальная статья / Original article

УДК 339.138

Особенности формирования цифровых и нецифровых маркетинговых стратегий при управлении организацией в условиях глобализации

М. С. Киреева¹ ✉, М. Г. Клевцова¹, А. Л. Чулакова²

¹ Юго-Западный государственный университет
ул. 50 лет Октября 94, г. Курск 305040, Российская Федерация

² Курский филиал Финансового университета при Правительстве Российской Федерации
ул. Ломоносова 3, г. Курск 305016, Российская Федерация

✉ e-mail: kireeva0111@yandex.ru

Резюме

Актуальность. В данной статье большое внимание уделяется этапам реализации маркетинговой стратегии развития организации в условиях глобализации. В контексте глобализации концепция 4-P подвергается кардинальным изменениям, что отражается не только на этапах формирования стратегии, но и на целях, которые они преследуют. В статье проводится классификация маркетинговых стратегий согласно их целям с учётом дифференциации на цифровые и нецифровые стратегии. Авторами осуществлен детальный анализ существующих маркетинговых стратегий, их сущности и способов реализации.

Целью исследования является анализ особенностей формирования цифровых и нецифровых маркетинговых стратегий развития организации в условиях глобализации и цифровизации.

Задачи. Достижение поставленной цели предопределило решение следующих задач: проведение анализа изменений на рынке рекламы, появившихся в результате глобализации, и определение их отличительных особенностей; отражены основные этапы формирования маркетинговых стратегий в контексте глобального экономического пространства; были даны определения маркетинговой стратегии с учётом мнения различных авторов.

Методология. Основой исследования являются методы рейтингового и статистического анализа данных, экспертной оценки, индукции, дедукции, синтеза, другие общенаучные методы, а также набор методов маркетинговых исследований.

Результаты. К полученным в ходе исследования результатам представляется необходимым отнести: анализ ряда определений маркетинговых стратегий, характеристику каждого этапа формирования маркетинговых стратегий, а также дифференциацию цифровых и нецифровых маркетинговых стратегий с отражением их основных особенностей.

Выводы. В заключение сделаны выводы о том, что существующие маркетинговые стратегии развития организаций стремительно изменяются в контексте непрерывной глобализации. Организациям необходимо учитывать новые особенности формирования маркетинговых стратегий для осуществления эффективного продвижения своих товаров и услуг.

Ключевые слова: маркетинг; маркетинговая стратегия; эффективность маркетинговой стратегии; цифровизация; глобализация; digital-реклама.

© Киреева М. С., Клевцова М. Г., Чулакова А. Л., 2021

Конфликт интересов: В представленной публикации отсутствует заимствованный материал без ссылок на автора и (или) источник заимствования, нет результатов научных работ, выполненных авторами публикации лично и (или) в соавторстве, без соответствующих ссылок. Авторы декларируют отсутствие конфликта интересов, связанных с публикацией данной статьи.

Финансирование: Исследование выполнено при поддержке гранта Президента РФ по государственной поддержке ведущих научных школ РФ № НШ-2702.2020.6 «Концептуальные основы новой парадигмы экономического развития в эпоху технологической и социальной трансформации».

Для цитирования: Киреева М. С., Клевцова М. Г., Чулакова А. Л. Особенности формирования цифровых и нецифровых маркетинговых стратегий при управлении организацией в условиях глобализации // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. 2021. Т. 11, № 4. С. 166–180.

Поступила в редакцию 29.05.2021

Принята к публикации 30.06.2021

Опубликована 31.08.2021

Features of Digital and Non-Digital Marketing Strategies when Managing an Organization in a Globalized Environment

Maria S. Kireeva¹ ✉, Maria G. Klevtsova², Alexandra L. Chulakova³

¹ Southwest State University
50 Let Oktyabrya str. 94, Kursk 305040, Russian Federation

³ Kursk Branch of the Financial University under the Government of the Russian Federation
3 Lomonosova str., Kursk 305016, Russian Federation

✉ e-mail: kireeva0111@yandex.ru

Abstract

Relevance. In this article, much attention is paid to the stages of implementation of the marketing strategy for the development of an organization in the context of globalization. In the context of globalization, the 4-P concept is undergoing cardinal changes, which is reflected not only at the stages of strategy formation, but also in the goals they pursue. The article classifies marketing strategies according to their goals, taking into account the differentiation into digital and non-digital strategies. The authors carried out a detailed analysis of existing marketing strategies, their essence and methods of implementation.

The **purpose** of the study is to analyze the features of the formation of digital and non-digital marketing strategies for the development of an organization in the context of globalization and digitalization.

Objectives. Achievement of the purpose predetermined the solution of the following tasks: analysis of changes in the advertising market that appeared as a result of globalization and determination of their distinctive features; the main stages of the formation of marketing strategies in the context of the global economic space are reflected; the definitions of the marketing strategy were given taking into account the opinions of various authors.

Methodology. The research is based on methods of rating and statistical data analysis, expert assessment, induction, deduction, synthesis, other general scientific methods, as well as a set of marketing research methods.

Results. It seems necessary to refer to the results obtained in the course of the study: an analysis of a number of definitions of marketing strategies, a characteristic of each stage of the formation of marketing strategies and differentiation of digital and non-digital marketing strategies, reflecting their main features.

Conclusions. In conclusion, it should be noted that the existing marketing strategies for the development of organizations are rapidly changing in the context of continuous globalization. Organizations need to take into account the new features of the formation of marketing strategies to effectively promote their products and services.

Keywords: marketing; marketing strategy; marketing strategy effectiveness; digitalization; globalization; digital advertising.

Conflict of interest: In the presented publication there is no borrowed material without references to the author and (or) source of borrowing, there are no results of scientific works performed by the authors of the publication, personally and (or) in co-authorship, without relevant links. The authors declares no conflict of interest related to the publication of this article.

Funding: The research was supported by the grant of the President of the Russian Federation for state support of leading scientific schools of the Russian Federation No. NSH-2702.2020.6 "Conceptual foundations of a new paradigm of economic development in the era of technological and social transformation".

For citation: Kireeva M. S., Klevtsova M. G., Chulakova A. L. Features of Digital and Non-Digital Marketing Strategies when Managing an Organization in a Globalized Environment. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Ekonomika. Sotsiologiya. Menedzhment* = *Proceedings of the Southwest State University. Series: Economics, Sociology and Management*. 2021; 11(4): 166–180. (In Russ.)

Received 29.05.2021

Accepted 30.06.2021

Published 31.08.2021

Введение

Маркетинговая стратегия любой организации направлена на понимание того, как планировать и реализовывать различные маркетинговые мероприятия в целях достижения целей этой организации. В рамках темы исследования целесообразно дать определение стратегического маркетинга и маркетинговой стратегии с точки зрения исследователей, занимавшихся рассмотрением данного вопроса.

Питер Друкер отмечает [1], что суть стратегического маркетинга как процесса состоит из: анализа окружающей среды рыночной конкуренции и бизнес-факторов; определения возможностей и угроз; прогнозирования будущих тенденций развития организации.

Жан-Жак Ламбен полагает [2], что экономические возможности, обеспечивающие стабильный рост прибыли предприятия, – это результат имплементации эффективной маркетинговой стратегии.

По мнению Дэвида Кревенса [3], понимание стратегической ситуации, стоящей перед компанией, является важной отправной точкой в разработке маркетинговой стратегии.

Дэвид Лорен [4] считает, что маркетинговая стратегия в основном определяется как взаимодействие трёх основополагающих компонентов: клиентов, конкурентов и организации [5]. Иными словами, это стремление организации к положительному отличию от своих конкурентов в целях максимального удовлетворения потребностей своих клиентов в определённом сегменте рынка.

Виктор Камара [6] отмечает, что маркетинговая стратегия определяет общие принципы достижения целей, связанных с конкретными целевыми рынками. Она содержит основные ди-

рективы по расходам на маркетинг, маркетинговым действиям и распределению ресурсов в этой области. Она включает в себя такие решения в вопросах сегментации, позиционирования, коммуникации.

По мнению Филиппа Котлера [7], маркетинговая стратегия – это способ организации деятельности предприятия в целях удовлетворения потребностей клиентов и максимизации роста продаж.

Рональд Макдональд [8] считает, что понятие «маркетинговая стратегия» несёт в себе идеализированное представление о том, как наиболее выгодно применить свои навыки и ресурсы на рынке.

Анализируя приведенные выше определения, можно дать обобщенное определение маркетинговой стратегии и сформулировать основные её свойства. Маркетинговая стратегия – это комплексный план, разработанный специально для достижения маркетинговых целей организации, который разработан на основе детального маркетингового исследования. Она базируется на реализации первостепенной цели любой организации-удовлетворении потребностей своих клиентов [9].

Методы и материалы

Как правило, маркетинговая стратегия отражает долгосрочные планы компании на потребительских рынках, анализирует структуру рынков, содержит в себе прогноз развития организации в данном сегменте рынка. Процесс формулирования маркетинговой стратегии в основном включает четыре основных этапа (рис. 1).

1 этап – маркетинговый аудит предприятия. Данный процесс включает в себя анализ рынков, конкурентов и самого

предприятия. Иными словами, анализ внешней и внутренней среды предприятия главным образом с помощью SNW-,

PEST-, SWOT-анализов. Маркетинговый аудит любой компании также включает в себя множество этапов (рис. 2).

Рис. 1. Этапы имплементации маркетинговой стратегии развития организации

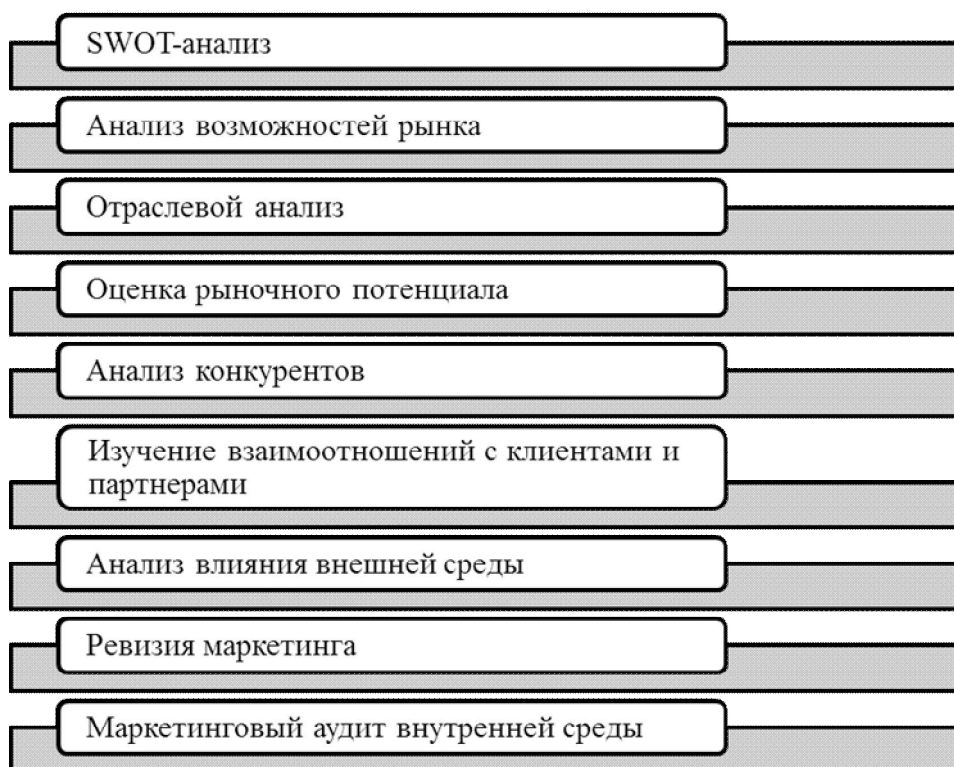

Рис. 2. Этапы маркетингового аудита компаний

Принято считать, что разработку маркетинговой стратегии необходимо начинать с осуществления SWOT-анализа с подробным описанием сильных и сла-

бых сторон компании, а также возможностей и угроз внешней среды [10]. На этом этапе представляется важным осуществить тщательный анализ доли рынка, занимаемой компанией и её конкурентами, показателя узнаваемости бренда и уровень лояльности клиентов. Как правило, эти переменные взаимосвязаны. Повышение лояльности клиентов и узнаваемости бренда напрямую влияет на размер занимаемой доли рынка.

При проведении анализа рынка стоит обратить внимание на ценовую политику данного сегмента рынка и каналы дистрибуции продукции. Информация для проведения анализа рынка может быть как в открытом доступе, так и приобретаться при сотрудничестве со специализирующимися на маркетинговых исследованиях агентствами.

Основным результатом отраслевого анализа принято считать систематизацию данных для расчета потенциальной прибыли в данном рыночном сегменте, для анализа уровней прибыли предприятий.

При проведении оценки рыночного потенциала проводится оценка емкости рынка, потребителей и конкурентов [11]. Оценка ёмкости рынка представляет собой оценку максимально возможного размера рынка для рассматриваемого продукта. Оценка потребителей предполагает анализ числа постоянных лояльных покупателей и близких отношений с клиентом. При проведении оценивания конкурентов проводится анализ наличия соглашения об отказе от конкуренции. Также оценка рыночного потенциала содержит анализ деловой репутации и узнаваемости бренда.

Следующим этапом маркетингового аудита является анализ конкурентов компании – прямых и косвенных. К прямым конкурентам относятся конкуренты в рыночном сегменте, конкуренты в отрасли, а также конкуренты, удовлетворяющие сходные потребности клиентов. Общие конкуренты соперничают за деньги потребителей [12]. Для эффективного анализа конкурентной среды представляется необходимым выявить наиболее значи-

мых конкурентов компании, оценить долю, занимаемую ими на рынке, определить их цели и стратегии поведения на рынке. Результатом анализа конкурентной среды является список конкурентов, которых следует атаковать или избегать.

Изучение взаимоотношений с клиентами и партнерами помогает достичь долгосрочных взаимовыгодных отношений с потребителями, поставщиками.

Анализ внешней среды организации включает в себя анализ макроэкономических, политических, технологических, социальных и международных факторов [13]. Анализ политических факторов необходим, так как нормативные акты местных органов власти, а также акты федерального уровня имеют большое влияние на деятельность организаций. При осуществлении анализа технологических факторов организация может понять, какие новые технологии способны помочь облегчить процесс производства и дистрибуции продукции. Для анализа социальных факторов необходимо рассмотреть тенденцию изменения ожиданий клиентов, отношений между индивидуумами в целом, а также нравы общества.

Ревизия маркетинга представляет собой систематизированную объективную оценку маркетинговых процедур, уже действующих маркетинговых кампаний организации и работников компании в целях анализа слабых мест и формирования рекомендаций для формирования маркетинговой стратегии развития организации.

На последнем этапе маркетингового аудита компании необходимо непрерывное исследование целей, задач и внутренней политики компании в целях выявления возникающих проблем.

Таким образом, на первом этапе главной целью является формирование информационной и статистической базы для выбора корректной маркетинговой стратегии, а также оценка основных маркетинговых требований в данной среде.

2 этап – определение целей и задач маркетинговой кампании. После проведе-

ния маркетингового аудита компании необходимо четко понимать конечную цель имплементации маркетинговой стратегии. Важно отметить, что цель и результат реализации маркетинговой стратегии должны быть адекватными общей направленности компании и квалификации работников. Однако необходимо отметить, что маркетинговая стратегия не всегда разрабатывается для достижения чего-то материального [14]. Зачастую конечным результатом разработки маркетинговой стратегии является повышение узнаваемости бренда, формирование имиджа и положительных ассоциаций с рекламируемой компанией.

3 этап – выбор маркетинговой стратегии развития организации с учётом целевой аудитории, политики компании и её миссии. Все участники имплементации маркетинговой стратегии, равно как и элементы стратегии, должны соответствовать корпоративной идее и приоритетным направлениям.

4 этап – составление и оценка маркетинг-микса. Совокупность товарной, ценовой, сбытовой и коммуникационной политики организации необходимо подвергать экспертной оценке для понимания [15]. Необходимо сразу же произвести оценку составленного маркетинг-микса на предмет того, насколько она отвечает заявленным целям компании.

Результаты и их обсуждение

В ходе исследования были проанализированы цели маркетинговых стратегий. Существующие цифровые и нецифровые маркетинговые стратегии были разделены согласно предполагаемым целям по группам. Для начала представляется необходимым рассмотреть основные цели маркетинговых стратегий. Результаты анализа целей маркетинговых стратегий представлены ниже (табл. 1).

Таблица 1. Характеристика основных целей маркетинговых стратегий

Цель маркетинговой стратегии	Сущность цели маркетинговой стратегии
1. Повышение узнаваемости бренда	Повышение узнаваемости бренда является полезной целью как для новых компаний, так и для запуска новых продуктов или выхода на новую целевую аудиторию
2. Увеличение доли рынка	Взглянув на другие существующие бренды в отрасли, можно определить свое конкретное положение на рынке, а также место, на котором вы хотели бы быть после реализации маркетинговой стратегии
3. Запуск нового продукта	Запуск нового продукта ставит перед любым отделом маркетинга уникальный набор задач для эффективного информирования аудитории о новом продукте. Между разработкой коммуникационной стратегии, ценообразования и позиционирования эта цель может иметь несколько различных целей
4. Вывод компании на новые местные или международные рынки	Как и при запуске нового продукта, позиционирование и коммуникационная стратегия являются ключевыми при выводе бренда на новый рынок. Также очень важно знать о культурных и потребительских различиях
5. Повышение рентабельности инвестиций	Рентабельность инвестиций (или ROI) – один из самых важных маркетинговых показателей, поскольку он измеряет, окупаются ли инвестиции. В мире цифрового маркетинга теперь проще, чем когда-либо, точно измерить рентабельность инвестиций, поскольку известна цена за клик по конверсиям для наших действий

Цель маркетинговой стратегии	Сущность цели маркетинговой стратегии
6. Оптимизация конверсии	Бесполезно стремиться получить массу показов без совершения конверсии. Таким образом, цель хорошего маркетингового плана – учесть различные этапы воронки конверсии и обеспечить, чтобы как можно больше пользователей стали клиентами
7. Привлечение новых клиентов	Привлечение новых клиентов к вашему бренду или продуктам – важное усилие для обеспечения актуальности и долговечности вашей компании. Привлечение новых клиентов должно включать в себя другие процессы, чем удержание ваших текущих
8. Удержание текущих клиентов	Повышение лояльности клиентов – еще одна распространенная маркетинговая цель. Важно продолжать инвестировать в свою аудиторию, и многие компании утверждают, что это более выгодно, поскольку всегда дешевле сохранить клиента, чем привлечь нового
9. Увеличение объем продаж	Одна из самых распространенных и очевидных маркетинговых целей – улучшить продажи. Существует множество различных методов увеличения продаж, но два популярных действия – это увеличение коэффициента конверсии или увеличение среднего количества вариантов транзакций (например, перекрестные продажи)

Представляется необходимым составить матрицу цифровых и нецифровых маркетинговых стратегий развития организаций согласно целям стратегий (табл. 2).

Основные маркетинговые стратегии развития организаций путем продвижения своих продуктов представлены на рисунках 3 и 4 и в таблице 2. Была осуществлена классификация маркетинговых стратегий согласно вышеперечисленным целям.

Разработка маркетинговой стратегии развития организации необходима для достижения эффективности маркетинговой кампании. Любая маркетинговая стратегия вне зависимости от используе-

мых методов должна обеспечивать эффективность маркетинговой кампании [16; 17]. Компаниям необходимо проявлять гибкость и инициативу для приспособления и дальнейшего влияния на рынок при помощи маркетинговой политики. На данный момент маркетинговые стратегии с использованием цифровых методов являются наиболее эффективными для реализации долгосрочных маркетинговых целей [18; 19; 20] (рис. 4).

В таблице 3 раскрывается сущность всех вышеперечисленных маркетинговых стратегий, описание их основных целей и методов реализации.

Таблица 2. Матрица классификации маркетинговых стратегий согласно их целям

Показатель	Нецифровые стратегии	Цифровые стратегии
1. Повышение узнаваемости бренда	1, 3, 4, 6, 11, 13, 16	11, 17
2. Увеличение доли рынка	11	5, 17
3. Запуск нового продукт	5, 12	4, 10
4. Вывод компании на новые местные или международные рынки	14, 15	
5. Повышение рентабельности инвестиций	5, 7	
6. Оптимизация конверсии	7	3, 5, 6, 8, 13, 20
7. Привлечение новых клиентов	1, 2, 6, 9, 11	1, 2, 4, 6, 12, 18, 19
8. Удержание текущих клиентов	1, 8, 10, 13	2, 7, 9, 11, 14, 16, 17, 19
9. Увеличение объем продаж		19

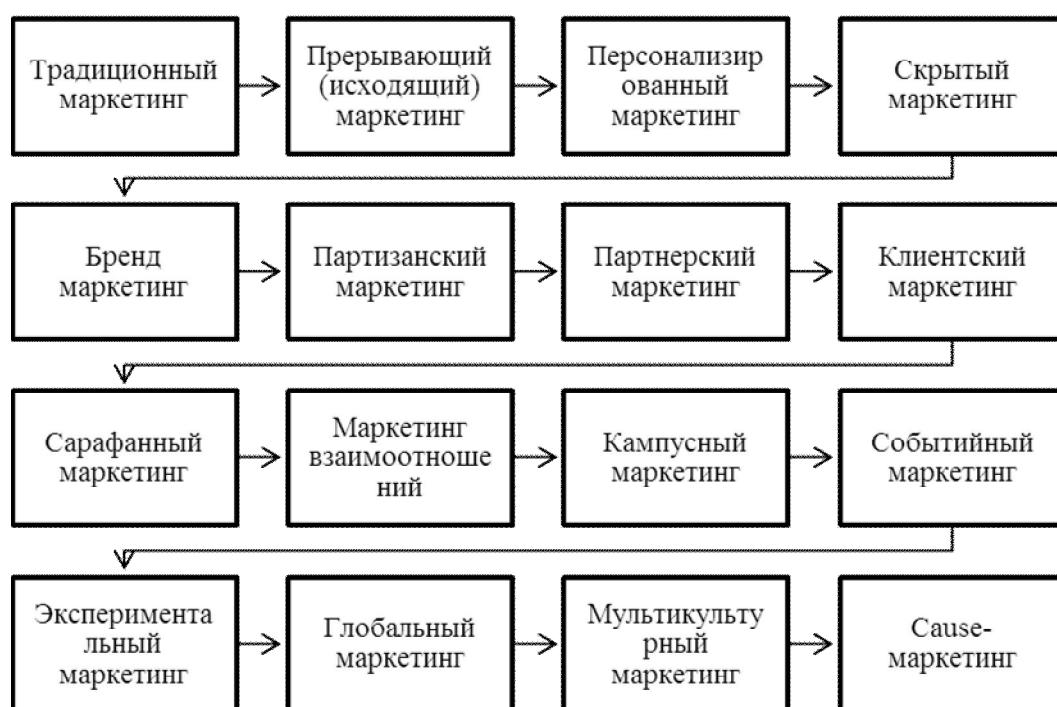

Рис. 3. Маркетинговые стратегии с использованием традиционных, нецифровых методов

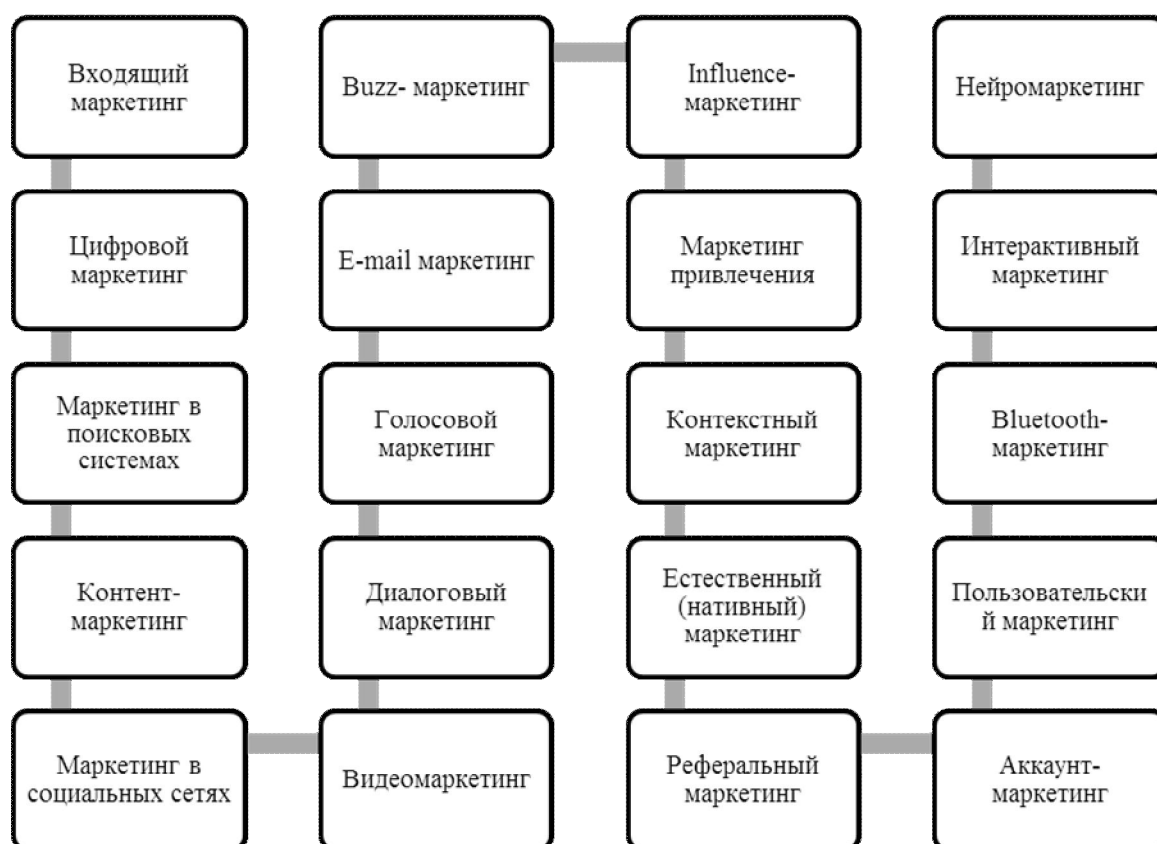

Рис. 4. Цифровые маркетинговые стратегии с использованием информационных технологий и цифровых методов

Таблица 3. Типология маркетинга и маркетинговых стратегий

Маркетинговые стратегии с использованием традиционных, нецифровых методов	Цифровые маркетинговые стратегии с использованием информационных технологий и цифровых методов
Традиционный маркетинг. Традиционный маркетинг используется для продвижения бренда на любом канале, существовавшем еще до появления Интернета с помощью печати, телевизионной рекламы и рекламных щитов	Входящий маркетинг. Входящий маркетинг направлен на привлечение клиентов. Потребители имеют возможность проводить исследования в Интернете по формированию своего спроса
Прерывающий (исходящий) маркетинг. Под исходящим маркетингом понимается навязчивое продвижение, такое как печатная реклама, телевизионная реклама, холодные звонки и рассылки электронных писем	Цифровой маркетинг. Этот тип маркетинга включает в себя все маркетинговые мероприятия с использованием поисковых систем, социальных сетей, электронной почты и других веб-сайтов для связи с текущими и потенциальными клиентами
Персонализированный маркетинг. Суть данной маркетинговой стратегии – заставить задуматься и вызвать обсуждение среди потенциальных покупателей, а также чтобы бренд запомнился и ассоциировался с позитивными впечатлениями	Маркетинг в поисковых системах. Маркетинг в поисковых системах (SEM) включает в себя все действия, направленные на то, чтобы продукты или услуги компании были видны на страницах результатов поисковых систем. Когда пользователь вводит определенное ключевое слово, алгоритм позволяет данной компании появляться в топе результатов по данному поисковому запросу
Бренд-маркетинг. Данная стратегия призвана формировать общественное восприятие бренда и компании в целом и налаживает эмоциональную связь с целевой аудиторией с помощью рассказов, творчества, юмора и вдохновения	Контент-маркетинг. Данная маркетинговая стратегия включает создание, публикацию и распространение контента среди целевой аудитории посредством социальных сетей, блогов, визуального контента, электронных книг или вебинаров
Скрытый маркетинг. Данная стратегия предполагает сотрудничество с актёрами и знаменитостями для скрытого продвижения своего продукта или услуги, использование актёрами товаров на публике или светских мероприятиях, создание поддельных вирусных видеороликов и размещение продукта в фильмах	Маркетинг в социальных сетях. Маркетинг в социальных сетях представляет собой создание контента для продвижения бренда и продуктов на различных платформах социальных сетей, таких как Facebook, Instagram, LinkedIn и Twitter
Партизанский маркетинг. Суть данной стратегии в размещении яркой рекламы бренда в местах с высокой посещаемостью, чтобы привлечь внимание аудитории запоминающимся и экономичным способом, повысить узнаваемость бренда и распространить информацию о нём	Видеомаркетинг. Идея состоит в том, чтобы создавать видео и загружать их на свой веб-сайт, YouTube и в социальные сети, для повышения узнаваемости бренда, увеличения количества конверсий и заключения сделок

Маркетинговые стратегии с использованием традиционных, нецифровых методов	Цифровые маркетинговые стратегии с использованием информационных технологий и цифровых методов
Партнерский маркетинг. Партнерский маркетинг привлекает новых партнеров для продажи продукта или услуги новому кругу клиентов. Так, у многих организаций существуют партнерские программы для агентств по продажам, которые в свою очередь делятся с партнерами долей прибыли	Диалоговый маркетинг. Диалоговый маркетинг – это возможность вести личные беседы, встречаясь с клиентами, как, когда и где они хотят. Это больше, чем просто онлайн-чат. Данная стратегия включает телефонные звонки, текстовые сообщения Facebook Messenger, электронную почту, Slack
Клиентский маркетинг. Клиентский маркетинг основан на постоянном улучшении качества обслуживания клиентов и впечатления, которое компания оставляет у клиента после того, как оказания услуги. Стоимость привлечения новых клиентов намного выше, чем стоимость удержания или существующих клиентов	Голосовой маркетинг. Голосовой маркетинг использует голосовые помощники, такие как Amazon Alexa, Google Home, «Яндекс. Алиса» для обучения людей и ответов на вопросы по интересующим их темам. Оптимизация веб-сайта для голосового поиска очень похожа на оптимизацию для обычного поиска
Сарафанный маркетинг. Данная стратегия заключается в рекомендациях клиентами компании, продукции и услуг	E-mail маркетинг. E-mail маркетинг включает в себя отправку образовательного или развлекательного контента и рекламных сообщений людям, которые подписываются на получение таких сообщений
Маркетинг взаимоотношений. Эта стратегия направлена на развитие более глубоких и значимых отношений с клиентами для обеспечения долгосрочной лояльности к бренду	Buzz-маркетинг. Buzz-маркетинг – это вирусная маркетинговая стратегия, которая использует свежий креативный контент, интерактивные мероприятия и влиятельных лиц сообщества для создания молвы и ожиданий в отношении продукта или услуги, которые бренд собирается выпустить
Кампусный маркетинг. Предполагает наём студентов в качестве промоутеров бренда. Обычно они продают ваши продукты или услуги другим студентам, устанавливая киоски вокруг кампуса или устраивая акции по раздаче подарков	Influence маркетинг. Данная стратегия предназначена для того, чтобы задействовать существующее сообщество заинтересованных подписчиков в социальных сетях через популярного блоггера в социальных сетях
Событийный маркетинг. Представляет собой планирование, организацию и проведение мероприятия с целью продвижения бренда, продукта или услуги. Мероприятия могут проводиться лично или онлайн, и компании могут либо проводить мероприятие, либо присутствовать на нем в качестве экспонента, либо участвовать в качестве спонсора	Маркетинг привлечения. Данная стратегия может включать в себя ряд тактик, позволяющих превратить веб-сайт в механизм привлечения потенциальных клиентов, включая предложение бесплатных продуктов, запуск образовательных центров, ужесточение копирайтинга на сайте, оптимизацию коэффициента конверсии и оптимизацию потенциальных клиентов

Маркетинговые стратегии с использованием традиционных, нецифровых методов	Цифровые маркетинговые стратегии с использованием информационных технологий и цифровых методов
Экспериментальный маркетинг. Включает в себя личные мероприятия, переживания и взаимодействия, которые создают прочные эмоциональные связи между брендом и его целевой аудиторией. Особенность данной стратегии в том, чтобы сделать опыт посетителей запоминающимся и необычным, предоставляя им то, что они могут взять с собой после окончания мероприятия, помимо просто информации	Контекстный маркетинг. Контекстный маркетинг нацелен на онлайн-пользователей с помощью различной рекламы на веб-сайтах и социальных сетях в зависимости от их поведения в Интернете. Основным способом повысить эффективность контекстного маркетинга – это осуществить персонализацию
Глобальный маркетинг. Ориентирован на потребности потенциальных покупателей в других странах, путём проведения исследования международного рынка, определения стран, в которых продукт компании может быть успешным, а затем локализации бренда для отражения потребностей клиентов в разных странах	Естественный (нативный) маркетинг. Заключается в таком сотрудничестве, при котором организация платит издателям за сотрудничество в творческом процессе создания спонсируемой статьи или видео, которые охватывают одну из основных тем издателя и выглядят как обычная часть контента на их веб-сайтах
Мультикультурный маркетинг. Данная стратегия вытекает из глобальной маркетинговой стратегии, так как её суть заключается в разработке и проведении маркетинговой кампании, нацеленной на людей разных национальностей и культур в рамках общей аудитории бренда	Реферальный маркетинг. Данная маркетинговая стратегия представляет собой вознаграждение интернет-магазином веб-сайт комиссии за каждого клиента, которого он направляет, посредством продвижения одного из продуктов онлайн-магазина
Cause-маркетинг – это тип корпоративной социальной ответственности, направленный на улучшение общества и повышение узнаваемости бренда путем продвижения и поддержки благотворительных целей	Аккаунт-маркетинг. Маркетинг на основе учетных записей (ABM) – это гипер-ориентированная маркетинговая стратегия, при которой компании рассматривают отдельного потенциального клиента или клиента как свой собственный рынок
	Пользовательский маркетинг. Данная стратегия предполагает рекламу, создаваемую пользователями. Компании запрашивают у публики идеи, информацию и мнения в социальных сетях или проводят конкурсы по созданию более качественных маркетинговых материалов, такие как логотип, джингл или рекламный ролик
	Bluetooth-маркетинг. Предполагает использование устройств Bluetooth, которые отправляют оповещения на смартфоны людей в зависимости от их близости к одному из их магазинов, чтобы предложить скидки любому покупателю, который проходит мимо одного из их магазинов и имеет их приложение

Маркетинговые стратегии с использованием традиционных, нецифровых методов	Цифровые маркетинговые стратегии с использованием информационных технологий и цифровых методов
	Интерактивный маркетинг – это инновационный тип маркетинга, при котором аудитория взаимодействует с привлекательными визуальными элементами или видео в контенте. Эта новая форма маркетинга раскрывает творческий потенциал организаций и, в свою очередь, позволяет рассказывать более захватывающие истории о бренде. Примеры интерактивного маркетинга включают иммерсивное видео и интерактивную инфографику
	Нейромаркетинг. Сочетает нейробиологию и маркетинг, чтобы помочь брендам оценить эмоциональный резонанс их текущих и будущих маркетинговых кампаний. Для этого такие компании, как Immersion Neuroscience и Spark Neuro, разработали технологию, которая может измерять определенные нейрохимические и физиологические реакции, которые сигнализируют об эмоциональной вовлеченности аудитории при потреблении маркетингового контента

Несмотря на то, что вышеперечисленные маркетинговые стратегии почти всегда переплетаются между собой и в настоящее время организации придерживаются сразу нескольких из них, из таблицы 3 видно, что доминантным преимуществом обладают маркетинговые стратегии, которые подразумевают применение современных технологий и цифровых методов в качестве инструментов создания рекламных кампаний.

Выводы

Поскольку компании изменили способ своего функционирования в новой экономике, это неизбежно повлекло за собой адаптацию маркетинговых стратегий. Очевидно, что интернет-продажи являются оптимальным решением для осуществления торговли в контексте глобализации и интеграции экономического

пространства. Количество звеньев между клиентом и компанией уменьшается, так как поставщики имеют возможность осуществлять свою деятельность напрямую в режиме онлайн, тем самым существенно снижая итоговую стоимость продукции. Торговля в цифровом пространстве делает более доступными и прозрачными отношения между компаниями и клиентами. Клиенты имеют возможность обсудить товар или услугу, оставить отзыв, связаться с представителем компании, а также получить уникальный клиентский опыт благодаря реализации цифровых маркетинговых стратегий.

По мере того как компании переходят к использованию цифровых маркетинговых стратегий, перед ними встают кардинально новые задачи, связанные с освоением программного обеспечения, исследованием алгоритмов поисковых

систем и организацией сотрудничества с блогерами. Дизайн, обслуживание и безопасность личных данных клиента при использовании веб-сайта компании имеют первостепенное значение для созда-

ния благоприятного впечатления у потребителя. Интернет-маркетинг и реклама, безусловно, приобретают популярность в век Интернета.

Список литературы

1. Друкер П. Эффективный управляющий. 3-е изд. М.: Манн, Иванов и Фебер: Эксмо, 2013. 232 с.
2. Lambin J. J. Strategic marketing: A European approach. London: McGraw-Hill book co., 1993. 539 p.
3. Кревенс Д. В. Стратегический маркетинг. 6-е изд. М.: Вильямс, 2017. 512 с.
4. Докторов Б. З. Реклама и опросы общественного мнения в США: монография: в 2 ч. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Юрайт, 2018. Ч. 2. 367 с.
5. Цифровая трансформация экономики и развитие кластеров: монография / А. А. Алетдинова, И. В. Андросова, А. В. Бабкина [и др.]; Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого. М., 2019. 374 с.
6. Victor Camara Personal Blog. URL: <https://victorcamara.com/> (дата обращения: 14.04.2021).
7. Котлер Ф. Основы маркетинга. Краткий курс. М.: Вильямс, 2019. 496 с.
8. Лангерт Б. McDonald's. Между хейтом и хайпом. М.: Бомбора, 2020. 352 с.
9. Брагина А. В., Вертакова Ю. В., Евченко А. В. Формирование и развитие сквозных технологий планирования деятельности предприятия в условиях цифровизации экономики: теория и практика. М.: ЗАО "Университетская книга", 2020. 127 с.
10. Вертакова Ю. В., Феоктистова Т. В. Реализация антикризисных мер для населения и бизнеса в условиях пандемии коронавируса Covid-19 // Экономика и управление. 2020. Т. 26, № 5 (175). С. 444-454.
11. Положенцева Ю. С. Трансформация экономической системы под воздействием процессов цифровизации // Стратегическое управление развитием социально-экономических систем: теория, практика: материалы Всероссийской научно-практической конференции / Воронежский государственный педагогический университет. Воронеж, 2020. С. 60-68.
12. Положенцева Ю. С., Масленникова В. В. Методы оценки уровня цифровизации на мезоуровне // Инновационная экономика: перспективы развития и совершенствования. 2020. № 6(48). С. 67-72.
13. Положенцева Ю. С. Оценка уровня развития цифровизации экономических систем // Стратегия формирования экосистемы цифровой экономики: сборник материалов II Международной научно-практической конференции / Т. С. Колмыкова (отв. ред.) [и др.]; Юго-Зап. гос. ун-т. Курск, 2020. С. 70-75.
14. Полянин А. В., Головина Т. А., Вертакова Ю. В. Цифровая трансформация деятельности предпринимательских структур // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Экономика. Информатика. 2018. Т. 45, № 4. С. 636-645.
15. Кузьбожев Э. Н., Световцева М. Г., Бабич Т. Н. Системный или комплексный анализ? // Экономический анализ: теория и практика. 2006. № 9 (66). С. 9-16.
16. Киреева М. С., Клевцова М. Г. Digital-реклама как основной фактор развития online предпринимательства // Управление социально-экономическим развитием регионов: проблемы и пути их решения: сборник статей XX Международной научно-практической конференции / Курский филиал Финансового университета при Правительстве РФ. Курск, 2020. С. 222-226.
17. Киреева М. С., Клевцова М. Г. Цифровые маркетинговые стратегии организаций в условиях посткризисной трансформации экономики // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. 2021. Т. 11, № 2. С. 138-151.
18. Вертакова Ю. В., Клевцова М. Г., Положенцева Ю. С. Индикаторы оценки цифровой трансформации экономики // Экономика и управление. 2018. № 10 (156). С. 14-20.

19. Вертакова Ю. В., Плотников В. А. Развитие тенденций мирового кризиса под влиянием пандемии COVID-19 // Экономика коронакризиса: вызовы и решения: сборник научных трудов / под ред. Р. М. Нижегородцева. М.: НИПКЦ Восход-А, 2020. С. 32-35.

20. Положенцева Ю. С. Трансформация развития цифровой экономики в регионах РФ // Инновационная экономика: перспективы развития и совершенствования. 2020. № 4 (46). С. 84-91.

References

1. Druker P. *Effektivnyi upravlyayushchii* [Effective manager]. 3th ed. Moscow, Mann, Ivanov and Feber: Eksmo Publ, 2013. 232 p.

2. Lambin J. J. *Strategic marketing: A European approach*. London, McGraw-Hill book co., 1993. 539 p.

3. Crevens D. V. *Strategicheskyi marketing* [Strategic marketing]. 6th ed. Moscow, Williams Publ., 2017. 512 p.

4. Doctorov B. Z. *Reklama i oprosy obshchestvennogo mneniya v SSHA* [Advertising and public opinion polls in the USA]. 2th ed. Moscow, Yurayt Publ., 2018, pt. 2. 367 p.

5. Aletdinova A. A., Androsova I. V., Babkina et al. A. V., eds. *Tsifrovaya transformatsia ekonomiki i razvitiya klasterov* [Digital transformation of the economy and the development of clusters]. Moscow, Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University Publ., 2019. 374 p.

6. Victor Camara Personal Blog. Available at: <https://victorcamara.com/>. (accessed 14.04.2021)

7. Kotler F. *Osnovy marketinga. Kratkii kurs* [Fundamentals of Marketing. Short course]. Moscow, Williams Publ., 2019. 496 p.

8. Langert B. *McDonald's. Mezhdye heitom i haipom* [McDonald's. Between hate and hype]. Moscow, Bombora Publ., 2020. 352 p.

9. Bragina A. V., Vertakova Yu. V., Evchenko A. V. *Formirovanie i razvitie skvoznykh technologii planirovaniya deyatel'nosti predpriyatiya v usloviyakh tsifrovizatsii ekonomiki: teoriya i praktika* [Formation and development of end-to-end technologies for planning enterprise activities in the context of digitalization of the economy: theory and practice]. Moscow, ZAO "Universitetskaya kniga", 2020. 127 p.

10. Vertakova Yu. V., Feoktistova T. V. *Realizatsiya antikrizisnykh mer dlya naseleniya i biznesa v usloviyakh pandemii koronavirusa Covid-19* [Implementation of anti-crisis measures for the population and business in the context of the Covid-19 coronavirus pandemic]. *Ekonomika i upravlenie = Economics and Management*, 2020, vol. 26, no. 5 (175), pp. 444-454.

11. Polozhentseva Yu. S. [Transformation of the economic system under the influence of digitalization processes]. *Strategicheskoe upravlenie razvitiem sotsial'no-ekonomicheskikh sistem: teoriya, praktika. Materialy Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii* [Strategic management of the development of socio-economic systems: theory, practice. Materials of the All-Russian Scientific and Practical Conference]. Voronezh, Voronezh State Pedagogical University Publ., 2020, pp. 60-68. (In Russ.)

12. Polozhentseva Yu. S., Maslennikova V. V. *Metody otsenki urovnya tsifrovizatsii na mezo-urovne* [Methods for assessing the level of digitalization at the mesolevel]. *Innovatsionnaya ekonomika: perspektivy razvitiya i sovershenstvovaniya = Innovative Economy: Prospects for Development and Improvement*, 2020, no. 6 (48), pp. 67-72.

13. Polozhentseva Yu. S. [Assessment of the level of development of digitalization of economic systems]. *Strategiya formirovaniya ekosistemy tsifrovoi ekonomiki. Sbornik materialov II Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii* [Strategy for the formation of the ecosystem of the digital economy. Collection of materials of the II International Scientific and Practical Conference]; ed. by T. S. Kolmykova. Kursk, Southwest State University Publ., 2020, pp. 70-75. (In Russ.)

14. Polyanin A. V., Golovina T. A., Vertakova Yu. V. *Tsifrovaya transformatsiya deyatel'nosti predprinimatel'skikh struktur* [Digital transformation of the activity of entrepreneurial structures]. *Nauchnye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Ekonomika. Informatika = Scientific Bulletin of the Belgorod State University. Series: Economics. Informatics*, 2018, vol. 45, no. 4, pp. 636-645.

15. Kuzbozhev E. N., Svetovtseva M. G., Babich T. N. Sistemnyi i likompleksnii analiz? [Systemic or complex analysis?]. *Ekonomicheskii analiz: teoriya i praktika = Economic Analysis: Theory and Practice*, 2006, no. 9 (66), pp. 9-16.
16. Kireeva M. S., Klevtsova M. G. [Digital advertising as the main factor in the development of on-line entrepreneurship]. *Upravlenie sotsial'no-ekonomicheskim razvitiem regionov: pro-blemy i puti ikh resheniya. Sbornik statei XX Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii [Management of socio-economic development of regions: problems and ways to solve them. Collection of articles of the XX International Scientific and Practical Conference]*. Kursk, Kurskii filial Finansovogo universiteta pri Pravitel'stve RF Publ., 2020, pp. 222-226. (In Russ.)
17. Kireeva M. S., Klevtsova M. G. Tsifrovye marketingovye strategii organizachii v uslovyah postkrisisnoy transformatsii ekonomiki [Digital marketing strategies of organizations in the post-crisis transformation of the economy]. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Ekonomika. Sotsiologiya. Menedzhment = Proceedings of the Southwest State University. Series: Economics, Sociology and Management*, 2021. vol. 11, no. 2, pp. 138-151.
18. Vertakova Yu. V., Klevtsova M. G., Polozhentseva Yu. S. Indicators otsenki tsifrovoy transformatsii ekonomiki [Indicators for assessing the digital transformation of the economy]. *Ekonomika i upravlenie = Economics and Management*, 2018, no. 10 (156), pp. 14-20.
19. Vertakova Yu. V., Plotnikov V. A. [Development of trends in the global crisis under the influence of the COVID-19 pandemic]. *Ekonomika koronakrizisa: vyzovy i resheniya. Sbornik nauchnykh trudov [Coronacrisis economy: challenges and solutions. Collection of scientific papers]*; ed. by R. M. Nizhegorodtseva. Moscow, NIPCC Voskhod-A Publ., 2020, pp. 32-35. (In Russ.)
20. Polozhentseva Yu. S. Transformatsiya razvitiya tsifrovoy ekonomiki v regionah RF [Transformation of the development of the digital economy in the regions of the Russian Federation]. *Innovatsionnaya ekonomika: perspektivy razvitiya i sovershenstvovaniya = Innovative Economy: Prospects for Development and improvement*, 2020, no. 4 (46), pp. 84-91.

Информация об авторах / Information about the Authors

Киреева Марина Сергеевна, магистрант кафедры региональной экономики и менеджмента, Юго-Западный государственный университет, г. Курск, Российская Федерация, e-mail: kireeva0111@yandex.ru

Marina S. Kireeva, Undergraduate of the Department of Regional Economics and Management, Southwest State University, Kursk, Russian Federation, e-mail: kireeva0111@yandex.ru

Клевцова Мария Геннадьевна, кандидат экономических наук, доцент кафедры региональной экономики и менеджмента, Юго-Западный государственный университет, г. Курск, Российская Федерация, e-mail: klevtsovam@mail.ru, ORCID: 0000-0003-0188-2263, Researcher ID: O-2804-2015

Maria G. Klevtsova, Candidate of Economic Sciences, Associate Professor of the Department of Regional Economics and Management, Southwest State University, Kursk, Russian Federation, e-mail: klevtsovam@mail.ru, ORCID: 0000-0003-0188-2263, Researcher ID: O-2804-2015

Чулакова Александра Леонидовна, кандидат экономических наук, доцент кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин, заместитель директора Курского филиала Финансового университета при Правительстве России, г. Курск, Российская Федерация, e-mail: a.ivanova85@mail.ru

Alexandra L. Chulakova, Candidate of Economic Sciences, Associate Professor of the Department of Humanitarian and Socio-Economic Disciplines, Deputy Director of the Kursk Branch of the Financial University under the Government of Russia, Kursk, Russian Federation, e-mail: a.ivanova85@mail.ru

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ ФАКТОРЫ РАЗВИТИЯ ЭКОНОМИЧЕСКИХ СИСТЕМ

INSTITUTIONAL FACTORS OF ECONOMIC SYSTEMS DEVELOPMENT

Оригинальная статья / Original article

УДК 336.02

Разработка подхода к ужесточению материальной ответственности за размещение отходов на стихийных несанкционированных свалках с учетом социально- экономических аспектов

И. О. Кирильчук¹ ✉, В. Л. Рыкунова¹

¹ Юго-Западный государственный университет
ул. 50 лет Октября 94, г. Курск 305040, Российская Федерация

✉ e-mail: iraida585@mail.ru

Резюме

Актуальность. В настоящее время российская экономика отличается чрезвычайно большими объемами образования отходов, и эта проблема представляет реальную угрозу устойчивому развитию страны. В европейской части России, несмотря на её обширность, площадь свободных земель лимитирована, а в некоторых случаях они вообще отсутствуют. Это ограничивает места хранения и захоронения отходов и создаёт предпосылки для массового распространения нелегального сброса отходов и возникновения стихийных несанкционированных свалок. Зачастую при возникновении таких свалок на земельных участках, не имеющих собственника, весьма проблематично установить лицо, виновное в их возникновении, и привлечь его к ответственности, а в случае доказанного состава нарушения нарушителем обычно грозит не более 2 тыс. руб. В связи с этим в данном исследовании была решена актуальная задача, состоящая в разработке научно обоснованного подхода к ужесточению материальной ответственности за указанное экологическое правонарушение с учетом социально-экономических аспектов данной проблемы.

Цель состоит в разработке направлений совершенствования государственного управления отходами, в частности несанкционированными свалками, с учетом социально-экономических аспектов данной проблемы.

Задачи. Научно-техническая задача заключается в разработке подхода к ужесточению ответственности за возникновение стихийных несанкционированных свалок за счет использования дифференцированной системы штрафных санкций, взимаемых с лиц, виновных в образовании свалок.

Методология. В статье использовался диалектический метод как общий научный метод познания. Авторы рассматривают методы государственного управления отходами, в частности механизм привлечения к ответственности за экологическое правонарушение – возникновение несанкционированной свалки.

Результаты. Рассматривается метод расчета штрафа за возникновение стихийной несанкционированной свалки, учитывающий ее экологическую и социальную опасность. Оперативное обнаружение и первоначальный учет стихийных несанкционированных свалок, образующихся на городской территории, осуществляются с использованием разработанного авторами интернет-ресурса. Оценка опасности свалки и расчет штрафных санкций производятся в соответствии с разработанными авторами методами с использованием подключаемых внешних программных модулей.

Выводы. Предложенный подход к исчислению дифференцированных штрафных санкций за возникновение стихийных несанкционированных свалок учитывает экологическую и социальную опасность свалок и представляет из себя направление экономического стимулирования экологически рационального поведения, так как возросшая сумма штрафа будет способствовать оперативной ликвидации несанкционированных свалок собственниками земель.

Ключевые слова: несанкционированная свалка; отходы; государственное управление; ответственность за экологическое правонарушение; штраф.

Конфликт интересов: В представленной публикации отсутствует заимствованный материал без ссылок на автора и (или) источник заимствования, нет результатов научных работ, выполненных авторами публикации лично и (или) в соавторстве, без соответствующих ссылок. Авторы декларируют отсутствие конфликта интересов, связанных с публикацией данной статьи.

Для цитирования: Кирилчук И. О., Рыкунова В. Л. Разработка подхода к ужесточению материальной ответственности за размещение отходов на стихийных несанкционированных свалках с учетом социально-экономических аспектов // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. 2021. Т. 11, № 4. С. 181–192.

Поступила в редакцию 17.06.2021

Принята к публикации 15.07.2021

Опубликована 31.08.2021

Development and Analysis of Tax Security Indicators Based on Indicators of Assessment of the Quality of Tax Administration

Iraida O. Kirilchuk¹ ✉, Valentina L. Rykunova¹

¹ Southwest State University
50 Let Oktyabrya str. 94, Kursk 305040, Russian Federation

✉ e-mail: iraida585@mail.ru

Abstract

Relevance. Currently, the Russian economy is characterized by extremely large volumes of waste generation and this problem is a real threat to the country's sustainable development. In the European part of Russia, despite its vastness, the area of free land is limited, and in some cases they are not available at all. This restricts the storage and disposal of waste and creates conditions for the mass distribution of illegal waste dumping and the occurrence of spontaneous unauthorized dumps. Often, when such landfills occur on land plots that do not have an owner, it is very problematic to identify the person responsible for their occurrence and bring them to justice, and in the case of proven violations, violators usually face no more than 2 thousand rubles. In this regard, this study solved an urgent task, which is to develop a scientifically based approach to increasing liability for the specified environmental offense, taking into account the socio-economic aspects of this problem.

The purpose is to develop ways to improve public waste management, in particular unauthorized landfills, taking into account the socio-economic aspects of this problem.

Objectives. The scientific and technical task is to develop an approach to increasing responsibility for the occurrence of spontaneous unauthorized landfills by using a differentiated system of penalties levied on those responsible for the formation of landfills.

Methodology. The article uses the dialectical method as a General scientific method of cognition. The authors consider the methods of state waste management, in particular, the mechanism of bringing to responsibility for an environmental offense – the occurrence of an unauthorized dump.

Results. Being considered A method for calculating a fine for the occurrence of a spontaneous unauthorized dump, taking into account its environmental and social danger. Rapid detection and initial accounting of natural unauthorized dumps formed on the urban territory is carried out using the Internet resource developed by the authors. Assessment of landfill hazard and calculation of penalties is performed in accordance with the methods developed by the authors using plug-in external software modules.

Conclusions. The proposed approach to calculating differentiated penalties for the occurrence of spontaneous unauthorized landfills takes into account the environmental and social danger of landfills and is a direction of economic incentives for environmentally sound behavior, since the increased amount of the fine will contribute to the rapid elimination of unauthorized landfills by land owners.

Keywords: unauthorized landfill; waste; public administration; responsibility for environmental violations; fine.

Conflict of interest: *In the presented publication there is no borrowed material without references to the author and (or) source of borrowing, there are no results of scientific works performed by the authors of the publication, personally and (or) in co-authorship, without relevant links. The authors declares no conflict of interest related to the publication of this article.*

For citation: Kirilchuk I. O., Rykunova V. L. Development and Analysis of Tax Security Indicators Based on Indicators of Assessment of the Quality of Tax Administration. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Ekonomika. Sotsiologiya. Menedzhment* = *Proceedings of the Southwest State University. Series: Economics, Sociology and Management*. 2021; 11(4): 181–192. (In Russ.)

Received 17.06.2021

Accepted 15.07.2021

Published 31.08.2021

Введение

История развития общества неразрывно связана с проблемой возникновения все возрастающих объемов отходов жизнедеятельности. Учитывая нерешенность этой проблемы в настоящее время, можно сделать вывод, что любой крупный город стоит на грани токсикологического отравления собственными отходами. Как отмечает Г. М. Батракова и др., систематическая ситуация несвоевременного вывоза мусора, его размещение и захоронение на экологически небезопасных свалках приводят к ухудшению эпидемиологической обстановки на прилегающих территориях, распространению патогенных микроорганизмов и, как следствие, к резкому увеличению количества населения, страдающего различными инфекционными заболеваниями [1]. Исходя из исследований А. С. Яковлева можно сделать вывод, что большинство объектов размещения отходов (полигонов, несанкционированных и санкционированных свалок) не только загрязняют все без исключения объекты окружающей среды, но и оказывают подавляющее психологическое давление, тем самым формируя крайне неблагоприятную жизненную среду [2].

Как показано в работах П. Бэка, Х. М. Дала, Т. Матсуто, Э. Маркварта, М. Каниато, Т. Тюдора, Т. Д. Фармера, П. Шоу, влияние новых политических и идеологических установок, особенно в развитых странах, вызвало в последние десятилетия радикальные изменения в сфере обращения с твердыми отходами [3; 4; 5]. Система управления отходами в

развитых странах является сложноинтегрированной, включающей социально-экономическую и нормативно-правовую составляющие, при этом основным принципом, на котором она базируется, является принцип устойчивого развития [6; 7; 8]. Однако и за рубежом окончательного решения представленной проблемы не найдено. Как отмечают К. J. Whiting, F. J. Schwager, на большинстве мусоросжигательных заводах мира, включая высокоэффективные заводы Швеции и Японии, происходит образование огромного количества токсичной золы и пыли, проблема утилизации которых на данный момент является не решённой [9]. Помимо этого, в соответствии с исследованиями J. G. Rubio, Z. R. Koltai, A. Koenig во многих странах достаточно остро стоят вопросы несанкционированного размещения мусора [10; 11; 12]. Эти факторы вызывают негативную реакцию у населения и экологически ориентированных организаций и создают дополнительную социальную напряженность [13].

Таким образом, в большинстве развитых стран проблема отходов решается уже многие десятилетия, но для России, вероятно из-за обширности территории и иллюзорных представлений о возможности неограниченного размещения отходов, эта проблема никогда не была приоритетной. В исследованиях Н. Г. Гладышева показана особенность системы управления отходами в России, которая заключается в том, что практически весь объем образующихся твердых бытовых отходов захоранивается на свалках и полигонах, 88% которых уже в 1989 г.

находились в «неудовлетворительном санитарном состоянии» [14].

В настоящее время российская экономика отличается чрезвычайно большими объёмами образования отходов, и эта проблема усугубляется. Как отмечает А. А. Каздым, сложившаяся в Российской Федерации ситуация в области обращения с отходами ведет не только к неэффективному использованию ресурсов, сопровождающемуся значительным загрязнением социоприродной среды, но и представляет серьезную угрозу для устойчивого развития страны [15].

Среди факторов, влияющих сегодня на проблему твёрдых отходов в РФ, следует в первую очередь отметить следующие:

- пробелы в природоохранном законодательстве и отсутствие собственности на землю повлияли на низкую стоимость утилизации отходов путем захоронения;
- экстенсивное развитие экономической системы, ориентированной на потребление, не способствовало эффективному использованию ресурсов;
- засекреченность многих научных разработок повлияла на формирование информационного вакуума в области проблемы эффективной утилизации отходов.

Вместе с тем в настоящее время в России производится, импортируется и потребляется высокотехнологичная продукция развитого промышленного общества, в результате чего состав образующихся отходов усложняется, а их количество возрастает весьма существенными темпами.

Также следует обратить внимание на то, что количество специально обустроенных мест для размещения коммунальных отходов (полигонов ТКО) «составляет в целом по стране 1092, что на порядок меньше, чем даже количество санкционированных свалок, которых насчитывается больше 13 тысяч», при этом следует отметить, что согласно имеющимся у Росприроднадзора данным в 45% субъектов РФ проектная мощность полигонов ниже установленных ежегодных норм накопления отходов [16].

В европейской части России, несмотря на её обширность, площадь свободных земель лимитирована, а в некоторых случаях они вообще отсутствуют. Это ограничивает места хранения и захоронения отходов и создаёт предпосылки для массового распространения нелегального сброса отходов на почвы и водные объекты с тяжёлыми экологическими и санитарными последствиями [17].

По данным Минприроды, за последние годы ликвидировано 30269 свалок на общей площади 6029 га, на сегодняшний день на территории Российской Федерации выявлено 44023 места несанкционированного размещения ТКО на общей площади 13673 га (рис. 1). Наибольшее количество «стихийных свалок», выявленных Росприроднадзором, расположено на землях населённых пунктов – 59%, в водоохранных зонах – 16%, на землях сельскохозяйственного назначения – 15%, на землях лесного фонда – 8% (рис. 2) [18].

Актуальность представленной проблемы основывается не только на статистических данных, но и на следующих аспектах:

- объём ТКО увеличивается не только в абсолютных величинах, но и на душу населения. Однако при этом во многих регионах нормы накопления коммунальных отходов сохранились с советских времён. Следствие занижения норм накопления отходов на человека — необеспеченность территории необходимой инфраструктурой для экологически безопасной системы обращения с отходами, сопряжённой с критической нехваткой контейнеров, площадок временного размещения ТКО, спецавтотранспорта;
- в составе коммунальных отходов резко повысилось содержание токсичных компонентов;
- стоимость переработки отходов во много раз превышает затраты на их захоронение;
- в стране функционирует огромное количество объектов размещения отхо-

дов, не отвечающих экологическим нормам и требованиям. Однако состояние большинства местных бюджетов характеризуется нехваткой средств у муниципальных властей на ликвидацию свалок или приведение их в соответствии с требованиями законодательства РФ;

– низкий уровень экологического образования и просвещения населения, особенности российского менталитета не способствуют развитию в стране эффективной системы управления ТКО, основанной на раздельном сборе мусора [20].

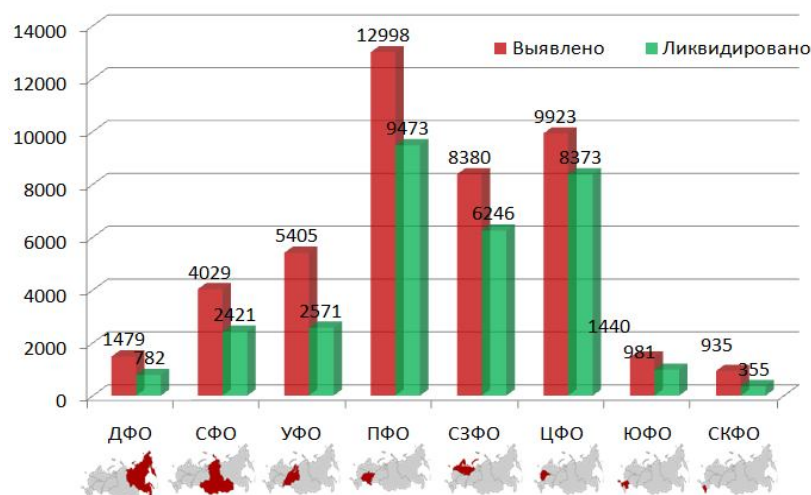

Рис. 1. Выявленные и ликвидированные места расположения несанкционированных свалок на территории федеральных округов, шт. [19]

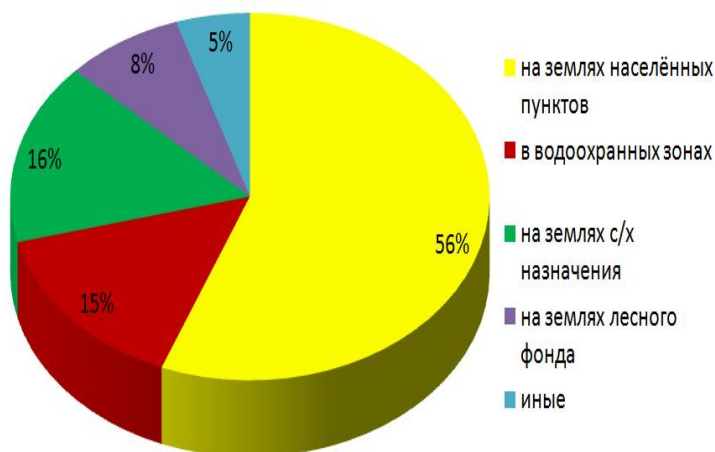

Рис. 2. Места несанкционированного размещения ТКО на землях различных категорий [19]

В связи с непосредственной близостью критического влияния на социум отходов, образующихся у населения, наиболее пристального внимания заслуживает тот факт, что величина вывоза ТКО из селитебных (жилых) зон занимала в составе всех ежегодно образующих-

ся отходов производства и потребления незначительную величину — порядка 1%. Вместе с тем с проблемами загрязнения окружающей природной среды коммунальными отходами население сталкивается практически повсеместно [21].

В конечном итоге вытекающим следствием является образование несанкционированных свалок, а с течением времени – разрушение общественной экологической культуры. Следует отметить, что свалки образуются не только в непосредственной близости от домов, не оснащённых контейнерами, но и вблизи гаражных кооперативов, а также на землях сельскохозяйственного использования, лесного хозяйства, водного ландшафта и прилегающих к нему земель. Этот факт говорит о необходимости скорейшего решения проблемы исходя из социально-экономических факторов. Цель данного исследования состоит в разработке направлений совершенствования государственного управления отходами, в частности несанкционированными свал-

ками, с учетом социально-экономических аспектов данной проблемы.

Материалы и методы

Одним из инструментов государственного управления в области проблемы несанкционированных свалок является механизм привлечения к административной, в т. ч. материальной, ответственности за экологическое правонарушение.

Меры материальной ответственности за нарушение природоохранного законодательства при обращении с отходами определяются Кодексом Российской Федерации об административных правонарушениях. Рассмотрим существующую в РФ систему штрафных санкций (табл. 1).

Таблица 1. Ответственность за нарушение законодательства в области обращения с отходами, тыс. руб. [22]

Название статьи	Ответственность			
	на граждан	на должностных лиц	на лиц, осуществляющих предпринимательскую деятельность без образования юридического лица	на юридических лиц
Ст. 8.2 «Несоблюдение экологических и санитарно-эпидемиологических требований при обращении с отходами производства и потребления, веществами, разрушающими озоновый слой, или иными опасными веществами»	1-2	10-30	30-50 или административное приостановление деятельности на срок до 90 суток	От 100-250 или административное приостановление деятельности на срок до 90 суток
Ч. 2 ст. 8.6 «Порча земель»	1,5-2,5	3-4	3-4 или административное приостановление деятельности на срок до 90 суток	30-40 или административное приостановление деятельности на срок до 90 суток
Ч. 5 ст. 8.13 «Нарушение правил охраны водных объектов»	2-2,5	4-5	-	40-50

Название статьи	Ответственность			
	на граждан	на должностных лиц	на лиц, осуществляющих предпринимательскую деятельность без образования юридического лица	на юридических лиц
Ст. 8.19 «Нарушение правил захоронения отходов и других материалов во внутренних морских водах, в территориальном море, на континентальном шельфе и (или) в исключительной экономической зоне РФ»	-	15-20 с конфискацией судна, летательного аппарата и иных орудий совершения административного правонарушения	-	200-300 с конфискацией судна, летательного аппарата и иных орудий совершения административного правонарушения или без таковой.
Ч. 2.3 ст. 8.31 «Загрязнение лесов сточными водами, химическими, радиоактивными и другими вредными веществами, отходами производства и потребления и (или) иное негативное воздействие на леса»	1-2,5	2-5	2-5 или административное приостановление деятельности на срок до 90 суток	20-100 или административное приостановление деятельности на срок до 90 суток

Результаты анализа действующих штрафных санкций свидетельствуют о том, что при исчислении суммы штрафа за стихийную несанкционированную свалку не учитывается ее экологическая и социальная опасность. В связи с этим актуальной является задача разработки дифференцированной системы штрафных санкций, взимаемых с лиц, виновных в образовании стихийных несанкционированных свалок.

Результаты и их обсуждение

Оперативное обнаружение и первоначальный учет стихийных несанкционированных свалок, образующихся на городской территории, осуществляется с использованием разработанного авторами интернет-портала, доступного по адресу *dev.swsu.ru*. Особенности работы с данным интернет-ресурсом подробно рассмотрены в [23; 24].

В режиме администратора портала осуществляется оценка экологической и социальной опасности свалки в соответствии с разработанным авторами методом путем расчета класса опасности стихийной несанкционированной свалки К [25].

Расчет К осуществляется на основании анализа следующих параметров:

$$K = K(S, C, L, V_f, T),$$

где S – площадь основания несанкционированной свалки, м²; C – состав размещенных отходов; L – расстояние от свалки до мест жизнедеятельности населения, водоемов и ООПТ, м; V_f – количество фильтрационных вод, м³/год; T – время размещения отходов на территории свалки, лет.

В таблице 2 приведено соответствие указанных параметров классу опасности свалки.

Таблица 2. Определение класса экологической опасности свалки

Класс опасности свалки	Площадь свалки	Состав отходов	Расстояние до свалки	Время существования свалки	Объем фильтрата
I – чрезвычайно опасные	Более 20 м ²	Пищевые отходы, резина, пластик	Менее 50 м	Более двух лет	Более 15 м ³ /год
II – высокоопасные	От 15 до 20 м ²	Бумага, металл	От 50 до 100 м	От полутора до двух лет	От 10 до 15 м ³ /год
III – умеренно опасные	От 10 до 15 м ²	Текстиль, шерсть	От 100 до 200 м	От полутора до двух лет	От 10 до 15 м ³ /год
IV – малоопасные	От 5 до 10 м ²	Дерево, кожаные изделия	От 200 до 300 м	От года до двух лет	От 5 до 10 м ³ /год
V – практически неопасные	Менее 5 м ²	Кирпич / камень	Более 300 м	Менее года	Менее 5 м ³ /год

Определение класса экологической опасности несанкционированной свалки происходит следующим образом: фактические характеристики свалки поочередно сравниваются с табличными. Если три и более параметров из фактических значений совпадают со значением из первой строки, свалка получает класс опасности I. При отсутствии совпадений в первой строке такое же сравнение проводится со второй строкой, затем с третьей и последующими. Если же обнаруживается совпадение двух и более параметров во второй строке и одного или двух в первой, присваивается II класс опасности. По аналогии осуществляется проверка по всем строкам таблицы.

После определения класса экологической опасности свалки осуществляется расчет штрафа за ее возникновение:

$$\text{Ш} = P(K) \cdot \text{УЩ}_{\text{отх}},$$

где Ш – сумма штрафа за возникновение стихийной несанкционированной свалки; $P(K)$ – весовой коэффициент, зависящий от класса экологической опасности свалки (если $K=1$, то $P(K)=5$; если $K=2$, то $P(K)=4$; если $K=3$, то $P(K)=3$; если $K=4$, то $P(K)=2$; если $K=5$, то $P(K)=1$); $\text{УЩ}_{\text{отх}}$ – размер вреда почвам как объекту окружающей среды, руб. [26].

С целью экспериментальной проверки предложенного подхода к дифференцированному исчислению штрафных

санкций за возникновение стихийных несанкционированных свалок было проведено санитарно-гигиеническое обследование одного из районов г. Курска, в результате которого было обнаружено 10 несанкционированных свалок.

С помощью специального программного обеспечения и данных интернет-портала был произведен расчет штрафа для каждой из обнаруженных свалок.

В результате выполнения программных модулей осуществляется формирование отчета об оценке стихийной несанкционированной свалки (рис. 3).

Выводы

Зачастую при образовании стихийной свалки на участках, не имеющих собственника, крайне сложно установить лицо, виновное в ее возникновении, и привлечь его к ответственности, а в случае доказанного состава нарушения нарушителям обычно грозит не более 2 тыс. руб. В связи с этим в данном исследовании была решена актуальная задача, состоящая в разработке научно обоснованного подхода к ужесточению ответственности за указанное экологическое правонарушение. Предложенный подход к исчислению дифференцированных штрафных санкций за возникновение стихийных несанкционированных свалок учитывает экологическую и социальную опасность свалок и представляет из

себя направление экономического стимулирования экологически рационального поведения, так как возросшая сумма штра-

фа будет способствовать оперативной ликвидации несанкционированных свалок собственниками земель.

Адрес свалки	г. Курск, ул. Хрущёва
Фото свалки	
Площадь основания свалки, м ²	4
Высота свалки, м	0,4
Форма свалки	параллелепипед (отходы рассыпаны тонким слоем)
Состав отходов	дерево, кожаные изделия, кирпич/камень
Удаленность от мест жизнедеятельности человека, водоемов и ООПТ, м	300
Время существования свалки, лет	менее года
Вид поверхности, на которой расположена свалка	поверхности, покрытые травянистой и редкой кустарниковой растительностью
Статус свалки (обнаружена /ликвидирована)	обнаружена
Класс опасности свалки	5
Штраф за возникновение свалки, тыс. руб.	4,2

Рис. 3. Отчет об оценке стихийной несанкционированной свалки

Кроме того, в целях совершенствования системы обнаружения и ликвидации стихийных несанкционированных свалок и привлечения внимания к проблеме санитарной уборки города не только добровольческих организаций, но и государственных органов исполнительной власти, разработанный авторами интернет-портал позволяет помимо нанесения гражданами на интерактивную карту мест обнаружения стихийных несанкционированных свалок осуществлять автоматическое формирование заявления в

соответствующий орган, отвечающий за санитарное состояние участка, на котором была обнаружена свалка. Данное заявление, составленное по установленной форме, помимо обязательной информации содержит сведения об экологической опасности обнаруженной свалки и сумму штрафа за ее возникновение. Автоматическое формирование заявления позволит ускорить процесс оповещения соответствующих органов об обнаруженной свалке и, как следствие, сократить время ее ликвидации.

Список литературы

1. Батракова Г. М., Максимова С. В., Глушанкова И. С. Оценка потенциальной опасности площадки захоронения бытовых отходов // Сергеевские чтения. 2003. № 5. С. 216–221.
2. Яковлев А. С. Оценка реального воздействия и потенциальной опасности объектов размещения отходов // Экология производства. 2007. № 4. С. 44–47.

3. Маркварт Э. Реформирование и развитие муниципального хозяйства. Концептуальные подходы. М.: НП OST-EVRO-МУНИЦИПАЛ, 2003. 41 с.
4. Caniato M., Tudor T., Vaccari M. International governance structures for health-care waste management: A systematic review of scientific literature // *Journal of Environmental Management*. 2015. Vol. 153. P. 93-107.
5. Farmer T. D., Shaw P. J., Williams I. D. Destined for indecision? A critical analysis of waste management practices in England from 1996 to 2013 // *Waste Management*. 2015. Vol. 39. P. 266-276.
6. Бэк П. Управление отходами в Финляндии // *Твердые бытовые отходы*. 2008. № 7. С. 56-59.
7. Дал Х. М. Норвежский опыт управления отходами // *Твердые бытовые отходы*. 2008. № 9. С. 70-72.
8. Матсуто Т. Япония: методы управления твердыми отходами // *Твердые бытовые отходы*. 2007. № 5. С. 72-76.
9. Whiting K. J., Schwager F. J. European Trends in The Thermal Treatment of Solid Wastes // *The ISWA yearbook*. 1997. N 8. P. 284-288.
10. Rubio J. G. The role of landfills in the current management of household and industrial waste in Spain // *The ISWA yearbook*. 1997. N 8. P. 339-342.
11. Koltai Z. R. Environmental protection issues concerning waste management in Hungary // *The ISWA yearbook*. 1997. N 8. P. 334-338.
12. Koenig A. Resource consumption and waste generation in Hong Kong // *The ISWA yearbook*. 1997. N 8. P. 330-333.
13. Викторова М. А. Несанкционированные свалки города // *Твердые бытовые отходы*. 2005. № 6. С. 11-12.
14. Гладышев Н. Г. Обращение с отходами. Организационно-технические решения // *Экология и промышленность России*. 2007. № 9. С. 28-31.
15. Каздым А. А. Историческая экология: монография. М.: ИП Скороходов, 2010. 148 с.
16. Проблема утилизации бытовых отходов. URL: <http://www.bestreferat.ru/referat-212038.shtml> (дата обращения: 17.04.2021).
17. Котельникова Е. А., Зайцев О. Б. О мусоре с грустью // *Твёрдые бытовые отходы*. 2012. № 7. С. 24-26.
18. Бурцева Н. Н. Муниципальные свалки в России: разрешение проблем // *Твёрдые бытовые отходы*. 2013. № 1. С. 20-24.
19. Пресс-служба Минприроды России. URL: <http://oldsite.zapoved.ru/news/detail.php?ID=344026> (дата обращения: 17.05.2021).
20. Соколова Н. Р. Росприроднадзор и проблемы отходов: выявление причин, принятие решений // *Твёрдые бытовые отходы*. 2013. № 5. С. 12-18.
21. Сергеевков А. П. Требования к местам накопления опасных отходов // *Твёрдые бытовые отходы*. 2015. № 6. С. 38-41.
22. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях: федер. закон от 30.12.2001 г. № 195-ФЗ: [с изм. и доп., вступ. в силу с 01.07.2019 г.]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34661/ (дата обращения: 10.05.2021).
23. Юшин В. В., Кирильчук И. О. Геоинформационный учет и оценка опасности стихийных несанкционированных свалок // *Безопасность жизнедеятельности*. 2017. № 6 (198). С. 34-42.
24. Разработка элементов информационно-аналитической системы учета несанкционированных свалок / В. В. Юшин, В. М. Попов, И. О. Кирильчук, А. В. Гнездилова // *Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Управление, вычислительная техника, информатика. Медицинское приборостроение*. 2018. Т. 8, № 3 (28). С. 68-80.
25. Пат. 2731662 С1 Российская Федерация. Способ оценки экологической опасности стихийных несанкционированных свалок / Кирильчук И. О., Юшин В. В., Иорданова А. В.; заявитель и патентообладатель Юго-Западный государственный университет. № 2019136200; заявл. 12.11.19; опубл. 07.09.20.
26. Рекус И. Г., Шорина О. С. Основы экологии и рационального природопользования: учебное пособие. М.: Изд-во МГУП, 2001. 146 с.

References

1. Batrakova G. M., Maksimova C. B., Glushankova I. S. Otsenka potentsial'noi opasnosti ploshchadki zakhoroneniya bytovykh otkhodov [Assessment of the potential hazard of domestic waste disposal sites]. *Sergeevskie chteniya = Sergeevskie Readings*, 2003, no. 5, pp. 216-221.
2. Yakovlev A. S. Otsenka real'nogo vozdeistviya i potentsial'noi opasnosti ob"ektov razmeshcheniya otkhodov [Assessment of the real impact and potential hazard of waste disposal facilities]. *Ekologiya proizvodstva = Production Ecology*, 2007, no. 4, pp. 44-47.
3. Markvart E. Reformirovanie i razvitie munitsipal'nogo khozyaistva. Kontseptual'nye podkhody [Reform and development of the municipal economy. Conceptual approach]. Moscow, NP OST-EVRO-MUNICIPAL Publ., 2003. 41 p.
4. Caniato M., Tudor T., Vaccari M. International governance structures for health-care waste management: A systematic review of scientific literature. *Journal of Environmental Management*, 2015, vol. 153, pp. 93-107.
5. Farmer T. D., Shaw P. J., Williams I. D. Destined for indecision? A critical analysis of waste management practices in England from 1996 to 2013. *Waste Management*, 2015, vol. 39, pp. 266-276.
6. Bek P. Upravlenie otkhodami v Finlyandii [Waste Management in Finland]. *Tverdye bytovye otkhody = Solid Waste*, 2008, no. 7, pp. 56-59.
7. Dal Kh. M. Norvezhskii opyt upravleniya otkhodami [Norwegian experience of waste management]. *Tverdye bytovye otkhody = Solid Waste*, 2008, no. 9, pp. 70-72.
8. Matsuto T. Yaponiya: metody upravleniya tverdymi otkhodami [Japan: methods of solid waste management]. *Tverdye bytovye otkhody = Solid Waste*, 2007, no. 5, pp. 72-76.
9. Whiting K. J., Schwager F. J. European Trends in The Thermal Treatment of Solid Wastes. *The ISWA Yearbook*, 1997, no. 8, pp. 284-288.
10. Rubio J. G. The role of landfills in the current management of household and industrial waste in Spain. *The ISWA Yearbook*, 1997, no. 8, pp. 339-342.
11. Koltai Z. R. Environmental protection issues concerning waste management in Hungary. *The ISWA Yearbook*, 1997, no. 8, pp. 334-338.
12. Koenig A. Resource consumption and waste generation in Hong Kong. *The ISWA Yearbook*, 1997, no. 8, pp. 330-333.
13. Viktorova M. A. Nesanktsionirovannye svalki goroda [Unauthorized landfills of the city]. *Tverdye bytovye otkhody = Solid Waste*, 2005, no. 6, pp. 11-12.
14. Gladyshev N. G. Obrashchenie s otkhodami. Organizatsionno-tekhnicheskie resheniya [Waste management. Organizational and technical solutions]. *Ekologiya i promyshlennost' Rossii = Ecology and Industry in Russia*, 2007, no. 9, pp. 28-31.
15. Kazdym A. A. Istoricheskaya ekologiya [Historical ecology]. Moscow, IP Skorokhodov Publ., 2010.
16. Problema utilizatsii bytovykh otkhodov [The problem of household waste disposal]. Available at: <http://www.bestreferat.ru/referat-212038.html> l. (accessed 17.04.2021)
17. Kotel'nikova E. A., Zaytsev O. B. O musore s grust'yu [About rubbish with sadness]. *Tverdye bytovye otkhody = Solid Waste*, 2012, no. 7, pp. 24-26.
18. Burtseva N. N. Munitsipal'nye svalki v Rossii: razreshenie problem [Municipal landfills in Russia: problem solving]. *Tverdye bytovye otkhody = Solid Waste*, 2013, no. 1, pp. 20-24.
19. Press-sluzhba Minprirody Rossii [Press Service of the Ministry of Natural Resources of Russia]. Available at: <http://oldsite.zapoved.ru/news/detail.php?ID=344026>. (accessed 17.05.2021)
20. Sokolova N. R. Rosprirodnadzor i problemy otkhodov: vyyavlenie prichin, prinyatie reshenii [Rosprirodnadzor and waste problems: identifying the causes, making decisions]. *Tverdye bytovye otkhody = Solid Waste*, 2013, no 5, pp. 12-18.
21. Sergeenkov A. P. Trebovaniya k mestam nakopleniya opasnykh otkhodov [Requirements for Hazardous Waste Accumulation Sites]. *Tverdye bytovye otkhody = Solid Waste*, 2015, no. 6, pp.38-41.
22. Kodeks Rossiiskoi Federatsii ob administrativnykh pravonarusheniyakh [Code of the Russian Federation on Administrative Offenses]. Feder. Law of December 30, 2001 № 195 (with amendments)

and additions, intro. effective from July 07, 2019). Available at: <http://www.consultant.ru>> document/cons_doc_LAW_34661/. (accessed 10.05.2021)

23. Yushin V. V., Kirilchuk I. O. Geoinformatsionnyi uchet i otsenka opasnosti stikhiinykh nesanktsionirovannykh svalok [Requirements for Hazardous Waste Accumulation Sites]. *Bezopasnost' zhiznedeyatel'nosti = Life Safety*, 2017, no. 6(198), pp. 34-42.

24. Yushin V. V., Popov V. M., Kirilchuk I. O., Gnezdilova A. V. Razrabotka elementov informatsionno-analiticheskoi sistemy ucheta nesanktsionirovannykh svalok [Development of elements of information and analytical accounting system for unauthorized dumps]. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Upravlenie, vychislitel'naya tekhnika, informatika. Meditsinskoe priborostroenie = Proceedings of Southwest State University. Series Control, Computer Engineering, Information Science. Medical Instruments Engineering*, 2018, vol. 8, no. 3(28), pp. 68-80.

25. Kirilchuk I. O., Yushin V. V., Iordanova A. V. Sposob otsenki ekologicheskoi opasnosti stikhiinykh nesanktsionirovannykh svalok [The method of rapid assessment of the risk of unauthorized landfills]. Patent RF, no. 2019136200, 2020.

26. Rekus I. G., Shorina O. S. Osnovy ekologii i ratsional'nogo prirodopol'zovaniya [Fundamentals of ecology and environmental management]. Moscow, MGUP Publ., 2001. 146 p.

Информация об авторах / Information about the Authors

Кирильчук Ираида Олеговна, кандидат технических наук, доцент кафедры охраны труда и окружающей среды, Юго-Западный государственный университет, г. Курск, Российская Федерация,
e-mail: iraida585@mail.ru,
ORCID: 0000-0001-8636-9340,
Researcher ID: N-8966-2016

Iraida O. Kirilchuk, Candidate of Technical Sciences, Associate Professor of the Department of Labor Protection and Environment, Southwest State University, Kursk, Russian Federation,
e-mail: iraida585@mail.ru,
ORCID: 0000-0001-8636-9340,
Researcher ID: N-8966-2016

Рыкунова Валентина Леонидовна, кандидат экономических наук, доцент кафедры экономической безопасности и налогообложения, Юго-Западный государственный университет, г. Курск, Российская Федерация,
e-mail: valentina0209@mail.ru,
ORCID: 0000-0003-1875-0152

Valentina L. Rykunova, Candidate of Economic Sciences, Associate Professor of the Department of Economic Security and Taxation, Southwest State University, Kursk, Russian Federation,
e-mail: valentina0209@mail.ru,
ORCID: 0000-0003-1875-0152

ТРУДОВЫЕ РЕСУРСЫ И ОБРАЗОВАНИЕ

HUMAN RESOURCES AND EDUCATION

Оригинальная статья / Original article

УДК 331.1.5

Кадры как показатель инновационного развития регионов России

Ж. Ю. Коптева¹, И. А. Томакова¹, А. И. Пияльцев¹ ✉

¹ Юго-Западный государственный университет
ул. 50 лет Октября 94, г. Курск 305040, Российская Федерация

✉ e-mail: pialcevaleksandr8@gmail.com

Резюме

Актуальность. Вопросы инновационного развития регионов являются одними из самых актуальных в работах и исследованиях российских и зарубежных ученых. Именно кадровая составляющая образует основу конкурентоспособности и экономического преобразования субъектов РФ.

Целью исследования является разработка комплекса показателей для системной оценки регионального инновационного потенциала.

Задачи: рассмотреть понятия «инновации», «инновационное развитие», «инновационный потенциал»; определить их составляющие; проанализировать существующие методы и подходы к оценке регионального инновационного потенциала; определить комплекс показателей для системной оценки регионального инновационного потенциала.

Методология. В исследовании были использованы общенаучные методы: сравнительный анализ, обобщение, индукция.

Результаты. На основе проведенного исследования была разработана система показателей для комплексной оценки регионального инновационного потенциала региона.

Выводы. Оценка инновационного потенциала региона должна включать в себя определение уровня развития таких сфер, как научно-исследовательская, опытно-конструкторская, образовательная, технологическая, и включать в себя показатели, отражающие уровень развития всех вышеперечисленных сфер и областей человеческой деятельности, где основную долю занимает кадровая составляющая.

Ключевые слова: инновации; инновационный потенциал региона; инновационное развитие; конкурентоспособность региона; инновационная среда; человеческий капитал; технологии; интеллектуальная собственность.

Конфликт интересов: В представленной публикации отсутствует заимствованный материал без ссылок на автора и (или) источник заимствования, нет результатов научных работ, выполненных авторами публикации лично и (или) в соавторстве, без соответствующих ссылок. Авторы декларируют отсутствие конфликта интересов, связанных с публикацией данной статьи.

Для цитирования: Коптева Ж. Ю., Томакова И. А., Пияльцев А. И. Кадры как показатель инновационного развития регионов России // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. 2021. Т. 11, № 4. С. 193–203.

Поступила в редакцию 01.06.2021

Принята к публикации 03.07.2021

Опубликована 31.08.2021

© Коптева Ж. Ю., Томакова И. А., Пияльцев А. И., 2021

Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент /
Proceedings of the Southwest State University. Series: Economics, Sociology and Management. 2021; 11(4): 193–203

Staff as an Indicator of Innovative Development of Regions of Russia

Zhanna Yu. Kopteva¹, Irina A. Tomakova¹, Alexander I. Piyaltsev¹ ✉

¹ Southwest State University
50 Let Oktyabrya str. 94, Kursk 305040, Russian Federation

✉ e-mail: pialcevaleksandr8@gmail.com

Abstract

Relevance. The issues of innovative development of regions are among the most relevant in the works and research of Russian and foreign scientists. It is the personnel component that forms the basis of competitiveness and economic transformation of the subjects of the Russian Federation.

The purpose of the study is to develop a set of indicators for a systematic assessment of regional innovation potential.

Objectives: to consider the concepts of "innovation", "innovative development", "innovation potential"; to determine their components; to analyze existing methods and approaches to assessing regional innovation potential; to determine a set of indicators for a systematic assessment of regional innovation potential.

Methodology. General scientific methods were used in the study: comparative analysis, generalization, induction.

Results. Based on the conducted research, a system of indicators was developed for a comprehensive assessment of the regional innovation potential of the region.

Conclusions. The assessment of the innovative potential of the region should include determining the level of development of such areas as research, development, educational, technological, and include indicators reflecting the level of development of all the above-mentioned areas and areas of human activity, where the main share is occupied by the personnel component.

Keywords: innovations; innovative potential of the region; innovative development; competitiveness of the region; innovative environment; human capital; technologies; intellectual property.

Conflict of interest: In the presented publication there is no borrowed material without references to the author and (or) source of borrowing, there are no results of scientific works performed by the authors of the publication, personally and (or) in co-authorship, without relevant links. The authors declares no conflict of interest related to the publication of this article.

For citation: Kopteva Zh. Yu., Tomakova I. A., Piyaltsev A. I. Staff as an Indicator of Innovative Development of Regions of Russia. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Ekonomika. Sotsiologiya. Menedzhment* = *Proceedings of the Southwest State University. Series: Economics, Sociology and Management*. 2021; 11(4): 193–203. (In Russ.)

Received 01.06.2021

Accepted 03.07.2021

Published 31.08.2021

Введение

Одной из стратегических целей экономики, в т. ч. и на региональном уровне, является достижение устойчивого экономического роста в долгосрочной временной перспективе. В данном аспекте переход к инновационному развитию стоит рассматривать не только с точки зрения фактора, увеличивающего конкурентоспособность, но и явления, образующего кумулятивный эффект, влияние которого распространяется на весь экономический механизм в целом. Современный опыт развитых экономик мира показывает, что рост национального богатства во многом обеспечивается за счет усиления роли

инновационной составляющей. Инновационное развитие экономики является сложным многоуровневым процессом, включающим в себя множество компонентов, одним из которых является кадровая составляющая инновационного развития региона.

Материалы и методы

Объектами данного исследования является инновационный потенциал как неотъемлемая составляющая роста, трансформации региональной экономики. Инновации рассматривают с двух позиций: способ увеличения конкурентоспособности и возможность для создания

кумулятивного эффекта, преобразующего экономическую систему в целом и дающего импульс для инновационного развития во всех отраслях народного хозяйства. Исследование базируется на материалах научных работ российских и зарубежных ученых и экспертов.

В работе были использованы общенаучные методы: сравнительный анализ, обобщение, индукция и др.

Результаты и их обсуждение

Анализ инноваций в аспекте фактора конкурентоспособности связан с их ролью в повышении эффективности и производительности производства и функционирования хозяйствующих субъектов, что обусловлено прежде всего:

- 1) повышением качества производимых товаров и оказываемых услуг;
- 2) изменением самого характера конкуренции в сторону повышения инновационной и наукоемкой составляющей в деятельности хозяйствующих субъектов;
- 3) появлением новых сфер и рынков, что позволяет расширить клиентскую базу, найти перспективные направления развития;
- 4) снижением издержек (производственных, транзакционных, коммуникационных и т. д.).

Именно интенсивность и масштабы научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ в современных условиях определяют экономический потенциал и оказывают существенное влияние на эффективность функционирования субъектов экономики. Одним из показателей экономической мощи государства является его промышленный потенциал [1, с. 58], поэтому внедрение результатов НИОКР в сферу производства товаров и оказание услуг позволят значительно увеличить уровень технологического преобладания над конкурентами на внутреннем и внешнем рынках.

Изучение инноваций с точки зрения образования кумулятивного эффекта связано с тем, что трансформация одной об-

ласти дает импульсы в развитии других, позволяя расширить возможности экономической системы, перейти к качественно новой ступени. В. Д. Секерин и А. Е. Горохова пришли к выводу, что к числу видов эффектов от реализации инноваций можно отнести: народно-хозяйственный, бюджетный, коммерческий, научный, научно-технический, технический, экономический, финансовый, ресурсный, социальный, экологический, информационный [2, с. 261-263].

На региональном уровне такого рода эффекты способны повысить возможности экономической системы субъекта, его конкурентоспособность, независимость, уровень человеческого потенциала, нарастить производственные силы, оказать позитивное влияние на обеспечение экономической безопасности региона и государства в целом.

На процесс инновационного развития регионов оказывает влияние большое число факторов внешнего и внутреннего характера, определяющих условия его функционирования. К их числу можно отнести: кадровое обеспечение, уровень инновационной инфраструктуры, востребованность инновационных товаров и услуг, уровень законодательного регулирования инновационной сферы, связей с другими хозяйствующими субъектами, степень ориентации образовательной системы на инновационную траекторию и взаимодействие с ней, структуру институциональной сферы и т. д. При этом немаловажным фактором инновационного потенциала региона являются кадровая составляющая.

В своих трудах Е. В. Петрухина справедливо отмечает, что среди основных факторов инновационного развития исходными условиями для социально-экономического развития региона на инновационной основе являются:

- 1) наличие необходимого объема для инновационного прогресса интеллектуального и технологического потенциала;
- 2) востребованность инноваций хозяйствующих субъектов;

3) наличие институциональной системы, ориентированной на инновационное развитие;

4) непрерывный рост числа участников инновационной «цепочки» [3, с.5].

При этом стратегическую цель инновационного развития на региональном уровне можно определить как достижение экономического роста, повышение конкурентоспособности и совершенствование смежных с экономикой сфер за счет формирования «экономики знаний».

Термин «экономика знаний» был применен в 1962 г. американским экономистом и ученым Ф. Махлупом и получил достаточно широкое распространение. Экономика знаний является новой ступенью развития экономики, в основе которой лежит человеческий капитал и знания. Именно становление экономики знаний сегодня считается одной из главных задач национальной экономики. Так, Г. Х. Батов отмечает, что особенностью экономики знаний является ее выход за пределы сфер производства и распространения информации, что обусловлено ее возможностью достижения развития без обеспечения ресурсами на материальной основе [4, с. 213]. Движущими

силами формирования и роста экономики знания является возрастание роли информации в социально-экономическом и техническом развитии хозяйствующих субъектов, инфраструктуры, формирование рынков информации и увеличение доли продуктов и услуг с инновационной составляющей. Таким образом, мы приходим к выводу о том, что кадровый компонент является значимым и неотъемлемым элементом региональной экономики в инновационном аспекте.

Одной из важнейших составляющих самого процесса инновационного развития является инновационный потенциал. П. М. Гуреев и В. Н. Гришин определяют инновационный потенциал как «признак социально-экономической системы, характеризующий допустимость и максимально возможный результат целенаправленной деятельности по изменению структурно-функциональных свойств данной системы» [5, с.90]. Основой формирования инновационного потенциала выступают три главных элемента: ресурсы, организационные возможности для их использования, готовность системы к инновационному развитию (рис. 1).

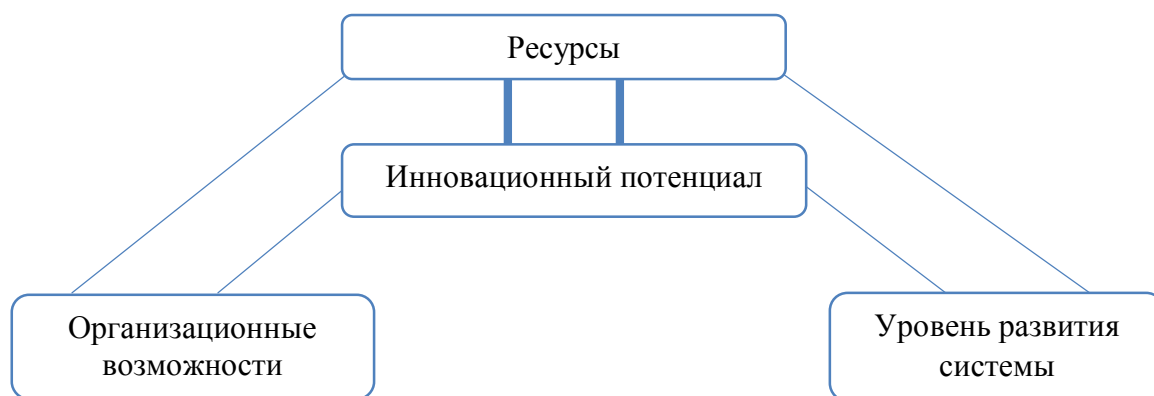

Рис. 1. Составляющие компоненты инновационного потенциала

Инновационный потенциал региона является одним из важнейших показателей, отражающих национальную конкурентоспособность. Так, уровень инновационного потенциала выступает в качестве одного из 12 составляющих показателей расчета индекса глобальной конку-

рентоспособности, в котором по состоянию на 2019 г. Россия находится на 43 месте (значение индекса – 66,7 балла) [6].

Авторы Е. В. Емельянова и Н. В. Харчикова в исследовании вопросов инновационного потенциала регионов отмечают важность инновационной среды региона,

представляющей собой социально-экономическую категорию, в основе которой лежит процесс формирования региональной системы инноваций, для роста и реализации инновационного потенциала [7, с. 444].

Одним из актуальных вопросов в сфере регионального инновационного развития является нахождение эффективного подхода к его оценке и мониторингу. Именно качественный и эффективный мониторинг является одним из важнейших экономических инструментов на региональном уровне.

Так, И. М. Бортник, Г. И. Сенченя, Н. Н. Михеева, А. А. Здунов, П. А. Кадочников и А. В. Сорокина представляют методику оценки инновационного развития регионов, основанную на использовании большого набора индикаторов, весовой системы, тщательном анализе эко-

номического и инновационного содержания составляющих показателей, а также проведении процедуры сглаживания данных и включающую в себя группы показателей, отражающих потенциал в создании инноваций, их коммерциализации и результативности инновационной политики [8, с. 28-29].

И. Е. Ильина, Е. Н. Жарова, Е. В. Агамирова и А. С. Каменский пришли к выводу, что в ходе анализа регионального научно-технологического и инновационного развития рекомендуется использовать следующие группы показателей (рис. 2).

Основываясь на результатах собственного исследования и методиках российских и зарубежных экспертов для оценки регионального инновационного потенциала, мы предлагаем следующий набор показателей (табл.).

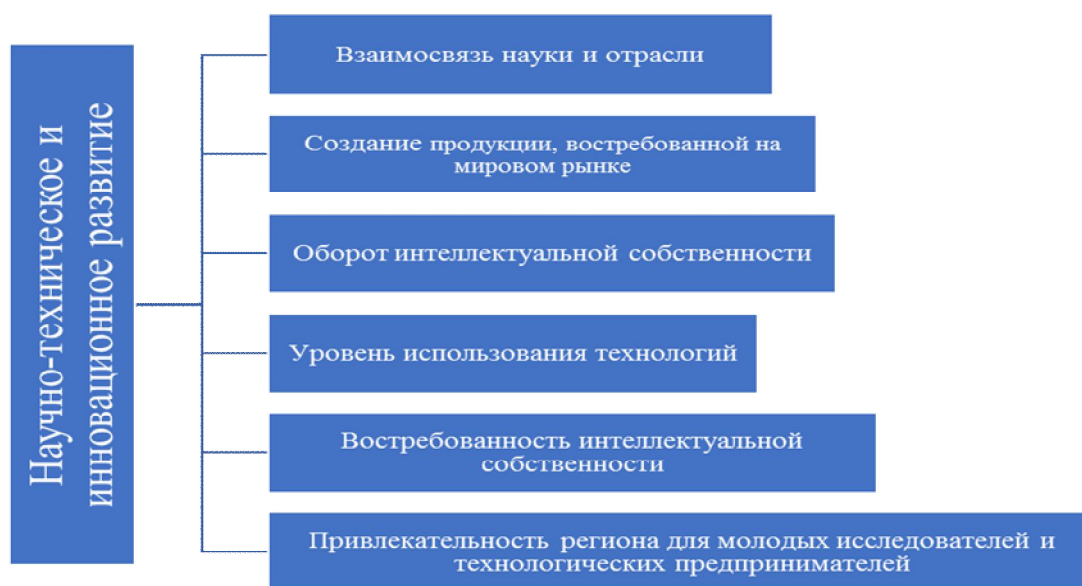

Рис. 2. Классификация элементов инновационного потенциала региона [9]

Таблица. Оценка инновационного потенциала Курской области за 2017-2019 гг. [10; 11]

Показатель	2017	2018	2019	Темп прироста 2018/2017	Темп прироста 2019/2018	Темп прироста 2019/2017
Валовой региональный продукт (в текущих основных ценах), млн руб.	387577	428441	496699	10,54	15,93	28,15

Показатель	2017	2018	2019	Темп при- роста 2018/2017	Темп при- роста 2019/2018	Темп при- роста 2019/2017
Среднегодовая численность занятых в области информации и связи, тыс. чел.	8,2	7,9	8,1	-3,66	2,53	-1,22
Использование информационных и коммуникационных технологий, в % от общего числа обследованных организаций	91,9	90,1	90,4	-1,96	0,33	-1,63
Затраты организаций на ИКТ, млн руб.	2588,5	3206,7	3495	23,88	8,99	35,02
Объем услуг в сфере телекоммуникаций в фактически действовавших ценах, млн руб.	8939,2	9261,6	9486	3,61	2,42	6,12
Численность исследователей, всего	980	1044	951	6,53	-8,91	-2,96
Внутренние затраты на исследования и разработки, всего, млн руб.	5936,1	2749,3	2893,3	-53,69	5,24	-51,26
Внутренние текущие затраты на исследования и разработки, млн руб.	5882,4	2743,8	2880,8	-53,36	4,99	-51,03
Используемые передовые производственные технологии, всего	1291	1487	1454	15,18	-2,22	12,63
Объем инновационных товаров, работ, услуг, млн руб.	30361	48761,8	26754,2	60,61	-45,13	-11,88
Удельный вес инновационных товаров, работ, услуг в общем объеме отгруженных товаров, выполненных работ, услуг, %	8,4	12	5,5	42,86	-54,17	-34,52
Удельный вес затрат на инновационную деятельность в объеме отгруженных товаров, выполненных работ, услуг, %	0,6	0,7	0,7	16,67	0,00	16,67
Население на конец года, тыс. чел.	1115,2	1107	1104	-0,74	-0,27	-1,00
Объем инновационных товаров, работ, услуг в пересчете на 1 жителя Курской области, руб.	27224,71	44048,6	24233,88	61,80	-44,98	-10,99

По данным таблицы видно, что в то время как увеличились валовый региональный продукт, затраты организаций на ИКТ и удельный вес затрат на инновационную деятельность, в объеме отгруженных товаров, выполненных работ, услуг на 28,15, 35,02 и 16,67% соответственно наблюдается сокращение внутренних затрат на исследования и разработки, внутренних текущих затрат на исследования и разработки, объема инновационных товаров, работ, услуг и удельного веса инновационных товаров, работ, услуг в общем объеме отгруженных товаров, выполненных работ, услуг на 51,26, 51,03, 11,88 и 34,52% соответственно.

Немаловажное значение в вопросе использования инновационного потенциала региона является кадровый аспект. Именно укрепление и рост кадрового потенциала являются одними из наиболее результативных направлений в инновационном развитии региона: кадровое

обеспечение составляет основу устойчивого развития всех секторов экономики [12; 13]. Любое развитие научно-технического прогресса и построение новой экономической системы невозможны без участия индивида [14, с.195].

В условиях развития цифровой экономики одним из приоритетных направлений является формирование кадрового потенциала. К числу показателей, характеризующих и оценивающих человеческие ресурсы, относятся следующие их группы:

- 1) характеристика личных качеств;
- 2) структура и численность кадрового потенциала;
- 3) квалификация, практические навыки кадров;
- 4) возраст, имеющийся производственный опыт и др. [15, с.14-15].

На рисунке 3 отражена динамика численности персонала, занятого исследованиями и разработками за 2015-2019 гг. в Курской области.

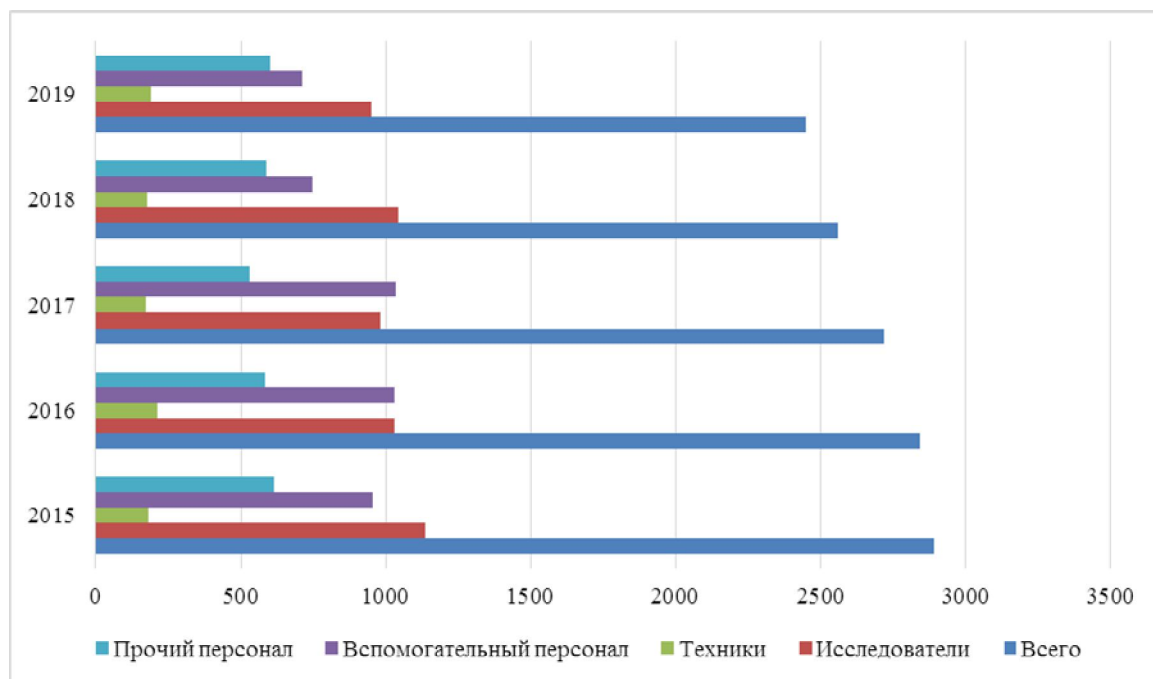

Рис. 3. Динамика численности персонала, занятого исследованиями и разработками в Курской области за 2015-2019 гг. [16, с. 322]

Исследуя кадровую составляющую инновационного потенциала на регио-

нальном уровне, большую роль играет такой показатель, как число образова-

тельных организаций, осуществляющих образовательную деятельность. Именно система высшего профессионального образования, модернизированная в цифровом формате, позволяет обеспечить вхождение в цифровую эпоху и перенести акцент на востребованные специальности, связанные с навыками цифровой коммуникации [17, с.165; 18, с. 271-273].

На рисунке 4 представлены процентное соотношение и числовая динамика данного показателя в Курской области в период с 2005-2019 гг. по 2 группам: по программам бакалавриата, специалитета, магистратур и по программам подготовки квалифицированных рабочих, служащих и специалистов среднего звена.

Рис. 4. Динамика и соотношение количества образовательных организаций, осуществляющих подготовку кадров в Курской области за 2005-2019 гг. [10; 16]

За анализируемый промежуток времени наблюдается сокращение числа количества образовательных организаций, осуществляющих подготовку кадров в Курской области: по программам бакалавриата, специалитета и магистратур – на 38,46%; по программам подготовки квалифицированных рабочих, служащих и специалистов среднего звена – на 9,38% и в совокупности – на 17,77%.

Выводы

В результате проведенного исследования нами был сформирован набор показателей для оценки инновационного потенциала региона с точки зрения кадрового аспекта данного вопроса, в состав которого входят:

- 1) валовой региональный продукт (в текущих основных ценах), млн руб.;
- 2) среднегодовая численность занятых в области информации и связи, тыс. чел.;
- 3) использование информационных и коммуникационных технологий, в % от общего числа обследованных организаций;
- 4) затраты организаций на ИКТ, млн руб.;
- 5) объем услуг в сфере телекоммуникаций в фактически действовавших ценах, млн руб.;
- 6) численность исследователей, всего;
- 7) внутренние затраты на исследования и разработки, всего, млн руб.;
- 8) внутренние текущие затраты на исследования и разработки, млн руб.;

9) используемые передовые производственные технологии, всего;

10) объем инновационных товаров, работ, услуг, млн руб.;

11) удельный вес инновационных товаров, работ, услуг в общем объеме отгруженных товаров, выполненных работ, услуг, %;

12) удельный вес затрат на инновационную деятельность, в объеме отгруженных товаров, выполненных работ, услуг, %;

13) население на конец года, тыс. чел.;

14) объем инновационных товаров, работ, услуг в пересчете на 1 жителя Курской области, руб.

Оценка инновационного потенциала региона должна включать в себя определение уровня развития таких сфер, как научно-исследовательская, опытно-конструкторская, образовательная, технологическая, и показатели, отражающие уровень развития всех вышеперечисленных сфер и областей человеческой деятельности, где основную долю занимает кадровая составляющая.

Список литературы

1. Коптева Ж. Ю. Формирование эффективной системы государственного регулирования промышленности Российской Федерации: политико-правовой аспект // Среднерусский вестник общественных наук. 2014. № 6(36). С. 58-62.

2. Секерин В. Д., Горохова А. Е. Виды эффекта от реализации инноваций // Известия МГТУ «МАМИ». 2013. Т. 5, № 1 (15). С. 258-264.

3. Петрухина Е. В. Основные факторы инновационного развития регионов // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Экономика. Информатика. 2012. № 7 (126). С. 56-65.

4. Батов Г. Х. Концепция формирования экономики знаний в регионе // Региональная экономика: теория и практика. 2017. Т. 15, № 2 (437). С. 212-221.

5. Гуреев П. М., Гришин В. Н. Инновационный потенциал: проблемы определения и оценки // Инновации. 2017. № 4 (222). С. 89-92.

6. Индекс глобальной конкурентоспособности // Гуманитарная энциклопедия: Исследования. URL: <https://gtmarket.ru/ratings/global-competitiveness-index> (дата обращения 14.04.2021).

7. Emelyanova E. V., Kharchikova N. V. Innovative potential on the regions of the Central Federal District: assessment of the main tendencies and prospects for future development // Russian Journal of Industrial Economics. 2019. Vol. 12, no. 4. P. 443-454. <https://doi.org/10.17073/2072-1633-2019-4-443-454>.

8. Система оценки и мониторинга инновационного развития регионов России / И. М. Бортник, Г. И. Сенченя, Н. Н. Михеева, А. А. Здунов, П. А. Кадочников, А. В. Сорокина // Инновации. 2012. № 9 (167). С. 25-38.

9. Инновационное развитие регионов России / И. Е. Ильина, Е. Н. Жарова, Е. В. Агамирова, А. С. Каменский // Регионология. 2018. Т. 26, № 2 (103). С. 230-255.

10. Федеральная служба государственной статистики. URL: <http://www.rosstat.gov.ru> (дата обращения: 05.04.2021).

11. Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Курской области. URL: <https://kurskstat.gks.ru/> ru (дата обращения: 25.04.2021).

12. Коптева Ж. Ю., Томакова И. А. Развитие кадрового потенциала как основы для формирования цифровой экономики // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. 2021. Т. 11, № 1. С. 151-163.

13. Коптева Ж. Ю. Обоснование рационального использования природно-ресурсного потенциала как основного фактора экономического развития региона // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. 2013. № 2. С. 57-62.

14. Мамонтова С. В., Скрипова Л. П. Современные проблемы и перспективы развития российского рынка труда // Вестник Курской государственной сельскохозяйственной академии. 2019. № 3. С. 195-200.

15. Авилез Л. Т. Э., Коптева Ж. Ю. Особенности формирования кадрового потенциала в условиях развития цифровой экономики // Цифровая экономика: проблемы и перспективы развития: сборник научных статей II Межрегиональной научно-практической конференции / Юго-Зап. гос. ун-т. Курск, 2020. С. 14-18.
16. Статистический ежегодник Курской области. 2020: стат. сб. / Курскстат. Курск, 2020. С. 25.
17. Томакова И. А. Университет как агрегатор инновационных образовательных процессов подготовки кадров для развития цифровой экономики региона // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. 2021. Т. 11, № 2. С. 163-179.
18. Петрушина О. В., Плахутина Ю. В. Актуальные вопросы современного состояния и перспектив развития инновационного потенциала малого бизнеса в России // Инновационная деятельность в модернизации АПК: материалы Международной научно-практической конференции студентов, аспирантов и молодых ученых: в 3 ч. / Курская государственная сельскохозяйственная академия имени И. И. Иванова. Курск, 2017. С. 271-273.

References

1. Kopteva Zh. Yu. Formirovanie effektivnoi sistemy gosudarstvennogo regulirovaniya promyshlennosti Rossiiskoi Federatsii: politiko-pravovoi aspekt [Formation of an effective system of state regulation of industry in the Russian Federation: a political and legal aspect]. *Srednerusskii vestnik obshchestvennykh nauk = Central Russian Bulletin of Social Sciences*, 2014, no. 6(36), pp. 58-62.
2. Sekerin V. D., Gorokhova A. E. Vidy effekta ot realizatsii innovatsii [Types of effect from the implementation of innovations]. *Izvestiya MGTU "MAMI" = Izvestia of MSTU "MAMI"*, 2013, vol. 5, no. 1 (15), pp. 258-264.
3. Petrukhina E. V. Osnovnye faktory innovatsionnogo razvitiya regionov [Main factors of innovative development of regions]. *Nauchnye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Ekonomika. Informatika = Scientific Vedomosti of the Belgorod State University. Series: Economics. Computer Science*, 2012, no. 7 (126), pp. 56-65.
4. Batov G. H. Kontseptsiya formirovaniya ekonomiki znaniy v regione [The concept of the formation of the knowledge economy in the region]. *Regional'naya ekonomika: teoriya i praktika = Regional Economy: Theory and Practice*, 2017, vol. 15, no. 2 (437), pp. 212-221.
5. Gureev P. M., Grishin V. N. Innovatsionnyi potentsial: problemy opredeleniya i otsenki [Innovative potential: problems of definition and evaluation]. *Innovatsii = Innovations*, 2017, no. 4 (222), pp. 89-92.
6. Indeks global'noi konkurentosposobnosti [Global Competitiveness Index]. Gumanitarnaya entsiklopediya: Issledovaniya [Humanitarian Encyclopedia: Research]. Available at: <https://gtmarket.ru/ratings/global-competitiveness-index>. (accessed 14.04.2021)
7. Emelyanova E. V., Kharchikova N. V. Innovative potential on the regions of the Central Federal District: assessment of the main tendencies and prospects for future development. *Russian Journal of Industrial Economics*, 2019, vol. 12, no. 4, pp. 443-454. <https://doi.org/10.17073/2072-1633-2019-4-443-454>
8. Bortnik I. M., Senchenya G. I., Mikheeva N. N., Zdunov A. A., Kadochnikov P. A., Sorokina A. V. Sistema otsenki i monitoringa innovatsionnogo razvitiya regionov Rossii [System of assessment and monitoring of innovative development of the regions of Russia]. *Innovatsii = Innovations*, 2012, no. 9 (167), pp. 25-38.
9. Ilina I. E., Zharova E. N., Agamirova E. V., Kamensky A. S. Innovatsionnoe razvitie regionov Rossii [Innovative development of Russian regions]. *Regionologiya = Regionology*, 2018, vol. 26, no. 2 (103), pp. 230-255.
10. Federal'naya sluzhba gosudarstvennoi statistiki [Federal State Statistics Service]. Available at: <http://www.rosstat.gov.ru>. (accessed 05.04.2021)
11. Territorial'nyi organ Federal'noi sluzhby gosudarstvennoi statistiki po Kurskoiblasti [Territorial body of the Federal State Statistics Service for the Kursk region]. Available at: <https://kurskstat.gks.ru/> ru. (accessed 25.04.2021)
12. Kopteva Zh. Yu., Tomakova I. A. Razvitie kadrovogo potentsiala kak osnovy dlyaformirovaniya tsifrovoi ekonomiki [Development of personnel potential as a basis for the formation of the digital economy]. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Series: Economics. Sociology. Man-*
Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент /
Proceedings of the Southwest State University. Series: Economics, Sociology and Managment. 2021; 11(4): 193-203

agement = *Proceedings of the Southwest State University. Series: Economics, Sociology and Management*, 2021, vol. 11, no. 1, pp. 151-163.

13. Kopteva Zh. Yu. Obosnovanie ratsional'nogo ispol'zovaniya prirodno-resursnogo potentsiala kak osnovnogo faktora ekonomicheskogo razvitiya regiona [Justification of rational use of natural resource potential as the main factor of economic development of the region]. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Series: Economics. Sociology. Management = Proceedings of the Southwest State University. Series: Economics, Sociology and Management*, 2013, no. 2, pp. 57-62.

14. Mamontova S. V., Skripova L. P. Sovremennye problemy i perspektivy razvitiya rossiiskogo rynka truda [Modern problems and prospects of the development of the Russian labor market]. *Vestnik Kurskoi gosudarstvennoi sel'skokhozyaistvennoi akademii = Bulletin of the Kursk State Agricultural Academy*, 2019, no. 3, pp. 195-200.

15. Avilez L. T. E., Kopteva Zh. Yu. [Features of the formation of personnel potential in the conditions of the development of the digital economy]. Tsifrovaya ekonomika: problemy i perspektivy razvitiya. Sbornik nauchnykh statei II Mezhregional'noi nauchno-prakticheskoi konferentsii [Digital economy: problems and prospects of development. Collection of scientific articles of the II Interregional scientific and practical conference]. Kursk, Southwest State University Publ., 2020, pp. 14-18. (In Russ.)

16. Statisticheskii ezhegodnik Kurskoi oblasti. 2020. Statisticheskii sbornik [Statistical Yearbook of the Kursk region. 2020. Statistical collection]. Kursk, Kurskstat Publ., 2020, p. 25.

17. Tomakova I. A. Universitet kak agregator innovatsionnykh obrazovatel'nykh protsessov podgotovki kadrov dlya razvitiya tsifrovoi ekonomiki regiona [University as an aggregator of innovative educational processes of personnel training for the development of the digital economy of the region]. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Series: Economics. Sociology. Management = Proceedings of the Southwest State University. Series: Economics, Sociology and Management*, 2021, vol. 11, no. 2, pp. 163-179.

18. Petrushina O. V., Plakhutina Yu. V. [Actual issues of the current state and prospects for the development of the innovative potential of small business in Russia]. Innovatsionnaya deyatel'nost' v modernizatsii APK. Materialy Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii studentov, aspirantov i molodykh uchenykh [Innovative activity in the modernization of the agro-industrial complex. Materials of the International scientific and practical conference of students, postgraduates and young scientists] Kursk, Kursk State Agricultural Academy named after I. I. Ivanov Publ., 2017, pp. 271-273. (In Russ.)

Информация об авторах / Information about the Authors

Коптева Жанна Юрьевна, кандидат экономических наук, доцент кафедры экономики, управления и аудита, Юго-Западный государственный университет, г. Курск, Российская Федерация, e-mail: koptevvv@mail.ru, ORCID: 0000-0003-1198-6357

Zhanna Yu. Kopteva, Candidate of Economic Science, Associate Professor of the Economy, Management and Audit Department, Southwest State University, Kursk, Russian Federation, e-mail: koptevvv@mail.ru, ORCID: 0000-0003-1198-6357

Томакова Ирина Александровна, кандидат технических наук, доцент кафедры экономики, управления и аудита, Юго-Западный государственный университет, г. Курск, Российская Федерация, e-mail: tomakova@mail.ru, ORCID: 0000-0001-7419-1813

Irina A. Tomakova, Candidate of Engineering Science, Associate Professor of the Economy, Management and Audit Department, Southwest State University, Kursk, Russian Federation, e-mail: tomakova@mail.ru, ORCID: 0000-0001-7419-1813

Пияльцев Александр Игоревич, студент кафедры экономической безопасности и налогообложения, Юго-Западный государственный университет, г. Курск, Российская Федерация, e-mail: pialcevaleksandr8@gmail.com

Alexander I. Piyaltsev, Student of the Department of Economic Security and Taxation, Southwest State University, Kursk, Russian Federation, e-mail: pialcevaleksandr8@gmail.com

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВА

SOCIO-ECONOMIC PROBLEMS OF MODERN SOCIETY

Оригинальная статья / Original article

УДК 316.334.3:321

Феномен советского патриотизма в культурном пространстве современной России

А. П. Абрамов¹ ✉, О. Е. Чуйков²

¹ Юго-Западный государственный университет
ул. 50 лет Октября 94, г. Курск 305040, Российская Федерация

² Курский государственный медицинский университет Минздрава России
ул. К. Маркса 3, г. Курск 305041, Российская Федерация

✉ e-mail: abramov_ap@inbox.ru

Резюме

Актуальность. Социокультурные изменения глобального мира модифицировали все сферы человеческой деятельности современного общества и обозначили проблему национальной идентичности, краеугольным камнем которой выступает патриотизм. Для современной науки важно определить не только потенциально конфликтные точки межэтнических отношений, не только возможные опасности и угрозы, которые современный поликультурный мир несет с собой будущим поколениям, но и обосновать эффективные механизмы освоения норм и ценностей национальной и общечеловеческой культуры, ядром которой становится сформированное чувство патриотизма. Поэтому феномен патриотизма в социологической интерпретации нуждается в создании четкой методологической платформы его осмысления и изучения.

Цель – на основе научного анализа социокультурного феномена советского патриотизма представить теоретическую конструкцию его трансляции в контурах будущего для современной России.

Задачи – разработать теоретические обоснования социокультурного подхода к изучению феномена советского патриотизма как явления духовной жизни общества.

Методология. Социокультурный подход в познании феномена патриотизма является определяющим, поскольку позволяет рассматривать его как систему структурных, институциональных, социально-политических, социально-экономических и социокультурных изменений.

Результаты. Основные результаты исследования интерпретируются следующим образом: разработаны теоретические обоснования социокультурного подхода, который рассматривает патриотизм как социальный феномен, как явление духовной жизни общества; раскрыта историко-культурная обусловленность современной модели патриотизма, основу которой составляет советский патриотизм, выступающий в качестве исходной базовой социокультурной матрицы единения российского народа; намечены основные пути формирования патриотизма исходя из динамики трансформационных процессов современного общества.

Выводы. Советский патриотизм не разъединял, а, наоборот, сплачивал все нации и народности нашей страны в единую братскую семью. Поэтому именно советский патриотизм может выступать в качестве базовой социокультурной матрицы социализационных практик в современной России.

Ключевые слова: советский патриотизм; патриотическое воспитание; социокультурный феномен; социокультурный подход; современная Россия.

Конфликт интересов: В представленной публикации отсутствует заимствованный материал без ссылок на автора и (или) источник заимствования, нет результатов научных работ, выполненных авторами публикации лично и (или) в соавторстве, без соответствующих ссылок. Авторы декларируют отсутствие конфликта интересов, связанных с публикацией данной статьи.

© Абрамов А. П., Чуйков О. Е., 2021

Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент /
Proceedings of the Southwest State University. Series: Economics, Sociology and Management. 2021; 11(4): 204–214

Для цитирования: Абрамов А. П., Чуйков О. Е. Феномен советского патриотизма в культурном пространстве современной России // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. 2021. Т. 11, № 4. С. 204–214.

Поступила в редакцию 02.06.2021

Принята к публикации 01.07.2021

Опубликована 31.08.2021

The Phenomenon of Soviet Patriotism in the Cultural Space of Modern Russia

Alexander P. Abramov¹✉, Oleg E. Chuikov²

¹ Southwest State University

50 Let Oktyabrya str. 94, Kursk 305040, Russian Federation

² Kursk State Medical University of the Ministry of Health of the Russian Federation

3 K. Marx str., Kursk 305041, Russian Federation

✉ e-mail: abramov_ap@inbox.ru

Abstract

Relevance. Socio-cultural changes in the global world have modified all spheres of human activity in modern society and have identified the problem of national identity, the cornerstone of which is patriotism. For modern science, it is important to identify not only potentially conflict-prone points of interethnic relations, not only possible dangers and threats that the modern multicultural world brings with it to future generations, but also to justify effective mechanisms for mastering the norms and values of national and universal culture, the core of which is a formed sense of patriotism. Therefore, the phenomenon of patriotism in the sociological interpretation needs to create a clear methodological platform for its understanding and study.

The purpose is based on the scientific analysis of the socio-cultural phenomenon of soviet patriotism, to present the theoretical construction of its translation in the contours of the future for modern Russia.

Objectives is to develop theoretical substantiations of the socio-cultural approach to the study of the phenomenon of soviet patriotism as a phenomenon of the spiritual life of society.

Methodology. The socio-cultural approach to the cognition of the phenomenon of patriotism is decisive, since it allows us to consider it as a system of structural, institutional, socio-political, socio-economic and socio-cultural changes.

Results. The main results of the study are interpreted as follows: theoretical substantiations of the socio-cultural approach have been developed, which considers patriotism as a social phenomenon, as a phenomenon of the spiritual life of society; the historical and cultural conditionality of the modern model of patriotism is revealed, the basis of which is soviet patriotism, which acts as the initial basic socio-cultural matrix of the unity of the Russian people; the main ways of forming patriotism are outlined, based on the dynamics of the transformation processes of modern society.

Conclusions. Soviet patriotism did not divide, but on the contrary, united all the nations and nationalities of our country into a single fraternal family. Therefore, it is precisely Soviet patriotism that can act as the basic socio-cultural matrix of socialization practices in modern Russia.

Keywords: soviet patriotism; patriotic education; socio-cultural phenomenon; socio-cultural approach; modern Russia.

Conflict of interest: In the presented publication there is no borrowed material without references to the author and (or) source of borrowing, there are no results of scientific works performed by the authors of the publication, personally and (or) in co-authorship, without relevant links. The authors declares no conflict of interest related to the publication of this article.

For citation: Abramov A. P., Chuikov O. E. The Phenomenon of Soviet Patriotism in the Cultural Space of Modern Russia. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Ekonomika. Sotsiologiya. Menedzhment* = *Proceedings of the Southwest State University. Series: Economics, Sociology and Management*. 2021; 11(4): 204–214. (In Russ.)

Received 02.06.2021

Accepted 01.07.2021

Published 31.08.2021

Введение

Социокультурные изменения глобального мира модифицировали все сферы человеческой деятельности современного общества и обозначили проблему национальной идентичности, краеугольным камнем которой выступает патриотизм. Для современной науки важно определить не только потенциально конфликтогенные точки межэтнических отношений, не только возможные опасности и угрозы, которые современный поликультурный мир несет с собой будущим поколениям, но и обосновать эффективные механизмы освоения норм и ценностей национальной и общечеловеческой культуры, ядром которой становится сформированное чувство патриотизма.

Поэтому феномен патриотизма в социологической интерпретации нуждается в создании четкой методологической платформы его осмысления и изучения.

Становление российской государственности на протяжении многих веков связано, прежде всего, с тем, что именно патриотизм выступал в качестве культурного ядра населения страны вне зависимости от национальной, этнической и конфессиональной принадлежности. На огромной территории Российского государства добровольно объединились многие народы со своей культурой, историей, традициями и вероисповеданием.

Образование Советского Союза в декабре 1922 г. стало апофеозом единения всех народов нашей страны. Именно советский патриотизм способствовал созданию единой братской семьи – социальной общности, получившей название «советский народ», что и было закреплено в Конституции 1977 г. Поэтому на повестке дня современной России стоит актуальный вопрос: «Как воссоздать подобную общность, но уже под названием "российский народ"»?

Проблема исследования состоит в противоречии между объективной необходимостью создания теоретико-

методологической основы научной основы патриотического воспитания в России в соответствии с социокультурными, социально-политическими, социально-экономическими и технологическими вызовами XXI в. и отсутствием базовых научных принципов и механизмов стратегии его формирования, предполагающих сохранение лучших традиций советского исторического периода, при которых «традиционное» и «современное» находились бы в равновесном состоянии.

Заявленная проблема конкретизируется следующими обстоятельствами:

- во-первых, реально существующий запрос современного российского общества на единение, с одной стороны, стратифицированное по основным социально-экономическим показателям российское общество и абсолютно полярные точки зрения относительно того, кого считать патриотом своей страны, – с другой;

- во-вторых, позиционирование подавляющей части населения России как наследников Великой Победы (советского народа) и невнятная ненаучная трактовка событий советского периода отечественной истории;

- в-третьих, наличие принимаемых каждые 5 лет концепций патриотического воспитания, которые превращаются в документы декларативного характера, и отсутствие долгосрочной стратегии формирования патриотизма, политической воли различных уровней управления в принятии решений.

Материалы и методы

Социокультурная методология используется авторами в качестве основы проведения исследовательских процедур [1]. Социокультурный подход в познании феномена патриотизма является определяющим, поскольку позволяет рассматривать его как систему структурных, институциональных, социально-политических, социально-экономических и социокультурных изменений.

Ретроспектива и возможности воспроизводства традиционных форм советского патриотизма рассмотрена через междисциплинарную призму философии, истории, социологии, культурологии, политологии, педагогики и психологии. Будучи конкретно историческим понятием, патриотизм в каждую эпоху имеет различное социальное, в т. ч. и ценностное, содержание. Поэтому использование общенаучных методов исследования: систематизации, сравнения, сопоставления и обобщения данных – даст возможность охарактеризовать основные подходы к пониманию и трактовке патриотизма в контексте определения его научной и практической значимости.

Результаты и их обсуждение

Тема советского патриотизма достаточно широко рассмотрена отечественными исследователями из различных научных областей.

С позиции исторической науки советский патриотизм изучался в контексте влияния деятельности руководящих органов партии и государства на процесс развития коммунистической идеологии и патриотического воспитания граждан. Так, А. И. Бодрягин рассматривает комплекс организационно-политических мероприятий Советского государства, связанный с формированием патриотических настроений в советском обществе, а также оценивает эффективность деятельности советского руководства по патриотическому воспитанию [2]. В историческом исследовании А. В. Азаровой представлен анализ основных направлений, форм и методов деятельности государственных и военных органов, общественных организаций по формированию патриотизма у советских военнослужащих [3]. И. В. Родинова иллюстрирует начальный этап становления концепции советского патриотизма и ее дальнейшей трансформации в государственной идеологии в период 1917-1941 гг. [4].

Генезис становления советского патриотизма не остался без внимания и у представителей юридической науки [5]. Нормативно-правовые акты последних лет достаточно четко определяют цели формирования гражданского патриотизма и российской гражданской идентичности как традиционных российских духовно-нравственных ценностей и базиса российского общества [6; 7].

Следует согласиться с мнением Е. С. Герман и Н. А. Цыбизовой о том, что вопросы формирования и укрепления патриотического сознания в России сегодня отчетливо прослеживаются в нормативных документах, касающихся будущего подрастающего поколения, их подготовке к достойному и самоотверженному служению России [8, с. 27]. Сегодняшнее духовно-нравственное состояние российского общества демонстрирует полнейшую девальвацию понятия Родины, утрату ее сущностного содержания, размытые нравственные ориентиры современной молодежи. Именно поэтому, по мнению авторов, «...появление в последней редакции Конституции Российской Федерации темы патриотизма не случайно. Однако одной законодательной новеллы недостаточно, требуются огромные усилия государства и общества по поиску реального понимания феномена Родины, а значит, и наполнения понятия «патриотизм» соответствующим смыслом. Патриотическое воспитание должно стать неотъемлемой частью отечественного образования, формируя нравственную основу личности, благотворно влияя на этическое и эстетическое развитие человека, мировоззрение и формирование гражданской позиции» [8, с. 29].

С позиции политологии патриотизм представлен в качестве некоего «продукта» государственной официальной идеологии, на что указывает российский исследователь М. А. Ешев. Ученый подчеркивает единство дефиниций «патриотизм» и «интернационализм», поскольку именно они выполняют главенствующую

роль в процессе идентичности любого народа [9]. Патриотическое воспитание как неотъемлемая часть государственной политики рассматривается в работах К. Ю. Колесникова, который анализирует советскую и российскую модели социализационных практик в отношении различных возрастных когорт и в первую очередь молодежи [10].

Среди немногих социологических исследований, посвященных анализу феномена патриотизма, следует отметить работу А. А. Козлова, в которой учёный представляет несколько основных подходов к пониманию и трактовке патриотизма. По его мнению, в ходе своей исторической эволюции и генезиса в науке обозначилось несколько концептуальных трактовок (подходов) в отношении категории «патриотизм»:

- как социальный феномен общественного сознания народа;
- как неотъемлемый атрибут духовной жизни;
- как часть государственной политики;
- подход, отражающий уровень личностного развития;
- как элемент духовно-религиозной деятельности.

На рубеже XX и XXI столетий наиболее развитые страны мира ощутили объективную потребность в создании современной патриотической культурной матрицы, которая бы смогла минимизировать риски и угрозы глобального мира, царства прагматизма, смены ценностных ориентиров, отсутствия авторитетов и однополярной экономической и культурной гегемонии [11].

Отсюда вполне очевидной становится позиция А. В. Юревича в отношении того, что современная наука должна определить патриотизм в качестве основного объекта научного осмысления в междисциплинарных исследованиях историков, политологов, философов, социологов и правоведов. Причем патриотизм необходимо определить в качестве

главного ценностного императива, поскольку в нем интегрируется социокультурный, нравственный и духовный потенциал современного общества [12].

Анализ научной литературы по заявленной проблематике демонстрирует множественность оценок роли и места патриотизма в современном российском обществе. Вместе с тем необходимо резюмировать, что с позиций социологической науки советский патриотизм как социокультурный феномен рассматривался сугубо фрагментарно. За последнее десятилетие российскими исследователями не была предложена теоретико-методологическая основа изучения процесса трансформации патриотизма в СССР и дальнейшей его эволюции в условиях современного Российского государства.

Говоря о советском патриотизме как о социокультурном феномене, необходимо понимать, что он формировался в особых исторических условиях и считается уникальным явлением в российской культуре. Советский патриотизм развивался в неразрывной и тесной связи с другими важными «скрепами» советского общества, которые обогащали и усиливали патриотические чувства советских граждан [13]. К таким связующим элементам следует отнести:

1) интернационализм (в нашем случае – пролетарский) как противопоставление буржуазному национализму. Советский патриотизм не являлся национальным и был необходим для формирования новой общности «советский народ»;

2) коллективизм как основа советского образа жизни позволял укрепить единство советского народа, искореня индивидуалистические качества и черты личности;

3) гражданственность, которая в понятийном смысле очень близка патриотизму, поскольку направлена на воспитание гражданина, понимающего свои права и обязанности и уважающего права своих других граждан Советского Союза;

4) героизм как фактическое воплощение патриотизма. На протяжении всей истории существования Советского Союза имело место проявление героизма как индивидуального, так и массового. На войне, в труде, в быту имелось огромное количество примеров героических поступков советских людей, на которых было воспитано не одно поколение. Мо-

тивировало граждан на героические поступки реальная забота государства о народе в виде мощной социальной политики. Человеку свойственно верить в реальные дела и успехи государства. Когда люди понимают своё нужность и видят перспективы своего развития в этом государстве, их не нужно заставлять любить свою Родину (рис.).

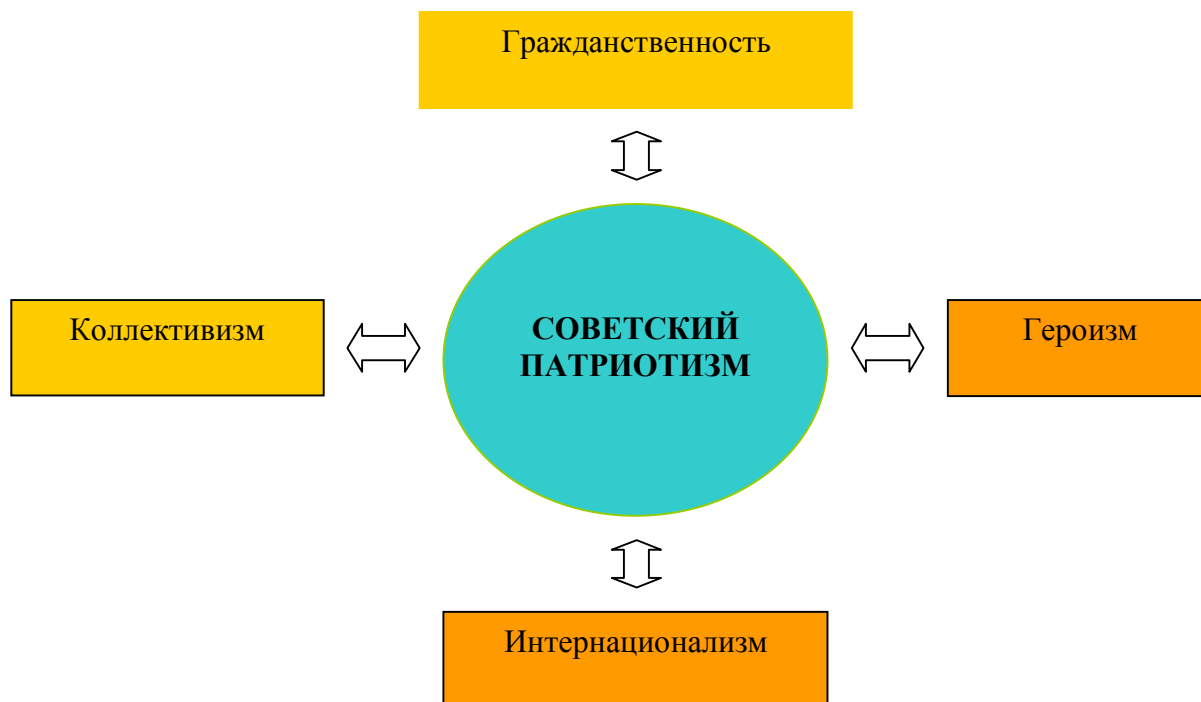

Рис. Советский патриотизм во взаимодействии с ключевыми «скрепами» советского общества

Следует согласиться и с тем, что к основным предпосылкам, предопределяющим значимость активизации патриотического воспитания, относятся: демократизация и преобразование общества, развитие международных связей, привлечение внимания к необходимости развития подрастающего поколения в современных условиях [14, с. 126].

Социокультурное и аксиологическое содержание патриотизма проявляется через осознание красоты родного края и воспитание бережного отношения к природе родного края, через изучение исторического прошлого Родины, в уважении защитников отечества и истории своей семьи [15, с. 126].

Российские исследователи полагают, что устойчивость современного патриотизма, ориентированного исключительно на текущий момент, связана с его способностью вбирать в себя все его сложные виды и формы: ностальгический, идеологический, романтический, государственный, которые обладают собственной динамикой и, как следствие, обуславливают и определяют личное и общественное поведение и настроение людей посредством эмоциональной насыщенности стереотипов, в т. ч. мифологических, предельно упрощающих понимание окружающей реальности, сводя ее к появлению в массовом сознании ди-

хотомии – борьбы сил добра и зла, кого любить, кого ненавидеть [16, с. 111].

Социологические опросы последних лет фиксируют определенную ностальгию в отношении советского опыта по формированию патриотизма. Так, по результатам исследования ФОМ, проведенным в июне 2020 г. (n = 1000), подавляющее большинство старшего поколения, более двух третей молодого населения России придерживаются подобной позиции. Каждый пятый не поддерживает такое мнение, причем у молодежи отрицательных суждений в два раза больше. Положительно рефлексуют по поводу того, что российские школы проводят патриотическую работу, 39% респондентов, более четверти полагают, что выпускники вполне могут признаваться патриотами своей страны. Вместе с тем количество отрицательных отзывов о патриотическом воспитании в школах достаточно велико. Так считают более 40% опрошенных. Более 60% молодых респондентов не признают выпускников школ патриотами [17].

В другом исследовании ФОМ (n = 1000), проведенном месяцем позже, большинство респондентов признают патриотом того, кто может критиковать властные структуры, читать зарубежную литературу, не знает Государственного гимна, любит природу, готов служить в армии, знает российскую историю и не готов покинуть свою Родину (на работу, на постоянное место жительства) ни при каких условиях. При этом треть опрошенных предпочитают вслух не называть себя патриотом. Остальные вполне готовы заявить об этом во всеуслышание [18].

Более ранние исследования ФОМ, проведенные в июне 2019 г. (n = 1500), фиксировали тенденцию, что молодое поколение, в отличие от старших возрастных когорт россиян, более принципиально при определении критериев патриотизма. Две трети респондентов утверждают, что патриотом может быть

только тот, кто считает Россию лучшей страной в мире [19].

Проблематика изучения патриотических настроений в современном обществе не остается без внимания и со стороны Всероссийского центра изучения общественного мнения (ВЦИОМ). В ходе телефонного интервью (n = 1600), проведенного в феврале 2020 г. специалистами Центра, были получены следующие результаты:

1) патриотизм – это прежде всего любовь к своей родине (так считают 85% респондентов);

2) нельзя считать патриотом того, кто:

- берет и дает взятки (80% суждений);

- не хочет служить в армии (65%);

- уклоняется от уплаты налогов или мечтает переехать в другую страну (по 64%);

- не знает государственную символику РФ (59%);

- имеет счета в иностранных банках (57%);

- имеет двойное (и более) гражданство (50%);

- работает в НКО – «иностранном агенте» (47%);

- не участвует в выборах (46%);

- публично высказывает мнение, противоречащее государственной точке зрения (23%);

- желает или уже вступил в брак с гражданином другого государства (19%) [20].

Результаты этих и множества других исследований подтверждают факт реально существующего в российском обществе запроса на единение. Вместе с тем до тех пор, пока будет существовать «стратифицированный разрыв» по основным социально-экономическим характеристикам между различными социальными группами, мы будем наблюдать диаметрально противоположные или невятные точки зрения относительно того, кого считать патриотом своей страны.

Концепции патриотического воспитания, принимаемые с определенной периодичностью, как на федеральном, так и на региональном уровне превращаются в документы декларативного характера. Отсутствует долгосрочная стратегия формирования патриотизма, политическая воля различных уровней управления в принятии решений. Например, дискуссия относительно выступления спортсменов на тех или иных соревнованиях под нейтральным флагом, когда у определенной части населения участники таких мероприятий позиционируются как «герои», а победители еще и получают за свои спортивные личные подвиги правительственные награды. «Если ты думаешь о себе и своей семье, ты уже патриот», – вот актуальный тезис сегодня. Посыл «Раньше думай о Родине, а потом о себе!» превратился в красивый лингвистический оборот.

Вместе с тем примером-иллюстрацией проявления аналогии советского патриотизма может стать речь капитана сборной Венгрии, которая к тому времени практически потеряла все шансы выйти в четверть финал чемпионата Европы по футболу, А. Салаи: «Мы хотели попасть сюда, и вот мы здесь. Сегодня наш решающий матч. Через 8 часов мы будем дома. Из-за коронавируса люди теряют работу, им платят меньше. А мы за 90 или 120 минут можем изменить этот год... Это наша возможность и радость. 14 миллионов венгров будут смотреть этот матч... Сегодня не будет никого, кто устал, никого, кто проиграет единоборство, никого, кто упадет на землю. Сегодня я хочу увидеть, что мы гладиаторы! Что бы ни случилось, усталости нет, и те, кто сидит на скамейке запасных, тоже решают исход матча» [21]. Это еще раз свидетельствует состоятельность советской модели патриотизма, которую уже в настоящее время пытаются воспроизвести другие страны.

Выводы

Советский патриотизм успешно развивался и обогащался во взаимодействии с такими важными «скрепами» советского общества, как интернационализм, героизм, коллективизм и гражданственность. Советский патриотизм эффективно формировался как «сверху», так и «снизу» – это его принципиальное отличие от российского патриотизма. Советский патриотизм представляет собой уникальный социокультурный феномен, основанный на чувстве любви к Родине, выражающейся в ощущении неразрывной связи со своим многонациональным народом, в единстве интересов и целей, мотивирующих к самоотверженному труду и защите Советского государства [22]. Базовые механизмы формирования патриотизма раскрываются в процессах, образующих симметричную взаимобратимую пару «инновация – традиция», где изменение обеспечивается инновационными процессами, а воспроизводство – процессами поддержания традиций. В советском патриотизме гармонически сочетались национальные традиции народов и общие жизненные интересы всех трудящихся Советского Союза.

Выводы и рекомендации могут послужить ресурсом для практических новаций субъектов законодательной и исполнительной власти в разработке политических, социально-экономических программ и документов, реализуемых на федеральном и региональном уровнях. Полученные результаты могут быть использованы в качестве методологического основания для конкретно-научного анализа феномена патриотизма в контексте философских, исторических, политологических, социологических и педагогических исследований; для подготовки курсов по социальной философии, культурологии, социологии, социальной психологии, истории, политологии и др.

Список литературы

1. Абрамов А. П., Осадчая Г. И. Социокультурный подход к проблеме модернизации среднего специализированного военного образования: диалектика традиционного и современного // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. 2016. № 2 (16). С. 184-190.
2. Бодрягин А. И. Советский патриотизм периода Великой Отечественной войны: социокультурные и духовные ценности: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Казань, 2007. 25 с.
3. Азарова А. В. Патриотическое воспитание советских военнослужащих в 1918-1991 гг.: историографическое исследование: автореф. дис. ... д-ра ист. наук. СПб., 2011. 40 с.
4. Родионова И. В. Становление концепции советского патриотизма // Власть. 2009. № 9 (04). С. 152-156.
5. Ковтун Ю. С. Номинальный федерализм и переход советской власти от «национального патриотизма» к идее о «советском патриотизме» в 1930-х годах // Вестник Сургутского государственного университета. 2020. № 4. С. 102-109.
6. О государственной программе «Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации на 2016-2020 годы: постановление Правительства Российской Федерации от 30 декабря 2015 г. № 1493. URL: <https://base.garant.ru/71296398/> (дата обращения: 24.05.2021).
7. План деятельности Федерального агентства по делам национальностей на 2019-2024 годы: [утв. ФАДН России 1 июля 2019 г.]. URL: <http://fadn.gov.ru/otkritoe-agenstvo/plan-deyatelnosti> (дата обращения 29.05.2021).
8. Герман Е. С., Цыбизова Н. А. «Патриотизм» как новелла Конституции Российской Федерации и нравственный ориентир развития подрастающего поколения российских граждан // Военное право. 2021. № 1 (65). С. 26-32.
9. Ешев М. А. Патриотизм в советское и постсоветское время // Власть. 2014. № 5. С. 85-88.
10. Колесников К. Ю. Особенности политики патриотического воспитания граждан России в условиях партийно-идеологического плюрализма: автореф. дис. ... канд. полит. наук. Саратов, 2015. 27 с.
11. Козлов А. А. Страсти по патриотизму // Челябинский гуманитарий. 2016. № 2 (35). С. 138-141.
12. Юревич А. В. Патриотизм как научная проблема // Вестник Российской академии наук. 2016. Т. 86, № 4. С. 352-359.
13. Абрамов А. П., Чуйков О. Е. Патриотизм и национализм в системе ценностей российской молодежи // Социально-гуманитарные знания. 2008. № 10. С. 370-375.
14. Мангер Т. Э., Васильева Ю. В. Исследование уровня патриотического воспитания подростков в доме детского творчества // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2021. Т. 26, № 190. С. 125-132.
15. Сабирова Л. А. Патриотизм как приоритетное условие сохранения исторической памяти современных студентов о победе в Великой Отечественной войне // Вопросы педагогики. 2021. № 2-2. С. 184-190.
16. Абрамов С. М., Акулов С. А. Попытка осмысления феномена патриотизма в контексте смены поколений и его воспитания в отечественной системе образования // Историческая и социально-образовательная мысль. 2021. Т. 13, № 1. С. 109-122.
17. Нужно ли патриотическое воспитание? URL: <https://fom.ru/TSennosti/14411> (дата обращения: 15.05.2021).
18. Критерии патриотизма. URL: <https://fom.ru/TSennosti/14446> (дата обращения: 12.05.2021).
19. Патриотизм. URL: <https://fom.ru/TSennosti/14222> (дата обращения: 12.05.2021).
20. Россияне объяснили, как они понимают патриотизм. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/rossiyane-obyasnili-kak-oni-ponimayut-patriotizm> (дата обращения: 15.05.2021).

21. Капитан венгерской сборной настраивает команду. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=i44K7IWREU4> (дата обращения: 29.05.2021).

22. Чуйков О. Е. Система формирования личности патриота в условиях молодежных общественных организаций на примере Курской области // Известия Юго-Западного государственного университета. 2013. № 4 (49). С. 144-147.

References

1. Abramov A. P., Osadchaya G. I. Sotsiokul'turnyy podkhod k probleme modernizatsii srednego spetsializirovannogo voyennogo obrazovaniya: dialektika traditsionnogo i sovremennogo [Sociocultural Approach to the Problem of Modernization of Secondary Specialized Military Education: Dialectics of Traditional and Modern]. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Ekonomika. Sotsiologiya. Menedzhment = Proceedings of the Southwest State University. Series: Economics, Sociology and Management*, 2016, vol. 2 (16), pp. 184-190.

2. Bodryagin A. I. Sovetskiy patriotizm perioda Velikoy Otechestvennoy voyny: sotsiokul'turnyye i dukhovnyye tsennosti. Avtoref. diss. kand. istor. nauk [Soviet patriotism during the Great Patriotic War: socio-cultural and spiritual values. Cand. history sci. abstract diss.]. Kazan, 2007. 25 p.

3. Azarova A. V. Patrioticheskoye vospitaniye sovetskikh voyennosluzhashchikh v 1918-1991 gg.: istoriograficheskoye issledovaniye. Avtoref. diss. dokt. istor. nauk [Patriotic education of Soviet military personnel in 1918-1991: historiographic research. Dr. history sci. abstract diss.]. St. Petersburg, 2011. 40 p.

4. Rodionova I. V. Stanovleniye kontseptsii sovetskogo patriotizma [Formation of the concept of Soviet patriotism]. *Vlast' = Power*, 2009, vol. 9 (04), pp. 152-156.

5. Kovtun Yu. S. Nominal'nyy federalizm i perekhod sovetskoy vlasti ot "natsional'nogo patriotizma" k ideye o "sovetskom patriotizme" v 1930-kh godakh [Nominal federalism and the transition of Soviet power from "national patriotism" to the idea of "Soviet patriotism" in the 1930s]. *Vestnik Surgutskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of the Surgut State University*, 2020, vol. 4, pp. 102-109.

6. O gosudarstvennoy programme "Patrioticheskoye vospitaniye grazhdan Rossiyskoy Federatsii na 2016-2020 gody" ["On the state program" Patriotic education of citizens of the Russian Federation for 2016-2020]. Resolution of the Government of the Russian Federation of December 30, 2015 № 1493. Available at: <https://base.garant.ru/71296398/>. (accessed 24.05.2021)

7. Plan deyatel'nosti Federal'nogo agentstva po delam natsional'nostey na 2019-2024 gody [The plan of activities of the Federal Agency for Ethnic Affairs for 2019-2024]. Available at: <http://fadn.gov.ru/otkritoe-agentstvo/plan-deyatelnosti>. (accessed 29.05.2021)

8. German E. S., Tsybizova N. A. "Patriotizm" kak novella Konstitutsii Rossiyskoy Federatsii i нравstvennyy oriyentir razvitiya podrastayushchego pokoleniya rossiyskikh grazhdan ["Patriotism" as a short story of the Constitution of the Russian Federation and a moral guideline for the development of the younger generation of Russian citizens]. *Voyennoye pravo = Military Law*, 2021, vol. 1 (65), pp. 26-32.

9. Eshev M. A. Patriotizm v sovetskoye i postsovetskoye vremya [Patriotism in the Soviet and post-Soviet times]. *Vlast' = Power*, 2014, vol. 5, pp. 85-88.

10. Kolesnikov K. Yu. Osobennosti politiki patrioticheskogo vospitaniya grazhdan Rossii v usloviyakh partiynno-ideologicheskogo plyuralizma. Avtoref. diss. kand. polit. nauk [Features of the policy of patriotic education of Russian citizens in the conditions of party-ideological pluralism. Cand. polit. sci. abstract diss.]. Saratov, 2015. 27 p.

11. Kozlov A. A. Strasti po patriotizmu [Passion for patriotism]. *Chelyabinskiiy gumanitariy = Chelyabinsk Humanitarian*, 2016, vol. 2 (35), pp. 138-141.

12. Yurevich A. V. Patriotizm kak nauchnaya problema [Patriotism as a scientific problem]. *Vestnik Rossiyskoy akademii nauk = Bulletin of the Russian Academy of Sciences*, 2016, vol. 86, no. 4, pp. 352-359.

13. Abramov A. P., Chuikov O. E. Patriotizm i natsionalizm v sisteme tsennostey rossiyskoy molodezhi [Patriotism and Nationalism in the System of Values of Russian Youth]. *Sotsial'no-gumanitarnyye znaniya = Social and Humanitarian Knowledge*, 2008, vol. 10, pp. 370-375.

14. Manger T. E., Vasilyeva Yu. V. Issledovaniye urovnya patrioticheskogo vospitaniya podrostkov v dome detskogo tvorchestva [Research of the level of patriotic education of adolescents in the house of children's creativity]. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnyye nauki* = *Bulletin of the Tambov University. Series: Humanities*, 2021, vol. 26, no. 190, pp. 125-132.
15. Sabirova L. A. Patriotizm kak prioritetnoye usloviye sokhraneniya istoricheskoy pamyati sovremennykh studentov o pobede v Velikoy otechestvennoy voyne [Patriotism as a priority condition for preserving the historical memory of modern students about the victory in the Great Patriotic War]. *Vo-prosy pedagogiki* = *Questions of Pedagogy*, 2021, no. 2-2, pp. 184-190.
16. Abramov S. M., Akulov S. A. Popytka osmysleniya fenomena patriotizma v kontekste smeny pokoleniy i yego vospitaniya v otechestvennoy sisteme obrazovaniya [An attempt to comprehend the phenomenon of patriotism in the context of generational change and its upbringing in the domestic education system]. *Istoricheskaya i sotsial'no obrazovatel'naya mysl'* = *Historical and Social Educational Thought*, 2021, vol. 13, no. 1, pp. 109-122.
17. Nuzhno li patrioticheskoye vospitaniye? [Do you need patriotic education?]. Available at: <https://fom.ru/TSennosti/14411>. (accessed 15.05.2021)
18. Kriterii patriotizma [Criteria for patriotism]. Available at: <https://fom.ru/TSennosti/14446>. (accessed 12.05.2021)
19. Patriotizm [Patriotism]. Available at: <https://fom.ru/TSennosti/14222>. (accessed 12.05.2021)
20. Rossiyanе ob"yasnili, kak oni ponimayut patriotizm [Russians explained how they understand patriotism]. Available at: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/rossiyanе-obyasnili-kak-oni-ponimayut-patriotizm>. (accessed 15.05.2021)
21. Kapitan vengerskoy sbornoy nastraivayet komandu [The captain of the Hungarian national team sets up the team]. Available at: <https://www.youtube.com/watch?v=i44K7IWREU4>. (accessed 29.05.2021)
22. Chuikov O. E. Sistema formirovaniya lichnosti patriota v usloviyakh molodozhnykh obshchestvennykh organizatsiy na primere Kurskoy oblasti [The system of forming the personality of a patriot in the context of youth public organizations on the example of the Kursk region]. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universitetat* = *Proceedings of the Southwest State University*, 2013, vol. 4 (49), pp. 144-147.

Информация об авторах / Information about the Authors

Абрамов Александр Петрович, доктор социологических наук, профессор кафедры философии и социологии, Юго-Западный государственный университет, г. Курск, Российская Федерация,
e-mail: abramov_ap@inbox.ru,
ORCID: 0000-0001-9913-2449

Alexander P. Abramov, Doctor of Sociological Sciences, Professor of the Department of Philosophy and Sociology, Southwest State University, Kursk, Russian Federation,
e-mail: abramov_ap@inbox.ru,
ORCID: 0000-0001-9913-2449

Чуйков Олег Евгеньевич, кандидат социологических наук, доцент, старший преподаватель кафедры общественного здоровья и здравоохранения, Курский государственный медицинский университет Минздрава России, г. Курск, Российская Федерация,
e-mail: chuikov-ru@mail.ru
ORCID: 0000-0001-9616-2220

Oleg E. Chuikov, Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor, Senior Lecturer of the Department of Public Health and Public Health, Kursk State Medical University of the Ministry of Health of the Russian Federation, Kursk, Russian Federation,
e-mail: chuikov-ru@mail.ru,
ORCID: 0000-0001-9616-2220

УДК 316.334.2

Социальные габитусы населения Курской области: структура и региональные особенности

Б. Б. Подгорный¹ ✉

¹ Юго-Западный государственный университет
ул. 50 лет Октября 94, г. Курск 305040, Российская Федерация

✉ e-mail: b.podgorny46@gmail.com

Резюме

Актуальность выполненного исследования заключается в том, что понимание «габитуальной» структуры населения дает возможность планирования государственных стратегий и программ, направленных на поддержание стабильности на российском политическом поле.

Цель – определение структуры социальных габитусов населения Курской области.

Задачи: определение структуры направленности диспозиций населения; установление эффективных капиталов исследуемой выборочной совокупности; формирование структуры социальных габитусов населения Курской области; представление «цифровых» характеристик социальных габитусов населения Курской области.

Методология. Теоретическая основа исследования – теория социального пространства П. Бурдьё. Определение социальных габитусов произведено на основании авторского подхода, заключающегося в определении социальных габитусов методом сопоставления направленности основной диспозиции респондентов и их эффективного капитала.

Эмпирическая база статьи – социологическое исследование «Отношение населения к цифровой экономике», выполненное в феврале-мае 2020 г. в рамках проекта «Российская цифровая экономика как социальное поле».

Результаты. Существующая структура социальных габитусов населения Курской области не лучшим образом способствует поступательному движению в социально-экономическом развитии региона.

Выводы. Габитусы взрослого населения изменить практически невозможно, но полученные результаты исследования дают возможность учитывать региональные особенности «габитуальной» структуры при планировании и разработке федеральных, и в первую очередь региональных, программ социально-экономического развития.

Ключевые слова: габитус; направленность диспозиции; эффективный капитал; население; цифровая экономика.

Конфликт интересов: В представленной публикации отсутствует заимствованный материал без ссылок на автора и (или) источник заимствования, нет результатов научных работ, выполненных автором публикации лично и (или) в соавторстве, без соответствующих ссылок. Автор декларирует отсутствие конфликта интересов, связанных с публикацией данной статьи.

Финансирование: Исследование выполнено при поддержке гранта РФФИ № 20-011-00228 «Российская цифровая экономика как социальное поле».

Для цитирования: Подгорный Б. Б. Социальные габитусы населения Курской области: структура и региональные особенности // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. 2021. Т. 11, № 4. С. 215–225.

Поступила в редакцию 07.06.2021

Принята к публикации 04.07.2021

Опубликована 31.08.2021

© Подгорный Б. Б., 2021

Social Habitus of the Kursk Region Population: Structure and Regional Features

Boris B. Podgorny¹ ✉

¹ Southwest State University
50 Let Oktyabrya str. 94, Kursk 305040, Russian Federation

✉ e-mail: b.podgorny46@gmail.com

Abstract

The relevance of the study is that understanding the "habitual" structure of the population makes it possible to plan government strategies and programs aimed at maintaining stability in the Russian political field.

The purpose is to determine the structure of social habitus of the Kursk region population.

Objectives: determination of the structure of the population's dispositions orientation; determine the effective capitals of the studied sample; formation of the structure of the Kursk region population's social habitus; representation of "digital" characteristics of the Kursk region population's social habitus.

Methodology. The theoretical basis of the research is P. Bourdieu's theory of social space. The definition of social habitus was made on the author's approach, which consists in determining social habitus by comparing the orientation of the respondents' main disposition and their effective capital.

The empirical basis of the article is the sociological study "The attitude of the population to the digital economy", carried out in February-May 2020 as part of the project "Russian digital economy as a social field".

Results. The existing structure of social habitus of the Kursk region population and their digital characteristics does not in the best way contribute to the progressive movement in the socio-economic development of the region.

Conclusions. It is practically impossible to change the habitus of the adult population, but the results of the study make it possible to take into account the regional features of the "habitual" structure when planning and developing federal, and, first of all, regional programs of socio-economic development.

Keywords: habitus; direction of disposition; effective capital; population; digital economy.

Conflict of interest: In the presented publication there is no borrowed material without references to the author and (or) source of borrowing, there are no results of scientific works performed by the author of the publication, personally and (or) in co-authorship, without relevant links. The author declares no conflict of interest related to the publication of this article.

Funding: The research was carried out with the support of the RFBR grant No. 20-011-00228 "The Russian digital economy as a social field".

For citation: Podgorny B. B. Social Habitus of the Kursk Region Population: Structure and Regional Features. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Ekonomika. Sotsiologiya. Menedzhment* = *Proceedings of the Southwest State University. Series: Economics, Sociology and Management*. 2021; 11(4): 215–225. (In Russ.)

Received 07.06.2021

Accepted 04.07.2021

Published 31.08.2021

Введение

Активное использование понятия «габитус» в социологии стало возможным благодаря французскому социологу П. Бурдьё. Бурдьё, являясь одним из наиболее влиятельных социологов XX в., в 1979 г. представил разработанную им теорию социального пространства, согласно которой оно существует в виде социальных полей, чьи участники, руководствуясь габитусами, обладая экономическим, культурным и социальным капиталами, выполняют различные практики.

Под габитусом Бурдьё понимает организационный принцип действия, порождающего и унифицирующего основание поступков и мнений [1, с. 173], систему устойчивых и переносимых диспозиций, структурированных структур, предрасположенных функционировать в качестве структурирующих структур, а также принципы, порождающие и организующие практики [2, с. 102-103] участников социальных полей. Как следует из пояснений Бурдьё, габитус относится к любым действиям и, как правило, является-

ся неизменным, выражая один общий принцип, проявляющийся во всех практиках индивида.

У каждого человека в процессе его социализации формируется габитус. Основы габитуса закладываются в детстве через окружение (семья, детсад, родственники), и в школу ребенок уже приходит с частично сформированным габитусом. К возрасту 12-ти лет, который соответствует средней школьной группе, габитус уже формируется полностью, и в будущем лишь будет дополняться новыми знаниями на уровне аспектного габитуса. Постепенно в процесс формирования габитуса включаются новые структуры, и это означает появление различных аспектов габитуса. В дальнейшем габитус позволяет актору ориентироваться в социальном пространстве и адекватно реагировать на происходящие события и возникающие ситуации.

Актуальность выполненного исследования заключается в том, что понимание «габитуальной» структуры населения дает возможность планирования государственных стратегий и программ, направленных на успешное социально-экономическое развитие отдельных регионов и страны в целом. Также появляется возможность разработки и применения мер, направленных на коррекцию возможных действий акторов, что является особо ценным в рамках практического применения результатов социологических исследований различной направленности.

Зарубежные и российские ученые, опираясь на теорию социального пространства П. Бурдьё, уделяют внимание определению и исследованию габитусов агентов различных социальных полей. Среди зарубежных ученых необходимо отметить Ж. Сапиро (Франция), исследовавшую поле французской литературы первой половины XX века, используя габитус и его свойства [3]; Н. Кросли (Великобритания), определившего габитус политических активистов, называя его радикальным, определяющим не только

их политическую деятельность, но и повседневную жизнь, одежду и стиль поведения [4]; С. Уэйнрайта (Великобритания), акцентировавшего внимание на значении габитуса как посредника реализации социальной практики [5]. Соратник Бурдьё Л. Вакан (США) уделил значительное внимание исследованию габитусов спортсменов-боксеров [6]. А. Гомес и С. Рего (Бразилия) выявили, что на формирование габитуса будущего врача значительное влияние, наряду с медицинскими знаниями, получаемыми студентами в процессе обучения, оказывает влияние габитус преподавателей [7]. В. Шаммас и С. Сандберг (Норвегия) при разработке концепции «уличного поля» показали, что действия акторов в уличном поле порождаются габитусом, представляющим седиментацию социальной истории и прошлого опыта, порождающих схемы восприятия, мысли и действия [8]. Также необходимо обратить внимание на представленные научному сообществу в 2018 г. результаты совместного исследования английских ученых К. Коста, К. Берка и М. Мерфи [9].

Значительное количество научных статей, касающихся социальных габитусов населения, представлено и российскими учеными. Важно отметить подход, предложенный Н. А. Шматко и Ю. Л. Качановым. Разработанная ими методика направлена на выявление габитуса как практических классификаций предметов социального мира [10]. Научный интерес вызывает концепция динамики национального менталитета, заявленная Н. С. Розовым, основу которой составляет философски разработанный типологический анализ габитусов российского населения [11].

Л. Б. Четырова, анализируя вопрос об истоках и особенностях ментальности калмыков, исследовала их габитусы как категории восприятия и оценивания, порождающие исполняемые ими практики [12]. И. В. Костерина, исследуя конструкт маскулинности в молодежной среде, со-

четающий в себе как физические, так и психологические и культурные характеристики, использует габитус в качестве одной из категорий маскулинности [13]. Р. В. Ступаченко привел описание габитуса в поле производства теленостей [14]. Под руководством И. Л. Сизовой выполнено исследование коллективных габитусов факультета социальных наук ННГУ им. Н. И. Лобачевского [15]. А. В. Чашухин выявил особенности габитуса и речевых практик работников отделов народного образования поздней сталинской эпохи [16]. М. С. Туракаев определил габитусы вахтовых работников Башкортостана [17].

Ряд научных статей посвящен инкультурному габитусу [18], габитусу инвалидности [19; 20], прекарному габитусу [21].

Автор статьи в процессе своей научной деятельности исследовал габитусы различных групп акторов социального поля российского фондового рынка относительно их инвестиционной направленности [22]: частных инвесторов [23], профессиональных участников [24; 25].

Обзор представленных научных трудов показал, что сегодня большинство ученых для определения социальных габитусов тех или иных определенных групп акторов социальных полей, применяя как качественные (кейс-стади, фокус-группы, интервью, анализ документов), так и количественные (анкетные опросы) методы, методологически все сводят к изучению существующих практик респондентов, на основании которых определяются их габитусы. Также в некоторых случаях происходит «усечение» наполненности содержания самого понятия «габитус», в результате чего актору или группам акторов присваиваются «отраслевые» габитусы, являющиеся лишь толикой или отдельным аспектом целостного габитуса или характеристиками отдельных диспозиций.

Несомненно, исследование свершенных практик может привести нас к опре-

делению габитуса актора социального поля, однако вероятность репрезентативности полученных результатов заявить невозможно – ведь габитус только «предлагает» вариант реализации необходимой практики, а вот для того, чтобы он стал триггером тех или иных практик, сложившиеся обстоятельства и среда должны быть идентичны той, при которой происходило формирование габитуса. Это приводит к тому, что выводы о габитусе на основании практик не являются гарантией определения габитуса, что в свою очередь является существенным «тормозом» для использования теории в исследовании различных социально-экономических явлений и процессов.

Автором статьи разработан методологический подход по определению социальных габитусов населения [26], а также выполнена их классификация [27]. В процессе классификации социальных габитусов населения выделено 48 типов габитусов, для наименования которых использован прием, предложенный российским философом В. Розовым: дать каждому виду наименование, проецирующееся в сознании российского населения в определенный законченный образ [28].

Цель исследования – определение структуры социальных габитусов населения Курской области.

Задачи:

1. Определение структуры направленности диспозиций населения.
2. Установление эффективные капиталы исследуемой выборочной совокупности.
3. Формирование структуры социальных габитусов населения Курской области.
4. Представление «цифровых» характеристик социальных габитусов населения Курской области.

Материалы и методы

Теоретическая основа исследования – теория социального пространства П. Бурдьё. Определение социальных га-

битусов произведено на основании авторского подхода, заключающегося в определении социальных габитусов методом сопоставления направленности основной диспозиции респондентов и их эффективного капитала [26].

Эмпирическая база исследования – социологическое исследование населения Курской, Ярославской, Калининградской, Тамбовской областей, выполненное под руководством автора статьи в 2020-2021 г. Выборочная совокупность в каждом регионе составила 384 респондента. Метод выборки – квотный по двум признакам – пол и место жительства (городское/сельское). Исследование проводилось методом анкетного опроса респондентов.

Для сравнения показателей по регионам за основу взяты средние показатели по четырем регионам, обозначенные в сравнительных таблицах как «СП».

Цифровые характеристики социальных габитусов определены в процессе проведения фокус-групп в рамках реализации проекта «Российская цифровая экономика как социальное поле» в 2020 г.

Обработка результатов, их анализ и сравнение выполнялось с использованием программы SPSS.

Результаты и их обсуждение

Структура направленности диспозиций населения региона

Подчеркивая важность направленности диспозиций, мы приведем их общую характеристику, что позволит читателям более наглядно сравнить их соотношение:

– *сохранение* – актер предпочитает сохранять существующий порядок вещей

в жизни, придерживаться привычного опыта (в бизнесе, работе, быту, обучении и т. д.);

– *исполнение* – актер предпочитает максимально качественно выполнять поставленные или предложенные задачи (свои собственные, руководства, большинства и т. д.);

– *развитие* – актер предпочитает улучшать, совершенствовать процессы, с которыми он сталкивается (в бизнесе, работе, быту, обучении и т. д.);

– *влияние* – актер предпочитает максимально влиять на процессы, с которыми он сталкивается (в бизнесе, работе, быту, обучении и т. д.);

– *управление* – актер предпочитает возглавлять управление процессами, с которыми он сталкивается (в бизнесе, работе, быту, обучении и т. д.), берет ответственность за принятые решения на себя;

– *дистанцирование* – актер предпочитает там, где это возможно (или осуществимо), быть автономным (независимым) от общественной жизни (в бизнесе, работе, быту, обучении и т. д.).

Подробные результаты по соотношению направленности диспозиций населения Курской области представлены ниже (табл. 1).

Как видно из таблицы 1, наибольшее количество респондентов в Курской области относится к направленности диспозиции «управление», а диспозиция «развитие» находится лишь на четвертом месте. Такая структура направленности диспозиций не лучшим образом способствует поступательному движению в социально-экономическом развитии региона.

Таблица 1. Направленность диспозиций по актерам российских регионов, %

Направленность диспозиций	СП	Курск	Калининград	Ярославль	Тамбов
Сохранение	22,4	20,3	22,4	24,5	22,3
Исполнение	15,8	19,5	16,9	15,4	11,4
Развитие	24,5	18,2	25,0	23,2	31,6
Влияние	11,6	14,1	12,5	9,1	10,9
Управление	17,2	21,1	16,7	12,8	18,1
Дистанцирование	8,5	6,8	6,5	15,1	5,7

Соотношение эффективных капиталов населения Курского региона

Соотношение эффективных капиталов показывает, какие виды капиталов респонденты считают наиболее важными для себя. Для наглядности мы также приведем их характеристику:

– *экономический* – любые экономические ресурсы (деньги, товары, имущество, финансовые ресурсы);

– *культурный* – культурный уровень и навыки (навыки, полученные в процессе социализации, умение понимать культуру и человека в ней, особенности своего или иного общества);

– *социальный* – социальные связи и отношения, умение создавать и налаживать необходимые социальные связи;

– *символический* – социальный авторитет и использование каких-либо особых заслуг или таланта (например, осо-

бые достижения в спорте (в науке, общественной деятельности и т. д.), которые в силу известности позволяют быстрее добиваться своих целей;

– *человеческий* – собственные опыт и знания (полученные во время обучения, получения образования);

– *административный* – управленческий ресурс (умение управлять людьми, процессами и т. д.);

– *политический* – умение вести «политическую игру», продвигать собственные решения и т. д.;

– *физический* – здоровье и трудоспособность как главный ресурс для реализации запланированных действий.

В таблице 2 представлено соотношение эффективных капиталов населения, имеющее, в зависимости от регионов, свои особенности.

Таблица 2. Соотношение эффективных капиталов российского населения, %

Капитал	СП	Курск	Калининград	Ярославль	Тамбов
Экономический	38,8	36,5	31,0	55,5	32,4
Культурный	6,4	6,3	8,3	3,6	7,3
Социальный	9,4	11,2	12,2	7,6	6,7
Символический	5,5	3,9	11,2	2,9	3,9
Человеческий	10,5	9,1	15,1	6,0	11,9
Административный	4,3	3,9	4,9	3,9	4,4
Политический	4,3	5,7	6,0	2,1	3,4
Физический	20,8	23,4	11,2	18,5	30,1

Как видно из таблицы 2, экономическому капиталу (деньги, товары, имущество, финансовые ресурсы) сегодня отдают предпочтение почти 37% населения Курского региона. Физический капитал (здоровье и трудоспособность как главный ресурс для реализации запланированных действий) занимает второе место среди ответов респондентов и составляет более 23%. Социальному (социальным связям и отношениям) отдают предпочтение более 11%. Данные по Курской области отличаются как от средних показателей, так и от показателей по другим регионам.

Структура габитусов населения

Анализ результатов исследования позволил определить процентное соотношение габитусов населения Курской области. Так, на первом месте (8,3% от общего количества) находится габитус «наемник», сформированный сочетанием диспозиции «исполнение» и экономического капитала. Владелец данного габитуса выполняет поставленные задачи в рамках получения личной выгоды: сколько оплатили, столько и сделал.

На втором и третьем месте с результатом 7% – габитус «менеджер», сфор-

мированный сочетанием диспозиции «управление» и экономического капитала, и габитус «зожник», сформированный сочетанием диспозиции «сохранение» и физического капитала. Габитус нацелен на управление происходящими процессами с преимущественным использованием для этого любых экономических ресурсов. Габитус «зожник» стремится к сохранению здоровья и трудоспособности привычными методами, пропагандирует здоровый образ жизни, выступает против трансгуманистических идей, роботизации и т. д.

Далее представлена группировка первых десяти типов габитусов населения Курской области, составляющих более половины от их общего количества (табл. 3).

Детальная информация по всем габитусам – в базе данных исследования.

Также интерес представляет сравнение структуры габитусов населения исследованных регионов относительно средних показателей. Информация по первым по убыванию десяти габитусам СП и их процентное соотношение по регионам представлены в таблице 4, подробная информация – в базе данных проекта.

Таблица 3. Группировка первых десяти габитусов населения Курской области (по убыванию), в % от общего количества

Габитус	Диспозиция	Капитал	%
Наемник	Исполнение	Экономический	8,3
Менеджер	Управление	Экономический	7
Зожник	Сохранение	Физический	7
Коммерсант	Развитие	Экономический	6,5
Плановик	Сохранение	Экономический	6,3
Монополист	Влияние	Экономический	6,3
Трансгуманист	Развитие	Физический	4,7
Нарцисс	Дистанцирование	Физический	3,4
Бригадир	Управление	Физический	3,1
Труженик	Исполнение	Физический	3,1

Таблица 4. Группировка первых десяти габитусов российского населения в разрезе регионов, % от общего количества

Габитусы / регионы	СП	Курск	Калининград	Ярославль	Тамбов
Плановик	10,1	6,3	10,2	15,4	8,8
Коммерсант	8,5	6,5	7,0	11,2	9,1
Менеджер	6,5	7,0	4,4	7,8	6,7
Наемник	5,9	8,3	3,6	8,6	3,1
Трансгуманист	5,7	4,7	2,9	3,9	11,1
Зожник	5,3	7,0	2,9	3,4	8,0
Монополист	4,4	6,3	3,4	4,4	3,4
Минималист	3,4	2,3	1,8	7,8	1,6
Исследователь	2,9	2,1	2,9	1,8	4,9
Бригадир	2,9	3,1	1,8	1,6	4,9

«Цифровые» характеристики социальных габитусов населения Курской области

В процессе реализации проекта нами также определены «цифровые» характеристики габитусов населения Курской области – один из аспектов общего габитуса, определяющий возможные практики акторов, сообразные с цифровой трансформацией и развитием различных форм цифровой экономики.

Так, например, габитусу «наемник», составляющему 8,3% по Курской области, присущи возможность внедрения и использования методов цифровой экономики, если того требует лидер, группа, сообщество. «Наемник» будет осваивать их настолько, насколько того требуют его обязанности и соответствие, по его мнению, получаемому вознаграждению.

Габитус «коммерсант» (6,5%) характеризуется вероятностью активного внедрения новых и развитием уже внедренных цифровых методов и технологий с преимущественным использованием экономических ресурсов. Например, покупка технологий, программ, оборудования, наем специалистов и т. д. При этом «коммерсанту» лучше все купить, чем разрабатывать самому.

«Цифровой» аспект габитуса «плановик» предполагает, что его обладатель будет плохо справляться с задачей внедрения средств ЦЭ и будет пытаться подстраивать их под существующий уклад или, если это возможно, не использовать вовсе или использовать формально.

Также считаем важным отметить, что эталонный вариант отношения населения Курской области к цифровой экономике представляет собой следующее соотношение: 13% населения региона присущи габитусы, способствующие формированию негативного отношения к цифровой экономике, у 14% может сформироваться как положительное, так и отрицательное отношение (в зависимости от существующих условий сформированного регионального поля цифровой

экономики), а габитусы 73% населения способствуют формированию положительного отношения к процессу цифровизации. Данные показатели отличаются от существующих показателей [29]. Все подробные данные цифровых характеристик по всем габитусам населения Курской области представлены в базе данных проекта.

Выводы

В процессе выполненного исследования выявлены региональные особенности, выражающиеся как в различном соотношении направленности диспозиций, так и в различном соотношении эффективных капиталов, что в свою очередь позволило структурировать социальные габитусы населения области и сравнить выявленную «габитуальную» структуру населения Курской области с другими регионами. Если в Тамбовской и Калининградской области поддержка населением поступательного движения в пользу социально-экономического развития не вызывает сомнения, то в Ярославской области наблюдается значительное превышение представителей направленности диспозиции «дистанцирование», а в Курской области – превышение направленности диспозиции «управление».

Габитусы взрослого населения изменить практически невозможно, но полученные результаты исследования дают возможность учитывать региональные особенности «габитуальной» структуры при планировании и разработке федеральных, и в первую очередь региональных, программ социально-экономического развития.

Так, например, с учетом выявленных «цифровых» характеристик социальных габитусов населения региона необходима разработка целевых мероприятий, которые будут способствовать приближению к эталонному «габитуальному» варианту отношения населения к цифровой экономике.

Список литературы

1. Бурдые П., Пассрон Ж. Воспроизводство: элементы теории системы образования. М.: Просвещение, 2007. 267 с.
2. Бурдые П. Практический смысл. СПб.: Алетейя, 2001. 562 с.
3. Сапиро Ж. Французское поле литературы: структура, динамика и формы политизации // Журнал социологии и социальной антропологии. 2004. Т. 7, № 5. С. 126-143.
4. Crossley N. From reproduction to transformation: social movement fields and the radical habitus // *Theory Culture & Society*. 2003. Vol. 20, N 6. P. 43-68.
5. Wainwrigth T. S. Just crumbling to bits? An exploration of the body, ageing, injury and career in classical ballet dancers // *Sociology*. 2006. Vol. 40, N 2. P. 237-255.
6. Wacquant L. Habitus as Topic and Tool: Reflections on Becoming a Prizefighter // *Qualitative Research in Psychology*. 2011. N 8. P. 81-92.
7. Gomes A. Pierre Bourdieu and medical education // *Revista Brasileira de Educação Médica*. 2013. N 37 (2). P. 260-265.
8. Shammas V. Habitus, capital, and conflict: Bringing Bourdieusian field theory to criminology // *Criminology & Criminal Justice*. 2015. N 16 (2). P. 1-19.
9. Costa C. Capturing habitus: theory, method and reflexivity // *International Journal of Research & Method in Education*. 2018. N 42(1). P. 19-32.
10. Качанов Ю. Л. Как возможна социальная группа? (К проблеме реальности в социологии) // *Социологические исследования*. 1996. № 12. С. 95-105.
11. Розов Н. С. Динамическая концепция менталитета и изменчивое разнообразие российских габитусов // *Идеи и идеалы*. 2010. № 1. С. 60-79.
12. Четыррова Л. Б. Ментальность калмыков: истоки и причины изменений // *Новые исследования Тувы*. 2017. № 3. С. 8.
13. Костерина И. В. Конструкты и практики маскулинности в провинциальном городе: габитус «нормальных пацанов» // *Журнал социологии и социальной антропологии*. 2008. Т. 11, № 4. С. 122-138.
14. Ступаченко Р. В. Ставки и габитус в поле производства теленостей (опыт институционального анализа в категориях П. Бурдые) // *Альманах современной науки и образования*. 2009. № 4 (23), ч. 2. С. 150-154.
15. Сизова И. Л. «Габитус факультета» и социализация студентов классического университета // *Вестник Нижегородского университета. Серия: Социальные науки*. 2014. № 4 (36). С. 84-89.
16. Чашухин А. В. «Отсутствие цели урока ведет к безыдейности в преподавании истории». Габитус и дискурс работников отделов народного образования начала 1950-х годов // *Вопросы образования*. 2015. № 1. С. 234-251.
17. Туракаев М. С. Габитус и повседневные практики вахтовых работников Башкортостана // *Журнал социологии и социальной антропологии*. 2016. Т. 19, № 3 (86). С. 189-202.
18. Глухова Т. И. Инокультурный габитус и мир ценностей русской культуры // *Вестник Университета Российской академии образования*. 2015. № 2. С. 104-107.
19. Ярская-Смирнова В. Н. Габитус инвалидности в поле высшего образования // *Журнал исследований социальной политики*. 2017. № 4. С. 585-600.
20. Воеводина Е. В. Влияние гендерной социализации женщин с инвалидностью на конструирование габитуса // *Человек. Общество. Инклюзия*. 2017. № 1 (29). С. 23-28.
21. Тартаковская И. Н. Трудовые траектории precarious работников и формирование precarious габитуса // *Социологический журнал*. 2019. Т. 25, № 2. С. 99-115.
22. Podgorny B. The Russian stock market as a social space: a theoretical basis // *Economic Annals-XXI*. 2017. N 3-4. P. 20-24.
23. Подгорный Б. Б. Габитус частных инвесторов российского фондового рынка // *Економічний Часопис-XXI*. 2016. № 7-8. С. 111-115.
24. Подгорный Б. Б. Профессиональные участники российского фондового рынка: габитус и практики // *Современные исследования социальных проблем*. 2017. № 6. С. 67-88.
25. Подгорный Б. Б. Российский фондовый рынок как социальное поле: монография. Курск: ЗАО «Университетская книга», 2018. 328 с.

26. Подгорный Б. Б. Габитусы российского населения: методология и классификация // Современные исследования социальных проблем. 2020. № 2. С. 279-301. <https://doi.org/10.12731/2077-1770-2020-2-279-301>.
27. Russian digital economy as a social field. Data for the Kursk region of Russia. URL: <https://data.mendeley.com/datasets/2fcff7jj82/5> (дата обращения: 08.04.2021).
28. Розов Н. С. Динамическая концепция менталитета и изменчивое разнообразие российских габитусов // Идеи и идеалы. 2010. № 1. С. 60-79.
29. Подгорный Б. Б., Волохова Н. В. Население Курской области и цифровая экономика: социологический анализ // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. 2020. № 5. С. 189-199.

References

1. Burd'e P., Passron Zh. Vosproizvodstvo: elementy teorii sistemy obrazovaniya [Reproduction: Elements of the Theory of the Education System]. Moscow, Prosveshchenie Publ., 2007. 267 p.
2. Burd'e P. Prakticheskij smysl [Practical meaning]. St. Petersburg, Aletejya Publ., 2001. 562 p.
3. Sapiro Zh. Francuzskoe pole literatury: struktura, dinamika i formy politizacii [The French field of literature: structure, dynamics and forms of politicization]. *Zhurnal sociologii i social'noj antropologii* = *Journal of Sociology and Social Anthropology*, 2004, vol. 7, no. 5, pp. 126-143.
4. Crossley N. From reproduction to transformation: social movement fields and the radical habitus. *Theory Culture & Society*, 2003, vol. 20, no. 6, pp. 43-68.
5. Wainwrigth T. S. Just crumbling to bits? An exploration of the body, ageing, injury and career in classical ballet dancers. *Sociology*, 2006, vol. 40, no. 2, pp. 237-255.
6. Wacquant L. Habitus as Topic and Tool: Reflections on Becoming a Prizefighter. *Qualitative Research in Psychology*, 2011, no. 8, pp. 81-92.
7. Gomes A. Pierre Bourdieu and medical education. *Revista Brasileira de Educação Médica*, 2013, no. 37 (2), pp. 260-265.
8. Shammas V. Habitus, capital, and conflict: Bringing Bourdieusian field theory to criminology. *Criminology & Criminal Justice*, 2015, no. 16 (2), pp. 1-19.
9. Costa C. Capturing habitus: theory, method and reflexivity. *International Journal of Research & Method in Education*, 2018, no. 42(1), pp. 19-32.
10. Kachanov Yu. L. Kak vozmozhna social'naya gruppa? (K probleme real'nosti v sociologii) [How is a social group possible? (To the problem of reality in sociology)]. *Sociologicheskie issledovaniya* = *Sociological Research*, 1996, no. 12, pp. 95-105.
11. Rozov N. S. Dinamicheskaya koncepciya mentaliteta i izmenchivoe raznoobrazie rossijskih gabitusov [The dynamic concept of mentality and the changing diversity of Russian habitus]. *Idei i idealy* = *Ideas and Ideals*, 2010, no. 1, pp. 60-79.
12. Chetyrova L. B. Mental'nost' kalmykov: istoki i prichiny izmenenij [The mentality of the Kalmyks: the origins and causes of changes]. *Novye issledovaniya Tuvy* = *New Studies of Tuva*, 2017, no. 3, p. 8.
13. Kosterina I. V. Konstrukty i praktiki maskulinnosti v provincial'nom gorode: gabitus "normal'nyh pacanov" [Constructs and practices of masculinity in a provincial city: the habitus of "normal boys"]. *Zhurnal sociologii i social'noj antropologii* = *Journal of Sociology and Social Anthropology*, 2008, vol. 11, no. 4, pp. 122-138.
14. Stupachenko R. V. Stavki i gabitus v pole proizvodstva telenovostej (opyt institucional'nogo analiza v kategoriyah P. Burd'e) [Rates and habitus in the TV news production field (the experience of institutional analysis in the categories of P. Bourdieu)]. *Al'manah sovremennoj nauki i obrazovaniya* = *Almanac of Modern Science and Education*, 2009, no. 4 (23), 2. pp. 150-154.
15. Sizova I. L. "Gabitus fakul'teta" i socializaciya studentov klassicheskogo universiteta ["Faculty habitus" and socialization of classical university students]. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta. Seriya: Social'nye nauki*. = *Bulletin of Nizhny Novgorod University. Series: Social Sciences*, 2014, no. 4 (36), pp. 84-89.
16. Chashchuhin A. V. "Otsutstvie celi uroka vedet k bezydejnosti v prepodavanii istorii". Gabitus i diskurs rabotnikov otdelov narodnogo obrazovaniya nachala 1950-h godov ["The absence of a lesson goal

leads to lack of ideology in teaching history". *Habitus and discourse of public education departments' employees of the early 1950s*. *Voprosy obrazovaniya = Education Issues*, 2015, no. 1, pp. 234-251.

17. Turakaev M. S. *Gabitus i povsednevnye praktiki vahtovyh rabotnikov Bashkortostana* [Habitus and everyday practices of shift workers in Bashkortostan]. *Zhurnal sociologii i social'noj antropologii = Journal of Sociology and Social Anthropology*, 2016, vol. 19, no. 3 (86), pp. 189-202.

18. Gluhova T. I. *Inokul'turnyj gabitus i mir cennostej russkoj kul'tury* [Foreign cultural habitus and the world of values of Russian culture]. *Vestnik Universiteta Rossijskoj akademii obrazovaniya = Bulletin of the University of the Russian Academy of Education*, 2015, no. 2, pp. 104-107.

19. Jarskaja-Smirnova V. N. *Gabitus invalidnosti v pole vysshego obrazovaniya* [Disability habitus in the higher education field]. *Zhurnal issledovanij social'noj politiki = Journal of Social Policy Research*, 2017, no. 4, pp. 585-600.

20. Voevodina E. V. *Vliyanie gendernoj socializacii zhenshchin s invalidnost'yu na konstruirovaniye gabitusa* [The influence of gender socialization of women with disabilities on the construction of habitus]. *Chelovek. Obshchestvo. Inklyuziya = Man. Society. Inclusion*, 2017, no. 1 (29), pp. 23-28.

21. Tartakovskaya I. N. *Trudovye traektorii prekarnyh rabotnikov i formirovaniye prekarnogo gabitusa* [Labor trajectories of precarious workers and the formation of precarious habitus]. *Sociologicheskij zhurnal = Sociological Journal*, 2019, vol. 25, no. 2, pp. 99-115.

22. Podgorny B. The Russian stock market as a social space: a theoretical basis. *Economic Annals-XXI*, 2017, no. 3-4, pp. 20-24.

23. Podgorny B. B. *Gabitus chastnyh investorov rossijskogo fondovogo rynka* [The habitus of private investors in the Russian stock market]. *Ekonomichnij Chasopis-XXI = Economic Annals-XXI*, 2016, no. 7-8, pp. 111-115.

24. Podgorny B. B. *Professional'nye uchastniki rossijskogo fondovogo rynka: gabitus i praktiki* [Professional participants of the Russian stock market: habitus and practice]. *Sovremennye issledovaniya social'nyh problem = Modern Studies of Social Problems*, 2017, no. 6, pp. 67-88.

25. Podgorny B. B. *Rossijskij fondovyy rynek kak social'noe pole* [The Russian stock market as a social field]. Kursk, ZAO "Universitetskaya kniga" Publ., 2018. 328 p.

26. Podgorny B. B. *Gabitusy rossijskogo naseleniya: metodologiya i klassifikaciya* [Habitus of the Russian population: methodology and classification]. *Sovremennye issledovaniya social'nyh problem = Modern Studies of Social Problems*, 2020, no. 2, pp. 279-301. <https://doi.org/10.12731/2077-1770-2020-2-279-301>

27. Russian digital economy as a social field. Data for the Kursk region of Russia. Available at: <https://data.mendeley.com/datasets/2fcff7jj82/5>. (accessed 08.04.2021)

28. Rozov N. S. *Dinamicheskaya koncepciya mentaliteta i izmenchivoe raznoobrazie rossijskikh gabitusov* [The dynamic concept of mentality and the changing diversity of Russian habitus]. *Idei i idealy = Ideas and Ideals*, 2010, no. 1, pp. 60-79.

29. Podgorny B. B., Volohova N. V. *Naselenie Kurskoj oblasti i cifrovaya ekonomika: sociologicheskij analiz* [The population of the Kursk region and the digital economy: a sociological analysis]. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Ekonomika. Sociologiya. Menedzhment = Proceedings of the Southwest State University. Series: Economics. Sociology. Management*, 2020, no. 5, pp. 189-199.

Информация об авторе / Information about the Author

Подгорный Борис Борисович, доктор социологических наук, профессор кафедры философии и социологии, Юго-Западный государственный университет, г. Курск, Российская Федерация,
e-mail: b.podgorny46@gmail.com,
ORCID: 0000-0002-2972-3603,
Scopus Author ID: 56179962200,
Researcher ID: G-5862-2016

Boris B. Podgorny, Doctor of Sociological Sciences, Professor of the Department of Philosophy and Sociology, Southwest State University, Kursk, Russian Federation,
e-mail: b.podgorny46@gmail.com,
ORCID: 0000-0002-2972-3603,
Scopus Author ID: 56179962200,
Researcher ID: G-5862-2016

ФИЛОСОФСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ПРИРОДЫ, ОБЩЕСТВА, ЧЕЛОВЕКА

PHILOSOPHICAL STUDY OF NATURE, SOCIETY AND HUMAN

Оригинальная статья / Original article

УДК 101.1

Философская экспертиза экологических и антропологических рисков трансформации социотехнической среды (по материалам экспертных опросов)

В. А. Белкина¹ ✉

¹ Юго-Западный государственный университет
ул. 50 лет Октября 94, г. Курск 305040, Российская Федерация

✉ e-mail: viktoria2206.1995@mail.ru

Резюме

Актуальность. Научные знания и технологический опыт продолжают быстро развиваться. Технологические инновации приводят к появлению не только новых выгод, но и также угроз, что обуславливает необходимость их регулирования с целью максимизации преимуществ и одновременного контроля за их возможными негативными последствиями. Техническая революция оказывает влияние не на какие-либо локальные секторы общественного производства, а непосредственным образом создает новую социотехническую реальность, несущую в себе многочисленные экологические и антропологические риски.

Цель – проведение философской экспертизы экологических и антропологических рисков трансформации социотехнической среды.

Задачи: определить основные подходы к раскрытию сущности понятия «техническая среда» с точки зрения компетентных экспертов; произвести оценку состояния и развития технической среды и технологической инфраструктуры регионов Центрального федерального округа (ЦФО) (на примере Тамбовской области, Белгородской области, города Москвы и Курской области); выявить основные факторы, которыми обусловлена опасность развития социотехнической среды для населения и окружающей среды.

Методология. Для определения экспертной системы социально-экологических показателей, позволяющих диагностировать имеющиеся риски, связанные с расширением технической среды и развитием объектов техносферы, был проведен экспертный опрос методом полуструктурированного интервью с последующим критическим анализом.

Результаты. В представленной рукописи приведены результаты проведенной философской экспертизы экологических и антропологических рисков трансформации социотехнической среды (по материалам экспертных опросов). В ходе данного исследования был осуществлен сбор, обобщение и критический анализ экспертного мнения по вопросам состояния и развития технической среды и технологической инфраструктуры регионов ЦФО.

Выводы. Проведение философской экспертизы позволяет диагностировать основные опасности расширения границ технической среды для человека и природы. При дальнейших экспертных исследованиях результаты и вытекающие из них знания и рекомендации должны быть конкретными, ориентированными на решение прикладных задач, в частности направлены на попытки ослабления дальнейших рисков трансформации социотехнической среды.

Ключевые слова: философская экспертиза; информационное общество; трансформация; риски; социотехническая среда; экологическая нестабильность; экспертное мнение.

Конфликт интересов: В представленной публикации отсутствует заимствованный материал без ссылок на автора и (или) источник заимствования, нет результатов научных работ, выполненных автором публикации лично и (или) в соавторстве, без соответствующих ссылок. Автор декларирует отсутствие конфликта интересов, связанных с публикацией данной статьи.

Финансирование: Статья выполнена в рамках реализации проекта «Социально-экологический мониторинг технической среды региона: социокультурный подход» (грант РФФИ 20-311-90060 «Аспиранты»).

Для цитирования: Белкина В. А. Философская экспертиза экологических и антропологических рисков трансформации социотехнической среды (по материалам экспертных опросов) // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. 2021. Т. 11, № 4. С. 226–238.

Поступила в редакцию 18.06.2021

Принята к публикации 15.07.2021

Опубликована 31.08.2021

Philosophical Examination of Environmental and Anthropological Risks of Transformation of the Socio-Technical Environment (Based on the Materials of Expert Surveys)

Victoria A. Belkina¹ ✉

¹ Southwest State University
50 Let Oktyabrya str. 94, Kursk 305040, Russian Federation

✉ e-mail: viktoria2206.1995@mail.ru

Abstract

Relevance. Scientific knowledge and technological expertise continues to evolve rapidly. Technological innovations lead to the emergence of not only new benefits, but also threats, which necessitates their regulation in order to maximize the benefits and at the same time control their possible negative consequences. The technical revolution does not affect any local sectors of social production, but directly creates a new socio-technical reality that carries numerous environmental and anthropological risks.

The purpose is to conducting a philosophical examination of the environmental and anthropological risks of transforming the socio-technical environment.

Objectives: determine the main approaches to disclosing the essence of the concept of "technical environment" from the point of view of competent experts; to assess the state and development of the technical environment and technological infrastructure of the regions of the Central Federal District (CFD) (on the example of the Tambov region, Belgorod region, Moscow and Kursk region); to identify the main factors that cause the danger of the development of the socio-technical environment for the population and the environment.

Methodology. To determine the expert system of social and environmental indicators that allow diagnosing the existing risks associated with the expansion of the technical environment and the development of technosphere objects, an expert survey was conducted using the semi-formalized interview method followed by a critical analysis.

Results. The presented manuscript presents the results of a philosophical examination of the environmental and anthropological risks of transforming the socio-technical environment (based on the materials of expert surveys). In the course of this study, the collection, generalization and critical analysis of expert opinion on the state and development of the technical environment and technological infrastructure of the regions of the Central Federal District was carried out.

Conclusions. Conducting a philosophical examination allows diagnosing the main dangers of expanding the boundaries of the technical environment for humans and nature. With further expert research, the results and the resulting knowledge and recommendations should be specific, focused on solving applied problems, in particular, aimed at attempts to mitigate further risks of transformation of the socio-technical environment.

Keywords: philosophical expertise; information society; transformation; risks; socio-technical environment; environmental instability; expert opinion.

Conflict of interest: In the presented publication there is no borrowed material without references to the author and (or) source of borrowing, there are no results of scientific works performed by the author of the publication,

personally and (or) in co-authorship, without relevant links. The author declares no conflict of interest related to the publication of this article.

Funding: The article was written within the framework of the project "Socio-ecological monitoring of the technical environment of the region: sociocultural approach" (RFBR grant 20-311-90060 "Postgraduates").

For citation: Belkina V. A. Philosophical Examination of Environmental and Anthropological Risks of Transformation of the Socio-Technical Environment (Based on the Materials of Expert Surveys). *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Ekonomika. Sotsiologiya. Menedzhment* = *Proceedings of the Southwest State University. Series: Economics, Sociology and Management*. 2021; 11(4): 226–238. (In Russ.)

Received 18.06.2021

Accepted 15.07.2021

Published 31.08.2021

Введение

Современная наука подчеркивает роль информации в происхождении и жизни человека. Информационная революция XX в. стала решающим фактором в развитии общества. В реалиях развития современного общества бесспорным является тот факт, что следствие развития новейших технологий – трансформация социотехнической среды, происходящая быстрыми темпами, и изменения в технологической структуре нашего мира [1]. Наша цивилизация вступает в новый период развития, когда конвергенция новых NBICS-технологий достигла беспрецедентного развития соответственно в своих собственных областях, и в то же время их приложения значительно сблизились. Однако сегодня технологический прогресс несет в себе экологические риски, ставящие под угрозу само существование жизни человечества на Земле, а также антропологические риски, которые ставят под сомнение антропоцентрическую/гуманистическую онтологию, рассматривающую человека как самоконструирующуюся и самодостаточную сущность [2].

Социотехническая среда в определенный этап своего исторического развития посредством различных технологий, в т. ч. цифровых, меняет материальные условия человеческого существования и расширяет горизонт наших возможностей [3]. Технонаука становится фактором устойчивого и успешного функционирования практически всех современных обществ. Трансформации социотехнической среды, вследствие внедрения и при-

менения технологий, являются не только основанием для создания единого информационного пространства, но и условием эффективного социального управления на основе гибкого и динамичного использования информационных ресурсов. В то же время развитая социотехническая среда становится средством, позволяющим преобразовывать в нужном направлении экономическую, научную, социальную, культурную, образовательную и другие сферы общества [4].

С одной стороны, различные технологии рекламируются как решение социальных, экономических и экологических проблем нашего времени. Новые и новейшие технологии, такие как синтетическая биология и методы редактирования генов, поощряются для обеспечения продовольственной безопасности, здравоохранения и питания, даже энергетической безопасности, также большие надежды возлагаются на геоинженерию как спасителя от климатического кризиса [5]. Автоматизация, робототехника, дроны и дистанционное зондирование, как ожидается, будут решать проблемы в сельском хозяйстве, здравоохранении, транспорте и инфраструктуре. Искусственный интеллект, машинное обучение и криптовалюты обещают обеспечить долгожданную индустриализацию в развивающихся странах.

Однако, с другой стороны, новейшие технологии не просто трансформируют все сферы общественной жизни, они также создают специфические проблемы [6]. Так, преобразования, являющиеся следствием данных технологий, приводят к радикальным изменениям во многих сфе-

рах: технологии изменяют окружающую среду и существующую реальность. Обострение глобальных проблем цивилизации вынуждает человечество идти по пути устойчивого развития, которое должно происходить через гармоничное взаимодействие несущей способности социальных систем и окружающей среды. Важный путь реализации устойчивого развития, взятый как важный путь и метод решения конфликта между экологическими проблемами и ресурсами, – создание экологических цивилизаций, включающих в себя совокупность материальных, духовных и институциональных достижений человечества, в содействии социальной, экономической и культурной динамике [7].

Человечество, вследствие своей антропогенной деятельности и потребительского отношения к природе и обществу, подошло к ситуации глобального цивилизационного кризиса. Одним из возможных выходов из этого кризиса считается ноосферная стратегия мирового сообщества. Эта стратегия основывается на достижениях информатики и передовых информационных технологиях. Информационные технологии не просто увеличивают человеческие возможности, они меняют суть того, как мы относимся к окружающей действительности, к другим людям в мире и к самим себе. Быстрое внедрение новейших технологий в жизнь общества изменили наши отношения с окружающей средой, с другими членами социума и с самим собой. В результате этого наше индивидуальное и социальное благополучие теперь тесно переплетено с состоянием нашей информационной среды и технологий, опосредующих наше взаимодействие с ней [8].

Можно отметить, что технологические достижения стирают границы между физической, цифровой и биологической сферами. Они динамичны и чрезвычайно расширяются. Оставляя свой след в культуре, они становятся глобальной системой, которая охватывает весь мир. Но-

вейшие технологии как элемент технической среды предполагают глубокие изменения, так как они внедряются во все аспекты деятельности общества и влекут за собой формирование качественно нового жизненного уклада [9]. Действенность процесса информатизации на основе технологического прогресса в условиях трансформации социотехнической и социоприродных сред, таким образом, определяется тем, насколько новые технологии оказывают позитивное влияние на социальные изменения.

Главная особенность современной социотехнической среды и современного технологического пространства – стремительная глобализация [10]. Среди множества аспектов этого многообразного явления его информационный аспект привлекает постоянно возрастающий интерес, как со стороны исследователей, так и широкой общественности. Эта особенность является точкой пересечения двух основных социальных процессов, а именно глобализации и технологизации в сочетании с экологизацией. Все эти факторы тесно связаны с продвижением ноосферогенеза, информационные технологии играют исключительно важную роль в трансформации общей социокультурной среды [11]. Итак, современная социотехническая среда, включая в себя новейшие технологии, вызывает многочисленные изменения, являющиеся сложным, онтологически многослойным объектом междисциплинарного исследования, а все вышеизложенное обуславливает актуальность данной темы.

Материалы и методы

В процессе работы над нашим исследованием были использованы такие методы, как анализ, синтез, аналогия, сравнение, конкретизация и классификация, что позволило расширить возможности для проведения комплексного философского анализа имеющихся эффектов, фе-

номенов и различных рисков социотехнической среды.

Для определения экспертной системы социально-экологических показателей, позволяющих диагностировать имеющиеся экологические и антропологические риски трансформации социотехнической среды, а также уровень решения экологических проблем, связанных с расширением технической среды и развитием объектов техносферы в регионах, был проведен экспертный опрос методом полуструктурированного интервью лиц, относящихся к региональным властным структурам, государственным и муниципальным служащим, представителям научного сообщества, предпринимателям, членам общественных организаций и движений. Выборка строилась на опросе экспертов Тамбовской области, Белгородской области, города Москвы и Курской области – данный выбор обусловлен данными экологического рейтинга субъектов Российской Федерации Общероссийской общественной организации «Зеленый патруль» по итогам осени 2019 г., согласно которому данные регионы ЦФО (Центрального федерального округа РФ) занимают лидирующие строчки в рейтинге. Общая численность экспертов составила 68 человек (не менее 15 от каждого субъекта ЦФО, включенного в выборочную совокупность).

Для анализа полученных результатов социологического исследования применялись многомерная группировка первичных данных и эмпирическое обобщение.

Все отобранные для интервью эксперты обладают следующими требованиями:

- 1) имеют высшее образование;
- 2) имеют стаж работы не менее 5 лет по специальности, соответствующей его области (областям) профессиональной деятельности.

Результаты и их обсуждение

Технологический дискурс и практики, соответствующие нынешней социокультурной реальности, породили много-

численные трансформации в социотехнической среде. Например, технологические интервенции подчиняют природное и социальное искусственному, завоевывают и берут под контроль окружающую человека среду с помощью технологий. Техническая среда оказывает огромное влияние на производство, образ жизни и будущее людей, она, как никогда, изменяет нашу окружающую среду [12]. В связи с этим в современных социокультурных условиях возрастает уровень озабоченности по поводу того, как современное общество может справиться с серьезными экологическими и антропологическими угрозами трансформации социотехнической среды. Столкнувшись с этими рисками, ученые утверждают, что, только лишь снизив глобальную техногенную нагрузку на окружающую среду, мы сможем справиться с растущей неопределенностью по поводу будущего человечества.

Для проведения философской экспертизы на предмет развития технической и социокультурной среды субъектов Центрального федерального округа России (ЦФО), а также выявления имеющихся экологических и антропологических рисков трансформации социотехнической среды и обоснования актуальности решения проблем, связанных с расширением границ технической среды и развитием объектов техносферы в мае-июле 2021 г. на территории четырех субъектов ЦФО – Тамбовской области, Белгородской области, города Москвы и Курской области, автором было проведено социологическое экспертное исследование. Данное исследование было осуществлено с помощью метода полуструктурированного интервью. Общая численность экспертов составила 68 человек (не менее 15 от каждого субъекта ЦФО, включенного в выборочную совокупность).

Отметим тот факт, что экспертные знания обладают неоспоримыми преимуществами перед объективированными

ми, устоявшимися, усредненными [13]. Именно такие знания составляют фундамент как для получения нового знания, так и для формирования представлений в той области, где достижение точного и достоверного знания осложнено или невозможно [14]. Оценка технической и социокультурной среды и дальнейших векторов их развития является одной из таких областей.

При разработке программы данного социологического экспертного исследования была поставлена задача – определить основные подходы к раскрытию сущности понятия «техническая среда» с точки зрения компетентных экспертов.

Мы решили узнать, что эксперты понимают под термином «техническая среда». В их ответах наиболее часто встречаются следующие варианты определения понятия «техническая среда».

С точки зрения МЧС России, данный термин соотносится с понятием «техногенная, техносферная среда», но если говорить о технической среде в преломлении к нашей теме, то техническая среда – это все то, что окружает человека, это все риски, связанные с жизнедеятельностью человека, это производство, это современные технологии, это, безусловно, транспорт и другие вещи, которые относятся именно к технической составляющей жизни и жизнедеятельности людей.

Техническая среда – это совокупность материального мира, который участвует косвенно или напрямую в технологическом процессе. Техническая среда – это совокупность взаимодействия человека с определенным техническими системами.

Техническая среда – это совокупность производственных предприятий и проектных организаций.

Техническая среда – это совокупность технологической среды, представленной в окружающем нас мире, в окружающей среде, т. е. некое представление этих технологий.

Техническая среда – это совокупность машин, механизмов, устройств, связанных с преобразованием материальной энергии во благо человека.

Техническая среда – сейчас уже настолько широкое и распространенное понятие, что существуют разные подходы к раскрытию его, потому что все, что нас окружает, имеет отношение к технической среде.

Техническая среда – это термин, максимально близкий к понятию «техносфера», так как в настоящее время с природной средой в ее истинном виде мы уже редко можем столкнуться – сегодня для человечества это большая роскошь.

Техническая среда – это среда, переработанная под нужды человека, это урбанистическая среда, это производственная среда, это понятие, которое в настоящее время уже применимо ко всем видам сред обитания человека, поскольку человек достаточно широко распространил свое антропогенное воздействие на природу.

Термин «техническая среда» используется в контексте принадлежности к среде обитания человека, к социальной общности, которая влияет на условия жизнедеятельности, качество его жизни и т. д.

Техническая среда – это все предметы, созданные человеком за последние 100 лет, которые окружают его повсюду, начиная от инженерных сетей и заканчивая элементарными гаджетами, помещающимися в его руку.

Техническая среда – это все технические устройства, что окружают современного человека, это различные программные устройства, различные услуги, которые так или иначе облегчают жизнь человека, т. е. вся совокупность того, что делает нашу жизнь комфортнее.

Таким образом, можно заключить, что техническая среда – это преобразованная людьми природная среда («вторая природа»), среда квазиприродная, а также различного вида «культурные ландшаф-

ты» [15]. Эта среда может существовать только при постоянном поддержании ее человеком. В противном случае она неизбежно обречена на разрушение.

Далее эксперты должны были оценить состояние и развитие технической среды и технологической инфраструктуры в субъектах ЦФО (на примере своего региона) в условиях того, что в настоящее время окружающая среда стала зависимой от сложной совокупности техники и технологической инфраструктуры, систем и устройств. Со стороны экспертов были высказаны следующие точки зрения.

Техническая среда в субъектах ЦФО развивается, но здесь нужно принимать во внимание тот факт, что, когда мы говорим о технической, техногенной среде в отношении, например, каких-то предприятий, крупных производств, фабрик, промышленности, то здесь мы наблюдаем тенденцию к тому, что данные отрасли производства по решению руководства стараются выноситься за границы городов, во всяком случае с физической точки зрения, а в самих городах достаточно активно развиваются другие технические или техногенные отрасли, такие как транспорт, строительство, инфокоммуникационные технологии и системы связи, и именно они развиваются наиболее быстрыми темпами и приводят к расширению границ технической среды, сужая тем самым границы природной среды.

Технологическая среда в ЦФО улучшается в том смысле, что предприятия становятся более совершенными, а малоэффективные предприятия либо совсем закрываются, либо выносятся за черту города.

Техническая система живет, развивается, она не есть нечто застывшее, поэтому мы могли бы оценить ее как развивающуюся.

Техническая среда в настоящее время находится на очень высоком уровне своего развития, так как практически отсутствуют нетронутые природные терри-

тории – достаточно мало лесов, лесных зон, которые заменили парковыми зонами и благоустроенными зонами отдыха, которые мы уже относим к результатам деятельности самого человека, – нетронутая природная среда обитания человека заменяется искусственной, видоизмененной «природой», в связи с чем можно сделать вывод, что, конечно же, уровень техногенной нагрузки в субъектах ЦФО очень высок.

Технологическая структура в субъектах ЦФО – одна из самых лучших и развитых в России по оснащенности различными техническими системами, включая Wi-Fi, мобильные сети, «умный дом», «умный город», что чрезвычайно облегчает жизнь современного человека. Сама техническая среда способствует тому, чтобы мы могли жить в ней комфортно.

Действительно, сегодня техническая среда все больше и больше влияет на человека и на общество в целом, роль и значение ее возрастают, что особо заметно в крупных городах, например в Москве. Это все происходит благодаря действию тех технологических компаний, которые собственно формируют эту среду, и благодаря, конечно же, тем мерам, которые в этом направлении предпринимаются правительством субъектов ЦФО.

Несмотря на то, что по результатам многочисленных рейтингов наша страна не занимает лидирующие позиции в аспекте технологического развития, жизнь современного российского жителя стала необычайно зависима от различного рода технологий, особенно информационных. Однако Москва – столица нашей страны – стоит на первых позициях не только в России, но и, может быть, даже в какой-то степени в мире, потому что все новинки, все какие-то современные предложения, инновации реализуются именно в Москве, что тоже отмечают эксперты. Здесь с точки зрения неразрывной связи технической среды с природной мы можем увидеть эти инновационные технологии в наличии различных систем защиты окружающей

среды и контроля ее состояния, датчиков, систем наблюдений и т. д. [16].

В данном исследовании нам также необходимо было выявить специфику социально-технологического и социоприродного развития регионов, отобранных в выборочную совокупность, а именно Тамбовской области, Белгородской области, города Москвы и Курской области, по мнению региональных экспертов.

Так, эксперты Тамбовской области отметили тот факт, что несмотря на близость к Москве, технологическое развитие региона находится на среднем уровне (техническая среда вполне развита, хотя, разумеется, уступает столичному региону). Чем далее от областного центра находится местность, тем техническая среда во всех ее компонентах становится менее развитой. Развитие технической среды системно несет те же опасности/преимущества, что и переход от лука со стрелами к огнестрельному оружию, от лошади с телегой к автомобилю, от лучины к лампе накаливания, а затем к энергосберегающей лампе, от почтового голубя к телеграфу и т. д. Постоянное присутствие и развитие технологий, а также возрастающий уровень электромагнитного излучения наносят вред не только самому человеку, но и окружающей среде. Наблюдается все более сильная деградация окружающей среды под действием нелогичного и слабо контролируемого общественностью и специалистами внедрения устаревших технологий. Однако внедрение новых технологий, в т. ч. цифровых, может в значительной степени повлиять на экологическую ситуацию. Прежде всего, они позволяют точнее рассчитывать необходимые ресурсы, что приведет к снижению их затрат и потерь. При рациональном управлении будет меньше убытков, что положительно отразится на экологической ситуации Тамбовского региона.

Эксперты Белгородской области отметили, что техническая среда их региона развита на высоком уровне в связи с раз-

нообразием государственных и частных мер поддержки технологического предпринимательства. В Белгородской области создана благоприятная среда для развития инновационной деятельности. Технологическая инфраструктура достаточно развита для того, чтобы качество жизни населения оставалось достойным. Однако, несмотря на это, все еще значительное количество промышленных предприятий Белгородской области функционируют на базе устаревших технологий и оборудования, в связи с чем необходима их модернизация или замена на высокотехнологичные. Также опасности и риски для населения и окружающей среды обусловлены недостатками нарастающей цифровизации как процесса, но эта проблема является актуальной для всех регионов ЦФО.

В г. Москве эксперты определяют вектор развития технической среды как самый положительный. Несмотря на то, что столица нашей страны находится все еще на начальной стадии становления инноваций, прогресс в технологическом развитии значимо ощутим. Москва, являясь одним из крупнейших городов Российской Федерации и обладая огромным инновационным потенциалом, является образцом для всех других субъектов. Появление новых технологий, безусловно, сказывается не только на экологической природной среде, но и влияет на качественное развитие техносферы. Главная проблема заключается в том, что все решения, касательно внедрения каких-либо технических систем и устройств в социальную среду, решаются только лишь управленческим аппаратом, без учета мнения населения.

В Курской области эксперты высказали мнение о том, что техническая инфраструктура практически не развита. Происходит ухудшение экологической обстановки региона при некомпетентном управлении развитием технической среды. Сама техническая среда нуждается в модернизации и негативно влияет на

окружающую среду посредством увеличения количества выброса вредных веществ и отходов. Существует риск серьезного вмешательства в окружающую природную среду (заповедные зоны и т. п.) со стороны промышленных производственных предприятий. Значительные изменения вносит рост числа сельскохозяйственных и животноводческих комплексов, а в сравнении с другими регионами ЦФО, отсутствуют крупные машиностроительные предприятия.

В связи с тем, что главной целью данного исследования стало проведение философской экспертизы экологических и антропологических рисков трансформации социотехнической среды, эксперты высказали мнение о том, какими факторами обусловлена опасность развития и дальнейшей трансформации социотехнической среды для населения и окружающей среды. Далее приведены мнения экспертов по данной проблеме.

При трансформации социотехнической среды особо опасными являются именно экологические риски, так как любое влияние и вмешательство технологий в экосистему негативно отражаются на ее состоянии [17]. Опасность социально-технологического и социоприродного развития субъектов ЦФО связана с влиянием промышленных предприятий, которые представляют современную техносферу, на окружающую природную среду, а также техники и технологий на здоровье человека. Естественно, в связи с социально-технологическим развитием увеличивается и вероятность возникновения техногенных катастроф, которые все больше и больше наносят серьезный вред окружающей природной среде, среде обитания человека.

Эксперты говорили о том, что ситуация с какими-то вредными промышленными объектами в регионах ЦФО России решается достаточно эффективно. Однако опасность технического развития заключается в том, что она сама по себе является рискогенной в том плане, что

необычайными темпами развиваются различные ее элементы, например компьютерные интеллектуальные системы, что, естественно, влечет опасности для человека, для его жизнедеятельности.

Основная проблема, с которой сталкиваются современные жители российских регионов, и в частности регионов ЦФО, заключается в том, что у нас отсутствует практика предварительных исследований безопасности внедрения инновационных и технических систем. Во многих технологических отраслях мы лишь перенимаем опыт зарубежных стран и внедряем уже готовые продукты, которые, однако, могут иметь специфические опасные последствия на человеческую жизнедеятельность. Перенимаемые инновации не изучены в полной мере перед их внедрением в различные сферы. С одной стороны, мы шагаем вперед, перенимая чужой опыт технологического развития, но с другой – это заимствование несет в себе угрозы и риски, в первую очередь для самого населения регионов.

Социально-технологическое и социоприродное развитие первоначально определяется человеческим фактором, который всегда непредсказуем, в связи с чем и возникают различного рода технологические опасности. Работы по минимизации этих опасностей находятся на среднем уровне, т. е. ведутся некоторые работы по определенным направлениям, но эти работы несистемны.

Центральный федеральный округ – один из лидеров в нашей стране в плане технологического развития, поэтому основные риски и угрозы связаны с технической оснащенностью регионов, влияющей на все составляющие жизни населения этих регионов. Здесь необходимо иметь в виду, что это прежде всего опасность здоровью населения, поскольку, естественно, экономический интерес различных технологических производств и предприятий имеет наивысшую ценность, нежели, например, интересы сохранения здоровья населения.

Касательно антропологических рисков, эксперты высказывали мнения о том, что они связаны с высокой степенью концентрации высоких технологий, которые задают новый базис материальных и духовных ценностей в современном российском социуме. Сегодня техническая среда доминирует над другими элементами среды обитания человека, в связи с чем она негативно влияет на его жизнь и жизнь всего социума в целом. В этом контексте один из экспертов процитировал слова русского инженера, изобретателя радио А. С. Попова: «Друзья, мы занимаемся большим делом, мы хотим помочь человечеству и человеку как можно эффективнее общаться, использовать различные средства, но какие бы средства, совершенные для улучшения общения людей, для улучшения их связей между собой, мы не изобретали, ничто не может заменить нам обычного человеческого общения», т. е. в трансформации социотехнической среды эксперты видят угрозу уничтожения сущности и природы самого человека, риск замены его роботизированными системами и искусственным интеллектом. Главным фактором, которым обусловлена опасность развития и дальнейшей трансформации социотехнической среды для самого человека, – все большая технизация и компьютеризация, которые по мере усложнения вызывают трудности, в частности, у пожилых людей, в освоении новых устройств и их использовании, что в свою очередь является серьезным социальным вызовом по адаптации людей разного возраста и образования к современной технологизированной реальности. Облегчая жизнь человеку, техника вместе с тем «отключает» работу человеческого мозга, формируются неосознаваемые автоматизмы. Например, мы часто можем замечать, как пешеходы переходят дорогу на опасных перекрестках, не глядя на автомобили, идут на любой сигнал светофора, уткнувшись в свои смартфоны, что становится достаточно опасным явлением.

Часть опрошенных экспертов также высказала мнение о том, что опасность развития и дальнейшей трансформации социотехнической среды для населения и окружающей среды не является актуальной проблемой. Эксперты отмечали, напротив, технологическое усовершенствование всех сфер общественной жизни человека, что также касается и экологической сферы. Появляются новые виды экологически чистого транспорта, все более широко и активно используется электротранспорт: электромобили, электробусы, трамваи, троллейбусы, не говоря уже о распространении во всех крупных городах электросамокатов. Таким образом, эксперты считают, что вред окружающей среде сегодня намного меньше, чем в предыдущие времена.

Итак, в настоящее время в связи с трансформацией социотехнической среды для достижения практической реализации концепции устойчивого развития и успешного осуществления минимизации опасностей и угроз расширения технической среды требуется множество разнообразных действий как со стороны научного сообщества, так и со стороны управленческого аппарата. Необходим фундаментальный прогресс в разработке и распространении различных инноваций, которые уменьшат воздействие техногенной цивилизации на социоприродную среду. Надлежащая основа для поощрения таких инноваций является важнейшим компонентом деятельности по сохранению благоприятной среды обитания человека. Чтобы рассмотреть подходящие рамки для инноваций, необходимо изучить текущую экологическую политику и ориентированные на окружающую среду технологические инициативы и определить, эффективны ли они в создании соответствующих условий жизни человека. В связи с чем требуется проведение дальнейшего философского анализа экологических и антропологических рисков трансформации социотехнической среды, а также изучение специфики функционирования

техники и технологий в условиях увеличения информационных потоков.

Выводы

Деградация социоприродной среды – типичный непреднамеренный результат коллективного человеческого поведения. Технологический кризис, приведший к разрушению природной среды, стал уже осмысленным явлением, отражающим текущую социальную динамику [18]. Человек на протяжении тысячелетий изменял свою естественную среду обитания, и его роль в трансформации социоприродной и социотехнической среды трудно переоценить. При трансформации социотехнической среды особо опасными являются именно экологические риски, так как любое влияние и вмешательство технологий в экосистему негативно отражается на ее состоянии. Опасность социально-технологического и социоприродного развития субъектов ЦФО связана с влиянием промышленных предприятий, которые представляют современную техносферу, на окружающую природную среду, а также техники и технологий на здоровье человека. В связи с социально-технологическим развитием увеличивается и вероятность возникновения техногенных катастроф, которые все больше и больше наносят серьезный вред окружающей природной среде, среде обитания человека. Основная проблема, с которой сталкиваются современные жители российских регионов, и в частности регионов ЦФО, заключается в том, что в нашей стране отсутствует практика предварительных исследований безопасности внедрения инновационных и технических систем.

Антропологические риски связаны с высокой степенью концентрации высоких технологий, которые задают новый базис материальных и духовных ценностей. Сегодня техническая среда доминирует над другими элементами среды обитания человека, в связи с чем она негативно влияет на его жизнь и жизнь всего социума в целом. Широко признается мнение, что крупномасштабные и долгосрочные переходные процессы, необходимые для смягчения последствий трансформации социотехнической среды и осуществления политики устойчивого развития в пределах региональных границ, требуют значительных изменений в образе жизни людей, а также в их ценностях и мышлении. Растет интерес к процессам, в рамках которых могут происходить крупные социальные преобразования в интересах сохранения социальной стабильности на основе широкого охвата экологических ценностей, а также ценностей, связанных с широкой концепцией устойчивости. Это включает в себя поиск значимых нарративов для формирования социоприродных и социокультурных сред, а также необходимость укрепления этических рамок технологических и антропологических интервенций. Требуется привлечение более богатых источников ценностей и этики, проведение дальнейшего философского анализа экологических и антропологических рисков трансформации социотехнической среды, а также специфики функционирования техники и технологий в условиях увеличения информационных потоков. Необходима дальнейшая теоретическая систематизация и концептуализация предпосылок для разработки системных моделей управления социотехнической средой.

Список литературы

1. Данилин И. В. Развитие перспективных технологий: вызовы для научно-технологической и инновационной политики // Вестник МГИМО – Университета. 2018. № 6(63). С. 255-270.
2. Давыдов Д. А. Этические дискурсы о технологиях изменения природы человека: попытка построения «классификационной матрицы» // Дискурс-Пи. 2019. № 4(37). С. 10-27.
3. Земнухова Л. В. Социотехническое в цифровой социологии: методологические возможности и ограничения // Социология власти. 2018. № 30(3). С. 54-68.

4. Пронина Л. А. Культурные изменения в условиях информатизации общества // Аналитика культурологии. 2005. № 3. С. 20-31.
5. Кокова Э. Р. Роль современных технологий в обеспечении продовольственной безопасности регионов // Вестник экспертного совета. 2019. № 1(16). С. 10-14.
6. Карцхия А. А. Цифровая революция: новые технологии и новая реальность // Правовая информатика. 2017. № 1. С. 13-18.
7. Хуламханова С. Б., Тхалиджоков С. Л., Гергокова М. А. Устойчивое развитие – путь к решению экономических и экологических проблем // Пространство экономики. 2006. № 4(4-2). С. 316-318.
8. Асеева И. А. Этические вызовы цифровой эпохи // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. 2019. Т. 9, № 3(32). С. 213-225.
9. Дианова Н. Ф. Культура в информационно-техническом обществе: особенности инновационной модернизации // Аналитика культурологии. 2011. № 19. С. 261-267.
10. Дергачева Е. А. От техногенного общества – к социотехноприродной глобализации // Среднерусский вестник общественных наук. 2010. № 4. С. 7-13.
11. Пелевин С. И. Технологизация общества как фактор социокультурных изменений // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия Философия. Психология. Педагогика. 2019. № 19(4). С. 387-392.
12. Преликова Е. А., Белкина В. А. Влияние технической среды региона на социальное здоровье населения // Вопросы устойчивого развития общества. 2020. № 8. С. 171-177.
13. Асеева И. А., Пирожкова С. В. Прогностические подходы и этические основания технической экспертизы // Вопросы философии. 2015. № 12. С. 65–76.
14. Преликова Е. А., Белкина В. А. Социологический анализ экспертного мнения по вопросам состояния окружающей природной среды и техносферы города Курска // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. 2019. Т. 9, № 3(32). С. 192–201.
15. Шишкина А. А. «Вторая природа» и «Культурный ландшафт» как философские категории // Манускрипт. 2016. № 1(63). С. 203-206.
16. Ибрагимов И. М. Инновационные технологии и системы для защиты окружающей среды от воздействия энергетики: дис. ... д-ра техн. наук. М., 2011. 243 с.
17. Кабанцева В. С. Трансформация взглядов на содержание категории «Экологический риск» // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Экономика. Управление. Право. 2012. № 1. С. 40-44.
18. Дергачева Е. А. Социоприродная проблематика в современной глобалистике // Философия и общество. 2008. № 3. С. 109-122.

References

1. Danilin I. V. Razvitie perspektivnyh tekhnologij: vyzovy dlya nauchno-tekhnologicheskoy i innovacionnoy politiki [Development of promising technologies: challenges for science, technology and innovation policy]. *Vestnik MGIMO – Universiteta = Bulletin of MGIMO – University*, 2018, no. 6(63), pp. 255-270.
2. Davydov D. A. Eticheskie diskursy o tekhnologiyah izmeneniya prirody cheloveka: popytka postroeniya "klassifikacionnoj matricy" [Ethical discourses on technologies for changing human nature: an attempt to build a "classification matrix"]. *Diskurs-Pi = Discourse-Pi*, 2019, no. 4 (37), pp. 10-27.
3. Zemnukhova L. V. Sociotekhnicheskoe v cifrovoj sociologii: metodologicheskie vozmozhnosti i ogranicheniya [Sociotechnical in digital sociology: methodological possibilities and limitations]. *Sociologiya vlasti = Sociology of Power*, 2018, no. 30(3), pp. 54-68.
4. Pronina L. A. Kul'turnye izmeneniya v usloviyakh informatizacii obshchestva [Cultural changes in the conditions of informatization of society]. *Analitika kul'turologii = Analytics of Cultural Studies*, 2005, no. 3, pp. 20-31.
5. Kokova E. R. Rol' sovremennyh tekhnologij v obespechenii prodovol'stvennoj bezopasnosti regionov [The role of modern technologies in ensuring food security of the regions]. *Vestnik ekspertnogo soveta = Bulletin of the Expert Council*, 2019, no.1(16), pp. 10-14.

6. Kartskhia A. A. Cifrovaya revolyuciya: novye tekhnologii i novaya real'nost' [Digital revolution: new technologies and new reality]. *Pravovaya informatika = Legal Informatics*, 2017, no. 1, pp. 13-18.
7. Khulamkhanova S. B., Tkhalijokov S. L., Gergokova M. A. Ustojchivoe razvitiye – put' k resheniyu ekonomicheskikh i ekologicheskikh problem [Sustainable development – a way to solve economic and environmental problems]. *Prostranstvo ekonomiki = Space of the Economy*, 2006, no. 4 (4-2), pp. 316-318.
8. Aseeva I. A. Eticheskie vyzovy cifrovoj epohi [Ethical challenges of the digital age]. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Ekonomika. Sociologiya. Menedzhment = Proceedings of the Southwest State University. Series: Economics, Sociology and Management*, 2019, vol. 9, no. 3(32), pp. 213-225.
9. Dianova N. F. Kul'tura v informacionnotekhnicheskom obshchestve: osobennosti innovacionnoj modernizatsii [Culture in an information technology society: features of innovative modernization]. *Analitika kul'turologii = Analytics of Cultural Studies*, 2011, no. 19, pp. 261-267.
10. Dergacheva E. A. Ot tekhnogenno go obshchestva – k sociotekhnoprirodnoj globalizatsii [From a technogenic society to a socio-technological globalization]. *Srednerusskij vestnik obshchestvennykh nauk = Central Russian Bulletin of Social Sciences*, 2010, no. 4, pp. 7-13.
11. Pelevin S. I. Tekhnologizatsiya obshchestva kak faktor sociokul'turnykh izmeneniy [Technologization of society as a factor of socio-cultural changes]. *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya Filosofiya. Psihologiya. Pedagogika = Ivestia of the Saratov University. New Episode. Philosophy Series. Psychology. Pedagogy*, 2019, no. 19 (4), pp. 387-392.
12. Prelikova E. A., Belkin V. A. Vliyanie tekhnicheskoy sredy regiona na social'noe zdorov'e naseleniya [Influence of the technical environment of the region on the social health of the population]. *Voprosy ustojchivogo razvitiya obshchestva = Issues of Sustainable Development of Society*, 2020, no. 8, pp. 171-177.
13. Aseeva I. A., Pirozhkova S. V. Prognosticheskie podhody i eticheskie osnovaniya tekhnosotsial'noj ekspertizy [Prognostic approaches and ethical foundations of techno-social expertise]. *Voprosy filosofii = Problems of Philosophy*, 2015, no. 12, pp. 65–76.
14. Prelikova E. A., Belkina V. A. Sociologicheskij analiz ekspertnogo mneniya po voprosam sostoyaniya okruzhayushchej prirodnoj sredy i tekhnosfery goroda Kurska [Sociological analysis of expert opinion on the state of the environment and the technosphere of the city of Kursk]. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Ekonomika. Sociologiya. Menedzhment = Proceedings of the Southwest State University. Series: Economics, Sociology and Management*, 2019, vol. 9, no. 3 (32), pp. 192–201.
15. Shishkina A. A. "Vtoraya priroda" i "Kul'turnyj landsht" kak filosofskie kategorii ["Second nature" and "Cultural landscape" as philosophical categories]. *Manuskript = Manuscript*, 2016, no. 1 (63), pp. 203-206.
16. Ibragimov I. M. Innovatsionnye tekhnologii i sistemy dlya zashchity okruzhayushchej sredy ot vozdeystviya energetiki. Diss. dokt. tech. nauk [Innovative technologies and systems for environmental protection from the impact of power engineering. Dr. tech. sci. diss.]. Moscow, 2011. 243 p.
17. Kabantseva V. S. Transformatsiya vzglyadov na sodержanie kategorii "Ekologicheskij risk" [Transformation of views on the content of the category "Environmental risk"]. *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya Ekonomika. Upravlenie. Pravo = Proceedings of the Saratov University. New Episode. Series Economics. Control. Right*, 2012, no. 1, pp. 40-44.
18. Dergacheva E. A. Socioprirodnaya problematika v sovremennoj globalistike [Socio-natural problems in modern global studies]. *Filosofiya i obshchestvo = Philosophy and Society*, 2008, no. 3, pp. 109-122.

Информация об авторе / Information about the Author

Белкина Виктория Александровна, аспирант кафедры философии и социологии, Юго-Западный государственный университет, г. Курск, Российская Федерация, e-mail: viktor2206.1995@mail.ru, ORCID: 0000-0002-3306-6706

Victoria A. Belkina, Post-Graduate Student of the Department of Philosophy and Sociology, Southwest State University, Kursk, Russian Federation, e-mail: viktor2206.1995@mail.ru, ORCID: 0000-0002-3306-6706

УДК 130.2

Женский образ в иудейской и христианской традициях: сравнительный анализ

Е. Н. Гончарова¹ ✉

¹ Курский государственный университет
ул. Радищева 33, г. Курск 305000, Российская Федерация

✉ e-mail: elena1200012@yandex.ru

Резюме

Актуальность. Важным аспектом в изучении данной темы является то, что в последнее десятилетие возник интерес к рассмотрению социального статуса женщины в монотеистических религиях. Христианская религия стала идеологическим фундаментом европейской цивилизации, доминантой ментальности европейцев, а отношение к женщине в христианстве в период формирования церковной организации и учения во многом предопределило ее положение во всех христианских странах в последующие этапы общественного развития. Проблематика исследования приобретает злободневное звучание в современном мире, включая статус женщины в обществе в контексте разных религиозных учений, «положение женщины определяет характер взаимоотношения между полами, модель супружества, крепость брачных уз, качество семейных отношений».

Целью данного исследования является изучение и анализ женского статуса в иудейской и христианской традициях на материале книг Торы и Священного Писания.

Задачи: проанализировать особенности используемых исторических источников; дать сравнительный анализ положения и статуса женщины в иудаизме и христианстве; определить место и роль женщины в иудейской и христианской традициях; проанализировать факторы, которые повлияли на положение женщины в раннехристианской общине.

Методология. В процессе работы над исследованием использовался принцип историзма, т. е. образ женщины рассматривался преимущественно в исторической перспективе, а также использовались как общенаучные методы (анализ и синтез, аналогия), так и частные (сравнительно-исторический метод, герменевтический метод, хронологический метод).

Результаты исследования могут использоваться в ходе осуществления учебного процесса при рассмотрении вопросов в рамках различных курсов по антропологии, истории философии, истории древнего мира, этики, разделов социогендерной идентичности и пр.

Выводы. При рассмотрении женского статуса с точки зрения иудейской и христианской традиций было установлено, что мужчина и женщина в личностном плане равны перед Богом, т. к. имеют одинаковую человеческую природу. Однако в христианстве этот субстанционально-личностный подход выражен во всей полноте.

Ключевые слова: женщина; социальный статус; Священное Писание; Ветхий Завет; Новый Завет; Тора; иудаизм; христианство; брак; развод; монашество; девство.

Конфликт интересов: В представленной публикации отсутствует заимствованный материал без ссылок на автора и (или) источник заимствования, нет результатов научных работ, выполненных авторами публикации лично и (или) в соавторстве, без соответствующих ссылок. Авторы декларируют отсутствие конфликта интересов, связанных с публикацией данной статьи.

Для цитирования: Гончарова Е. Н. Женский образ в иудейской и христианской традициях: сравнительный анализ // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. 2021. Т. 11, № 4. С. 239–244.

Поступила в редакцию 22.06.2021

Принята к публикации 20.07.2021

Опубликована 31.08.2021

© Гончарова Е. Н., 2021

The Female Image in Jewish and Christian Traditions: A Comparative Analysis

Elena N. Goncharova¹ ✉

¹ Kursk State University
33 Radishcheva str., Kursk 305000, Russian Federation

✉ e-mail: elena1200012@yandex.ru

Abstract

Relevance. An important aspect in the study of this topic is that in the last decade there has been an interest in examining the social status of women in monotheistic religions. The Christian religion became the ideological foundation of European civilization, the dominant mentality of Europeans, and the attitude towards women in Christianity during the formation of the church organization and doctrine largely predetermined its position in all Christian countries in subsequent stages of social development. The research problem is gaining topical sound in the modern world, including the status of women in society in the context of various religious teachings, and also "the position of a woman determines the nature of the relationship between the sexes, the model of marriage, the strength of the marriage bond, the quality of family relations".

The purpose of this study is to study and analyze the female status in the Jewish and Christian traditions based on the books of the Torah and the Holy Scriptures.

Objectives: to analyze the features of the used historical sources; to give a comparative analysis of the position and status of women in Judaism and Christianity; to determine the place and role of women in Jewish and Christian traditions; to analyze the factors that influenced the position of women in the early Christian community;

Methodology. In the process of working on the study, the principle of historicism was used, i.e. the image of a woman was viewed primarily from a historical perspective. Also, both general scientific methods (analysis and synthesis, analogy) and private (comparative-historical method, hermeneutic method, chronological method) were used.

The research **results** can be used in the course of the educational process when considering issues within the framework of various courses in anthropology, history of philosophy, history of the ancient world, ethics, sections of socio-gender identity, etc.

Conclusions. When considering the female status from the point of view of the Jewish and Christian traditions, it was established that a man and a woman are personally equal before God, because are of the same human nature. However, in Christianity, this substantial-personal approach is expressed in its entirety.

Keywords: woman; social status; Holy Scripture; Old Testament; New Testament; Torah; Judaism; Christianity; marriage; divorce; monasticism; virginity.

Conflict of interest: In the presented publication there is no borrowed material without references to the author and (or) source of borrowing, there are no results of scientific works performed by the authors of the publication, personally and (or) in co-authorship, without relevant links. The authors declares no conflict of interest related to the publication of this article.

For citation: Goncharova E. N. The female image in the Jewish and Christian traditions: a comparative analysis. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Ekonomika. Sotsiologiya. Menedzhment = Proceedings of the Southwest State University. Series: Economics, Sociology and Management.* 2021; 11(4): 239–244. (In Russ.)

Received 22.06.2021

Accepted 20.07.2021

Published 31.08.2021

Введение

Данное исследование посвящено сравнительному анализу образа женщины в иудейской и христианской традициях, рассматриваются сходные и отличительные особенности женского статуса в вопросах брака, развода и роли женщины в жизни общества.

Проблематика исследования приобретает злободневное звучание в совре-

менном мире, включая статус женщины в обществе в контексте разных религиозных учений, «положение женщины определяет характер взаимоотношения между полами, модель супружества, крепость брачных уз, качество семейных отношений» [1, с. 139].

Проводя анализ книг Священного Писания, следует отметить, что женщина упоминается в первую очередь в повест-

вованиях, посвященных сотворению человека. «И сотворил Бог человека по образу Своему, по образу Божию сотворил его, мужчину и женщину сотворил их» (Быт. 1:27). В Ветхом Завете подчеркивается, что «и мужчина, и женщина являются творением Единого Бога» [2, с. 34], т. е. и мужчина, и женщина имеют одинаковую человеческую природу. Эти два своих творения Господь любит одинаково и благословляет их.

Говоря о положении женщины в иудейской традиции, следует отметить, что «в иудаизме закон строго разделяет женское и мужское, помещая женщину в сферу частной жизни в роли матери и жены и закрепляя такое разделение как установленное Божественной волей» [3, с. 13].

Христианское учение относительно женщины весьма противоречиво, с одной стороны, женщина являлась причиной первородного греха, о чем свидетельствует апостол Павел: «и не Адам прельщен; но жена, прельстившись, впала в преступление» (1Тим. 2:14), а с другой – женщины занимали значительное место среди первых христиан.

Целью данного исследования является изучение и анализ женского статуса в иудейской и христианской традициях на материале книг Священного Писания.

Задачи:

- проанализировать особенности используемых исторических источников;
- дать сравнительный анализ положения и статуса женщины в иудаизме и христианстве;
- определить место и роль женщины в иудейской и христианской традициях;
- проанализировать факторы, которые повлияли на положение женщины в раннехристианской общине.

Материалы и методы

В процессе работы над исследованием использовался принцип историзма, т. е. образ женщины рассматривался преимущественно в исторической перспективе, а также использовались общенауч-

ные методы (анализ и синтез, аналогия) и частные методы:

- сравнительно-исторический (использовался для раскрытия сущности исследуемых явлений на основе имеющих фактов, а также выявления сходств и различий исследуемых событий);

- герменевтический (направлен на интерпретацию книг Священного Писания);

- хронологический (использовался для изложения исторического материала в хронологической последовательности).

Говоря о степени изученности темы, в рамках заданной хронологии и проблематики следует отметить труды следующих исследователей: Дж. Баскин [4; 5], Д. Кармоди [6; 7], Ю. Пласкоу [8; 9], Т. Хартман [10; 11], И. С. Свенцицкая [12]. К крупным исследователям, изучающим место и роль женщины в Библии, можно отнести Э. Дин [13].

Также следует отметить авторов-исследователей по гендерной проблематике: С. Г. Айвазова [14]; Т. П. Белова [15]; О. А. Воронина [16]; И. А. Жеребкина [17]; Е. А. Здравомыслова [18] и др.

Результаты и их обсуждение

Как в иудейской, так и в христианской традициях роль женщины воспринималась в основном через семью. В иудаизме большое значение придается браку: «Человек, у которого нет жены, обречен на существование без радости, без блаженства, без ощущения истинной ценности жизни» [19, с. 69]. В семье женщина имела право голоса. Она выполняла важные функции в семье, как религиозные, так и образовательные. Но в иудейской традиции о равных отношениях мужчины и женщины в браке говорить не приходится. Женщина не могла выбрать себе мужа, и теоретически она могла инициировать развод, но последнее слово все равно оставалось за мужчиной.

Что касается общественного положения женщины в иудаизме, то в ветхозаветные времена роль женщин в обществе была второстепенной: женщина была отстра-

нена от изучения Торы, не могла свидетельствовать на суде. И в отличие от раннего христианства в иудаизме женщина не имела никакого социального служения.

С возникновением христианства женщина с самого начала играла ту роль, которая уравнивала ее с мужчиной. В послании к Галатам говорится: «...все вы, во Христа крестившиеся, во Христа облеклись. Нет уже иудея, ни язычника; нет раба, ни свободного; нет мужского пола, ни женского: ибо все вы одно во Христе Иисусе» (Гал. 3:27-28). В статье «Женщина в раннем христианстве» И. С. Свенцицкая пишет: «Христианская проповедь, обращенная, по существу, ко всем социально или морально обездоленным, не разделявшая женщин и мужчин, нашла отклик в душах первых. Евангелия Нового Завета позволяют говорить о том, что женщины занимали определенное место среди последователей Иисуса» [12, с. 159]. В евангельском повествовании наглядно показано, что женщина обладает высоким совершенством человеческой природы. Христос называет женщин сестрами, потому что женщины так же, как и мужчины, следовали за Ним. Также образ женщины играет важную роль в повествованиях о страданиях и смерти Христа и Его воскресении. Женщины первыми удостоились увидеть Его воскресшим. Именно от женщин апостолы узнали, что Иисус Христос воскрес.

Говоря о положении женщины в семье, следует отметить, что у мужчины и женщины не разные права, а разные призвания. В христианской традиции назначение женщины – быть помощницей мужа. Апостол Павел призывает: «Мужья, любите своих жен, как и Христос возлюбил Церковь» (Ефес. 5:25), тем самым регулируя равные права в браке. Более того, «христианство впервые в человеческой истории провозгласило, что супружеская измена мужчины так же недопустима, как и измена женщины» [20, с. 51]. И развод разрешен только в том случае, если один из супругов совершил грех пре-

любодеяния: «Кто разводится с женою своею, кроме вины любодеяния, тот подает ей повод прелюбодействовать» (Мф. 5:32), т. е. как поясняют христианские богословы, брак не благословляется, и более того, грех прелюбодеяния уничтожает таинство брака. Вообще нравственная составляющая проходит красной нитью через все сферы жизни человека [21, с. 680]. Об отношении к женщине в христианской Церкви также можно судить и по тому, как христианство прославляет Богородицу. Образ матери с младенцем на руках – вот тот идеал, который Церковь предлагает каждой христианке.

Что касается положения женщины в обществе в раннехристианской традиции, то история показывает, что именно в христианстве этот вопрос стал решаться в пользу женщины. По словам Т. А. Полетаевой, «именно "христианская революция" установила впервые в истории человечества после грехопадения равенство полов, женщина обрела право быть не вещью, не функцией, а личностью» [20, с. 52]. Так, первые женщины-христианки проповедовали Евангелие в Риме, а также в древней Церкви существовал институт диаконисс. Впоследствии институт диаконисс был упразднен. Но в христианстве появилось женское монашество, хотя до появления монашества с апостольских времен было широко распространено добровольное девство.

Выводы

Таким образом, проведя сравнительный анализ положения и статуса женщины в иудаизме и христианстве, было установлено, что личностное начало в человеке, независимо от его пола, рассматривается как образ и подобие Божие. Однако в иудаизме женщине отводится только сфера частной жизни. Христианство сформировало новое отношение к женщине. Женщина выступает как соратница мужа, так же, как и мужчина, становится ученицей Христа и проводницей христианского учения.

Список литературы

1. Правда В. Л. Женщины в библейской и античной культурах // Вестник Томского государственного университета. 2009. № 324. С. 139–145.
2. Ефименко М. Н. Европейское общественное сознание и христианская парадигма образа и назначения женщины // Вестник Оренбургской духовной семинарии. 2019. Вып. 1 (10). С. 32–38.
3. Анистратенко С. В. Трансформация гендерных норми практик в современном иудаизме: автореф. дис. ... канд. филос. наук. СПб., 2008. 26 с.
4. Baskin J. R. The Separation of Women in Rabbinic Judaism // *Women in Religion and Social Change* / ed. by Y. Y. Haddad, E. B. Findly. Albany, 1985.
5. Baskin J. R. Women in Contemporary Judaism // *Judaism* / ed. by J. Neusner, A. J. Avery-Peck. Blackwell, 2000.
6. Carmody D. L. Women and World Religions. New York: Prentice Hall, 1989.
7. Carmody D. L. Today's Jewish Women // *Today's Women in World Religions* / ed. by S. Arvind. New York: State University of New York Press, 1994. P. 245–266.
8. Hartman T., Marmon M. Lived Regulations, Systemic Attributions Menstrual Separation and Ritual Immersion in the Experience of Orthodox Jewish Women // *Gender & Society*. 2004. Vol. 18, no. 3. P. 389–408.
9. Hartman T. Appropriately Subversive: Modern Mothers in Traditional Religions. London: Harvard University Press, 2003.
10. Plaskovv J. Standing Again at Sinai: Judaism from a Feminist Perspective. San Fransisco: Harper San Fransisco, 1991.
11. Plaskow J. The Coming of Lilith: Essay on Feminism // *Judaism and Sexual Ethics 1972–2003*. Boston: Beacon Press, 2005.
12. Свенцицкая И. С. Женщина в раннем христианстве // Женщина в античном мире: сб. ст. М.: Наука, 1995. С. 156–167.
13. Дин Э. Все женщины Библии. М.: Кромпресс, 1998. 432 с.
14. Айвазова С. В. Русские женщины в лабиринте равноправия: Очерки политический теории и истории. Документальные материалы. М.: РИК Русанова, 1998. 405 с.
15. Белова Т. П. Женщина и религия: Проблемы феминистской теологии // Женщина в меняющемся мире. Иваново, 1991. С. 66–78.
16. Воронина О. А. Феминизм и гендерное равенство. М.: Едиториал УРСС, 2004. 320 с.
17. Жеребкина И. К. Субъективность и гендер. Гендерная теория субъекта в современной философской антропологии. СПб.: Алетейя, 2007. 312 с.
18. Здравомыслова Е. А., Темкина А. А. Социология гендерных отношений и гендерный подход в социологии // *Социологические исследования*. 2000. № 11. С. 15–24.
19. Васильев Л. С. История религий востока. М.: Книжный дом «Университет», 1998. 425 с.
20. Полетаева Т. А. Женщина в исламе, иудаизме и ортодоксальном христианстве: богословские, социальные и феноменологические аспекты // *Система ценностей современного общества*. 2011. № 20. С. 45–54.
21. Aseeva I., Volokhova N. "Russian" tradition's singularity in modern bioethical studies // *SGEM International multidisciplinary scientific conferences on social sciences and arts*, 3–9 September 2014. Bulgaria: STEF92 Technology Ltd, 2004. P. 679–684.

References

1. Pravda V. L. Zhenshchiny v bibleiskoi i antichnoi kul'turakh [Women in biblical and ancient cultures]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta* = *Bulletin of the Tomsk State University*, 2009, no. 324, pp. 139–145.
2. Efimenko M. N. Evropeiskoe obshchestvennoe soznanie i khristianskaya paradigma obraza i naznacheniya zhenshchiny [European public consciousness and the Christian paradigm of the image and purpose of a woman]. *Vestnik Orenburgskoi dukhovnoi seminarii* = *Bulletin of the Orenburg Theological Seminary*, 2019, is. 1 (10), pp. 32–38.

3. Anistratenko S. V. Transformatsiya gendernykh normi praktik v sovremennom iudaizme. Avtoref. dis. kand. filos. nauk [Transformation of gender norms and practices in modern Judaism. Cand. philos. sci. abstract diss.]. St. Petersburg, 2008. 26 p.
4. Baskin J. R. The Separation of Women in Rabbinic Judaism. *Women in Religion and Social Change*; ed. by Y. Y. Haddad, E. B. Findly. Albany, 1985.
5. Baskin J. R. Women in Contemporary Judaism. *Judaism*; ed. by J. Neusner, A. J. Avery-Peck. Blackwell, 2000.
6. Carmody D. L. Women and World Religions. New York, Prentice Hall, 1989.
7. Carmody D. L. Today's Jewish Women. *Today's Women in World Religions*; ed. by S. Arvind. New York, State University of New York Press, 1994, pp. 245-266.
8. Hartman T., Marmon M. Lived Regulations, Systemic Attributions Menstrual Separation and Ritual Immersion in the Experience of Orthodox Jewish Women. *Gender & Society*, 2004, vol. 18, no. 3, pp. 389-408.
9. Hartman T. Appropriately Subversive: Modern Mothers in Traditional Religions. London, Harvard University Press, 2003.
10. Plaskovv J. Standing Again at Sinai: Judaism from a Feminist Perspective. San Fransisco, Harper San Fransisco, 1991.
11. Plaskow J. The Coming of Lilith: Essay on Feminism. Judaism and Sexual Ethics 1972-2003. Boston, Beacon Press, 2005.
12. Svetsitskaya I. S. [Woman in early Christianity]. *Zhenshchina v antichnom mire. Sbornik statei* [Woman in the ancient world. Collection articles]. Moscow, Nauka Publ., 1995, pp. 156-167. (In Russ.)
13. Dean E. Vse zhenshchiny Biblii [All women of the Bible]. Moscow, Krompress Publ., 1998. 432 p.
14. Aivazova S. V. Russkie zhenshchiny v labirinte ravnopraviya: Ocherki politicheskii teorii i istorii. Dokumental'nye materialy [Russian women in the labyrinth of equality: Essays watered. theory and history. Docum. materials]. Moscow, RIK Rusanova, 1998. 405 p.
15. Belova T. P. Zhenshchina i religiya: Problemy feministskoi teologii [Woman and Religion: Problems of Feminist Theology]. *Zhenshchina v menyayushchemsya mire* [Woman in a Changing World]. Ivanovo, 1991, pp. 66-78.
16. Voronina O. A. Feminizm i gendernoe ravenstvo [Feminism and gender equality]. Moscow, Editorial URSS Publ., 2004. 320 p.
17. Zherebkina I. Sub"ektivnost' i gender. Gendernaya teoriya sub"ekta v sovremennoi filosofskoi antropologii [Subjectivity and gender. The gender theory of the subject in modern philosophical anthropology]. St. Petersburg, Aletaya Publ., 2007. 312 p.
18. Zdravomyslova E. A., Temkina A. A. Sotsiologiya gendernykh otnoshenii i gendernyi podkhod v sotsiologii [Sociology of gender relations and gender approach in sociology]. *Sotsiologicheskie issledovaniya = Sociological Research*, 2000, no. 11, pp. 15-24.
19. Vasiliev L. S. Istoriya religii vostoka [History of the religions of the east]. Moscow, University Book House, 1998. 425 p.
20. Poletaeva T. A. Zhenshchina v islame, iudaizme i ortodoksal'nom khristianstve: bogoslovskie, sotsial'nye i fenomenologicheskie aspekty [Woman in Islam, Judaism and Orthodox Christianity: theological, social and phenomenological aspects]. *Sistema tsennostei sovremennogo obshchestva = The System of Values of Modern Society*, 2011, no. 20, pp. 45-54.
21. Aseeva I., Volokhova N. "Russian" tradition's singularity in modern bioethical studies. SGEM International multidisciplinary scientific conferences on social sciences and arts, 3-9 September 2014. Bulgaria, STEF92 Technology Ltd, 2004, pp. 679-684.

Информация об авторе / Information about the Author

Гончарова Елена Николаевна, соискатель,
Курский государственный университет,
г. Курск, Российская Федерация,
e-mail: elena1200012@yandex.ru

Elena N. Goncharova, Applicant, Kursk State
University, Kursk, Russian Federation,
e-mail: elena1200012@yandex.ru

НАУЧНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ МОЛОДЫХ УЧЕНЫХ

SCIENTIFIC RESEARCHES OF YOUNG SCIENTISTS

Оригинальная статья / Original article

УДК 33

Драйверы информационного взаимодействия организаций в условиях цифровой экономики

Ю. В. Золотухина¹ ✉

¹ Кубанский государственный аграрный университет имени И. Т. Трубилина
ул. Калинина 13, г. Краснодар 350044, Российская Федерация

✉ e-mail: ulechka-210287@yandex.ru

Резюме

Актуальность. В условиях цифровой трансформации бизнеса и экономики в целом организациям необходимо обеспечение эффективного информационного взаимодействия, позволяющего собирать, анализировать, использовать, хранить и передавать огромные массивы данных участникам бизнес-процессов для обеспечения конкурентных преимуществ на рынке, снижения затрат и получения положительного синергетического эффекта. При этом информационное взаимодействие должно быть построено с учетом основных тенденций развития цифровой экономики. Актуальным в связи с этим становится выявление и анализ основных векторов информационного воздействия организаций, которые следует понимать как драйверы информационного взаимодействия организаций. Таким образом, важность и приоритетность исследования драйверов информационного взаимодействия организаций в условиях цифровой экономики не вызывают сомнений.

Цель – выявление и анализ драйверов информационного взаимодействия организаций в условиях цифровой экономики.

Задачи. Достижение поставленной цели предопределило решение следующих задач: выявить и проанализировать драйверы информационного взаимодействия организаций в условиях цифровой экономики; визуализировать системное влияние драйверов информационного взаимодействия организаций в условиях цифровой экономики

Методология. В качестве основы исследования были использованы методы рейтингового анализа данных, статистического и системного анализа, индукции и дедукции.

Результаты. На основе проведенного исследования были выявлены и проанализированы основные драйверы информационного взаимодействия организаций в условиях цифровой экономики, а также визуализировано системное влияние драйверов информационного взаимодействия организаций в условиях цифровой экономики.

Выводы. В проведенном исследовании были выявлены основные драйверы информационного взаимодействия организаций в условиях цифровой экономики, руководство которыми позволит организациям выстроить эффективное информационное взаимодействие в современных условиях хозяйствования.

Ключевые слова: драйверы; информационное взаимодействие; цифровая экономика.

Конфликт интересов: В представленной публикации отсутствует заимствованный материал без ссылок на автора и (или) источник заимствования, нет результатов научных работ, выполненных автором публикации лично и (или) в соавторстве, без соответствующих ссылок. Автор декларирует отсутствие конфликта интересов, связанных с публикацией данной статьи.

Для цитирования: Золотухина Ю. В. Драйверы информационного взаимодействия организаций в условиях цифровой экономики // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. 2021. Т. 11, № 4. С. 245–252.

Поступила в редакцию 29.06.2021

Принята к публикации 25.07.2021

Опубликована 31.08.2021

© Золотухина Ю. В., 2021

Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент /
Proceedings of the Southwest State University. Series: Economics, Sociology and Managment. 2021; 11(4): 245–252

Drivers of Information Interaction of Organizations in the Digital Economy

Yulia V. Zolotukhina¹ ✉

¹ Kuban State Agrarian University named after I. T. Trubilin
13 Kalinina str., Krasnodar 350044, Russian Federation

✉ e-mail: ulechka-210287@yandex.ru

Abstract

Relevance. In the context of the digital transformation of business and the economy as a whole, organizations need to ensure effective information interaction that allows them to collect, analyze, use, store and transfer huge amounts of data to participants in business processes to ensure competitive advantages in the market, reduce costs and obtain a positive synergistic effect. At the same time, information interaction should be built taking into account the main trends in the development of the digital economy. In this regard, it becomes relevant to identify and analyze the main vectors of information impact of organizations, which should be understood as drivers of information interaction between organizations. Thus, the importance and priority of researching the drivers of information interaction of organizations in the digital economy is beyond doubt.

The purpose is identification and analysis of the drivers of information interaction of organizations in the digital economy.

Objectives. The achievement of this goal predetermined the solution of the following tasks: to identify and analyze the drivers of information interaction of organizations in the digital economy; visualize the systemic impact of drivers of information interaction of organizations in the digital economy

Methodology. Methods of rating data analysis, statistical and system analysis, induction and deduction were used as the basis for the study.

Results. Based on the study, the main drivers of digital interaction of organizations in the digital economy were identified and analyzed, and the systemic impact of drivers of digital interaction of organizations in the digital economy was visualized.

Conclusions. The study identified the main drivers of information interaction of organizations in the digital economy, the management of which will allow organizations to build effective information interaction in modern economic conditions.

Keywords: drivers; information interaction; digital economy.

Conflict of interest: In the presented publication there is no borrowed material without references to the author and (or) source of borrowing, there are no results of scientific works performed by the author of the publication, personally and (or) in co-authorship, without relevant links. The author declares no conflict of interest related to the publication of this article.

For citation: Zolotukhina Yu. V. Drivers of Information Interaction of Organizations in the Digital Economy. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Ekonomika. Sotsiologiya. Menedzhment* = *Proceedings of the Southwest State University. Series: Economics, Sociology and Management*. 2021; 11(4): 245–252. (In Russ.)

Received 29.06.2021

Accepted 25.07.2021

Published 31.08.2021

Введение

В современных условиях активного внедрения цифровых технологий во все сферы жизнедеятельности посредством их способности к сбору, использованию, анализу огромных массивов данных можно говорить о том, что сама по себе цифровая экономика является драйвером информационного взаимодействия организаций [1; 2; 3]. Тем не менее можно выделить основные векторы информационного воз-

действия организаций, которые следует понимать как драйверы информационного взаимодействия организаций. Дальнейшее исследование будет посвящено решению поставленной задачи.

Материалы и методы

В качестве основы исследования были использованы методы рейтингового анализа данных, статистического и системного анализа, индукции и дедукции.

Результаты и их обсуждение

В процессе информационного взаимодействия организаций формируется новая цепочка создания стоимости данных, представляющая собой последовательную совокупность организаций, обеспечивающих сбор и получение информации на основе данных, а также анализ, хранение и их моделирование. Создание новой ценности возникает вследствие преобразования данных в цифровой интеллект и их монетизации посредством коммерческого использования. Поэтому формирование новой цепочки создания стоимости данных можно назвать первым драйвером информационного взаимодействия организаций.

Вторым драйвером информационного взаимодействия организаций, на наш взгляд, является платформизация. В настоящее время в мировом пространстве функционирует огромное количество цифровых платформ, которые используют различные бизнес-модели на основе данных. Именно цифровые платформы способны создать и поддерживать механизмы информационного онлайн-взаимодействия нескольких сторон. Например, транзакционные платформы, представляющие собой двусторонние или многосторонние рынки с онлайн-инфраструктурой, осуществляющей обмен между несколькими различными сторонами. Транзакционные платформы стали основной бизнес-моделью для многих крупных цифровых корпораций (среди них Amazon, Alibaba, Facebook и eBay), а также для тех, кто поддерживает цифровые сектора (Uber, Didi Chuxing или Airbnb). Инновационные платформы, в отличие от транзакционных, создают среды для производителей кода и контента при разработке приложений и программного обеспечения [4; 5].

Организации, ориентирующие свою деятельность на создание и внедрение платформ, обладают большими конкурентными преимуществами на рынке.

В продолжение следует отметить, что платформы облегчают бизнесу тран-

закции и создание сетей, а также способствуют ускоренному и более эффективному обмену информацией.

Применение больших данных, новых алгоритмов и облачных вычислений создает глобальную экономику цифровых платформ, построенную вокруг платформенных компаний. Индекс экономики цифровой платформы (DPE Index) объединяет две отдельные, но взаимосвязанные публикации по экосистемам, а именно цифровую экосистему и предпринимательскую экосистему. Структура индекса DPE включает 12 компонентов для интеграции этих двух экосистем, и в этом отчете измеряется индекс DPE для 116 стран [4]. Топ-20 стран по DPE INDEX (индекс экономики цифровых платформ) в 2020 г. представлены на рисунке 1.

Скандинавские страны (Швеция, Норвегия, Дания и Финляндия), а также Швейцария сильнее крупных европейских стран, однако, они невелики по численности населения и производительности. В то время как четыре страны-члена ЕС входят в первую десятку стран, крупные европейские страны (Германия, Франция, Италия и Испания) явно находятся во второй когорте рейтинга. Разница между первыми тремя странами-лидерами незначительна. Россия занимает 48 место со значением DPE Index 32,7.

В настоящее время в экономической географии цифровой экономики не существует традиционного разделения между Севером и Югом. Его последовательно возглавляют одна развитая и одна развивающаяся страны – США и Китай. Например, на эти две страны приходится 75 % всех патентов, связанных с технологиями блокчейна, 50 % глобальных расходов на IoT и более 75 % мирового рынка общедоступных облачных вычислений, в связи с чем следует выделить изменение границ географического бизнес-взаимодействия в качестве третьего драйвера информационного взаимодействия организаций [6].

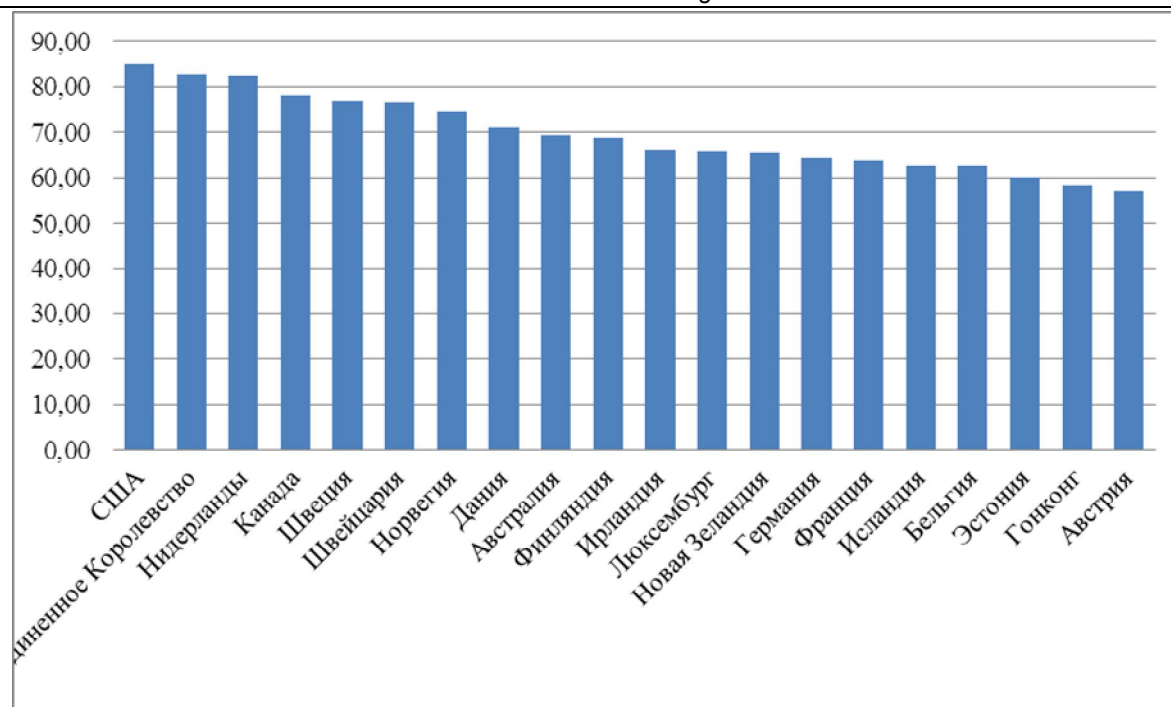

Рис. 1. Топ-20 стран по DPE INDEX (индекс экономики цифровых платформ) в 2020 г. [4]

Еще одной особенностью информационного взаимодействия организаций является то, что трансформация всех секторов и рынков посредством цифровизации может способствовать производству товаров и услуг более высокого качества при меньших затратах. К тому же цифровизация по-разному трансформирует цепочки создания стоимости и открывает новые каналы для добавления стоимости и более широких структурных изменений. В связи с вышесказанным производство товаров и услуг более высокого качества при меньших затратах является четвертым драйвером информационного взаимодействия организаций.

В качестве пятого драйвера информационного взаимодействия организаций можно выделить цифровые компетенции. Просто потому, что цифровизация может поддерживать развитие, полученная при этом ценность не будет распределена справедливо. Работники, не обладающие необходимыми цифровыми навыками, будут неконкурентоспособны [7; 8]. Организации столкнутся с жесткой конкуренцией со стороны оцифрованных отечественных и зарубежных компаний, а различные рабо-

чие места будут потеряны из-за автоматизации. Воздействие цифровизации на профессиональные компетенции во многом будет зависеть от уровня развития персонала, готовности и заинтересованности государств и организаций не только к освоению цифровых технологий, но и обучению персонала цифровым навыкам, компетенциям, что также во многом будет определяться политикой международного, национального и регионального уровней, мерами государственной поддержки.

Превращение данных в цифровой интеллект становится ключом к успеху и является шестым драйвером информационного взаимодействия организаций. В настоящее время данные следует рассматривать и учитывать как новый экономический ресурс для создания и получения стоимости. Контроль данных приобретает стратегическое значение для дальнейшего их преобразования в цифровой интеллект. В любой производственно-сбытовой цепочке возможность собирать, анализировать, хранить и преобразовывать данные дает дополнительные конкурентные преимущества и новые возможности. Цифровые данные положе-

ны в основе всех быстро развивающихся цифровых технологий: блокчейн, искусственный интеллект, аналитика данных, облачные вычисления, «Интернет вещей» и все интернет-сервисы.

В то же время цифровые технологии не детерминированы, что является седьмым драйвером информационного взаимодействия организаций. Это создает как возможности, так и проблемы. Правительства должны в тесном диалоге с другими заинтересованными сторонами формировать цифровую экономику, определяя правила игры. Это, в свою очередь, требует разумного представления о желаемом цифровом будущем. Директивным органам необходимо сделать выбор, который поможет обратить вспять текущие тенденции к усилению неравенства и дисбаланса сил, вызванных цифровой экономикой. Это огромная проблема, которая потребует адаптации существующих политик, законов и постановлений и принятия новых во многих областях.

Для эффективного информационного взаимодействия организаций в условиях цифровой трансформации необходимо также изменение политики в области конкуренции и налогообложения, что является восьмым драйвером информационного взаимодействия организаций. Существующие структуры необходимо

адаптировать для обеспечения конкурентных и состязательных рынков в цифровую эпоху. Существующий подход в антимонопольном регулировании, базирующийся на измерении вреда для потребителей в виде более высоких цен, должен быть расширен с точки зрения защиты личных данных, учета конфиденциальности потребителей, затрат на переключение и эффекты блокировки, а также изменения структуры рынка в целом [9; 10].

Создание среды для эффективного информационного взаимодействия организаций с клиентами – девятый драйвер информационного взаимодействия организаций – будет способствовать увеличению дохода, сокращению затрат, развитию брендов и повышению лояльности клиентов. Но для достижения этих потенциальных выгод компании должны создать новую цифровую среду – достаточно ценную и привлекательную для клиентов, чтобы они уделили ей свое время [11].

Рассмотрим шесть стратегий трансформации бизнес-технологий для эффективного развития цифрового бизнеса (рис. 2).

Таким образом, нами были выявлены основные драйверы информационного взаимодействия организаций в условиях цифровой экономики, которые визуальным образом представлены ниже (рис. 3).

Рис. 2. Шесть стратегий трансформации бизнес-технологий для эффективного развития цифрового бизнеса [11]

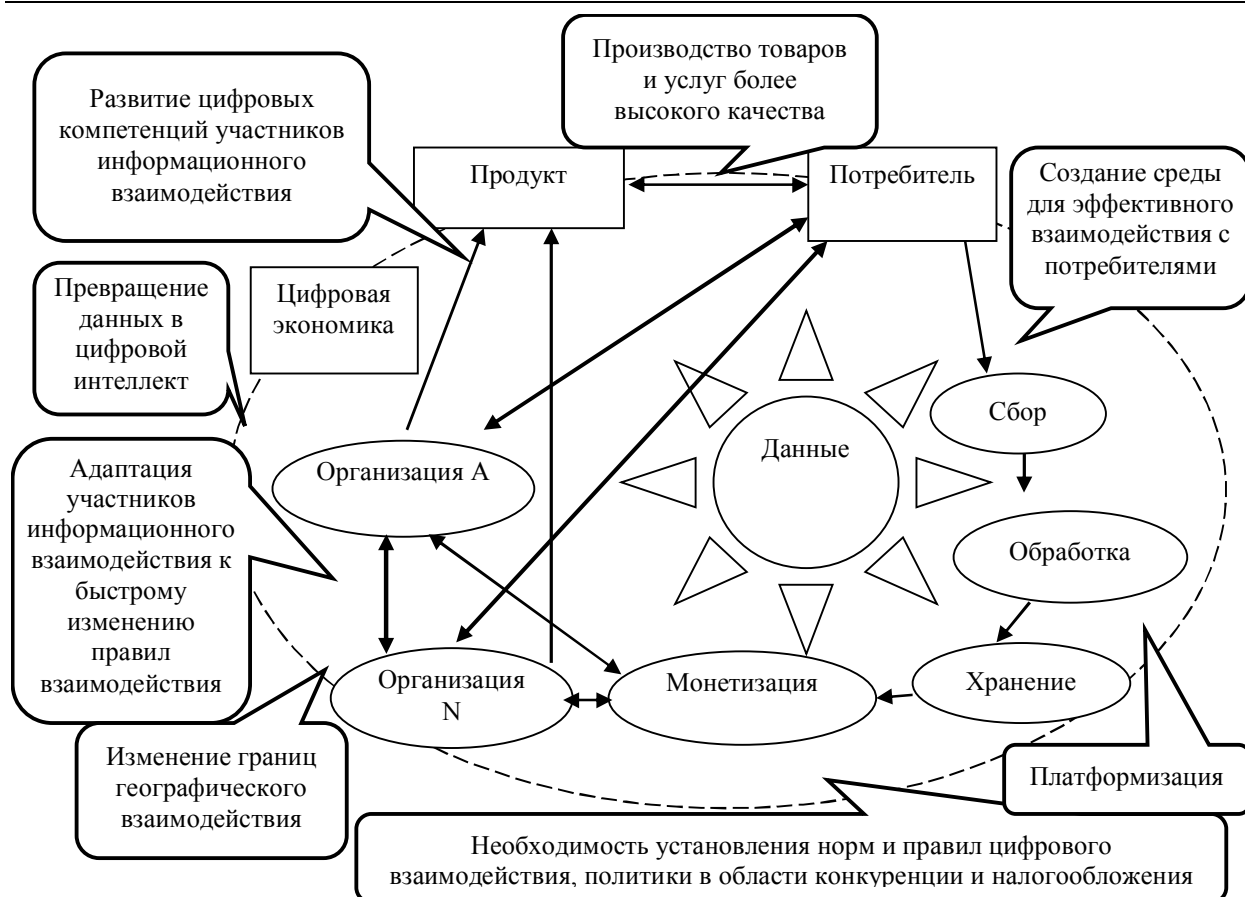

Рис. 3. Основные драйверы информационного взаимодействия организаций в условиях цифровой экономики

Выводы

В условиях цифровой трансформации бизнеса и экономики в целом организациям необходимо обеспечение эффективного информационного взаимодействия, позволяющего собирать, анализировать, использовать, хранить и передавать огромные массивы данных участникам бизнес-процессов для обеспечения конкурентных преимуществ на рынке, снижения затрат и получения положи-

тельного синергетического эффекта. При этом информационное взаимодействие должно быть построено с учетом основных тенденций развития цифровой экономики. В проведенном исследовании были выявлены основные драйверы информационного взаимодействия организаций в условиях цифровой экономики, руководство которыми позволит организациям выстроить эффективное информационное взаимодействие в современных условиях хозяйствования.

Список литературы

1. Вертакова Ю. В., Крыжановская О. А., Степанова А. Р. Цифровая трансформация социально-экономических и производственных процессов на основе цифровой платформы интернета вещей // Вестник ОрелГИЭТ. 2019. № 4 (50). С. 130-135.
2. Вертакова Ю. В., Плехотникова М. А., Бабкин А. В. Тенденции развития цифровой экономики в России // Инновационные кластеры цифровой экономики: теория и практика / под ред.

А. В. Бабкина / Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого. Санкт-Петербург, 2018. С. 290-315.

3. Чарочкина Е. Ю., Быковская Е. В. Формирование инфраструктуры инновационного бизнеса как фактор опережающего развития цифровой экономики // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. 2018. Т. 8, № 4 (29). С. 45-54.

4. The Digital Platform Economy Index 2020. URL: <https://thegedi.org/wp-content/uploads/2020/12/DPE-2020-Report-Final.pdf> (дата обращения: 02.05.2021).

5. Кадырова Г. Ш. Цифровые технологии в современной экономике и обществе // Научные вести. 2020. № 8(25). С. 58-67.

6. Плотников В. А., Пирогова О. Е. Устойчивое развитие цифровых предприятий на основе баланса интересов стейкхолдеров // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. 2020. Т. 10, № 2. С. 94-105.

7. Крыжановская О. А., Некипелова А. С., Рушкова А. В. Развитие интеллектуального капитала в условиях структурных трансформаций экономики // Теория и практика сервиса: экономика, социальная сфера, технологии. 2018. № 2 (36). С. 21-27.

8. Леонтьев Е. Д., Крыжановская О. А., Ларина О. Г. Социально-экономические риски цифровой трансформации сферы труда // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. 2020. Т. 10, № 6. С. 140-151.

9. Digital economy report 2019. URL: https://unctad.org/system/files/official-document/der2019_en.pdf (дата обращения: 10.05.2021).

10. Фенвик Н. Цифровой хищник или цифровая добыча? URL: https://www.cisco.com/c/dam/m/ru_ru/internet-of-everything-ioe/iac/assets/pdfs/forrester-digital-predator-or-prey_ru.pdf (дата обращения: 03.05.2021).

11. Корпорация Forrester Research. URL: <https://go.forrester.com/> (дата обращения: 11.05.2021).

References

1. Vertakova Yu. V., Kryzhanovskaya O. A., Stepanova A. R. Tsifrovaya transformatsiya sotsial'no-ekonomicheskikh i proizvodstvennykh protsessov na osnove tsifrovoi platformy interneta veshchei [Digital transformation of socio-economic and production processes based on the digital platform of the Internet of Things]. *Vestnik OrelGIET = Vestnik OrelGIET*, 2019, no. 4 (50), pp. 130-135.

2. Vertakova Yu. V., Plakhotnikova M. A., Babkin A. V. Tendentsii razvitiya tsifrovoi ekonomiki v Rossii [Trends in the development of the digital economy in Russia]. *Innovatsionnye klasteri tsifrovoi ekonomiki: teoriya i praktika* [Innovative clusters of the digital economy: theory and practice]; ed. by A. V. Babkin. St. Petersburg, Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University Publ., 2018, pp. 290-315.

3. Charochkina E. Yu., Bykovskaya E. V. Formirovanie infrastruktury innovatsionnogo biznesa kak faktor operezhayushchego razvitiya tsifrovoi ekonomiki [Formation of the infrastructure of innovative business as a factor in the advanced development of the digital economy]. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Ekonomika. Sotsiologiya. Menedzhment = Proceedings of the Southwest State University. Series: Economics, Sociology and Management*, 2018, vol. 8, no. 4 (29), pp. 45-54.

4. The Digital Platform Economy Index 2020. Available at: <https://thegedi.org/wp-content/uploads/2020/12/DPE-2020-Report-Final.pdf>. (accessed 02.05.2021)

5. Kadyrova G. Sh. Tsifrovye tekhnologii v sovremennoi ekonomike i obshchestve [Digital technologies in the modern economy and society]. *Nauchnye vesti = Scientific News*, 2020, no. 8 (25), pp. 58-67.

6. Plotnikov V. A., Pirogova O. E. Ustoichivoe razvitie tsifrovyykh predpriyatii na osnove balansa interesov steikholderov [Sustainable development of digital enterprises based on the balance of interests of stakeholders]. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Ekonomika. Sotsiologiya. Menedzhment = Proceedings of the Southwest State University. Series: Economics, Sociology and Management*, 2020, vol. 10, no. 2, pp. 94-105.

7. Kryzhanovskaya O. A., Nekipelova A. S., Rushkova A. V. Razvitie intellektual'nogo kapitala v usloviyakh strukturnykh transformatsii ekonomiki [Development of intellectual capital in the context of structural transformations of the economy]. *Teoriya i praktika servisa: ekonomika, sotsial'naya sfera, tekhnologii* = *Theory and Practice of Service: Economics, Social Sphere, Technologies*, 2018, no. 2 (36), pp. 21-27.
8. Leontiev E. D., Kryzhanovskaya O. A., Larina O. G. Sotsial'no-ekonomicheskie riski tsifrovoy transformatsii sfery truda [Socio-economic risks of digital transformation of the world of work]. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Ekonomika. Sotsiologiya. Menedzhment* = *Proceedings of the Southwest State University. Series: Economics, Sociology and Management*, 2020, vol. 10, no. 6, pp. 140-151.
9. Digital economy report 2019. Available at: https://unctad.org/system/files/official-document/der2019_en.pdf. (accessed 10.05.2021)
10. Fenwick N. Tsifrovoy khishchnik ili tsifrovaya dobycha? [Digital Predator or Digital Prey?] Available at: https://www.cisco.com/c/dam/m/ru_ru/internet-of-everything-ioe/iac/assets/pdfs/forrester-digital-predator-or-prey_ru.pdf. (accessed 03.05.2021)
11. Korporatsiya Forrester Research [The official site of Forrester Research Corporation]. Available at: <https://go.forrester.com/>. (accessed 11.05.2021)

Информация об авторе / Information about the Author

Золотухина Юлия Вячеславовна, аспирант,
Кубанский государственный аграрный уни-
верситет имени И. Т. Трубилина, г. Красно-
дар, Российская Федерация,
e-mail: ulechka-210287@yandex.ru

Yulia V. Zolotukhina, Post-Graduate Student,
Kuban State Agrarian University named after
I. T. Trubilin, Krasnodar, Russian Federation,
e-mail: ulechka-210287@yandex.ru

УДК 338.24

Воздействие экономики совместного потребления на бизнес-модели компаний

А. О. Гостилов¹ ✉, К. А. Иванов¹

¹ Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова
Ленинские горы 1/46, г. Москва 119991, Российская Федерация

✉ e-mail: gostaleks@mail.ru

Резюме

Актуальность. Экономика совместного потребления – это набирающий силу паттерн потребительского поведения, который основывается на предоставлении доступа и повторном использовании продуктов для эксплуатации предоставляющих мощностей, в то же время она представляет огромные возможности и значительные угрозы как для появляющихся, так и для существующих бизнесов. Влияние экономики совместного потребления на бизнес-модели компаний остается малоизученной областью.

Целью исследования является анализ перспектив развития экономики совместного потребления в настоящее время и возможностей адаптации компаний к существующим тенденциям.

Задачами данного исследования является систематизация научных представлений о следующих двух областях знаний: (1) неравномерность и проблемы, возникающие внутри цифровых платформ для совместного потребления, и (2) отклонения, которые выходят за их пределы. Решение данных задач позволит сформулировать авторские предложения о том, как распознать влияние экономики совместного потребления на бизнес-модели компаний.

Методология. Методологической основой исследования являются принципы объективности и системности научного анализа и синтеза, базирующиеся на общенаучных и частнонаучных методах познания: диалектический, исторический, формально-логический, структурно-системный, сравнительно-правовой и другие методы научного исследования.

Результаты. Основываясь на зарубежных исследованиях и ряде примеров, в статье рассматриваются три важнейших блока бизнес-модели, на которые менеджеры должны обратить особое внимание, чтобы быть готовыми ответить на изменения, вызванные экономикой совместного потребления. Были выбраны следующие элементы бизнес-моделей для изучения влияния на них экономики совместного потребления: ценностное предложение, извлечение прибыли и ключевые ресурсы.

Выводы. Несмотря на то, что концепция совместного потребления крайне популярна, рассмотрение ее последствий с различных точек зрения показывает, что процесс ее переосмысления только начался. Столкнувшись с ограничением ресурсов, пространства и денег, мы скоро обнаружим, что совместное использование постепенно модифицирует способ нашего мышления, наши привычки и в итоге способы того, как товар производится, продается и обсуждается.

Ключевые слова: экономика совместного потребления; бизнес-модель; совместное использование активов; цифровая платформа; ценностное предложение; ключевые ресурсы; цифровая трансформация.

Конфликт интересов: В представленной публикации отсутствует заимствованный материал без ссылок на автора и (или) источник заимствования, нет результатов научных работ, выполненных авторами публикации лично и (или) в соавторстве, без соответствующих ссылок. Авторы декларируют отсутствие конфликта интересов, связанных с публикацией данной статьи.

Для цитирования: Гостилов А. О., Иванов К. А. Воздействие экономики совместного потребления на бизнес-модели компаний // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. 2021. Т. 11, № 4. С. 253–271.

Поступила в редакцию 19.06.2021

Принята к публикации 17.07.2021

Опубликована 31.08.2021

© Гостилов А. О., Иванов К. А., 2021

The Impact of the Sharing Economy on Companies' Business Models

Aleksandr O. Gostilovich¹ ✉, Konstantin A. Ivanov¹

¹ Lomonosov Moscow State University
Leninskie gory 1/46, Moscow 119991, Russian Federation

✉ e-mail: gostaleks@mail.ru

Abstract

Relevance. The sharing economy is a growing pattern of consumer behavior that relies on providing access and reusing products to exploit idle capacity. The sharing economy presents huge opportunities and significant threats to both emerging and existing businesses at the same time. The impact of the sharing economy on companies' business models remains an area of little research.

The purpose of the study is to analyze the prospects for the development of the economy of shared consumption at the present time and the possibilities of adapting companies to existing trends.

The objectives of this study are to discuss two areas: (1) the unevenness and problems that arise within digital platforms for shared consumption, and (2) the deviations that go beyond them - as well as a description of the author's proposals on how to recognize the impact of the economy of shared consumption on the business models of companies.

Methodology. The methodological basis of the research is the principles of objectivity and consistency of scientific analysis and synthesis, based on general scientific methods of cognition: dialectical, historical, formal – logical, structural – systematic, comparative – legal and other methods of scientific research.

Results. The article is based on foreign research and a number of examples and examines the three most important blocks of the business model, which managers should pay special attention to in order to be ready to respond to the changes caused by the economy of shared consumption. The main elements of business models in the economy of shared consumption were recognized as the value proposition, profit extraction and key resources.

Conclusions. Despite the fact that the concept of shared consumption is topical, considering its consequences from various points of view shows that the process of rethinking has only just begun. Faced with the constraints of resources, space, and money, we will soon find that sharing gradually modifies the way we think, our habits, and, ultimately, the ways in which goods are produced, sold, and discussed.

Keywords: shared consumption economy; business model; asset sharing; digital platform; value proposition, key resources; digital transformation.

Conflict of interest: In the presented publication there is no borrowed material without references to the author and (or) source of borrowing, there are no results of scientific works performed by the authors of the publication, personally and (or) in co-authorship, without relevant links. The authors declare no conflict of interest related to the publication of this article.

For citation: Gostilovich A. O., Ivanov K. A. The Impact of the Sharing Economy on Companies' Business Models. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Ekonomika. Sotsiologiya. Menedzhment = Proceedings of the Southwest State University. Series: Economics, Sociology and Management*. 2021; 11(4): 253–271. (In Russ.)

Received 19.06.2021

Accepted 17.07.2021

Published 31.08.2021

Введение

По прошествии нескольких десятилетий рынки уступили место альтернативным моделям потребления, которые всё больше и больше бросают вызов единоличному владению как доминирующему средству получения выгоды от продукта [1, р. 112]. Этот так называемый феномен экономики совместного потребления характеризуется не владением собственностью, а временным доступом к ней и распределением материальных товаров

или менее осязаемых активов, таких как деньги, пространство или время, между большим числом людей. Кроме того, эти системы в высокой степени зависят от информационных и коммуникационных технологий, что делает эту форму потребления в высокой степени доступной, гибкой и простой для распределения упомянутых видов ресурса [2, р. 87].

Рост скорости распространения систем для совместного потребления показывает, что экономика совместного по-

ребления представляет серьёзную угрозу для некоторых существующих отраслей [3, р. 72]. В 2015 г. 17 компаний, работающих в экономике совместного потребления, были оценены более чем в 1 млрд долл., и в совокупности трудоустроили более 60000 работников. Только в 2015 г. Airbnb зарегистрировало более 35 млн платежей от гостей по всему миру. Кроме того, нет никаких признаков насыщения от этого огромного подъёма. По некоторым оценкам, основные сектора экономики совместного потребления сгенерируют выручку примерно 335 млрд долл. к 2025 г. [4]. Поэтому одинаково важно следить за этой новой формой потребления чиновникам и стартапам [5, р. 883].

Возвышение экономики совместного потребления может быть объяснено рядом независимых событий, в том числе: интернет-технологиями, которые способствуют взаимосвязанности; глобальным экономическим кризисом; трендом на рурбанизацию; трендом на устойчивое потребление [6, р. 199]. Подобная экономическая модель позволяет потребителям «получить доступ к объектам или сетям, которые они не могли бы позволить себе или которыми не хотели бы владеть» [5, р. 881].

Огромный потенциал составляет преимущество по цене, устойчивость в отношении окружающей среды, удобство, новые потребительский опыт и социальные взаимодействия. Данные характеристики подтверждают, что экономика совместного потребления будет процветать в дальнейшем. Пока совместное потребление набирает обороты в обществе, потенциал экономики совместного потребления находится все еще на начальной стадии своего развития. Похоже, что действующие в настоящее время компании продолжают рассчитывать на то, что нужно лишь переждать шторм, пока распространение данной экономической модели не замедлится. Однако современные исследования показывают, что многие компании и отрасли (в част-

ности, в сфере аренды, перевозок, технологий, гостеприимства, медиа, финансов и путешествий) будут задеты в том или ином аспекте описываемой новой формой потребления [7, р. 121].

Осознание перечисленных четырёх причин устойчивого развития экономики совместного потребления позволяет внести вклад в лучшее понимание ее долгосрочного воздействия и проанализировать возможные последствия недооценки упомянутого развития. Также невозможно исключать барьеры, с которыми сталкиваются существующие системы для совместного потребления. Первоначально совместное потребление было связано с получением дохода владельцами от недоиспользуемых активов, но увеличение профессионализации новой формы потребления вывело на сцену некоторое число критических проблем. Задача данного исследования состоит в обсуждении двух областей: (1) неравномерности и проблемы, возникающие внутрицифровых платформ для совместного потребления, и (2) отклонения, которые выходят за их пределы. Задачей представляется описание авторских предложений о том, как распознать влияние экономики совместного потребления на бизнес-модели компаний.

Материалы и методы

Бизнес-модели, основанные на обеспечении доступа, не являются нововведением [8, р. 34]. Стоит вспомнить совместное использование стиральных машин, прокат лыж или перераспределение поддержанных товаров. Совместное потребление в перечисленных примерах было частью бизнес-среды десятилетиями, если не веками. Несмотря на то, что Л. Л. Берри и К. Э. Марикл обсуждали преимущества совместного использования для компаний и для потребителей в 1970-х годах [9, р. 45], оказалось, что должно было пройти более 40 лет перед тем, как эта новая форма потребления

получит устойчивое место в современной бизнес-среде.

С технологической точки зрения успех моделей совместного потребления в основном заключается в повсеместном распространении Интернета и других зависимых от него технологий, которые создают возможности для масштабирования поля применения модели [10, p. 292]. Перепродажа, предоставление доступа или обмен товарами упрощается благодаря спросу, который больше не зависит от того, знают ли люди друг друга [11, p. 415]. В результате Интернет предоставляет доступ к миллионам объявлений и предлагает большое разнообразие платформ для совместного использования по всему миру. С более чем 65000 пользователей homeexchange.com является примером, который демонстрирует эволюцию существующих практик потребления благодаря технологиям. Принимая во внимание, что подобные практики присутствовали ещё во времена средневековья, обмен домами в его современных формах обрёл популярность в 1950-х годах в США и Великобритании. С учётом данного факта становится понятно, что обмен домами «не был изобретен во времена web 2.0», но развитие Интернета было необходимым условием для гарантированного роста упомянутой формы совместного туризма [12, p. 209].

Сайты, относящиеся к экономике совместного потребления, не только соединяют людей в удобном месте и обеспечивают цену значительно ниже цены владения, но и гарантируют доверие через верификацию личности, обратную связь и онлайн-систему оплаты [13]. Поскольку большинство людей избегают встреч с посторонними людьми, используемая система саморегулирования увеличивает доверие покупателя с помощью контроля за продавцами, снижая вероятность неправомерного предложения, и автоматически оставляет след на персональной репутации человека, который поступил несправедливо или нечестно.

Lyft (платформа для совместных поездок) блокирует водителей, если они были вовлечены в ДТП за последние 3 года или получили больше двух дорожных штрафов. Платформа также выполняет проверку фоновой информации о водителе. Эти меры предосторожности предусматривают не только увеличение прозрачности, но и высокую ответственность, что вынуждает пользователей вести себя более аккуратно.

Наконец, сам способ, которым осуществляется совместное использование, существенно изменился. Сервисы по предоставлению доступа создают новые и всё более удобные программы, с помощью которых продукты передаются и обмениваются. Например, FreshNeck предлагает модные дизайнерские аксессуары для мужчин. В отличие от физических магазинов или других платформ электронной коммерции предлагаемые товары не продаются. Вместо этого предлагается простой доступ к продуктам, который сама фирма называет «Netflix для галстуков». Аксессуары, такие как галстуки или бабочки, отправляются клиентам, которые заказали аксессуары, отправив взамен ранее выбранные и использованные наименования. Этот пример иллюстрирует то, как информационные и коммуникационные технологии в сочетании с эффективной логистикой предлагают огромный спектр возможностей для бизнес-моделей предоставления доступа, которые одновременно снижают затраты на владение товаром для предоставляющей стороны и увеличивают удобство и разнообразие продуктов для потребляющей стороны.

Не удивительно, и это характерно для всех революционных изменений, что общество испытывает чувство несоответствия по отношению к совместному использованию, которое обеспечивается новыми цифровыми платформами, в сравнении с правилами, принятыми для более старых способов совместного потребления, которые были описаны выше

[14]. Проблема заключается в том, что правила не меняются так быстро, как меняются технологии, что часто приводит к нарушениям и проблемам подотчетности. Возьмем для примера скачок цен на услуги Uber, которые заключаются в нарушениях в координации спроса и предложения на автомобили. Несмотря на то, что Uber утверждает, что цены растут для мотивации большего количества водителей переходить в Интернет, действующие ставки меняются так часто, что у клиентов на самом деле нет времени на реакцию. Фактически тарифы меняются каждые три-пять минут, до 20 раз в час, что не позволяет и водителям отреагировать на изменение и оценить рациональность принятия заказа в контексте изменения цен [15]. Как следствие, водители, уже находящиеся на маршруте, меняют дорогу до пункта назначения для увеличения ставки, вынуждая людей в разных районах ждать дольше или платить невероятные суммы за короткие поездки [16].

В 2011 г. произошел инцидент, когда хозяин квартиры обнаружил, что она полностью разорена, а ценные вещи украдены после сдачи её в аренду через сервис Airbnb. Сначала платформа отказывалась возмещать ущерб, но давление СМИ в итоге привело к тому, что платформа расширила свои услуги гарантией перед хозяевами от порчи имущества и мебели [17]. Аналогично, другая платформа для совместного потребления RelayRides предоставляет страховку как часть пользовательского соглашения. Тем не менее ограничения подобной политики безопасности на данный момент только тестируются, так как системы одностороннего обмена работают в условиях нормативных барьеров и сталкиваются со сложными правилами, которые регулируют широкий спектр отраслей.

Исторически владение собственностью провозглашено нормативной идеальной моделью потребления, так как оно не только обеспечивает безопасность, но также считается более дешёвым спосо-

бом накопления капитала. Тем не менее стигматизация совместного потребления как худшего варианта претерпела сдвиг в социокультурной политике потребления [4, p. 887]. Сейчас люди не считают владение собственностью, центральным местом в своем самоопределении; большинство вещей, которые люди ценят сегодня, не обязательно материальны, а скорее всего, «виртуальны» по своей природе, будь то знания или репутация [18, p. 6].

Из-за совпадения экономического, жилищного и банковского кризисов произошло закономерное увеличение затрат на владение имуществом. Кроме того, неопределённость на рынках труда и в социальных отношениях снижают популярность частной собственности, делая ее менее доступной и более ненадежной [19, p. 2600]. Этот тренд также отражен в последних исследованиях потребительского поведения. Если владение и совместное использование рассмотреть в качестве проводников одинаковой полезности продукта, в т. ч. если рассмотреть эти понятия в качестве взаимозаменяемых форм потребления, то потребители в наше время выбирают совместное использование чаще, чем владение [20, p. 15].

«Вы то, чем вы владеете» сейчас заменяется на «Вы то, чем вы делитесь», что указывает на изменение системы ценностей среди потребителей. Долгосрочное исследование среди учеников старшей школы в США, например, выявило значительный сдвиг ценностных представлений, который заключается в переходе центрального интереса к материальным товарам в сторону заботы о других [21, p. 46]. В то время как в 1994 г. автомобили чаще всего ассоциировались со средством сообщения о своем статусе и личном успехе, роскоши и независимости, люди в 2019 г. гораздо более критичны и рациональны в этом вопросе. В настоящее время общество чаще всего отождествляет автомобиль с выигрышем во времени, простым способом передвижения, высокими затратами на обслужи-

вание и загрязнением окружающей среды.

С переменами в обществе и переходом преобладания от традиционной, долгосрочной жизненной стратегии к более плавному и адаптационному жизненному стилю традиционный характер потребления тоже эволюционировал. Люди все больше предпочитают свободный режим потребления, который позволяет интегрировать гибкость и адаптивность в их повседневную жизнь. Следовательно, владение собственностью постепенно рассматривается как ограничение мобильности [22, р. 572]. Кроме того, совместное потребление становится более популярным в условиях растущей реурбанизации. Люди, переезжая в городскую среду, сталкиваются с проблемами нехватки места в качестве основной заботы, которая вынуждает людей предпочитать совместное использование владению, так как у них нет места для хранения предметов, которые им не нужны на постоянной основе [5, р. 888].

Компании, осознающие этот сдвиг в потреблении, планируют реагировать на этот появившийся тренд, предлагая новые бизнес-модели, которые стремятся удовлетворить потребности клиентов. Например, Daimler предложил новую бизнес-модель, названную moovel. В отличие от сервиса каршеринга Daimler с названием Car2Go эта дочерняя компания рассматривает себя как проводника мобильности, объединяя различные варианты передвижения в одном месте, чтобы дать людям возможность планировать наилучший маршрут из точки А в точку В. Таким образом, это приложение реагирует на изменение ценностей клиентов, привлекая городских жителей благодаря предложению комплексных услуг, способствующих мобильности.

Учитывая тот факт, что большинство компаний, функционирующих по системе одноранговой аренды, были основаны в период ликвидации последствий мирового экономического кризиса, экономика

совместного потребления также предоставляет возможность помочь человеку без участия центрального элемента в лице конкретного работодателя [23, р. 8]. Таким образом, цифровые платформы экономики совместного потребления предоставляют возможности для физических лиц найти временную работу и получить дополнительный доход [24, р. 2291], что является центральной проблемой в свете увеличения уровня безработицы и снижения покупательской способности. В дополнение к этому сегодняшние потребности соискателей не могут быть удовлетворены традиционной работой. Экономика совместного потребления предлагает гибкость работникам или людям, у кого есть вторая работа. Например, многие родители ищут гибкий график, который можно согласовать с семейными обязанностями [14]. Т. Р. Диллахант и А. Р. Малоун показали, что модель экономики совместного потребления используется среди безработных или нуждающихся в финансах.

Несмотря на то, что экономика совместного потребления дает шанс физическим лицам по факту получить частичную занятость без риска [25], помогая им заработать деньги, это работает только в краткосрочной перспективе. Микроаутсорсинг платит только за конкретное задание. Несмотря на тот факт, что экономика совместного потребления покрывает накладные затраты, она не охватывает вопросы здоровья, навыков или будущего выхода на пенсию [26, р. 24]. Uber классифицирует своих водителей как независимых контрагентов. В результате платформа избегает выплат им как работникам, имеющим право на льготы [27, р. 430]. В результате доступ к созданию личного кабинета стал проще, чем когда-либо ранее. Эта возможность, однако, также подразумевает, что подобные навыки больше не представляют личного конкурентного преимущества, обесценивая индивидуальную ценность на рынке труда. В результате свободный работник

может оказаться в ситуации «бесполезной свободы, когда стоимость труда бесплатна» [26, р. 25].

Тем не менее некоторые авторы высказывают более положительные оценки, описывая процесс смещения парадигмы от индивидуального владения к коллективному или совместному использованию в совокупности с уменьшением спроса на потребительские товары. Описываемые авторами процессы оцениваются в качестве альтернативного пути для построения новой экономики, которая в состоянии решить проблемы загрязнения и перерасхода энергии [28, р. 36].

В эпоху антипотребительского движения альтернативные формы зеленого и устойчивого потребления приобретают большую важность [5, р. 201]. В данном контексте экономика совместного потребления обладает потенциалом для перехода на новую стадию экономической реструктуризации, которая способствует переходу к широко распространённой деловой практике [10, р. 283]. Польза для окружающей среды, связанная с системами совместного использования, заключается в меньшем совокупном потреблении ресурсов, длительном сроке службы продуктов и максимизации их использования. Однако большее значение имеет непосредственно перераспределение товаров, которое позволяет сократить отходы и выброс углерода, что сопровождает процесс любого промышленного производства. Возможность осуществлять покупки товаров и услуг онлайн и менять способ использования машины с единоличного пользования на предоставление свободных мест желающим – все это позволяет людям сократить занимаемое личное пространство, не потеряв при этом собственной мобильности [2, р. 197].

Оказалось, что экономика совместного потребления уже претерпела изменения. Изучив практику каршеринга в 2008 г., Э. Мартин и С. Шахин оценили, что каждая машина в сервисе каршеринга

заменяет от 9 до 13 индивидуальных автомобилей. Более того, было показано, что пользователи каршеринга эксплуатируют автомобиль на 31% меньше, чем делали бы это при владении собственным автомобилем, что снижает выбросы углерода в США примерно на 482,170 тонн ежегодно [29]. В то же время значительно возросло использование ими экологически устойчивых средств передвижения, таких как ходьба, велосипед, карпулинг (совместные поездки) или общественный транспорт [30, р. 2099; 31, р. 238]. Таким образом, совместное использование может снизить ущерб, наносимый окружающей среде, и стимулировать дискурс на тему общепринятого и иногда расточительного поведения [32, р. 76].

Хотя экономика совместного потребления обладает потенциалом сделать потребительское поведение более эффективным, сами потребители осознают, что иногда могут столкнуться с риском, присущим совместному потреблению. В частности, улучшения окружающей среды, которые возможны благодаря экономике совместного потребления, в сильной степени зависят от потребительского поведения [33, р. 139]. Положительные примеры демонстрируют, что совместное использование делает возможным сохранение ресурсов, и все же подобные выводы основываются на идее того, что потребители желают не продукты, а лежащие в их основе услуги [34, р. 111]. Таким образом, провозглашение совместного использования экоэффективным всегда должно обсуждаться в свете возможных ответных эффектов [35, р. 28], которые могут аннулировать рассматриваемые преимущества, если люди будут потреблять больше, а не меньше. Часто заявляют, что экономика совместного потребления не уменьшает, а только перемещает или даже увеличивает потребление. Исследователи также задаются вопросом, сохраняет ли каршеринг больше ресурсов, чем общественные автобусы. По мнению О. Монт, состояние окружа-

ющей среды, которое может быть улучшено благодаря экономике совместного потребления, будет зависеть от расстояния между пользователями, вида используемой технологии и поведения пользователей, которые продвигают соответствующие сервисы [33, р. 143]. В итоге совместное использование может быть устойчивым, если экологичное потребление важно для потребителей. На данный момент это означает, что пользователи сервисов для совместного потребления рассматривают аспекты устойчивого развития как дополнительный бонус, который сопровождает более важные практические преимущества [36, р. 1322].

Исследования показали, что главной мотивацией для того, чтобы делиться своими ресурсами, является ориентация на собственную выгоду. Таким образом, выбор в пользу экономики совместного потребления часто происходит для снижения затрат, большей производительности и удобства, преимущества, которые в конечном итоге влияют на выбор потребителей в сторону от совместного использования к другим обратным формам потребления [6, р. 206]. Однако сильный практический импульс не является полностью негативным феноменом мотивации, так как он может побудить больше людей почувствовать в экономике совместного потребления [37, р. 2050]. Поэтому идея издержек и выгод как основа для понимания текущей склонности потребителей делиться также позволяет понять, почему совместное использование будет продолжать развиваться в будущем.

Из-за многочисленных неизбежных издержек бремя владения больше не имеет никакого отношения к практическим выгодам. Кроме того, потребители часто сталкиваются с неизбежными рисками и затратами, связанными с владением собственностью, такими как финансовые, эксплуатационные и даже социальные вероятные отрицательные эффекты [38, р. 177]. Генри Чесбро проиллюстрировал

бремя владения имуществом на примере обычного использования автомобиля. Среднестатистический представитель современного общества водит автомобиль в среднем 400 часов в году. Один год включает в себя 8760 часов, что соответствует уровню полезного использования, равного 4,6%. Мало того, что неиспользуемый потенциал больше 95,4%, но есть еще и скрытые затраты, такие как страховка, парковка и обслуживание [39, р. 358-359]. В США владение автомобилем отнимает 20% месячного дохода, занимая второе место среди самых дорогих статей расходов после затрат на проживание. Учитывая растущие затраты на жизнь, в сочетании с непропорциональной корректировкой заработной платы, эти цифры будут расти в ближайшие годы. Более раннее исследование совместного использования автомобилей, проведенное Претентайлер и Стейнингер (1999), показало, что каршеринг окупается, если машина проезжает меньше 15000 километров в год. Исходя из данной характеристики авторы утверждают, что 69% городских домохозяйств получают финансовые выгоды от использования каршеринга при условии наличия соответствующей инфраструктуры [40, р. 449]. Налогообложение, а в некоторых случаях – многократное налогообложение по постоянно растущим ставкам, является другим важным фактором потребительского предпочтения альтернативам владению, основанным на предоставлении доступа. Участие в экономике совместного потребления не только позволяет выиграть время и снять с себя обязательства, связанные с приобретением имущества, и делает хранение необязательным, но и позволяет снизить и разделить с обществом затраты, такие как налоги и страховка [20, р. 16].

Преимущества полезной загрузки приводят к сохранению или продлению жизненного цикла активов и продлевают затраты на обслуживание. Другими словами, транзакции, основанные на полез-

ной загрузке мощностей, позволяют пользователям сервисов получать не только финансовые выгоды. Именно здесь современная возможность делиться с её экологическими и экономическими преимуществами привлекает большинство из нас: «другими словами, стратегия обмена предполагает гармонию между экономической и экологической оптимизацией» [31, р. 243].

Таким образом, бизнес-модели, привлекающие выгоду из волны совместного использования, фокусируются среди прочих вещей на способности потребителей сокращать издержки владения собственностью, зарабатывая деньги на недоиспользуемых активах [22, р. 574]. Drivy (лидирующий сервис одноранговой аренды автомобилей) предлагает полную страховку автомобилей для общественной аренды. Это позволяет пользователям легко и безопасно сдавать в аренду собственный автомобиль, пока он не используется, или брать автомобиль у другого человека на время. Таким же образом владельцы автомобилей, сдающие транспортное средство через RelayRides, зарабатывают в среднем 250 долл. в месяц [13].

Финансовые преимущества экономики совместного потребления неоспоримы. Однако в настоящее время мы сталкиваемся с опасностью, что «вторичное совместное использование станет третичным» [26, р. 26]. Описываемые одноранговые цифровые площадки принимают меры для саморегулирования, такие как проверка данных о пользователе, рейтинговые системы и процедура проверки поставщиков [14]. Эти меры работают довольно хорошо, но проблемы обычно возникают из-за вреда, не связанного с пользователями платформы, в результате недобросовестной конкуренции [26, р. 27]. Эта проблема становится особенно актуальной именно тогда, когда всё больше корпораций вовлекаются в экономику совместного потребления.

Бизнесы, построенные на одноранговых моделях, обычно извлекают прибыль, создавая одновременно дискомфорт и риски для других. Хозяева домов, зарегистрированные на Airbnb, зачастую становятся причиной неудобства соседей, когда они превращают здания фактически в отели, не считаясь с интересами долгосрочных жильцов. Другой пример: 72% арендодателей в штате Нью-Йорк нарушали регламент регулирования территорий штата или другие законы [27, р. 464]. Кроме того, приводимый нами ранее в качестве примера Uber работает только как посредник. Из данного факта можно сделать вывод, что в случае аварии компанию нельзя будет привлечь к ответственности. Таким образом, платформы для совместного использования часто обвиняют в использовании лазеек, чтобы избежать правил и налогов. Из-за упомянутых высоких затрат водители традиционного вида такси оказываются неконкурентоспособными. Не удивительно, что некоторые предлагают переименовать экономику совместного потребления в «экономику ухода от ответственности» [26, р. 26]. Несмотря на то, что такие внешние эффекты существовали с появления «человека экономического» [39, р. 85], легкость вовлечения в цифровой обмен делает эту проблему более актуальной.

Результаты и их обсуждение

Влияние экономики совместного потребления на бизнес-модели компаний

Экономика совместного потребления предлагает огромные возможности, но также она несет серьезные угрозы как для молодых, так и для устоявшихся бизнесов. Например, типичные компании считают трудноразрешимой задачу превращения из традиционного розничного магазина в поставщика услуг, не владеющего собственностью [41, р. 189]. Тем не менее компании должны учитывать фактор роста влияния экономики совместного потребления. Чтобы начать структури-

рованное рассмотрение того, как совместное использование будет влиять на бизнес-модели, следует взять во внимание рамки бизнес-модели, очерченные в исследованиях М. В. Джонсон, К. М. Кристенсен и Х. Кагерманн. Используемые ими понятия сформировали первое понимание того, как экономика совместного потребления влияет на отдельные элементы бизнес-модели.

Ценностное предложение

Согласно работе М. В. Джонсон, К. М. Кристенсен и Х. Кагерманн, бизнес-модель состоит из разных, но взаимосвязанных элементов, которые создают ценность для бизнеса. Первый элемент, ценностное предложение для клиента, включает в себя все действия компании, которые создают ценность для клиентов. В этой связи авторы утверждают, что понимание всех аспектов, которые связаны с наиболее очевидными требованиями клиента, могут позволить бизнесу спроектировать успешное предложение [42, р. 53]. Согласно модели совместного потребления, клиенты на самом деле не покупают продукты, они арендуют их для выполнения своих задач [43, р. 90]. В данных условиях компаниям приходится понимать, какие задачи хотят выполнить их клиенты, и строить свое ценностное предложение вокруг этих задач. Рассмотрим пример компании Hilti, которая трансформировалась из европейской компании по продаже инструментов в международного продавца результатов эксплуатации продуктов, осознав, что для клиента управление инструментами является обременительным. То, что сделала компания, изменило ее чистую бизнес-модель продавца инструментов в управленца скрытой потребностью клиента в постоянной доступности инструментов на строительных площадках [44, р. 148].

В результате рассмотрения сферы каршеринга можно сделать вывод о том, что успешные системы для совместного потребления эффективны в решении

множества взаимоисключающих задач. С чисто рациональной точки зрения, люди стремятся найти самый дешевый способ передвижения по самой низкой цене. Каршеринг может удовлетворить эту потребность, предложив свободный автомобиль рядом с клиентом, и сократить расходы на его использование. Однако организация перевозки из точки А в точку Б может быть не единственной потребностью клиента. Клиенты могут желать наслаждения именно совместной поездкой и разговорами по пути на работу или стремиться ездить на машинах разных марок на постоянной основе. Рассматривая конкретную проблему в более широких масштабах, можно обернуть преимуществом подобные скрытые потребности участников экономики совместного потребления. Неудобное время для посещения магазинов и визита поставщиков услуг может послужить примером. Решением данной проблемы может стать внедрение возможности выбора времени исполнения предоставляемой услуги.

Учитывая тот факт, что большинство транзакций в экономике совместного потребления происходят в Интернете, проблемы доверия и безопасности становятся главным поводом для беспокойства людей [45, р. 41]. В индустрии морепродуктов, где покупатели и продавцы взаимодействуют друг с другом, компания Seafax выстраивает доверие к себе с помощью независимого кредитного рейтинга, что облегчает привлечение новых клиентов и повышает успешность выстраивания отношений с ними. Аналогичную систему использует eBay. С помощью гарантий транзакций, независимого рейтинга и возможности отмены финансовой транзакции, первоначальный скептицизм людей в отношении бизнес-модели eBay сменился прибыльными денежными потоками [46, р. 62]. Таким образом, компании не всегда сталкиваются с потребностью полностью модифицировать свою существующую бизнес-модель,

так как удовлетворение дополнительных потребностей может оказаться достаточным для приведения своего предложения в соответствие новым возможностям совместного использования.

Извлечение прибыли

Экономика совместного потребления также открывает новые пути для получения дохода. В отличие от традиционных онлайн-магазинов, платформы, следующие принципам экономики совместного потребления, позволяют пользователям напрямую делиться активами или продавать товары или услуги. Успешное посредничество между фирмами и потребителями создает доход от комиссионных сборов, которые зависят от суммы транзакций (например, Requir), суммы фиксированной комиссии (например, CasaVersa) или членских взносов (например, HomeExchange). Однако бесплатное пользование сервисом может также оказаться преимуществом для компаний в экономике совместного потребления. Со стороны потребителей предоставление бесплатной регистрации обеспечивает доступ ко множеству информации о пользователях, которое раскрывает потребительские предпочтения. Со стороны поставщиков подобные посреднические сервисы значительно сокращают издержки компаний на поиск, что делает членские взносы или комиссии с транзакций более рациональными для компаний благодаря объему выполненной по итогу работы [46, р. 64].

Предоставление доступа не только позволяет диверсифицировать потоки выручки и сократить издержки, но также создает потенциал для получения высокой маржинальной прибыли, которая может быть достигнута компаниями, эффективно участвующими в экономике совместного потребления.

Случай со швейцарской компанией Kuhleasing, предоставляющей услуги по совместному использованию коров, служит примером, демонстрирующим воз-

можности новой модели получения выручки, которая помогла предприимчивому фермеру выжить перед угрозой обвала цен на молоко в 1999 г. Вместо простой продажи молока или хлеба фермер начал сдавать в аренду своих коров покупателям за сезонную плату. Он продолжил обслуживать своих коров и поставлять молочные продукты. В то же время арендаторы получили не только гарантии специальной цены на продукцию от их «собственных» коров, но и доступ к паспортам арендованных коров. 150 фермерских совместно используемых коров производят сегодня значительный и гарантированный дополнительный доход [47]. Это успешная идея с тех пор была перенята несколькими фермерами из Швейцарии и Австрии.

Наконец, постоянно увеличивающаяся скорость оборота запасов и активов отражает важность эффективного и максимизированного полезного использования ресурсов для поддержания ожидаемой прибыли [42, р. 58]. Полезное использование нетронутых потенциалов, такого как избыточные мощности или свободные площади, может быть способом улучшения общей формулы извлечения прибыли компании [48, р. 23].

Ключевые ресурсы

Экономика совместного потребления требует от компаний радикального пересмотра ключевых ресурсов и процессов, которые лежат в основе их бизнес-моделей. В настоящей статье будет рассмотрено два подобных аспекта. Первый аспект касается возможности делиться ресурсами с аналогичными компаниями. Идея рассмотрения ресурсов в качестве более подвижной сущности позволяет компаниям избегать традиционного владения, что производится с помощью использования ресурсов только по мере необходимости и сдачи их во временное пользование, когда они не используются. Подобное изменение взгляда на ресурсы компании создает большой потенциал

для адаптации в зависимости от использования этих активов. Такие сервисы, как floow2.com, позволяют компаниям и учреждениям делиться оборудованием, работой, услугами и профессиональными работниками друг с другом, а также предлагают новые возможности для компаний – улучшить структуру своих расходов с помощью «превращения времени простоя актива в доход» [49, р. 107]. Таким образом, совместное использование ресурсов предоставляет действующим фирмам возможность справляться с непредсказуемыми колебаниями спроса, в то же время позволяя стартапам пользоваться облегченным доступом к ресурсам, которые они не могут себе позволить самостоятельно. TechShop (новый феномен Силиконовой долины) является еще одним примером, показывающим, как компании могут извлечь выгоду из совместного потребления. Подобно моделям членства в спортзале, компании, которые подписываются и платят ежемесячную плату, имеют доступ к дорогому производственному оборудованию [7, р. 76]. TechShop имеет 8 филиалов в США и в среднем обеспечивает 7000 рабочих мест. В 2015 г. генеральный директор компании проанонсировал план всеобъемлющего расширения, который предполагает открытие 1000 небольших «рабочих пространств» в США, которые будут управляться третьими лицами, однако оборудование будет предоставлено непосредственно TechShop [50].

Второй важный аспект того, как ресурсы и процессы по-разному понимаются в экономике совместного потребления, заключается в том, что многие ключевые ресурсы, на которых основаны традиционные бизнес-модели, предоставляются самими клиентами. В данном контексте Т. Гудвин приводит известные на сегодняшний день примеры. Так, компания Uber стала самой крупной компанией на рынке такси в мире, не владея ни одним транспортным средством, а компания Airbnb, ставшая крупнейшей сетью оте-

лей, в то же время не владеет недвижимостью, что всеобъемлюще раскрывает описанный тезис [51]. Данным компаниям удастся предложить бизнес-модель, которая использует новые технологии таким образом, что позволяет сократить количество необходимых ключевых физических ресурсов путем подключения соответствующих вовлеченных сторон: тех, кто владеет ресурсами и требует их.

Выводы

В настоящей статье были рассмотрены четыре причины того, почему экономика совместного потребления считается долгосрочным изменением потребительских привычек, которая имеет всеобъемлющее воздействие на то, как товары производятся, перемещаются и потребляются. Основная привлекательность совместного потребления заключается в огромной скорости, с которой люди могут потреблять, сохранять и обмениваться предметами, ощущая в то же время свою принадлежность к сообществу, а также свой вклад в устойчивое развитие. Это особенно важно, потому что нематериальные мотивы вовлечения в экономику совместного потребления часто проявляют тенденцию к тому, чтобы быть «более коммерчески ориентированным на протяжении всего времени» [52, р. 247].

Волна одноранговых сервисов для совместного потребления в период после финансового кризиса иногда рассматривается как «посткризисное противоядие против материализма и сверхпотребления» [17]. То, что общество испытывает в настоящее время, можно назвать классическим созидательным разрушением: хотя должны существовать негативные краткосрочные эффекты для экономики (например, люди покупают меньше машин), долгосрочные экономические выгоды в конечном счете окупятся [25]. Однако для того, чтобы продолжать развитие вместе с экономикой совместного потребления, нужно рассмотреть ее негативные стороны.

Правительству необходимо осознать, что одноранговые платформы для совместного потребления стремительно создают эффективность выбранной бизнес-модели. Платформы, приближенные к непосредственному взаимодействию между пользователями, имеют больший стимул заботиться о своем сообществе [26, р. 24]. Тем не менее саморегулирование не является уникальной панацеей, так как проблемы возникают не только в рамках данной платформы для совместного потребления, но часто выходят за ее рамки. Кроме того, потребители в конечном счете принимают решение о том, хотят ли они делиться, чтобы потреблять меньше, или хотят преследовать исключительно эгоцентрические цели. Им придется выбирать те платформы для совместного потребления, которые выходят за рамки краткосрочных выгод и учитывают как индивидуальные потребности, так и общественные [26, р. 25].

Начало сдерживания законодательными органами стран платформ совместного пользования может стать лишь вопросом времени. Тем не менее «сегодняшнее несоответствие действий законодателей замедляет огромный инновационный потенциал и экономический рост», создаваемый экономикой совместного потребления [14].

Несмотря на то, что некоторые города, такие как Нью-Йорк, Сан-Франциско и Берлин, приняли законы, которые ограничивают или даже запрещают краткосрочную аренду [14], Амстердам смог разработать первую модель «многофункциональной недвижимости». Хозяева, которые сдают свои дома другим людям, платят подоходный и туристический налоги и должны гарантировать, что их жильцы не устроят беспорядков и останутся довольны качеством жилья. Эти ограничения работают, потому что частные лица готовы платить разумные налоги, которые поддерживают сообщество [26, р. 25]. Эти ограничения учитывают тот факт, что перед людьми стоит необ-

ходимость увеличить свой доход в данной экономической ситуации. Более того, этот эксперимент позволяет задуматься о том, что совместное использование действительно меняет окружающую нас реальность.

Нет никаких сомнений в том, что экономика совместного потребления станет важной частью будущей экономической деятельности. Даже если совместное использование моментально разобьется, «идея аренды у частного лица, а не у безликой компании выживет» [17]. Экономика совместного потребления будет развиваться, потому что это инвестиции в будущее [53, р. 164]. В данной статье было рассмотрено, как экономика совместного потребления может оказать воздействие на бизнес-модель компаний разными путями, и предложено рассмотреть влияние, которое новые модели потребления могут оказать на ценностные предложения компаний.

В настоящее время возможности экономики совместного потребления находятся посреди различных ограничений. Учитывая тот факт, что новые отрасли плохо вписываются в существующий регуляторный режим, властям придется предпринимать деликатные балансирующие шаги для развития совместного использования. Необходимо добиться большего прогресса, чтобы быть уверенным, что экономика совместного потребления развивается путем, который полезен для потребителей, производителей и окружающей среды.

Несмотря на то, что концепция совместного потребления очень популярна, рассмотрение ее последствий с различных точек зрения показывает, что процесс переосмысления только начался. Столкнувшись с ограничением ресурсов, пространства и денег, современным обществом будет обнаружено, что совместное использование постепенно модифицирует способ нашего мышления, наши привычки и в итоге способы того, как товар производится, продается и обслужива-

ется. Данный процесс переосмысления стоит потраченных усилий, учитывая огромные перспективы, которые открывает эта новая практика потребления.

Список литературы

1. Lamberton C. P., Rose R. L. When is ours better than mine? A framework for understanding and altering participation in commercial sharing systems // *Journal of Marketing*. 2012. N 76(4). P. 109–125. <https://doi.org/10.2139/ssrn.1939289>.
2. Botsman R., Rogers R. What's mine is yours: How collaborative consumption is changing the way we live. London: Collins, 2011. 304 p.
3. Matzler K., Veider V., Kathan W. Adapting to the sharing economy // *MIT Sloan Management Review*. 2015. N 56(2). P. 71–77.
4. The sharing economy – Sizing the revenue opportunity // Pricewaterhouse Coopers. URL: <http://www.pwc.co.uk/issues/megatrends/collisions/sharingeconomy/the-sharing-economy-sizing-the-revenueopportunity.jhtml> (дата обращения: 24.05.2021).
5. Bardhi F., Eckhardt G. M. Access-based consumption: The case of car sharing // *Journal of Consumer Research*. 2012. N 39(4). P. 881–898. <https://doi.org/10.1086/666376>.
6. Mohlmann M. Collaborative consumption: Determinants of satisfaction and the likelihood of using a sharing economy option again // *Journal of Consumer Behaviour*. 2015. N 14(3). P. 193–207. <https://doi.org/10.1002/cb.1512>.
7. Ismail S., Malone M., van Geest Y., Diamandis P. Exponential organizations: Why new organizations are ten times better, faster and cheaper than yours (and what to do about it). New York: Diversion Books, 2014. 328 p.
8. Babione F. A. Retailer adjustment to a rental economy // *Journal of Retailing*. 1964. N 40(3). P. 1–48.
9. Berry L. L., Maricle K. E. Consumption without ownership: What it means for business // *Management Review*. 1973. N 62(9). P. 44–46.
10. Cohen B., Kietzmann J. Ride on! Mobility business models for the sharing economy // *Organization and Environment*. 2014. N 27(3). P. 279–296. <https://doi.org/10.1177/1086026614546199>.
11. Schor J. B., Fitzmaurice C. J. Collaborating and connecting: The emergence of the sharing economy // *Handbook of research on sustainable consumption* / ed. by L.A. Reisch, J. Thøgersen. Cheltenham: Edward Elgar, 2015. P. 410–425. <https://doi.org/10.4337/9781783471270.00039>.
12. Forno F., Garibaldi R. Sharing economy in travel and tourism: The case of home-swapping in Italy // *Journal of Quality Assurance in Hospitality and Tourism*. 2015. N 16(2). P. 202–220. <https://doi.org/10.1080/1528008x.2015.1013409>.
13. The rise of the sharing economy // *The Economist*. URL: <http://www.economist.com/news/leaders/21573104-internet-everything-hire-rises-sharing-economy> (дата обращения: 27.05.2021).
14. Sundararajan A. Trusting the 'sharing economy' to regulate itself // *Economix*. URL: http://economix.blogs.nytimes.com/2014/03/03/trusting-the-sharing-economy-to-regulate-itself/?_r=2 (дата обращения: 28.05.2021).
15. Diakopoulos N. How Uber surge pricing really works // *Washington Post*. URL: <https://www.washingtonpost.com/news/wonk/wp/2015/04/17/how-uber-surge-pricing-really-works> (дата обращения: 28.05.2021).
16. Shaver K. 'I nearly passed out': A \$640 Uber ride for a 30-mile trip to the airport // *Washington Post*. URL: https://www.washingtonpost.com/local/trafficandcommuting/i-nearly-passed-out-a640-uber-ride-for-a-30-mile-trip-to-the-airport/2016/01/26/c45024ac-c469-11e5-8965-0607e0e265ce_story.html (дата обращения: 28.05.2021).
17. All eyes on the sharing economy // *The Economist*. URL: <http://www.economist.com/news/technology-quarterly/21572914-collaborative-consumption-technology-makes-it-easier-people-rent-items> (дата обращения: 27.05.2021).
18. Garcia H. Consumption 2.0 // *Futurist*. 2013. N 47(1). P. 6–8.

19. Cheshire L., Walters P., Rosenblatt T. The politics of housing consumption: Renters as flawed consumers on a master planned estate // *Urban Studies*. 2010. N 47(12). P. 2597–2614. <https://doi.org/10.1177/0042098009359028>.
20. Hennig-Thurau T., Henning V., Sattler H. Consumer file sharing of motion pictures // *Journal of Marketing*. 2007. N 71(4). P. 1–18. <https://doi.org/10.1509/jmkg.71.4.1>.
21. Rifkin J. The zero marginal cost society: The internet of things, the collaborative commons and the eclipse of capitalism. New York: Palgrave Macmillan, 2014. 356 p.
22. Schaefer T., Lawson S., Kukar-Kinney M. How the burdens of ownership promote consumer usage of accessbased services // *Marketing Letters*. 2016. N 27(3). P. 569–577. <https://doi.org/10.1007/s11002-015-9366-x>.
23. The sharing economy: Accessibility based business models for peer-to-peer markets / K. Dervojeda, D. Verzijl, F. Nagtegaal, M. Lengton, E. Rouwmaat, E. Monfardini [et al.]. Brussels: European Commission Business Innovation Observatory, 2013. 18 p.
24. Dillahunt T. R., Malone A. R. The promise of the sharing economy among disadvantaged communities // In *Proceedings of the 33rd Annual ACM Conference on Human Factors in Computing Systems*. 2015. P. 2285–2294. <https://doi.org/10.1145/2702123.2702189>.
25. Geron T. Airbnb and the unstoppable rise of the share economy // *Forbes*. URL: <http://www.forbes.com/sites/tomiogeron/2013/01/23/airbnb-and-the-unstoppable-rise-of-the-share-economy/#41fb57ab6790> (дата обращения: 29.05.2021).
26. Malhotra A., van Alstyne M. The dark side of the sharing economy and how to lighten it // *Communications of the ACM*. 2014. N 57(11). P. 24–27. <https://doi.org/10.1145/2668893>.
27. Ranchordas S. Does sharing mean caring: Regulating innovation in the sharing economy // *Minnesota Journal of Law, Science, and Technology*. 2015. N 16(1). P. 413–475.
28. Prothero A., Dobscha S., Freund J., Kilbourne W. E., Luchs M. G., Ozanne L. K., eds. Sustainable consumption: Opportunities for consumer research and public policy // *Journal of Public Policy and Marketing*. 2011. N 30(1). P. 31–38. <https://doi.org/10.1509/jppm.30.1.31>.
29. Zhao D. Carsharing: A sustainable and innovative personal transport solution with great potential and huge opportunities // *Frost & Sullivan*. URL: <https://www.frost.com/sublib/display-marketinsight.do?id=190795176> (дата обращения: 29.05.2021).
30. Martin E., Shaheen S. The impact of carsharing on public transit and non-motorized travel: An exploration of North American carsharing survey data // *Energies*. 2011. N 4(11). P. 2094–2114. <https://doi.org/10.3390/en4112094>.
31. Meijkamp R. Changing consumer behaviour through ecoefficient services: An empirical study of car sharing in the Netherlands // *Business Strategy and the Environment*. 1998. N 7(4). P. 234–244.
32. Banister D. The sustainable mobility paradigm // *New Developments in Urban Transportation Planning*. 2008. N 15(2). P. 73–80. <https://doi.org/10.1016/j.tranpol.2007.10.005>.
33. Mont O. Institutionalisation of sustainable consumption patterns based on shared use // *Ecological Economics*. 2004. N 50(1/2). P. 135–153. <https://doi.org/10.1016/j.ecolecon.2004.03.030>.
34. Jalas M. A time use perspective on the materials intensity of consumption // *Ecological Economics*. 2002. N 41(1). P. 109–123. [https://doi.org/10.1016/S0921-8009\(02\)00018-6](https://doi.org/10.1016/S0921-8009(02)00018-6).
35. Khazzoom D. J. Economic implications of mandated efficiency in standards for household appliances // *The Energy Journal*. 1980. N 1(4). P. 21–40.
36. Philip H. E., Ozanne L. K., Ballantine P. W. Examining temporary disposition and acquisition in peer-to-peer renting // *Journal of Marketing Management*. 2015. N 31(11/12). P. 1310–1332. <https://doi.org/10.1080/0267257x.2015.1013490>.
37. Hamari J., Sjöklint M., Ukkonen A. The sharing economy: Why people participate in collaborative consumption // *Journal of the Association for Information Science and Technology*. 2016. N 67(9). P. 2047–2059. <https://doi.org/10.1002/asi.23552>.
38. Moeller S., Wittkowski K. The burdens of ownership: Reasons for preferring renting // *Managing Service Quality*. 2010. N 20(2). P. 176–191. <https://doi.org/10.1108/09604521011027598>.
39. Chesbrough H. Business model innovation: Opportunities and barriers // *Business Models*. 2010. N 43(2/3). P. 354–363.
40. Prettenhaler F. E., Steininger K. W. From ownership to service use lifestyle: The potential of car sharing // *Ecological Economics*. 1999. N 28(3). P. 443–453.

41. Bakan J. The corporation: The pathological pursuit of profit and power. London: Constable & Robinson, 2005. 272 p. <https://doi.org/10.1108/eb.2005.05417eab.005>.
42. Johnson M. W., Christensen C. M., Kagermann H. Reinventing your business model // Harvard Business Review. 2008. N 86(12). P. 50–59.
43. The innovator's guide to growth: Putting disruptive innovation to work / S. D. Anthony, M. W. Johnson, J. V. Sinfield, E. J. Altman. Boston: Harvard Business School Publishing, 2008. 321 p.
44. Johnson M. W. Seizing the white space: Business model innovation for growth and renewal. Boston: Harvard Business Press, 2010. 240 p.
45. Houston D. A. Trust in the networked economy: Doing business on web time // Business Horizons. 2001. N 44(2). P. 38–44. [https://doi.org/10.1016/s0007-6813\(01\)80021-5](https://doi.org/10.1016/s0007-6813(01)80021-5).
46. Mahadevan B. Business models for Internet-based ecommerce: An anatomy // California Management Review. 2000. N 42(4). P. 55–69. <https://doi.org/10.2307/41166053>.
47. Beschrieb // Kuhleasing. URL: <http://www.kuhleasing.ch/kuhleasing/beschrieb/> (дата обращения: 30.05.2021).
48. Botsman R. Sharing's not just for start-ups // Harvard Business Review. 2014. N 92(9). P. 23–25.
49. Stephany A. The business of sharing: Making it in the new sharing economy. New York: Palgrave Macmillan, 2015. 226 p. <https://doi.org/10.1057/9781137376183>.
50. Wartzman R. TechShopgivesthe maker movement a big boost // Forbes. URL: <http://fortune.com/2015/06/11/techshop-makers-movement> (дата обращения: 30.05.2021).
51. Goodwin T. The battle is for the customer interface // TechCrunch. URL: <http://techcrunch.com/2015/03/03/in-the-age-ofdisintermediation-the-battle-is-all-for-the-customerinterface/#.vsv2em:2U1V> (дата обращения: 31.05.2021).
52. Martin C. J., Upham P., Budd L. Commercial orientation in grassroots social innovation: Insights from the sharing economy // Ecological Economics. 2015. N 118. P. 240–251. <https://doi.org/10.1016/j.ecolecon.2015.08.001>.
53. Schrage M. Who do you want your customers to become? Boston: Harvard Business Press, 2013. 77 p.

References

1. Lamberton C. P., Rose R. L. When is ours better than mine? A framework for understanding and altering participation in commercial sharing systems. *Journal of Marketing*, 2012, no. 76(4), pp. 109–125. <https://doi.org/10.2139/ssrn.1939289>
2. Botsman R., Rogers R. What's mine is yours: How collaborative consumption is changing the way we live. London, Collins Publ., 2011. 304 p.
3. Matzler K., Veider V., Kathan W. Adapting to the sharing economy. *MIT Sloan Management Review*, 2015, no. 56(2), pp. 71–77.
4. The sharing economy – Sizing the revenue opportunity. Pricewaterhouse Coopers. Available at: <http://www.pwc.co.uk/issues/megatrends/collisions/sharingeconomy/the-sharing-economy-sizing-the-revenueopportunity.jhtml>. (accessed 24.05.2021)
5. Bardhi F., Eckhardt G. M. Access-based consumption: The case of car sharing. *Journal of Consumer Research*, 2012, no. 39(4), pp. 881–898. <https://doi.org/10.1086/666376>
6. Mohlmann M. Collaborative consumption: Determinants of satisfaction and the likelihood of using a sharing economy option again. *Journal of Consumer Behaviour*, 2015, no. 14(3), pp. 193–207. <https://doi.org/10.1002/cb.1512>
7. Ismail S., Malone M., van Geest Y., Diamandis P. Exponential organizations: Why new organizations are ten times better, faster and cheaper than yours (and what to do about it). New York, Diversion Books Publ., 2014. 328 p.
8. Babione F. A. Retailer adjustment to a rental economy. *Journal of Retailing*, 1964, no. 40(3), pp. 1–48.
9. Berry L. L., Maricle K. E. Consumption without ownership: What it means for business. *Management Review*, 1973, no. 62(9), pp. 44–46.

10. Cohen B., Kietzmann J. Ride on! Mobility business models for the sharing economy. *Organization and Environment*, 2014, no. 27(3), pp. 279–296. <https://doi.org/10.1177/1086026614546199>
11. Schor J. B., Fitzmaurice C. J. Collaborating and connecting: The emergence of the sharing economy. Handbook of research on sustainable consumption; ed. by L. A. Reisch, J. Thøgersen. Cheltenham, Edward Elgar Publ., 2015, pp. 410–425. <https://doi.org/10.4337/9781783471270.00039>
12. Forno F., Garibaldi R. Sharing economy in travel and tourism: The case of home-swapping in Italy. *Journal of Quality Assurance in Hospitality and Tourism*, 2015, no. 16(2), pp. 202–220. <https://doi.org/10.1080/1528008x.2015.1013409>
13. The rise of the sharing economy. The Economist. Available at: <http://www.economist.com/news/leaders/21573104-internet-everything-hire-rises-sharing-economy>. (accessed 27.05.2021)
14. Sundararajan A. Trusting the ‘sharing economy’ to regulate itself. Economix. Available at: http://economix.blogs.nytimes.com/2014/03/03/trusting-the-sharing-economy-to-regulate-itself/?_r=2. (accessed 28.05.2021)
15. Diakopoulos N. How Uber surge pricing really works. Washington Post. Available at: <https://www.washingtonpost.com/news/wonk/wp/2015/04/17/how-uber-surge-pricing-really-works>. (accessed 28.05.2021)
16. Shaver K. ‘I nearly passed out’: A \$640 Uber ride for a 30-mile trip to the airport. Washington Post. Available at: https://www.washingtonpost.com/local/trafficandcommuting/i-nearly-passed-out-a-640-uber-ride-for-a-30-mile-trip-to-the-airport/2016/01/26/c45024ac-c469-11e5-8965-0607e0e265ce_story.html. (accessed 28.05.2021)
17. All eyes on the sharing economy. The Economist. Available at: <http://www.economist.com/news/technology-quarterly/21572914-collaborative-consumption-technology-makes-it-easier-people-rent-items>. (accessed 27.05.2021)
18. Garcia H. Consumption 2.0. *Futurist*, 2013, no. 47(1), pp. 6–8.
19. Cheshire L., Walters P., Rosenblatt T. The politics of housing consumption: Renters as flawed consumers on a master planned estate. *Urban Studies*, 2010, no. 47(12), pp. 2597–2614. <https://doi.org/10.1177/0042098009359028>
20. Hennig-Thurau T., Henning V., Sattler H. Consumer file sharing of motion pictures. *Journal of Marketing*, 2007, no. 71(4), pp. 1–18. <https://doi.org/10.1509/jmkg.71.4.1>
21. Rifkin J. The zero marginal cost society: The internet of things, the collaborative commons and the eclipse of capitalism. New York, Palgrave Macmillan Publ., 2014. 356 p.
22. Schaefer T., Lawson S., Kukar-Kinney M. How the burdens of ownership promote consumer usage of accessbased services. *Marketing Letters*, 2016, no. 27(3), pp. 569–577. <https://doi.org/10.1007/s11002-015-9366-x>
23. Dervojeda K., Verzijl D., Nagtegaal F., Lengton M., Rouwmaat E., Monfardini E., eds. The sharing economy: Accessibility based business models for peer-to-peer markets. Brussels, European Commission Business Innovation Observatory Publ., 2013. 18 p.
24. Dillahun T. R., Malone A. R. The promise of the sharing economy among disadvantaged communities. In Proceedings of the 33rd Annual ACM Conference on Human Factors in Computing Systems, 2015, pp. 2285–2294. <https://doi.org/10.1145/2702123.2702189>
25. Geron T. Airbnb and the unstoppable rise of the share economy. Forbes. Available at: <http://www.forbes.com/sites/tomiogeron/2013/01/23/airbnb-and-the-unstoppable-rise-of-the-share-economy/#41fb57ab6790>. (accessed 29.05.2021)
26. Malhotra A., van Alstyne M. The dark side of the sharing economy and how to lighten it. Communications of the ACM, 2014, no. 57(11), pp. 24–27. <https://doi.org/10.1145/2668893>
27. Ranchorda’s S. Does sharing mean caring: Regulating innovation in the sharing economy. *Minnesota Journal of Law, Science, and Technology*, 2015, no. 16(1), pp. 413–475.
28. Prothero A., Dobscha S., Freund J., Kilbourne W. E., Luchs M. G., Ozanne L. K., eds. Sustainable consumption: Opportunities for consumer research and public policy. *Journal of Public Policy and Marketing*, 2011, no. 30(1), pp. 31–38. <https://doi.org/10.1509/jppm.30.1.31>
29. Zhao D. Carsharing: A sustainable and innovative personal transport solution with great potential and huge opportunities. Frost & Sullivan. Available at: <https://www.frost.com/sublib/display-marketinsight.do?id=190795176>. (accessed 29.05.2021)

30. Martin E., Shaheen S. The impact of carsharing on public transit and non-motorized travel: An exploration of North American carsharing survey data. *Energies*, 2011, no. 4(11), pp. 2094–2114. <https://doi.org/10.3390/en4112094>
31. Meijkamp R. Changing consumer behaviour through ecoefficient services: An empirical study of car sharing in the Netherlands. *Business Strategy and the Environment*, 1998, no. 7(4), pp. 234–244.
32. Banister D. The sustainable mobility paradigm. *New Developments in Urban Transportation Planning*, 2008, no. 15(2), pp. 73–80. <https://doi.org/10.1016/j.tranpol.2007.10.005>
33. Mont O. Institutionalisation of sustainable consumption patterns based on shared use. *Ecological Economics*, 2004, no. 50(1/2), pp. 135–153. <https://doi.org/10.1016/j.ecolecon.2004.03.030>
34. Jalas M. A time use perspective on the materials intensity of consumption. *Ecological Economics*, 2002, no. 41(1), pp. 109–123. [https://doi.org/10.1016/s0921-8009\(02\)00018-6](https://doi.org/10.1016/s0921-8009(02)00018-6)
35. Khazzoom D. J. Economic implications of mandated efficiency in standards for household appliances. *The Energy Journal*, 1980, no. 1(4), pp. 21–40.
36. Philip H. E., Ozanne L. K., Ballantine P. W. Examining temporary disposition and acquisition in peer-to-peer renting. *Journal of Marketing Management*, 2015, no. 31(11/12), pp. 1310–1332. <https://doi.org/10.1080/0267257x.2015.1013490>
37. Hamari J., Sjöklint M., Ukkonen A. The sharing economy: Why people participate in collaborative consumption. *Journal of the Association for Information Science and Technology*, 2016, no. 67(9), pp. 2047–2059. <https://doi.org/10.1002/asi.23552>
38. Moeller S., Wittkowski K. The burdens of ownership: Reasons for preferring renting. *Managing Service Quality*, 2010, no. 20(2), pp. 176–191. <https://doi.org/10.1108/09604521011027598>
39. Chesbrough H. Business model innovation: Opportunities and barriers. *Business Models*, 2010, no. 43(2/3), pp. 354–363.
40. Prettenhaler F. E., Steininger K. W. From ownership to service use lifestyle: The potential of car sharing. *Ecological Economics*, 1999, no. 28(3), pp. 443–453.
41. Bakan J. The corporation: The pathological pursuit of profit and power. London, Constable & Robinson Publ., 2005. 272 p. <https://doi.org/10.1108/eb.2005.05417eab.005>
42. Johnson M. W., Christensen C. M., Kagermann H. Reinventing your business model. *Harvard Business Review*, 2008, no. 86(12), pp. 50–59.
43. Anthony S. D., Johnson M. W., Sinfield J. V., Altman E. J. The innovator's guide to growth: Putting disruptive innovation to work. Boston, Harvard Business School Publishing, 2008. 321 p.
44. Johnson M. W. Seizing the white space: Business model innovation for growth and renewal. Boston, Harvard Business Press, 2010. 240 p.
45. Houston D. A. Trust in the networked economy: Doing business on web time. *Business Horizons*, 2001, no. 44(2), pp. 38–44. [https://doi.org/10.1016/s0007-6813\(01\)80021-5](https://doi.org/10.1016/s0007-6813(01)80021-5)
46. Mahadevan B. Business models for Internet-based ecommerce: An anatomy. *California Management Review*, 2000, no. 42(4), pp. 55–69. <https://doi.org/10.2307/41166053>
47. Beschrieb. Kuhleasing. Available at: <http://www.kuhleasing.ch/kuhleasing/beschrieb/>. (accessed 30.05.2021)
48. Botsman R. Sharing's not just for start-ups. *Harvard Business Review*, 2014, no. 92(9), pp. 23–25.
49. Stephany A. The business of sharing: Making it in the new sharing economy. New York, Palgrave Macmillan Publ., 2015. 226 p. <https://doi.org/10.1057/9781137376183>
50. Wartzman R. TechShopgives the maker movement a big boost. *Forbes*. Available at: <http://fortune.com/2015/06/11/techshop-makers-movement>. (accessed 30.05.2021)
51. Goodwin T. The battle is for the customer interface. *TechCrunch*. Available at: <http://techcrunch.com/2015/03/03/in-the-age-of-disintermediation-the-battle-is-all-for-the-customer-interface/#.vsv2em:2UIV>. (accessed 31.05.2021)
52. Martin C. J., Upham P., Budd L. Commercial orientation in grassroots social innovation: Insights from the sharing economy. *Ecological Economics*, 2015, no. 118, pp. 240–251. <https://doi.org/10.1016/j.ecolecon.2015.08.001>
53. Schrage M. Who do you want your customers to become? Boston, Harvard Business Press, 2013. 77 p.

Информация об авторах / Information about the Authors

Гостилов Александр Олегович, инженер лаборатории прикладного отраслевого анализа экономического факультета, Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, г. Москва, Российская Федерация, e-mail: gostaleks@mail.ru, ORCID: 0000-0003-4146-6934, Researcher ID: AAR-1814-2021

Aleksandr O. Gostilovich, Engineer of the Laboratory of Applied Industry Analysis, Faculty of Economics, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation, e-mail: gostaleks@mail.ru, ORCID: 0000-0003-4146-6934, Researcher ID: AAR-1814-2021

Иванов Константин Александрович, аспирант кафедры маркетинга экономического факультета, Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, г. Москва, Российская Федерация, e-mail: ivanovkostik13@mail.ru, ORCID: 0000-0003-3123-0346

Konstantin A. Ivanov, Post-Graduate Student of the Department of Innovation Economics, Faculty of Economics, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation, e-mail: ivanovkostik13@mail.ru, ORCID: 0000-0003-3123-0346

УДК 330.1

Эволюция интеллектуального капитала под влиянием цифровизации

О. В. Злобина¹ ✉

¹ Санкт-Петербургский государственный университет аэрокосмического приборостроения
ул. Большая Морская 67, г. Санкт-Петербург 190000, Российская Федерация

✉ e-mail: oz90609@gmail.com

Резюме

Актуальность исследования обусловлена влиянием цифровизации и вызванной ею трансформации экономики и общества в целом на формирование новых представлений о способах организации производства, степени участия человека в производственном процессе, изменении требований, предъявляемых работодателями к цифровой грамотности сотрудников всех уровней.

Целью работы является оценка влияния цифровых и информационно-коммуникационных технологий на составляющие интеллектуального капитала.

Задачи исследования состоят в оценке изменений в структурном и человеческом капитале, организации внешнего взаимодействия компании, определении роли инноваций как элемента интеллектуального капитала.

Методология. В ходе исследования использовался анализ данных, публикуемых аналитическими агентствами и государственными органами, связанных с компонентами интеллектуального капитала.

Результатом исследования стала констатация эволюции, произошедшей во всех сферах интеллектуального капитала под влиянием цифровой трансформации экономики и общества: основными источниками формирования интеллектуального капитала сегодня становятся интеллектуальные и цифровые характеристики рабочей силы (уровень образования, квалификация, владение передовыми технологиями) и сложные цифровые и информационно-коммуникационные технологии, становящиеся основой устойчивого развития компаний и экономики. Также в работе предполагается, что инновационный капитал можно рассматривать как результат взаимодействия структурного (прежде всего информационного) и человеческого капитала предприятия.

Вывод. Основным выводом исследования является утверждение, что внутреннее и внешнее взаимодействие компании в современной экономической среде невозможно без использования современных технологий, что приводит не только к изменению структуры и характера взаимодействия, но и к возникновению явлений «цифровой личности» и «цифровой среды обитания».

Ключевые слова: интеллектуальный капитал; структура интеллектуального капитала; информационные и коммуникационные технологии; цифровизация; информационная экономика.

Конфликт интересов: В представленной публикации отсутствует заимствованный материал без ссылок на автора и (или) источник заимствования, нет результатов научных работ, выполненных автором публикации лично и (или) в соавторстве, без соответствующих ссылок. Автор декларирует отсутствие конфликта интересов, связанных с публикацией данной статьи.

Для цитирования: Злобина О. В. Эволюция интеллектуального капитала под влиянием цифровизации // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. 2021. Т. 11, № 4. С. 272–283.

Поступила в редакцию 16.06.2021

Принята к публикации 14.07.2021

Опубликована 31.08.2021

© Злобина О. В., 2021

Evolution of Intellectual Capital with Digitization

Olga V. Zlobina¹ ✉

¹ Saint Petersburg State University of Aerospace Instrumentation
67 Bolshaya Morskaya str., St. Petersburg 190000, Russian Federation

✉ e-mail: oz90609@gmail.com

Abstract

*The **relevance** of the present study is based on processes of digitization and resulting transformation of both economy and modern society producing new understanding of and approaches to organization of production, human involvement in production processes and procedures, changed expectations of employers in terms of digital literacy required of employees.*

*The **purpose** of the work is to assess the impact of digital and information and communication technologies on the components of intellectual capital.*

*The **objectives** of the study are to assess changes in structural and human capital, organize the company's external interaction, and determine the role of innovation as an element of intellectual capital.*

***Methodology.** The study used an analysis of data published by analytical agencies and government agencies related to the components of intellectual capital.*

*The **results** of the study is the notion of evolution which has become characteristic of all aspects of intellectual capital as a result of large-scale digitization of both economy and human society: the main sources of intellectual capital in today's economy are intellectual and digital properties of human resources (level of education, qualifications, digital literacy and acquisition of advanced information and communication technologies). The study also suggests regarding innovation capital as an outcome of interaction between company's structural (informational, primarily) and human capitals.*

***Conclusion.** The main conclusion drawn in the study is that both external and internal communication of business entity in modern economic environment is deemed impossible without advanced technologies – this condition induces changes in both structure, nature and organization of communication, and produces such new phenomena as 'digital identity' and 'digital environment'.*

Keywords: intellectual capital; structure of intellectual capital; information and communication technologies; digitization; information economy.

Conflict of interest: In the presented publication there is no borrowed material without references to the author and (or) source of borrowing, there are no results of scientific works performed by the author of the publication, personally and (or) in co-authorship, without relevant links. The author declares no conflict of interest related to the publication of this article.

For citation: Zlobina O. V. Evolution of Intellectual Capital with Digitization. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Ekonomika. Sotsiologiya. Menedzhment* = *Proceedings of the Southwest State University. Series: Economics, Sociology and Management*. 2021; 11(4): 272–283. (In Russ.)

Received 16.06.2021

Accepted 14.07.2021

Published 31.08.2021

Введение

Впервые об интеллектуальном капитале как новой разновидности активов предприятия заговорили еще в конце XX в. Первоначально под интеллектуальным капиталом понимали прежде всего интеллектуальную собственность компании в форме патентов, зарегистрированных товарных знаков, авторских прав и т. п., в сегодняшнем понимании составляющих лишь часть нематериальных активов компании – в этом смысле интеллектуальный капитал был противопоставлен

материальным, или физическим, активам компании [1]. В последующих исследованиях объем понятия интеллектуального капитала был расширен. В структуру интеллектуального капитала были включены, помимо авторских прав, товарных знаков и деловой репутации: 1) человеческий капитал компании (знания и умения сотрудников, уровень их образования и квалификации, профессиональные компетенции, знание компании, ее производственных и непроизводственных процессов и т. д.); 2) структурный капитал (ор-

ганизационная инфраструктура, базы данных и технологии, обеспечивающие выполнение своих функций человеческим капиталом); 3) внешние связи компании, также называемые «потребительским», или «клиентским», капиталом (отношения компании с клиентами, потребителями, поставщиками, торговыми посредниками и другими экономическими агентами, а также знания, способности, процедуры и системы, разработанные и используемые для обеспечения внешних взаимодействий) [2].

В последнее время в связи с ростом числа и изменением роли инноваций в современной экономической деятельности в структуре интеллектуального капитала выделяют новую составляющую – инновационный капитал, под которым

понимается способность компании порождать и распространять инновации, создавая новые возможности для экономической деятельности [3; 4]. В понятие инновационного капитала включаются не только научная база и наукоемкие элементы производственных процессов, патенты и ноу-хау компании, но и знания и компетенции сотрудников, среда и организационная культура, сформированные в компании и содействующие процессу инновации.

Материалы и методы

В целом структуру интеллектуального капитала в ее современном понимании можно представить следующим образом (рис. 1).

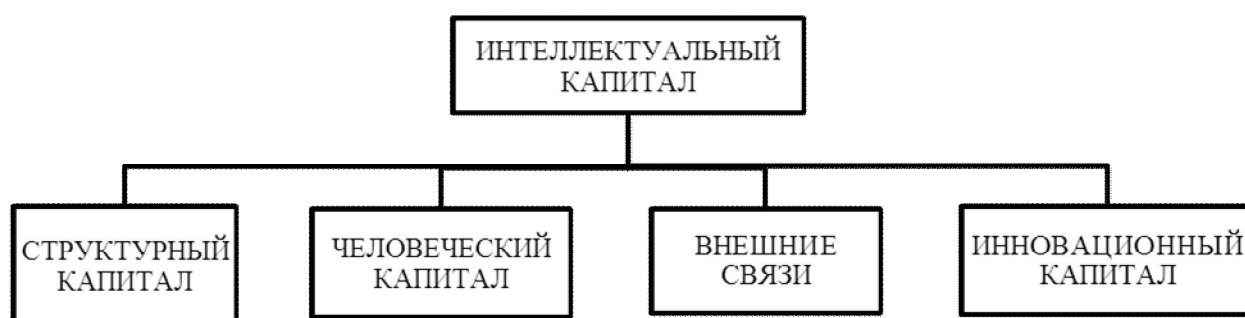

Рис.1. Структура интеллектуального капитала [5]

Традиционное описание составляющих интеллектуального капитала включает элементы, связанные с использованием информационных и цифровых технологий (ЦТ) и систем. Так, процесс формирования и степень эффективности структурного капитала во многом основываются на разнообразных базах данных, которые в сегодняшней экономической реальности предполагают широкое использование цифровых (автоматизированных) информационных систем. Организационная структура предприятий также, хотя и в меньшей степени, претерпевает изменения под влиянием распространения ЦТ [6]. Цифровые и информационные технологии упоминались уже в первых исследованиях, посвященных ин-

теллектуальному капиталу, в качестве элементов производственной базы и процессов организации. Сфера внешнего взаимодействия компании также оказывается в значительной степени зависимой от применения тех или иных ЦТ, особенно в сфере организации взаимодействия компании с ее клиентами. Среди характеристик человеческого капитала часто упоминается уровень владения современными цифровыми и информационными технологиями и наличие у работников соответствующих компетенций в этой области. Для инновационных процессов с учетом общих направлений экономического развития современного общества использование цифровых и информационных технологий, очевидно, становится

одним из ключевых условий. Непрерывный рост наукоёмкости производственных процессов и продуктов, баз знаний и объемов информации привел к формированию нового понимания интеллектуального капитала в современных условиях цифровизации экономики как капитала информационного [4]. Накопление, сохранение и использование знаний в современной цифровой экономике становятся одними из основных факторов, обуславливающих успешное существование и развитие компании, и приводят к формированию новой модели интеллектуального капитала [3].

Очевидно, цифровизация экономики и более широкая цифровизация современного общества требуют анализа роли ЦТ в функционировании современных предприятий и организаций и оценки их влияния на изменение характеристик интеллектуального капитала, отражающих глубинные изменения в структуре экономики, организации производства и внешнего взаимодействия компании, изменение характеристик среды обитания современного человека.

Результаты и их обсуждение

Изменение характеристик структурного капитала под влиянием цифровизации

Применение компьютерных и позднее цифровых технологий для автоматизации процессов проектирования и производства стало одним из основных направлений развития технологий еще в середине прошлого века, когда появились первые полуавтоматизированные и автоматизированные производственные линии и оборудование. Весь последующий период характеризовался расширением автоматизации производственных процессов. Настоящая революция в организации производства произошла с распространением полупроводниковых технологий, которые легли в основу множества современных сложных устройств. На сегодняшний день любое крупное произ-

водство невозможно без использования цифровых и компьютерных технологий, начиная с процесса разработки новых товаров и заканчивая поставкой готовой продукции на рынок, для чего используются специализированное программное обеспечение, оборудование с числовым программным управлением, автоматизированные производственные комплексы, обеспечивающие возможность управления процессами и внесения изменений практически на любом этапе производства. Крупные технологические гиганты сегодня заявляют о планах создания полностью автоматизированных производственных комплексов, не требующих присутствия и участия человека в процессе [7]. Степень автоматизации некоторых производств достигает такого уровня, который практически исключает необходимость участия в производственных процессах промышленных рабочих, что приводит к сокращению числа занятых в производстве, перераспределению человеческих ресурсов в другие отрасли и секторы экономики и изменению условий труда.

Процессы нарастающей цифровизации характерны и для функционирования баз данных, используемых компаниями для обеспечения производственных процессов: все большее распространение получают разнообразные автоматизированные информационные системы, как разрабатываемые самими предприятиями и организациями в соответствии с конкретными потребностями, так и выпускаемые на рынок специализирующимися в этой области разработчиками программного обеспечения [8]. Такие автоматизированные системы позволяют осуществлять непрерывный сбор огромного количества данных по самым разным параметрам, их анализ и принятие решений, как технических, так и управленческих, на основе полученной и обработанной информации; причем сбор данных может производиться как внутри самой компании, так и из открытых источников вне ее, например

анализ данных из открытых отчетов, статистики и т. п., размещаемых в сети Интернет [9].

Накопление информации, ее анализ и использование для обеспечения успешного функционирования производства становятся сегодня необходимыми условиями эффективного развития [7]. Одновременно эти факторы считаются одной из предпосылок процесса инновации, в основе которого лежит непрерывное накопление знаний. Повышение наукоёмкости, использование самого передового программного обеспечения для экспериментов и моделирования считаются одними из основополагающих принципов инновационной экономики, а знания – основой распространения инноваций в обществе [10]. Фактически современные инновации, прежде всего высокотехнологичные, невозможны без использования самых передовых информационных и цифровых технологий; в этом смысле цифровые и информационные технологии могут рассматриваться как необходимое условие инновационного процесса и как основная характеристика структурного капитала компании, а так же, как основа функционирования оборудования, используемого компанией в процессе производства, что в определенной степени приводит к стиранию грани между физическими производственными активами и структурным компонентом интеллектуального капитала.

Изменение характеристик человеческого капитала под влиянием цифровых и информационно-коммуникационных технологий

Как уже было отмечено, информационные системы и накопление знаний вместе с использованием передового программного обеспечения являются одним из основных условий, определяющих эффективность инновационного процесса [3]. Не менее важную роль в процессе инновации и создании инновационного капитала играет степень владения сотрудниками наиболее современными ЦТ

и более широкое освоение цифровых и информационно-коммуникационных технологий (ИКТ) представителями общества в целом, т. е. человеческими ресурсами [11].

В этом отношении можно выделить два основных направления формирования компетенций, которые, однако, во многом оказываются связанными: 1) цифровая компетенция, связанная с квалификацией и характером деятельности; 2) более широкая цифровая компетенция, связанная с формированием цифровых навыков современного работника, потребителя и просто члена современного общества [12].

Распространение сложных ИКТ привело к появлению новых сфер деятельности и профессий, связанных с компьютеризацией производства, созданием программных пакетов, оболочек, цифровых сред и т. п. [12]. На сегодняшний день большое число профессий связано с видами деятельности, предполагающими специализацию в одной из сфер программирования, информатики, администрирования систем, применяемых не только в процессе производства, но и в организации взаимодействия с клиентами, формировании новых каналов сбыта и коммуникаций, взаимодействия с коммерческими и государственными организациями на всех уровнях и т. д. Направления подготовки, связанные с ЦТ и ИКТ, предлагаемые разнообразными учебными заведениями, пользуются все большей популярностью. Число желающих получить образование в этой сфере непрерывно растет – на сегодняшний день это направление является одним из основных в системе специального и профессионального образования [12]. Для специалистов в этой сфере как части человеческого капитала компании владение ЦТ и ИКТ является одной из базовых квалификационных характеристик.

Одновременно непрерывное развитие ЦТ и их проникновение во все сферы жизни современного человека делают цифровую грамотность обязательным

условием существования современного человека в обществе: цифровизация затрагивает все аспекты жизни и деятельности человека [13]. Множество действий, совершаемых человеком ежедневно, основаны на применении ЦТ и ИКТ: общение, реализуемое в социальных сетях или мессенджерах; поиск и приобретение товаров; разнообразные банковские операции, включая переводы, оплату счетов и оформление кредитов; обучение и получение знаний; взаимодействие с государственными органами и организациями и т. д. Мощным стимулом к повсеместной цифровизации стали пандемия и последовавшее за ней введение ограничений на физические способы взаимодействия. Подтверждением этому является резкий рост сектора служб доставки (по оценкам аналитиков, эта сфера экономики стала единственной, где результаты 2020 г. продемонстрировали положительную динамику и рост доходов) [14].

В своей производственной деятельности и организации взаимодействия с клиентами многие компании, начиная от небольших и заканчивая компаниями с многотысячным персоналом, широко используют ЦТ и ИКТ, например, при приеме заказов и общении с клиентами через специально разработанные приложения; при взаимодействии с клиентами (консультирование, обслуживание, решение возникающих проблем) с использованием мессенджеров. Данное направление, набирающее все большую популярность на сегодняшнем рынке, подразумевает создание специализированных страниц в социальных сетях и привлечение сотрудников к взаимодействию с посетителями страниц; работу с сайтом компании и размещение новых материалов как способа развития клиентской базы; работу с использованием средств электронной оплаты (электронные кошельки, личные счета, платежные приложения и системы и т. п.). При этом в отличие от первого направления использования ЦТ и ИКТ, составляющих основу профессиональной

компетенции [15], второе направление воспринимается сегодня работодателями как естественная характеристика человеческого капитала. Ожидается, что работник любого уровня уже обладает такого рода навыками и обучение его с целью повышения (например, цифровой грамотности) не предусматривается. Работнику необходимо самостоятельно восполнять любые имеющиеся у него пробелы и формировать необходимую компетенцию. Исследования показывают, что цифровая грамотность во многом зависит от возраста работника, однако, этот фактор не является определяющим. В целом более молодые работники характеризуются более высоким уровнем цифровой грамотности. Среди работников более старшего возраста чаще встречается средний или низкий уровень цифровой грамотности, обусловленный, помимо прочего, непониманием роли ЦТ и ИКТ в современной экономике и жизни [16]. Простота ЦТ и ИКТ, их ориентированность на широкого и неподготовленного пользователя позволяют облегчить их освоение. Одним из основных требований при разработке такого рода технологий является их простота и естественность, например использование речевого ввода, голосовое управление, интуитивно понятные интерфейсы и т. п. В этой связи решающим фактором является не столько возраст пользователя, сколько технические возможности имеющихся у него устройств и сформировавшиеся у пользователя привычки. Последний фактор необходимо учитывать при взаимодействии с работником и назначении заданий, поскольку он способен оказать непосредственное влияние на степень эффективности работы сотрудника и его взаимодействия с другими сотрудниками организации. Формирование «цифрового интеллекта» и «цифровой культуры» постепенно становится одной из самых обсуждаемых тем в исследованиях, посвященных изменениям в структуре и характеристиках человеческого капитала [17].

Изменение внешних связей компании под влиянием цифровых и информационно-коммуникационных технологий

Цифровая грамотность и умение использовать ЦТ и ИКТ становятся не только важными факторами человеческого капитала – сегодня они формируют основу внешних связей компании. Поиск вероятных партнеров, оценка и принятие решения при их выборе, коммуникации и взаимодействие, подчиняясь общим тенденциям к цифровизации, также все в большей степени основываются на использовании цифровых технологий – онлайн-поиск, электронные письма, общение в мессенджерах, цифровой документооборот, электронные заказы и способы оплаты становятся неотъемлемой характеристикой ведения бизнеса в современной экономике [8].

Для России, по сравнению с другими странами, характерна более высокая степень цифровизации государственных органов и служб. Широкое распространение цифровых способов взаимодействия с ними обуславливает необходимость расширения системы электронного документооборота и электронной отчетности в коммерческих организациях, хотя и очевидно, что темпы развития в этой сфере уступают темпам цифровизации взаимодействия государства и граждан [9].

Наиболее существенные изменения в характеристиках внешних связей компании, вызванные повсеместным распространением ЦТ и ИКТ, произошли в сфере взаимодействия компании с потребителями. Сегодня использование цифровых каналов считается обязательным условием устойчивого развития. Даже для малых и средних предприятий привлечение клиентов, увеличение объемов сбыта и расширение географии рынков обеспечиваются наличием цифрового способа взаимодействия – создания и ведения сайта компании и/или страницы в социальных сетях. Исследования показывают, что сегодня потребитель в боль-

шинстве случаев использует поиск в сети Интернет или социальных сетях для получения информации об интересующем товаре, его выборе и заказе. Предприятия, которые имеют собственные сайт или страницу в социальных сетях, показывают гораздо более высокие результаты с точки зрения роста прибыли и увеличения товарооборота по сравнению с компаниями, не взаимодействующими с клиентами на основе цифровых технологий [14].

Потребитель сегодня готов к цифровому взаимодействию. Более того, общение через страницу, сайт или мессенджер и возможность заказа и оплаты товаров онлайн являются одним из самых важных факторов, влияющих на процесс приобретения товара/заказа услуги [18]. Прежде всего, такие способы взаимодействия характерны для потребителей более молодого возраста: статистические данные показывают, что чаще всего поиск товара/услуги осуществляется в социальных сетях. Крайне важными в процессе выбора являются отзывы других пользователей и рекомендации знакомых или инфлюенсеров [19]. Приоритет отдается продавцам, обеспечивающим полностью цифровизированный процесс покупки, все более важным становится опосредованный контакт (переписка), т. к. телефонные звонки расцениваются как вторжение в личную жизнь и пространство.

Крупные компании, основываясь на маркетинговых исследованиях, изменениях в привычках и поведении потребителей и понимании тенденций в экономике, демонстрируют больше готовности использования ЦТ и ИКТ для организации внешнего взаимодействия. В 2018 г. наличие собственного сайта отмечено у 50% российских компаний и организаций [18]. Постоянно увеличивается число компаний, работающих с партнерами и клиентами через социальные сети (по данным 2020 г., более 50 млн компаний использовали сеть

«Фейсбук» как способ внешнего взаимодействия) [20]. Крайне важными для успешного функционирования сайта/приложения, с точки зрения потребителя, становятся: 1) простота использования и функциональность; 2) обеспечение полного (выбор товара, его оплата и получение) цикла покупки; 3) наличие личного кабинета пользователя с удобными функциональными характеристиками (например, высокие отзывы получили приложения с функцией повторения заказа товара из списка «часто заказываемых» товаров); 4) возможность персонализации (например, выбор крепости кофе и уровня сахара при заказе через приложение) и т. д. [14].

На сегодняшнем рынке внешние отношения компании приобретают сложный характер: в развитии рынка очевидна тенденция к объединению, образованию сложных взаимосвязанных и взаимодействующих структур, в результате чего взаимодействие компании и клиента превращается в один из многочисленных компонентов более глобального взаимодействия человека и экономической системы, системы «открытого банка» и «цифровой личности» [16]. В основе таких явлений лежат платформенные технологии, анализ больших данных, машинное обучение и нейросети, технологии на основе искусственного интеллекта – сейчас они уже широко используются поисковыми системами и социальными сетями при выборе предлагаемых пользователю дополнительных функций, подборе контекстной рекламы и тех товаров и услуг, которые с большей степенью вероятности привлекут внимание конкретного потребителя.

Фактически ЦТ и ИКТ становятся средой обитания современного человека, учитывающей его запросы и предпочтения, особенности его потребительского поведения, особенности его личности, интересы и ценности. В качестве примера вышесказанного можно привести Сбербанк и «Яндекс». Обе компании стремят-

ся превратиться в «среду обитания», постепенно обеспечивая все более широкий спектр внешнего взаимодействия современного потребителя с окружающим миром – от поиска и заказа товаров и услуг до подбора музыкальных композиций и фильмов в соответствии с личными предпочтениями. При этом они используют наиболее передовые технологии: «умные» колонки, голосовые ассистенты, речевые интерфейсы и т. п., т. е. совершается переход от простой реализации производимых продуктов к целостной и системной организации взаимодействия с потребителем.

ЦТ и ИКТ оказывают бесспорное влияние не только на изменения в экономике и экономической деятельности компаний, предприятий и потребителей, но и на трансформацию жизни человека и общества в целом. Повсеместная цифровизация привела к эволюции интеллектуального капитала и, несомненно, вызовет еще более радикальные изменения в его структуре. Уже сейчас при сохранении ранее описанных составляющих ИК – структурного и человеческого капитала, внешних связей компании – можно говорить о радикальном изменении его основных характеристик. Также представляется обоснованным уточнить место инновационного капитала с учетом ЦТ и ИКТ как одного из основных факторов процесса инновации (рис. 2).

Основными источниками формирования интеллектуального капитала, обеспечивающими его развитие, становятся: 1) материальные и нематериальные ресурсы, в которых все большую роль играют уровень образования, знания и квалификации человеческих ресурсов; 2) ЦТ и ИКТ, развитие и распространение которых приводит к изменению не только экономической активности, рынков, цепочек сбыта и ценности, предпочтений и привычек потребителей, производственных процессов, но и образа жизни, интересов и привычек современного человека и среды его обитания (рис. 3).

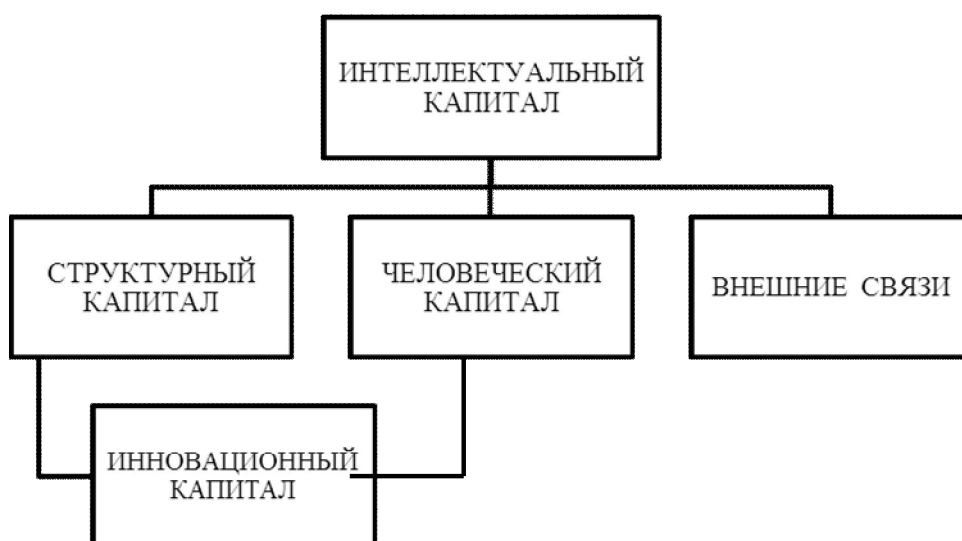

Рис. 2. Структура интеллектуального капитала

Рис. 3. Источники формирования интеллектуального капитала

Выводы

В целом можно сделать вывод, что влияние ЦТ и ИКТ проявляется следующим образом:

– структурный капитал сегодня во многом основывается на использовании цифровых и компьютерных технологий, степень автоматизации производства позволяет минимизировать и даже практически полностью устранить участие чело-

века в производственном процессе, автоматизированные информационные системы становятся основным инструментом создания баз данных, причем компания может использовать как данные, собираемые ее подразделениями, так и данные из открытых источников;

– владение ЦТ становится обязательной характеристикой человеческого капитала, с одной стороны, как основа про-

фессиональной компетенции в связанных с информатикой и программированием областях, с другой – как определенный уровень общей цифровой грамотности, обеспечивающий работнику возможность использования информационных систем, социальных сетей, специализированных сайтов и приложений, программ-мессенджеров для организации собственной деятельности и взаимодействия с клиентами и другими сотрудниками компании. В современной цифровой реальности происходит переход от «цифровой грамотности» к «цифровому интеллекту»;

– внешние связи компании в современной экономической системе претерпевают наиболее существенную трансформацию и практически полностью основываются на использовании ЦТ и ИКТ. Цифровизация всех аспектов жизни приводит к появлению таких понятий, как «цифровая личность», «открытый банк» и «цифровая среда обитания», т. е. способы цифрового взаимодействия компании с внешним миром превращаются в один из компонентов глобальной цифровой среды и служат основой развития нового цифрового образа жизни.

Список литературы

1. Балашова М. А. Интеллектуальный капитал: сущность, способы измерения, критика // Известия Иркутской государственной экономической академии. 2014. № 1. С. 22.
2. Magrassi P. A. Taxonomy of Intellectual Capital. 2020. URL: https://www.researchgate.net/publication/279013374_A_Taxonomy_of_Intellectual_Capital (дата обращения: 10.04.2021).
3. Коречков Ю. В., Леженина Л. А. Информационный капитал как новая форма интеллектуального капитала в экономических моделях цифровой экономики // Вестник Евразийской науки. 2018. Т. 10, № 3. С. 24.
4. Тесленко И. Б., Дигилина О. Б. Инновационное развитие и интеллектуальный капитал // Качество. Инновации. Образование. 2011. № 5. С. 44.
5. Parr R. L. Intellectual Property: Valuation, Exploitation, and Infringement Damages. 5th ed. Hoboken: John Wiley & Sons, 2018. <https://doi.org/10.1002/9781119419235>.
6. Black S. E., Lynch L. M. Measuring organizational capital in the new economy // Measuring capital in the new economy. Chicago: University of Chicago Press, 2005. P. 205-236.
7. Yachmeneva V., Veretyokhin A., Tsarenko N. Improving development management of knowledge-intensive production under the new industrialization // Proceedings of the 2nd International Scientific conference on New Industrialization: Global, national, regional dimension (SICNI 2018), 2018. <https://doi.org/10.2991/sicni-18.2019.93>.
8. The Role of Different Types of Information Systems in Business Organizations: A Review / S. Al-Mamary, H. Hasan, A. Shamsuddin, A. Aziati // International Journal of Research. 2014. N 1. P. 1279-1286.
9. Цветаев С. С. Влияние информационной системы на интеллектуальный капитал компании // Социально-гуманитарные знания. 2012. № 8. С. 331–337.
10. Майстер В. А., Ширинкина Е. В. Роль интеллектуального капитала в технологическом оснащении производства // Надежность и качество сложных систем. 2016. № 1 (13). С. 107-113.
11. Akpınar A., Akdemir A. Intellectual Capital. 2020. URL: https://www.researchgate.net/publication/270270240_INTELLECTUAL_CAPITAL (дата обращения: 18.04.2021).
12. Иродов М. И., Коречков Ю. В. Высшее образование в цифровой экономике // Вестник Евразийской науки. 2018. № 1. С. 13.
13. Goldin C. Human Capital. 2014. URL: https://scholar.harvard.edu/files/goldin/files/human_capital_handbook_of_cliometrics_0.pdf (дата обращения: 15.04.2021).
14. The Ultimate List of Online Business Statistics. 2021. URL: <https://wpforms.com/the-ultimate-list-of-online-business-statistics> (дата обращения: 18.04.2021).
15. Nahapiet J., Ghoshal S. Social Capital, Intellectual Capital, and the Organizational Advantage // The Academy of Management Review. 1998. Vol. 23, N 2. P. 242-266.

16. Birch D. Identity is the New Money. 2014. URL: <http://www.dgwbirch.com/words/books/identity-is-the-newmoney.html> (дата обращения: 25.04.2020).
17. Rahman T., Amalia A., Aziz Z. From Digital Literacy to Digital Intelligence: A Comparative Study of Digital Literacy Frameworks. 2021. URL: https://www.researchgate.net/publication/348903385_From_Digital_Literacy_to_Digital_Intelligence_A_Comparative_Study_of_Digital_Literacy_Frameworks (дата обращения: 12.04.2021).
18. Pandey A., Parmar J. Factors Affecting Consumer's Online Shopping Buying Behavior // Proceedings of 10th International Conference on Digital Strategies for Organizational Success, 2019. <http://doi.org/10.2139/ssrn.3308689>.
19. Žák Št., Hasprová M. The role of influencers in the consumer decision-making process // SHS Web of Conferences, 2020. N 74. P. 03014. <https://doi.org/10.1051/shsconf/20207403014>.
20. Число организаций, имеющих веб-сайт в Интернете. URL: <https://data.gov.ru/opendata/7708234640> (дата обращения: 04.03.2021).

References

1. Balashova M. A. Intellektual'nyi kapital: sushchnost', sposoby izmereniya, kritika [Intellectual capital: nature, measurement, criticism]. *Izvestiya Irkutskoi Gosudarstvennoi Ekonomicheskoi Akademii = Proceedings of the Irkutsk State Economic Academy*, 2014, no. 1, p. 22.
2. Magrassi P. A. Taxonomy of Intellectual Capital. 2020. Available at: https://www.researchgate.net/publication/279013374_A_Taxonomy_of_Intellectual_Capital. (accessed 10.04.2021)
3. Korechkov Yu. V., Lezhenina L. A. Informatsionnyi kapital kak novaya forma intellektual'nogo kapitala v ekonomicheskikh modelyakh tsifrovoi ekonomiki [Informational capital as new form of intellectual capital in economic models of digital economy]. *Vestnik Evraziiskoi nauki = Eurasian Scientific Journal*, 2018, no. 3, p. 24.
4. Teslenko I. B., Digilina O. B. Innovatsionnoe razvitie i intellektual'nyi kapital. [Innovational development and intellectual capital]. *Kachestvo. Innovatsii. Obrazovanie = Quality. Innovation. Education*, 2011, no. 5, p. 44.
5. Parr R. L. Intellectual Property: Valuation, Exploitation, and Infringement Damages. 5th ed. Hoboken, John Wiley & Sons Publ., 2018. <https://doi.org/10.1002/9781119419235>
6. Black S. E., Lynch L. M. Measuring organizational capital in the new economy. Measuring capital in the new economy. Chicago, University of Chicago Press, 2005, pp. 205-236.
7. Yachmeneva V., Veretyokhin A., Tsarenko N. Improving development management of knowledge-intensive production under the new industrialization. Proceedings of the 2nd International Scientific conference on New Industrialization: Global, national, regional dimension (SICNI 2018), 2018. <https://doi.org/10.2991/sicni-18.2019.93>
8. Al-Mamary S., Hasan H., Shamsuddin A., Aziati A. The Role of Different Types of Information Systems in Business Organizations: A Review. *International Journal of Research*, 2014, no. 1, pp. 1279-1286.
9. Tsvetayev S. S. Vliyanie informatsionnoi sistemy na intellektual'nyi kapital kompanii [Influence of information system on company's intellectual capital]. *Sotsialno-gumanitarnye znaniia = Socio-humanitarian Knowledge*, 2012, no. 8, pp. 331-337.
10. Maister V. A., Shirinkina E. V. Rol' intellektual'nogo kapitala v tekhnologicheskoy osnashchenii proizvodstva [Role of intellectual capital in technological provisions for production]. *Nadyozhnost i kachestvo slozhnykh system = Reliability and Quality of Complex Systems*, 2016, no. 1 (13), pp. 107-113.
11. Akpinar A., Akdemir A. Intellectual Capital. 2020. Available at: https://www.researchgate.net/publication/270270240_INTELLECTUAL_CAPITAL. (accessed 18.04.2021)
12. Irodov M. I., Korechkov Yu. V. Vysshee obrazovanie v tsifrovoi ekonomike [Higher education in digital economy]. *Vestnik Evraziiskoi nauki = Eurasian Scientific Journal*, 2018, no. 1, p. 13.
13. Goldin C. Human Capital. 2014. Available at: https://scholar.harvard.edu/files/goldin/files/human_capital_handbook_of_cliometrics_0.pdf. (accessed 15.04.2021)
14. The Ultimate List of Online Business Statistics. 2021. Available at: <https://wpforms.com/the-ultimate-list-of-online-business-statistics>. (accessed 18.04.2021)

15. Nahapiet J., Ghoshal S. Social Capital, Intellectual Capital, and the Organizational Advantage. *The Academy of Management Review*, 1998, vol. 23, no. 2, pp. 242-266.
16. Birch D. Identity is the New Money. 2014. Available at: <http://www.dgwbirch.com/words/books/identity-is-the-newmoney.html>. (accessed 25.04.2020)
17. Rahman T., Amalia A., Aziz Z. From Digital Literacy to Digital Intelligence: A Comparative Study of Digital Literacy Frameworks. 2021. Available at: https://www.researchgate.net/publication/348903385_From_Digital_Literacy_to_Digital_Intelligence_A_Comparative_Study_of_Digital_Literacy_Frameworks. (accessed 12.04.2021)
18. Pandey A., Parmar J. Factors Affecting Consumer's Online Shopping Buying Behavior. Proceedings of 10th International Conference on Digital Strategies for Organizational Success, 2019. <http://doi.org/10.2139/ssrn.3308689>
19. Žák Št., Hasprová M. The role of influencers in the consumer decision-making process. *SHS Web of Conferences*, 2020, no. 74, p. 03014. <https://doi.org/10.1051/shsconf/20207403014>
20. Chislo organizatsii, imeyushchikh veb-sait v Internetе [Number of organizations running website]. Available at: <https://data.gov.ru/opendata/7708234640>. (accessed 04.03.2021)

Информация об авторе / Information about the Author

Злобина Ольга Владимировна, старший преподаватель Гуманитарного факультета, Санкт-Петербургский государственный университет аэрокосмического приборостроения, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация, e-mail: oz90609@gmail.com, ORCID: 0000-0003-2568-7366

Olga V. Zlobina, Senior Lecturer of the Humanitarian Faculty, Saint Petersburg State University of Aerospace Instrumentation, St. Petersburg, Russian Federation, e-mail: oz90609@gmail.com, ORCID: 0000-0003-2568-7366

УДК 338.025

Современный подход в цифровизации процессов управления государственной и муниципальной собственностью

Е. В. Рожков¹ ✉

¹ Уральский государственный экономический университет
ул. 8 марта/ Народной Воли 62/45, г. Екатеринбург 620144, Российская Федерация

✉ e-mail: erozhkov00@bk.ru

Резюме

Актуальность. В современное время вопросы цифровизации имущественного комплекса актуальны как для работы муниципальных органов власти, так и для региональных структур. В сложившейся социально-экономической обстановке после пандемии COVID-19 необходимость цифровизации процессов управления собственностью выходит на уровень «необходимости». Представляется необходимость исследования процессов, связанных с внедрением цифровых платформ управления имуществом на региональном уровне и на уровне отдельно взятого муниципального образования.

Целью статьи является исследование проблем, связанных с внедрением цифровизации при управлении государственной и муниципальной собственностью, а также теоретико-методическое обоснование в необходимости применения современных подходов в процессе управления.

Задачи. Достижение поставленной цели предопределило решение следующих задач: проведение анализа изменений в имущественном комплексе отдельного взятого муниципального образования и региона. Были предложены рекомендации акцентирования на бюджетную политику и выделения денежных ассигнований на «пилотный» проект по внедрению «цифровой» платформы.

Методология. Основой исследования являются методы экспертных оценок, экономико-математического моделирования, а также метода управления.

Результаты. К полученным в ходе исследования результатам представляется необходимым отнести дифференциацию маркетинговых стратегий развития на основе цифровизации управления имуществом, в основном связанным с последствиями пандемии COVID-19. Дана характерная оценка платформы управления с описательной точки зрения М. Эунли, позволяющей наглядно убедиться в достоинствах внедрения цифровых технологий в процессы управления.

Вывод. В настоящее время ввиду отсутствия чёткого инструментария оценки и прогнозирования уровня цифровизации процессов управления имущественным комплексом материалы исследования позволяют проводить экспресс-анализ факторов, которые необходимо учитывать при внедрении цифровых платформ.

Ключевые слова: цифровизация; процессы управления; имущество; цифровая платформа; муниципальная собственность.

Конфликт интересов: В представленной публикации отсутствует заимствованный материал без ссылок на автора и (или) источник заимствования, нет результатов научных работ, выполненных автором публикации лично и (или) в соавторстве, без соответствующих ссылок. Автор декларирует отсутствие конфликта интересов, связанных с публикацией данной статьи.

Для цитирования: Рожков Е. В. Современный подход в цифровизации процессов управления государственной и муниципальной собственностью // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. 2021. Т. 11, № 4. С. 284–293.

Поступила в редакцию 07.06.2021

Принята к публикации 05.07.2021

Опубликована 31.08.2021

© Рожков Е. В., 2021

Modern Approach to Digitalization of State and Municipal Property Management Processes

Evgeniy V. Rozhkov¹ ✉

¹ Ural State Economic University,
62/45 March 8 / Narodnaya Volya str., Yekaterinburg 620144, Russian Federation

✉ e-mail: erozhkov00@bk.ru

Abstract

Relevance. In modern times, the issues of digitalization of the property complex are relevant both for the work of municipal authorities and for regional structures. In the current socio-economic situation after the COVID-19 pandemic, the need to digitize property management processes is reaching the level of "necessity". It seems necessary to study the processes associated with the implementation of digital platforms for property management at the regional level and at the level of a single municipality.

The purpose of the article is to study the problems associated with the introduction of digitalization in the management of state and municipal property, as well as a theoretical and methodological justification for the need to apply modern approaches in the management process.

Objectives. Achievement of this goal predetermined the solution of the following tasks: analysis of changes in the property complex of a particular municipality and region. Recommendations were made to focus on budgetary policy and allocate funds for a "pilot" project to implement a "digital" platform.

Methodology. The research is based on the methods of expert assessments, economic and mathematical modeling, as well as the management method.

Results. It seems necessary to include among the results obtained in the course of the study: the differentiation of marketing development strategies based on the digitalization of property management, mainly related to the consequences of the COVID-19 pandemic. A characteristic assessment of the management platform from the descriptive point of view of M. Eunli is given, which allows you to clearly verify the advantages of introducing digital technologies into management processes.

Conclusion. Currently, in view of the lack of clear tools for assessing and predicting the level of digitalization of property management processes, the research materials allow conducting an expert analysis of the factors that must be taken into account when introducing digital platforms.

Keywords: digitalization; management processes; property; digital platform; municipal property.

Conflict of interest: In the presented publication there is no borrowed material without references to the author and (or) source of borrowing, there are no results of scientific works performed by the author of the publication, personally and (or) in co-authorship, without relevant links. The author declares no conflict of interest related to the publication of this article.

For citation: Rozhkov E. V. Modern Approach to Digitalization of State and Municipal Property Management Processes. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Ekonomika. Sotsiologiya. Menedzhment* = *Proceedings of the Southwest State University. Series: Economics, Sociology and Management*. 2021; 11(4): 284–293. (In Russ.)

Received 07.06.2021

Accepted 05.07.2021

Published 31.08.2021

Введение

В научной литературе современное развитие общества называют информационным или постиндустриальным обществом [1, с. 93]. В нашей стране, как и во всём мире, на первый план выходит феномен цифровизации экономической системы [2, с. 15]. А в последний год мы все это явление ощутили на себе. И связано это было с кардинальными изменениями в экономике и обществе. Изоляция

людей в домашних условиях и объявление месячного простоя на предприятиях любой формы собственности в организациях и компаниях из-за пандемии COVID-19 остановили большинство хорошо отлаженных бизнес-процессов. Некоторым организациям и компаниям пришлось не только приостановить деятельность, но и прекратить её из-за здоровья сотрудников, что привело к снижению вовлечённости людей в различные экономические процессы и понижению

рейтингов в онлайн-поисковиках [3, с. 140].

Сегодня уже можно говорить о том, что технический прогресс и инновации подвели экономику к состоянию, которое создаёт возможности для превращения экономики в хозяйственную плоскость. Это создание базы Big Data [4], с помощью которой можно дать всеобъемлющее описание объектов хозяйства в разнообразных параметрах [5, с. 159]. Сами цифровые технологии вызывают глубокую трансформацию в рыночных отношениях и влияют как на процессы производства, так и на обмен и потребление благ. Под влиянием цифровых технологий трансформируется взаимодействие частного сектора экономики и государственного. А сам процесс предоставления услуг претерпевает такие изменения, которых никогда не было раньше, и всё за счёт влияния цифровизации [6, с. 378].

В условиях рыночной экономики в России большую значимость для сферы услуг приобретает её инновационное развитие, что позволяет укреплять позиции на конкретном рынке и повышать уровень конкурентоспособности, удовлетворять меняющиеся запросы потребителей как на основе уже имеющихся услуг, так и внедряя новые, современные услуги [7, с. 120].

В классическом понимании цифровая экономика – это экономика, основанная на цифровых компьютерных технологиях, и соответственно развивающий онлайн-бизнес во всех сферах, в т. ч. по управлению собственностью [8, с. 245].

Использование информационных систем в управлении как важная часть развития цифровой экономики может значительно повысить эффективность управленческого учёта. Соответственно при имеющемся спросе появляется и предложение, и на рынке информационных систем уже представлено большое количество частных компаний, работающих в данной сфере деятельности и предоставляющих свои услуги [9, с. 170].

Государственная и муниципальная собственность может рассматриваться во взаимосвязи, т. к. содержательно составляют единый имущественный комплекс на определённой территории [10].

В состав региональных программ «Цифровые технологии» включены мероприятия по мониторингу внедрения цифровых технологий и платформенных решений в систему государственного и муниципального управления, а также в государственный и муниципальный сектор экономики [11]. А качество управления развитием региона, являющегося совокупностью действий, направленных на достижение целевых ориентиров регионального развития и гибко адаптируемых к изменяющимся рыночным условиям, определяет эффективность и конкурентоспособность функционирования экономики [12, с. 52].

Материалы и методы

Экономическая наука позволяет нам отдать предпочтение методу экспертных оценок ввиду наметившихся в последнее время тенденций активного привлечения экспертного сообщества к оценке тенденций социально-экономического развития регионов в условиях цифровизации общества [13, с. 277].

Теоретико-методологические положения иерархического анализа послужили основой для проведения исследований индивидуального и многоаспектного характера развития воспроизводственных процессов в территориальных социально-экономических системах. Необходимость решения проблемы экономико-математического моделирования иерархически скоординированных воспроизводственных взаимодействий данных систем – решение такой проблемы возможно при разработке целостной методологии экономико-математического моделирования, позволяющей глубоко и с высокой степенью достоверностью измерять результаты функционирования экономических процессов и управления ими [14; 15].

Методика эффективного управления региональной и муниципальной собственностью рассматривалась автором в ранее опубликованных работах [16; 17] и заключается в повышении эффективности деятельности государственных унитарных предприятий, муниципальных унитарных предприятий, хозяйственных обществ, акции (доли) которых находятся в собственности региона и муниципального образования соответственно, повышении доходной части бюджетов (Пермского края и

города Перми), разработке и утверждение и дорожных карт по оптимизации механизмов управления объектов собственности организаций с государственным и муниципальным участием [10].

Результаты и обсуждение

На региональном уровне автор статьи обращает внимание на количество предприятий, распределённых по формам собственности (табл. 1).

Таблица 1. Предприятия в Пермском крае на 1 января 2019 г. [18]

Формы собственности	Значение
Всего	70180
Российская собственность:	
– государственная собственность	1350
– муниципальная собственность	3699
– собственность общественных и религиозных организаций (объединений)	2257
– частная собственность	61983
Смешанная российская собственность	
Иностранная собственность	891
Совместная российская и иностранная собственность	

В таблице 1 представлены данные по формам собственности предприятий Пермского края по данным на 1 января 2019 г., и как видно из приведённых показателей, большая их часть (88,3 %) в количественном выражении – это 61983 предприятия и компании, находящиеся в частной собственности [19], что в свою очередь характеризуется общей тенденцией в экономическом развитии региона.

Как показал 2020 г., предприятия, находящиеся в государственной собственности, и предприятия (компании) с государственным участием являются более устойчивыми к стрессам в экономике, чем предприятия, находящиеся в 100 % частной собственности.

Как пример, на уровне муниципального образования, приведём собственность местных органов власти в Перми. Имущественный комплекс муниципального образования «Город Пермь» можно представить ниже (табл. 2).

Как видно из представленных данных в таблице 2 по муниципальной собственности г. Перми на начало 2020 г., по недвижимому имуществу наибольшее количество (19850 единиц) относится к объектам инженерной инфраструктуры, наибольшей балансовой стоимостью – 19813 млн руб. Из движимого имущества количество единиц транспортных средств (813) меньше, чем прочего движимого имущества (2543). Из муниципальных предприятий и учреждений наибольшее количество занимают автономные учреждения (321), а наименьшее количество – муниципальные предприятия – 7 шт.

По мнению [11], Пермский край уверенно вступил в процесс цифровых преобразований в экономике. Концепция цифрового развития Пермского края призвана создать условия для ускоренного развития экономики и общества региона на основе разработки и масштабного распространения информационных и телекоммуникационных технологий и услуг [11].

Таблица 2. Имущественный комплекс г. Перми на 01.01.2020 г.

Наименование	Кол-во	Площадь, тыс. кв. м.	Протяжён- ность, км	Балансовая сто- имость, млн руб.
1. Недвижимое имущество:				
– жилой фонд	19 234	826,7	–	10 130
– нежилой фонд	3 292	2 050,0	–	19 100
– объекты инженерной инфраструктуры	19 850	–	5 614	19 813
– сооружения	724	–	843	18 347
– земельные участки	2 505	12 321	–	9 577
2. Движимое имущество:				
– транспортные средства	813	–	–	–
– прочее движимое имущество	2 543	–	–	–
3. Муниципальные предприятия и учре- ждения:				
– муниципальные предприятия	7	–	–	–
– автономные учреждения	321	–	–	–
– бюджетные учреждения	31	–	–	–
– казённые учреждения	60	–	–	–

По мнению В. Ж. Дубровского, объекты инфраструктуры, создаваемые за счёт государственных средств, а в особенности в рамках государственно-частного партнёрства, – это тот механизм, с помощью которого решается проблема рационального размещения производительных сил и обеспечивается снижение транзакционности территории как результат снижения фоновых транзакционных издержек в пределах региона [20, с. 22]. Этой же теории придерживался и автор, когда делал выступление на заседании комиссии по выбору мэра г. Перми в 2021 г. в отношении строительства нового моста через р. Кама в центре города, предложив будущим строителям сэкономить 1 млрд руб.

Необходимо отметить активность городских жителей в информационном пространстве. Новые цифровые коммуникационные технологии формируют условия для «рассеивания» власти (в данном контексте можно понимать как власть над собственностью), т. е. уже сейчас они способствуют перераспределению власти от государственных и муниципальных структур к общественным институтам и к людям [21, с. 185] (пользу-

ющихся услугами по использованию государственной и (или) муниципальной собственности).

Несмотря на то, что в Пермском крае утверждена Концепция цифрового развития, приведём пример зарубежных разработок в области цифровизации планирования муниципального образования, которые учитывают не только статистические данные по социально-экономическому положению населения, но и динамику и качество оказываемых государственных услуг. Их (зарубежные) программы цифровизации имеют более высокий уровень программного обеспечения по сравнению с российскими разработками и позволяют формировать сложные множественные сценарии развития муниципального образования [22, с. 36].

Так, например, в ряде регионов уже действует программный комплекс «Муниципальное самоуправление-СМАРТ», осуществляющий автоматизацию местного самоуправления для местных администраций. На региональном уровне должны приниматься решения о необходимости создания единой информационной системы муниципальных образований, интегрирующей в себе информационное

хранилище, а также эффективные инструменты работы с ним на базе современных технологий [22, с. 36].

Управление и региональной, и муниципальной собственностью вполне может осуществляться с помощью цифровых платформ. Самые простые составляющие платформы описаны М. Эунли [23] в виде

двух сторон: спроса и предложения, объединённые через экосистему и использующие алгоритмы платформы, её операционные возможности с целью повышения своей конкурентоспособности и достижения экономических целей [24, с. 30] (рис.).

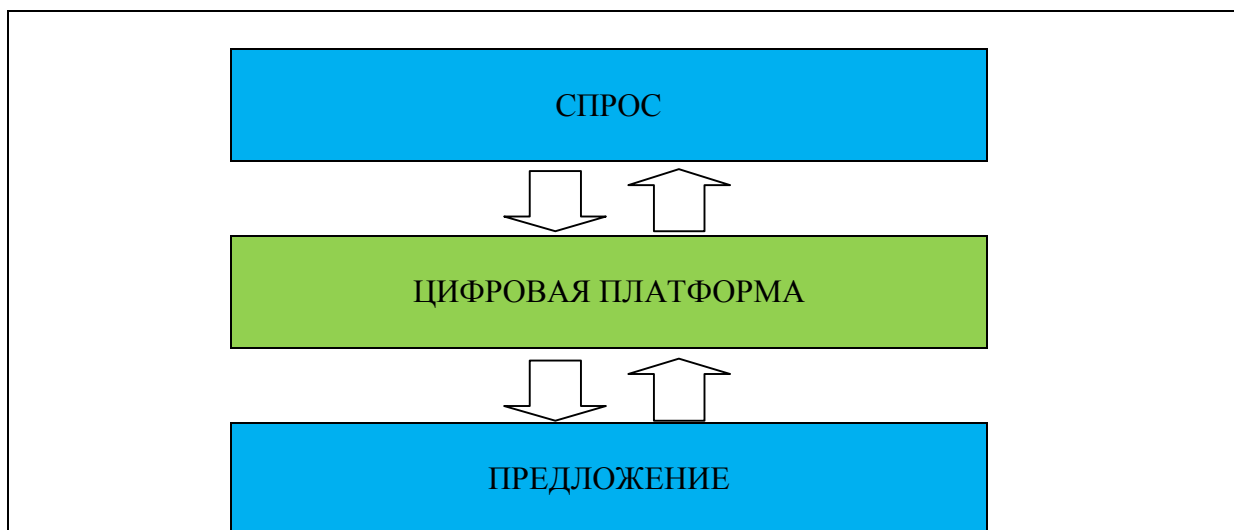

Рис. Платформа (по М. Эунли) [23]

Взаимодействие участников со стороны спроса (потребитель – население) и со стороны предложения (государственные и муниципальные структуры) в отношении управления государственной и муниципальной собственностью приводит к влиянию их друг на друга благодаря взаимодействию цифровой платформы, которое пропорционально растёт с увеличением связей между ними [24, с. 31].

Использование цифровых платформ – это новый способ взаимодействия между государственными (муниципальными) структурами и бизнесом. Цифровые платформы обладают рядом больших возможностей для развития большого количества сфер социально-экономической деятельности [25, с. 52].

Выводы

Результаты исследования, приведённые автором, показывают, что внедрение цифровизации (цифровых платформ по

управлению государственным и муниципальным имуществом в разных регионах, а тем более муниципальных образованиях) происходит с разной интенсивностью, в основном это связано с объёмом выделяемых денежных средств из бюджетов всех уровней.

Несмотря на сложности с реализацией новых программ финансирования в Пермском крае и г. Перми в связи с высокими затратами бюджетов на решение экономических проблем, вызванных пандемией COVID-19, не вопреки, а, скорее всего, из-за социально-экономических проблем, возникших в 2020 г., в соответствии с Концепцией цифрового развития региона, постепенно внедряются цифровые технологии в процессы управления.

Современный менеджмент, который занимается процессами управления государственным и(или) муниципальным имуществом, понимает, что реализация «пилотных» проектов на региональном

уровне по внедрению единой цифровой платформы управления собственностью позволит органам власти на местах преобразовать потоки аналоговых данных в цифру и перевести имеющиеся коммуникации в компьютерные технологии, – это

будет первым шагом к достижению цели. Далее, необходимо будет завершить автоматизацию всех процессов (в инфраструктуре) и обеспечить современным оборудованием с поддержкой цифровых технологий.

Список литературы

1. Миронов Д. С., Шайбакова Л. Ф. Институциональные детерминанты и проблемы формирования инновационной экономики Российской Федерации // Наука и бизнес: пути развития. 2019. № 3 (93). С. 93-97.
2. Грегченко А. А., Деменко О. Г., Савина Н. П. Оценка готовности экономики России к внедрению цифровых технологий // Плехановский научный бюллетень. 2018. № 2(14). С. 14 - 20.
3. Киреева М. С., Клевцова М. Г. Цифровые маркетинговые стратегии организаций в условиях посткризисной трансформации экономики // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. 2021. Т. 11, № 2. С. 138-151.
4. Richterich A. The Big Data Agenda. London: Published by University of Westminster Press, 2018. P. 1.
5. Иохин В. Я. Влияние цифровизации на экономику, общество и государство // Научно-аналитический вестник ИЕ РАН. 2020. № 3. С. 62-67.
6. Миролубова Т. В., Карлина Т. В., Николаев Р. С. Цифровая экономика: проблемы идентификации и измерений в региональной экономике // Экономика региона. 2020. Т. 16, вып. 2. С. 377-390.
7. Логинов М. П., Усова Н. В. Особенности управления инновациями в сфере услуг // Вестник Челябинского государственного университета. 2019. № 3 (425), вып. 64. С. 120-131.
8. Ткаченко И. Н., Стариков Е. Н. Цифровая экономика: основные тренды и задачи развития // Известия Саратовского университета. Новые серии. Серия: Экономика. Управление. Право. 2020. Т. 20, вып. 3. С. 244-255.
9. Виноградова Е. Ю., Галимова А. И. Информационная система планирования и управления предприятием как элемент цифровой экономики // Фундаментальные и прикладные исследования в области управления, экономики и торговли: сборник трудов научной и учебно-практической конференции: в 3 ч. / Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого. СПб., 2017. С. 168-176.
10. Касаткина Е. А. Характеристика использования региональной собственности в современных условиях // Вестник Удмуртского университета. 2021. Т. 31, вып. 1. С. 12-20.
11. Свиридова В. В. Мониторинг внедрения цифровых технологий в экономическую и социальную сферы регионов // MODERN SCIENCE. 2020. № 8-2. С. 316 - 320.
12. Булочников П. А. Анализ эффективности формирования стратегии развития региона // Петербургский экономический журнал. 2021. № 1. С. 51-59.
13. Логачева Н. А. Профиль цифровой трансформации региона как качественная характеристика уровня цифрового развития // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. 2021. Т. 11, № 2. С. 275-285.
14. Конкурентоспособность и управление развитием национальной и региональной экономики: синтез иерархического и институционального анализа / Е. В. Базуева, Е. Е. Жуланов, Т. В. Карлина, Т. Ю. Ковалева, Т. В. Миролубова, Д. Н. Шульц // Вестник Пермского университета. Серия: Экономика. 2016. № 1 (28). С. 7-40.
15. Жуланов Е. Е. Экономико-математическое моделирование воспроизводственных взаимодействий территориальных социально-экономических систем: монография / Пермский национальный исследовательский политехнический университет. Пермь, 2014. 564 с.

16. Рожков Е. В. Применение теории экономики права к процессам приватизации государственного имущества // Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. Социально-экономические науки. 2015. № 3. С. 85-90.
17. Рожков Е.В. Совершенствование системы управления собственностью на уровне муниципалитетов // Вопросы региональной экономики. 2020. № 3. С. 88-97.
18. Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Пермскому краю. URL: <http://www.permstat.gks.ru> (дата обращения: 17.05.2021).
19. Kyfyak V. The Strategic Components of the Institutional Mechanism of the Agricultural Sector of the Economy of Ukraine // Ecoforum Journal. 2015. Vol. 4, N 1. P. 1.
20. Дубровский В. Ж., Кузьмин Е. А. Трансакционные издержки и трансакционность экономической системы // Экономика и управление. 2013. № 18 (297). С. 18-25.
21. Михайленок О. М., Назаренко А. В. Публичная политика, развитие и институты: логика сопряжения смыслов и «забытые вещи» в новой бытийной реальности // Полис. Политические исследования. 2020. № 1. С. 179-191.
22. Корниенко Е. Л., Абрамов А. В. Информационные технологии в прогнозировании и планировании развития муниципального образования (на примере города Челябинска) // Умные технологии в современном мире: материалы юбилейной Всероссийской научно-практической конференции, посвящённой 75-летию Южно-Уральского государственного университета, 20-23 ноября 2018 г. / Южно-Уральский государственный университет. Челябинск, 2018. Т. 1. С. 33-38.
23. Uenlue M. The Complete to the Revolutionary Platform Business Model. URL: <https://www.innovationactics.com/platform-business-model-complete-guide> (дата обращения: 03.05.2021).
24. Федорова Т. А. Цифровые бизнес-модели: цифровые платформы, разновидности и функции // Znanstvena misel journal. 2019. № 3. С. 28-33.
25. Репешко Ю. А., Степаненко Д. А. К вопросу о развитии государственных цифровых платформ // Стратегии бизнеса: анализ, прогноз, управление. 2021. Т. 9, № 2. С. 49-52.

References

1. Mironov D. S., Shaibakova L. F. Institutsional'nye determinanty i problemy formirovaniya innovatsionnoi ekonomiki Rossiiskoi Federatsii [Institutional determinants and problems of the formation of the innovative economy of the Russian Federation]. *Nauka i biznes: puti razvitiya = Science and Business: Ways of Development*, 2019, no. 3 (93), pp. 93-97.
2. Gretchenko A. A., Demenko O. G., Savina N. P. Otsenka gotovnosti ekonomiki Rossii k vnedreniyu tsifrovyykh tekhnologii [Assessment of the readiness of the Russian economy for the implementation of digital technologies]. *Plekhanovskii nauchnyi byulleten' = Plekhanov Scientific Bulletin*, 2018, no. 2 (14), pp. 14 - 20.
3. Kireeva M. S., Klevtsova M. G. Tsifrovye marketingovyie strategii organizatsii v usloviyakh postkrizisnoi transformatsii ekonomiki [Digital marketing strategies of organizations in the post-crisis transformation of the economy]. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Ekonomika. Sotsiologiya. Menedzhment = Proceedings of the Southwest State University. Series: Economics, Sociology and Management*, 2021, vol. 11, no. 2, pp. 138-151.
4. Richterich A. The Big Data Agenda. London, Published by University of Westminster Press, 2018, p. 1.
5. Iokhin V. Ya. Vliyanie tsifrovizatsii na ekonomiku, obshchestvo i gosudarstvo [Influence of digitalization on the economy, society and the state]. *Nauchno-analiticheskii vestnik IE RAN = Scientific-Analytical Bulletin of the Institute of Europe RAS*, 2020, no. 3, pp. 62-67.
6. Mirolyubova T. V., Karlina T. V., Nikolaev R. S. Tsifrovaya ekonomika: problemy identifikatsii i izmerenii v regional'noi ekonomike [Digital economy: problems of identification and measurement in the regional economy]. *Ekonomika regiona = Economy of the Region*, 2020, vol. 16, no. 2, pp. 377-390.
7. Loginov M. P., Usova N. V. Osobennosti upravleniya innovatsiyami v sfere uslug [Features of innovation management in the service sector] *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of the Chelyabinsk State University*, 2019, no. 3 (425), is. 64, pp. 120-131.

8. Tkachenko I. N., Starikov E. N. Tsifrovaya ekonomika: osnovnye trendy i zadachi razvitiya [Digital economy: main trends and development objectives]. *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novye serii. Seriya: Ekonomika. Upravlenie. Pravo = Proceedings of the Saratov University. New Series. Series: Economy. Management. Right*, 2020, vol. 20, no. 3, pp. 244-255.

9. Vinogradova E. Yu., Galimova A. I. [Information system of planning and enterprise management as an element of the digital economy]. *Fundamental'nye i prikladnye issledovaniya v oblasti upravleniya, ekonomiki i trgovli. Sbornik trudov nauchnoi i uchebno-prakticheskoi konferentsii [Fundamental and applied research in the field of management, economics and trade. Collection of works of the scientific and educational-practical conference]*. St. Petersburg, St. Petersburg Polytechnic University of Peter the Great Publ., 2017, pp. 168-176. (In Russ.)

10. Kasatkina E. A. Kharakteristika ispol'zovaniya regional'noi sobstvennosti v sovremennykh usloviyakh [Characteristics of the use of regional property in modern conditions]. *Vestnik Udmurtskogo universiteta = Bulletin of the Udmurt University*, 2021, vol. 31, is. 1, pp.12-20.

11. Sviridova V. V. Monitoring vnedreniya tsifrovyykh tekhnologii v ekonomicheskuyu i sotsial'nyuyu sfery regionov [Monitoring the implementation of digital technologies in the economic and social spheres of the regions]. *MODERN SCIENCE*, 2020, no. 8-2, pp. 316 - 320.

12. Bulochnikov P. A. Analiz effektivnosti formirovaniya strategii razvitiya regiona [Analysis of the effectiveness of the formation of the development strategy of the region]. *Peterburgskii ekonomicheskii zhurnal = St. Petersburg Economic Journal*, 2021, no. 1, pp. 51-59.

13. Logacheva N. A. Profil' tsifrovoy transformatsii regiona kak kachestvennaya kharakteristika urovnya tsifrovogo razvitiya [Profile of digital transformation of the region as a qualitative characteristic of the level of digital development]. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Ekonomika. Sotsiologiya. Menedzhment = Proceedings of the Southwest State University. Series: Economics, Sociology and Management*, 2021, vol. 11, no. 2, pp. 275-285.

14. Bazueva E. V., Zhulanov E. E., Karlina T. V., Kovaleva T. Yu., Mirolubova T. V., Shultz D. N. Konkurentosposobnost' i upravlenie razvitiem natsional'noi i regional'noi ekonomiki: sintez ierarhicheskogo i institutsional'nogo analiza [Competitiveness and development management of the national and regional economy: synthesis of hierarchical and institutional analysis]. *Vestnik Permskogo universiteta. Seriya: Ekonomika = Bulletin of Perm University. Series: Economics*, 2016. no. 1 (28). pp. 7-40.

15. Zhulanov E. E. Ekonomiko-matematicheskoe modelirovanie vosпроизvodstvennykh vzaimodeistvii territorial'nykh sotsial'no-ekonomicheskikh sistem [Economic and mathematical modeling of reproductive interactions of territorial socio-economic systems]. Perm, Perm National Research Polytechnic University Publ., 2014. 564 p.

16. Rozhkov E. V. Primenenie teorii ekonomiki prava k protsessam privatizatsii gosudarstvennogo imushchestva [Application of the theory of economics of law to the processes of privatization of state property]. *Vestnik Permskogo natsional'nogo issledovatel'skogo politekhnicheskogo universiteta. Sotsial'no-ekonomicheskie nauki = Bulletin of the Perm National Research Polytechnic University. Socio-Economic Sciences*, 2015, no. 3, pp. 85-90.

17. Rozhkov E. V. Sovershenstvovanie sistemy upravleniya sobstvennost'yu na urovne munitsipalitetov [Improving the property management system at the level of municipalities]. *Voprosy regional'noi ekonomiki = Issues of Regional Economics*, 2020, no. 3, pp. 88-97.

18. Territorial'nyi organ Federal'noi sluzhby gosudarstvennoi statistiki po Permskomu krayu [Territorial body of the Federal State Statistics Service for the Perm Region]. Available at: <http://www.permstat.gks.ru>. (accessed 17.05.2021)

19. Kyfyak V. The Strategic Components of the Institutional Mechanism of the Agricultural Sector of the Economy of Ukraine. *Ecoforum Journal*, 2015, vol. 4, no. 1, p. 1.

20. Dubrovsky V. Zh., Kuzmin E. A. Transaktsionnye izderzhki i transaktsioemkost' ekonomicheskoi sistemy [Transaction costs and transaction intensity of the economic system]. *Ekonomika i upravlenie = Economics and Management*, 2013, no. 18 (297), pp. 18-25.

21. Mikhailenok O. M., Nazarenko A. V. Publichnaya politika, razvitie i instituty: logika sopryazheniya smyslov i "zabytye veshchi" v novoi bytiinoi real'nosti [Public policy, development and institutions: the logic of conjugation of meanings and "forgotten things" in the new reality of being]. *Polis. Politicheskie issledovaniya = Polis. Political Studies*, 2020, no. 1, pp. 179-191.

22. Kornienko E. L., Abramov A. V. [Information technologies in forecasting and planning the development of a municipal formation (on the example of the city of Chelyabinsk)]. *Umnye tekhnologii v sovremennom mire. Materialy yubileinoi Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, posvyashchennoi 75-letiyu Yuzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta*, 20-23 noyabrya 2018 g. [Smart technologies in the modern world. Materials of the jubilee All-Russian scientific and practical conference dedicated to the 75th anniversary of the South Ural State University, November 20-23, 2018]. Chelyabinsk, South Ural State University Publ., vol. 1, pp. 33-38. (In Russ.)
23. Uenlue M. The Complete to the Revolutionary Platform Business Model. Available at: <https://www.innovationactics.com/platform-business-model-complete-guide>. (accessed 03.05.2021)
24. Fedorova T. A. Tsifrovye biznes-modeli: tsifrovye platformy, raznovidnosti i funktsii [Digital business models: digital platforms, varieties and functions]. *Znanstvena misel journal*, 2019, no. 3, pp. 28-33.
25. Repeshko Yu. A., Stepanenko D. A. K voprosu o razvitiі gosudarstvennykh tsifrovyykh platform [On the development of state digital platform]. *Strategii biznesa: analiz, prognoz, upravlenie = Business Strategies: Analysis, Forecast, Management*, 2021, vol. 9, no. 2, pp. 49-52.

Информация об авторах / Information about the Authors

Рожков Евгений Викторович, аспирант кафедры экономики предприятий, Уральский государственный экономический университет, г. Екатеринбург, Российская Федерация, e-mail: erozhkov00@bk.ru

Evgeniy V. Rozhkov, Post-Graduate Student of the Department of Economics of Enterprises, Ural State Economic University, Russian Federation, e-mail: erozhkov00@bk.ru

К СВЕДЕНИЮ АВТОРОВ

1. К публикации в журнале «Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент» принимаются актуальные материалы, содержащие новые результаты научных и практических исследований, соответствующие профилю журнала, не опубликованные ранее и не переданные в редакции других журналов.

2 Авторы статей должны представить в редакцию журнала:

- статью, оформленную в соответствии с правилами оформления статей, представляемых для публикации в журнале;

- разрешение на опубликование в открытой печати статьи от учреждения, в котором выполнена работа.

- сведения об авторах (фамилия, имя отчество, место работы, должность, ученая степень, звание, почтовый адрес, телефон, e-mail);

- лицензионный договор.

3. Бумажный вариант статьи подписывается всеми авторами.

4. Редакция не принимает к рассмотрению рукописи, оформленные не по правилам.

5. **Публикация бесплатная.**

6. Основной текст рукописи статьи (кроме аннотации и ключевых слов) набирают в текстовом редакторе MS WORD шрифтом «Times New Roman» размером 14 пт с одинарным интервалом, выравнивание по ширине. Поля с левой стороны листа, сверху и снизу – 2,5 см, с правой стороны – 2 см. Абзацный отступ – 1,5 см.

7. Схема построения публикации: УДК (индекс по универсальной десятичной классификации), фамилия и инициалы автора(ов), места работы (полностью), почтового адреса места работы, электронного адреса (телефона), название (полужирный), аннотация и ключевые слова, текст с рисунками и таблицами, список литературы. Авторы, название, аннотация и ключевые слова, список литературы приводятся на русском и английском языках.

Перед основным текстом печатается аннотация (200-250 слов), отражающая краткое содержание статьи. Аннотация должна быть рубрицирована (актуальность, цель, задачи, методология, результаты, выводы). Текст статьи должен иметь следующую структуру: введение, материалы и методы, результаты и их обсуждение, выводы (рекомендации).

Например:

УДК 004.9:519.8

**Построение модели прогнозирования обеспеченности кадрами
градообразующего предприятия**

А.Л. Иванов¹ ✉

¹ Юго-Западный государственный университет
ул. 50 лет Октября 94, г. Курск, 305040, Российская Федерация

✉ e-mail: ivanov@gmail.com

Актуальность. В статье рассматривается агентная модель прогнозирования обеспеченности кадрами градообразующего предприятия, основанная на структуризации поведения агента и определения влияния его внутреннего представления об окружающем мире на его деятельность.

...

Ключевые слова: агентное моделирование; градообразующее предприятие; событие.

В конце статьи приводятся сведения об авторе(ах) на русском и английском языках: фамилия, имя, отчество полностью, ученое звание, ученая степень, должность, организация, город, страна, e-mail, ORCID, ResearcherID и т.д.

8. При формировании текста не допускается применение стилей, а также внесение изменения в шаблон или создание собственного шаблона. Слова внутри абзаца следует разделять одним пробелом; набирать текст без принудительных переносов; не допускаются разрядки слов.

12. **Список литературы к статье обязателен** и должен содержать все цитируемые и упоминаемые в тексте работы (не менее 10). Пристатейные библиографические списки оформляются в соответствии с ГОСТ Р 7.0.5-2008. «Библиографическая ссылка. Общие требования и правила составления». Ссылки на работы, находящиеся в печати, не допускаются. При ссылке на литературный источник в тексте приводится порядковый номер работы в квадратных скобках.

13. В материале для публикации следует использовать только общепринятые сокращения.

Все материалы направлять по адресу: 305040, г.Курск, ул. 50 лет Октября, 94. ЮЗГУ, редакционно-издательский отдел.

Тел.(4712) 22-25-26, тел/факс (4712) 50-48-00.

E-mail: rio_kursk@mail.ru

Изменения и дополнения к правилам оформления статей и информацию об опубликованных номерах можно посмотреть на официальном сайте журнала: <https://swsu.ru/izvestiya/serieconom/>.